

**АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ**

МАКСИМ ГОЛИЦЫН

ВСЕ ИСТОЧНИКИ БЕЗДНЫ

После трагической гибели Андрея Панина от шальной пули его жена Лиза обнаруживает среди вещей мужа сумку с пистолетом и ста тысячами долларов. Неожиданная находка заставляет ее задуматься, был ли Андрей тем человеком, за которого себя выдавал, — примерным семьянином и талантливым ученым-астрофизиком. Стремительно развивающиеся события подводят Лизу к пониманию того, что Панин вообще не был человеком, и теперь смертельная опасность угрожает ей и ее сыну Максиму.

Максим Голицын

Все источники бездны

АБСОЛЮТНОЕ

О Р У Ж И Е

МАКСИМ ГОЛИЦЫН

ВСЕ ИСТОЧНИКИ БЕЗДНЫ

Все персонажи — плод воображения автора. Сходство с реальными лицами, разумеется, совершенно случайно.

... Тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал... в то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим и они стали рождать

им... И воззрел Бог на землю, и вот: она растленна, ибо всякая плоть извратила путь свой на земле...

... в сей день разверзлись все источники великой бездны и окна небесные отворились.

Бытие, гл. 6,7.

Стоило Хадсону выйти из прохлады здания аэропорта, полуденное афинское солнце обрушилось на него, как удар кулака. Он поспешно зажмурился, нашаривая в нагрудном кармане темные очки, но, когда он, надев их, решился наконец открыть глаза, окрестный пейзаж застилала вращающиеся багровые пятна.

Поэтому он не сразу заметил приближающегося к нему мужчину. Тот был в штатском, но что-то неуловимо выдавало в нем человека служивого — то ли военная выправка, то ли неосознанная властность в повадках.

— Лейтенант Ясон Леонидес, — представился подошедший.

Хадсон молча протянул ему удостоверение.

Тот бросил на него беглый взгляд.

— Очень приятно, инспектор Хадсон.

Они торопливо обменялись рукопожатиями, как люди, которых связывает на короткий срок совместная работа.

— Машина ждет.

Черный, лаково блестящий автомобиль замер на раскаленном асфальте, напоминая разомлевшего на солнцепеке жука.

«Покрасить его в другой цвет не могли, что ли?» — раздраженно подумал Хадсон. От машины несло жаром, точно от раскаленной печки.

Но когда они забрались в полутемное нутро автомобиля, оказалось, что дело обстоит не так уж плохо: работал кондиционер.

— Летом всегда жарко, — извинился за местный климат Леонидес. Он говорил по-английски свободно, хоть и с ощутимым акцентом.

Хадсон воспринял это сообщение благосклонно.

— Ничего, — успокоил он спутника. — Я бывал в переделках и похуже. Это все-таки не пустыня Негев.

Машина влилась в поток таких же жуков, снующих взад-вперед по магистрали, пересекла раскаленный лабиринт городских улиц и вновь погрузилась в сонную одурь предместья.

«А тут шикарный район», — подумал Хадсон. Белые виллы тонули в зелени, которую лишь подчеркивала траурная чернь кипарисов.

У одной из таких вилл на склоне горы машина остановилась. Сержант, дежуривший у пропускного пункта, обменялся с Леонидесом несколькими короткими греческими фразами и отворил ворота. Машина въехала внутрь и покатила по подъездной аллее к белой, увитой бугенвиллиями террасе.

Почему-то при виде роскошного дома и отливающего лазурью бассейна на лужайке Хадсон ощутил смутное раздражение. Нужно быть жуликом международного масштаба или мафиозным боссом, чтобы жить в подобной роскоши, — среднему человеку такого сроду не займет, будь он даже агент Интерпола с солидным стажем.

Но когда десять минут спустя он разглядывал лежащее на полу тело, зависть его испарилась.

— Здорово, — пробормотал он.

— Да уж, — ответил коренастый черноволосый человек, философски оглядев мертвеца.

Потом он перевел взгляд выпуклых черных глаз на Хадсона и представился:

— Комиссар Костанди.

— Хадсон, — вновь машинально отозвался Хадсон. И, сразу переходя к делу, спросил: — И что мы имеем?

— Ну, вы были правы, — отозвался Костанди. — Лицо изуродовано до неузнаваемости, но что такое в наше время лицо... А отпечатки пальцев совпали с хранящимися в картотеке Интерпола. Это действительно Швед.

— Остается только уточнить, кто он на самом деле такой, — проворчал Хадсон.

— По документам он гражданин Сербии Гуго Вукович. Коммерсант. Бог его знает, чем торгует. Большинство тех, кто тут живет, не ангелы. Мы особо и не присматривались, но после всей этой стрельбы...

— Как это произошло? — перебил Хадсон. Он чувствовал нарастающую усталость: многочасовой перелет давал о себе знать.

— Вилла стоит на отшибе. А в роще часто стреляют — дроздов бьют. Формально это запрещено, но кто на это смотрит... — Костанди пожал плечами. — Утром почтальон обнаружил, что охраны у ворот нет. А виллу стерегли, что ваш форт Нокс. Часовой на башне, двое у ворот. Он, не будь дурак, внутрь входить не стал: о местной публике давно дурные слухи ходят. Но полицию вызвал. Я, когда увидел, что тут творится, едва в себя пришел. А мы люди привычные.

— А где остальные?

— Мы увезли их. Жара, — виновато пояснил он. — Вот Шведа вам оставили. Полюбоваться.

— На что уж тут любоваться, — сказал Хадсон сквозь зубы.

— Да, — жизнерадостно подтвердил Костанди, — здорово его отделали. И знаете, что самое забавное?

— Ну? — кисло спросил Хадсон.

— Никаких новомодных штучек. Никаких винтовок с лазерным прицелом, никакой оптики. Наши эксперты уже извлекли пули — из охранников, я имею в виду. Судя по всему, всех положили из одного и того же оружия. Пистолет «глок». С близкого расстояния. Этому вот башку разнесло.

— Одним и тем же оружием? — настороженно спросил Хадсон.

— Да. Судя по всему... — он покачал головой. — Не верится, конечно, но, похоже, тут убийца в одиночку действовал. Пять человек наружной охраны, шесть в доме. Сигнализация. По ограде сверху пропущен ток высокого напряжения. Как вам это нравится?

— Мне это совсем не нравится, — сквозь зубы проговорил Хадсон.

— У вас есть какие-то соображения? Не хотел бы я оказаться с этим типом один на один!

Хадсон поглядел на него.

— Вам слово «ирбис» ничего не говорит?

Костанди недоуменно вытаращил глаза.

— Ирбис, снежный барс, — пояснил Хадсон. — Вообще-то это кличка. Так вот — похоже на его почерк. Он — редкая птица. Берется только за те дела, которые не под силу остальным исполнителям. И всегда в одиночку. Это-то и паршиво. Никто не может описать, как он выглядит. Кто он вообще такой. По некоторым догадкам, он из Восточной Европы.

— Русский след, а? — оживился Костанди.

— Возможно, — сдержанно сказал Хадсон. — Так вот, Швед — никакой не Гуго Вукович. Его настоящая фамилия, по последним данным, Заболотный. И одно время он отмывал деньги, полученные на поставках оружия на Ближний Восток. Потом, видимо, почуял, что земля горит под ногами, прибрал к рукам крупную сумму и ушел в бега. Занимался наркобизнесом в Бразилии, потом, видимо, решил осесть в Европе. Уйти на покой. Но отдохнуть ему так и не пришлось. Похоже, до него давно пытались добраться — знал он слишком много. Но это оказалось не так-то просто. И тогда на него спустили Ирбиса. — Он пожал плечами. — Там, где Ирбис, всегда русский след.

— Будете осматривать тело? — поинтересовался Костанди. — А то протухнет.

— К чему? — пожал плечами Хадсон.

«Несчастный ублюдок, — подумал он, — и охрана тебе не помогла. Валяешься тут на полу своей шикарной виллы с пулей в черепе. Нет, ты меня не интересуешь, с тобой все ясно. Меня интересует Ирбис».

Он почувствовал знакомый азарт, который охватывал его в самых исключительных случаях. Впервые он оказался так близко от ассасина. «Конечно, будь я на его месте, я бы давно уже летел на белом самолете через лазурь и пурпур Средиземного моря... но вдруг он задержался в Афинах? Маловероятно, но вдруг? Столько гоняться за ним по всему свету, столько сил потратить — не может быть, чтоб понапрасну».

Хадсон сел в шикарное, обтянутое белой лайковой кожей кресло и стал рассеянно наблюдать, как двое дюжих полицейских запихивают труп Шведа в пластиковый мешок.

Костанди присел рядом.

— Выпить хотите? — спросил он. — Бар тут шикарный.

— Виски с содовой, — сказал Хадсон. — И льда побольше.

Похоже, Костанди уже основательно изучил обстановку, потому что безошибочно отыскал нужные ингредиенты. Себе он плеснул местной «Метаксы» и облегченно откинулся на мягкую, как облако, спинку кресла.

— Не могу сказать, что я буду плакать по нашему покойнику, — сказал он, отпив из бокала. — Скользкий тип. Темный.

— Досье у вас на него имеется? — поинтересовался Хадсон.

Тот кивнул.

— Не слишком законно, но мы присматриваем за обитателями этих вилл. Тут иногда такая шушера попадается... Ну и на Вуковича мы глаз положили. На всякий случай.

— К нему часто навевались посторонние?

— Нет. Он вообще жил замкнуто.

— Женщины?

— В последнее время всего одна. Уж такая красотка!

— Кто она?

— Иммигрантка. Танцовщица в каком-то баре.

— Каким-то?

— Ну, в «Колибри». Это в нижнем городе, в порту. Хотите навестить?

— Может быть, — сдержанно ответил Хадсон.

— Поосторожней там, инспектор, — ухмыльнулся Костанди. — Место там паршивое, недалеко и до беды! В порту всякий народ ошивается.

Хадсон выразительно похлопал себя по боку, где пиджак оттопыривала кобура табельного оружия.

«Ирбис не мог проникнуть на виллу без дополнительной информации, — подумал Хадсон. — Расположение постов, число охранников в доме... привычки самого Шведа. А это значит — был кто-то еще. Кто-то свой. Кто-нибудь из телохранителей? Они полегли все. Впрочем, это не аргумент. Но все равно, тут мне уже ничего не нарыть. Ладно, плюнем на телохранителей. Кто-нибудь из обслуги? Тоже может быть. Но в первую очередь надо трясти девицу».

— Как ее зовут? — спросил Хадсон.

— Рита. Рита Блэйз. Но это наверняка псевдоним.

— Тоже из Восточной Европы?

— Черт ее знает, — раздраженно отмахнулся Костанди. — Тут сейчас полным-полно. — И добавил: — Но эта — просто куколка!

Хадсон кивнул.

— Пожалуй, вечером наведаюсь.

— Может, пойти с вами? — участливо предложил Костанди, и Хадсон уловил в его голосе похоть.

Он покачал головой.

— К одинокому посетителю больше доверия. Тем более что я к местным властям никакого отношения не имею.

— Ну, как знаете, — сухо ответил Костанди. — Еще что-нибудь?

— Письменную благодарность киллеру, — предложил Хадсон. — Сволочь порядочная был этот Швед.

Костанди ухмыльнулся.

— Пожалуй. И он свой куш сорвал, и нам хлопот меньше. Что вы так суетитесь из-за него, инспектор Хадсон? По мне, пусть передают друг друга, как пауки в банке.

Хадсон медленно сказал:

— Может быть. Только не он, не Ирбис. Опасен, как... — Он попытался подыскать нужное определение, но махнул рукой. Он никогда не был силен в метафорах.

Порт встретил Хадсона тревожными, будоражащими запахами морских водорослей, гниющих тропических фруктов, рыбы, пыли и дегтя. Ветер, дующий с залива, почему-то нес с собой привкус холодной стали. И еще что-то ему почудилось, что-то из детства, ожидание приключения, радостное и щемящее предвкушение опасности — может, из-за дальних мерцающих огоньков стоящих на рейде судов или проблескового огня маяка в бархатной, расшитой звездами ночи.

Хадсон пробирался меж пакгаузов, поминутно оскальзываясь в какой-то гнили и проклиная того подвыпившего моряка, который указал ему кратчайшую дорогу. Кобура под мышкой придавала уверенности, но в целом ему было тревожно.

«Ирбис, — думал он. — Не человек. Легенда. Возможно, такого вообще нет. Просто бесплотный дух, проникающий во все щели. Бесплотный, но смертоносный. О нем заговорили лет пять назад, после ошеломляющей по своей фантастичности операции — убийства шейха одной из ближневосточных стран, ведущих проамериканскую политику. Потом этот инцидент с хорватским послом... и еще два — помельче. Он не оставлял после себя ничего — незаметно появлялся и так же незаметно исчезал, неуловимый и грозный, как снежный барс. Но почерк — почерк был один. Бесхитростный пистолет с глушителем... и в результате — гора мертвых тел».

Поначалу трудно было понять, на кого Ирбис работает. Но, если придерживаться старого как мир принципа «кому это выгодно», стало ясно, что нити ведут в Восточную Европу. Точнее, в Россию. Например, на место престарелого папаши-шейха сел леворадикал-сын, который в свое время учился в МГУ. Да и сейчас — сколько человек из российской военной верхушки хотели бы, чтобы Вукович замолк навсегда? Хадсон всякого наслышался о «русской мафии», но был слишком умудрен опытом, чтобы понимать под этим словосочетанием незаконную преступную организацию, повязанную кровавой клятвой. Нет, тут бери выше. Но где они нашли такого исполнителя?

«Он, должно быть, купается в золоте, — подумал Хадсон. — Такая работа должна сказочно оплачиваться».

Вновь со знакомым завистливым холодком представил себе яхту, белую виллу на склоне горы, белый лимузин с блондинкой на заднем сиденье. И сердито тряхнул головой, отгоняя грезы.

Наконец после получасовых блужданий Хадсон выбрался к причалам. Набережная была полна народу — оттуда доносились обрывки разговоров, смех, музыка. Разномастные заведения призывно подмигивали огоньками окон и неоновых вывесок, пахло жареной рыбой, пиццей, чесноком.

Он свернул к причалу прогулочных катеров. Сейчас, вечером, они были пришвартованы, темные иллюминаторы отражали береговые огни. Рядом расположился ресторанчик. Надпись «Колибри» вспыхивала и гасла, бросая на черную воду зеленые и красные отблески. Изнутри доносилась музыка. Хадсон постоял немного у двери, поправил галстук, запахнул пиджак, скрывая кобуру, и прошел мимо мрачного вышибалы, лениво прислонившегося к дверному косяку.

Заведение было как тысячи подобных — казалось, сигаретный дым и гул голосов сливались в воздухе в плотную массу, изредка прерываемую пунктиром музыки.

Хадсон сел за столик, подозвал юркого официанта, заказал местного вина «Рецина» и черный, густой, как деготь, кофе.

Публика в баре была самая разномастная. Местная шушера, с десятков туристов. Девицы на сцене лениво вращали бедрами — без всякого энтузиазма. Хадсон пригляделся повнимательней. Пять танцовщиц, одинакового роста, одинаково одетые (вернее, раздетые) и загримированные, в одинаковых белокурых париках. Черт знает, которая — его.

Он вновь подозвал официанта и, рассеянно складывая пополам банкноту в десять долларов, сказал:

— Скушно работают ваши девушки. Без огонька. Мне вот приятель говорил, что Рита Блэйз еще так-сяк, а вот остальные... Это которая?

Официант, казалось, секунду колебался, потом пожал плечами, и банкнота исчезла загадочным образом.

— Крайняя справа, — сказал он.

Крайняя справа ничем не отличалась от крайней слева. Тот же белокурый парик, те же ленивые движения...

— Познакомиться бы.

— Вообще-то нашим девушкам ни с кем из посетителей разговаривать не разрешается...

Еще двадцать долларов испарились в непосредственной близости от официанта.

— Ладно, — сказал тот. — Номер кончается через десять минут. Погодите, мистер, и я проведу вас в примерную.

Хадсон кивнул и начал рассеянно оглядываться по сторонам, прихлебывая дымящийся ароматный кофе.

Девушка была и впрямь хорошенькая — даже очень хорошенькая. Теперь, когда она смыла грим и сняла обезличивающий ее белокурый парик, бросалась в глаза ее нестандартная, яркая, даже резкая красота: правильные черты лица, высокие скулы. Разлет темных бровей, сросшихся на переносице, придавал ей вид непокорной дикарки. Ее настоящие волосы — густые и черные, каскадом падали на прямые плечи профессиональной гимнастки и танцовщицы.

«Южный тип, — подумал Хадсон. — Болгария, бывшая Югославия или юг России. И как в такой дикости вырастают такие цветы? Без ухода, без правильного... э... удобрения?»

— Вы — Рита Блэйз? — спросил он.

— Возможно, — ответила та. — Ну и что?

Голос у нее был в точности такой, как он ожидал услышать: низкий, тягучий. Говорила она с едва уловимым акцентом, отчего ее речь казалась еще привлекательней.

«Точно кофе со специями», — почему-то подумалось ему.

Рита взяла расческу со столика, заставленного какими-то баночками и коробочками, и, досадливо морщась, начала расчесывать тугие черные кольца.

— Чертова работа, — сказала она, — жара, как в душегубке.

Хадсон поразмыслил с минуту, выбирая стратегию поведения, но у девушки было отнюдь не глупое лицо. Начни он врать, она его мигом раскусит, да еще и насторожится.

Наконец он решил.

— Вильям Хадсон, — сказал он. — Инспектор Интерпола.

— Ну и что? — повторила девушка с видимым безразличием, но Хадсон заметил, как напряглись ее мышцы под смуглой гладкой кожей.

«Наверняка нарушила закон об иммиграции, — подумал он. — Въехала нелегально, разрешения на работу нет... такие особенно уязвимы, их любой подонок к рукам приберет».

На всякий случай он сказал:

— Успокойтесь, я не по вашу душу.

— Все так говорят, — без выражения отозвалась она.

— Гуго Вукович, — он был краток, — знали такого?

Она внимательно поглядела на него.

Диана-охотница. Или амазонка. Так смотрят на дичь поверх натянутого лука.

— Знала? — медленно переспросила она.

— Он застрелен сегодня ночью. На своей вилле.

Она побледнела. Хадсон еще никогда такого не видел: кровь отлила от смуглых щек в одно мгновение, и лицо стало серым.

— Черт, — коротко сказала она.

Хадсон молчал, давая ей время прийти в себя. Будь на ее месте какая-нибудь пустоголовая кисочка, он бы ее не пощадил, а продолжал бы жать дальше, но эту ему почему-то было жаль.

Она помолчала. Рука с расческой застыла у затылка. Она рассеянно опустила ее.

— А... как же его охрана? — спросила она наконец.

— Все убиты, — он тоже был краток.

Она медленно покачала головой.

— Это... как?

— Что — как?

— Как их убили? Бандиты? Мафия?

В голосе ее при этом послышалась... некоторая надежда, что ли.

«Прицепились они к этой мафии», — подумал он.

— Нет, — сказал он, глядя ей в глаза. — Один человек.

Казалось, невозможно побледнеть еще больше, но ей это все-таки удалось.

— Кто? — спросила она.

«Жениться мне на ней, что ли? — подумал Хадсон. — Никогда не видел такой немногословной женщины. Это же просто жемчужина в навозной куче!»

Он честно сказал:

— Мы называем его Ирбисом. Он — наемный убийца. Ассасин. Высшего класса. Кто он на самом деле — неизвестно. Даже отпечатков пальцев у нас нет. Даже описания внешности. Ничего.

— Откуда вы тогда знаете, что это — он?

Резонно.

— По почерку. Он делает невозможное. И всегда в одиночку. Все убиты из одного и того же пистолета.

— Может, таких, как он, несколько? — предположила она.

— О нет, — мягко отозвался он, — с нас и одного хватит.

Она молчала. Смуглая рука с тонкими пальцами, лежавшая на столешнице, мелко подрагивала.

«Чего она так боится? — подумал он. — А ведь боится! Похоже, я прав!»

А вслух сказал:

— Я ожидал от вас... иной реакции. У меня есть сведения, что вы были близки со Шведом.

— С кем? — удивилась она.

— Ну, с Гуго...

Девушка холодно поглядела на него.

— А вы попробуйте прожить на те гроши, которые вам платят за то, чтобы крутить задом в этом кабаке. Да еще копить деньги. Да еще при том, что семьдесят процентов вы отстегиваете вербовщику. А у меня дочка на Украине. И мама — пенсионерка. Да я самому дьяволу готова продаться — телом и душой. Оптом и в розницу. — Она вздохнула. — А он был неплохим человеком, Гуго.

«Надо же, — подумал Хадсон. — Швед все-таки заслужил доброе слово по смерти. Интересно, сказал он ей, что они соотечественники? Или так и беседовали по-английски?»

— Интерпол, — сказал он, — направил меня выяснить кое-что. Он был довольно известен, ваш Гуго. В узких кругах.

Хадсон наклонился над девицей и уперся ладонями в стол.

— Послушайте! Ирбис, это, конечно, нечто, но и он не мог взять и войти просто так с улицы. Откуда-то он должен был знать, что делается в доме: систему охраны, расположение комнат... все такое.

Он внимательно посмотрел на нее.

— Вы понимаете, о чем я?

Она сжала ладонями виски и молча помотала головой.

— Нет? Ладно, я вам растолкую. Вы за последний... ну, скажем, месяц-полтора не завели себе нового знакомого?

Она взглянула на него, упрямо сжав губы. Хадсон мягко сказал:

— Я, конечно, мог бы пригрозить вам интернированием. Но я вам обещал, что из-за меня таких неприятностей у вас не будет. И сдержу слово. Но поймите, этот человек опасен. Вы понимаете — смертельно опасен. И, если вы мне поможете найти его, это и для вашего блага тоже.

Девушка устала в стол. Хадсон в своей жизни провел достаточно допросов, чтобы понять — больше он из нее ничего не вытянет.

Он встал и направился к двери.

— Желаю удачи, — горько сказал он.

Она не ответила.

«По крайней мере, ясно одно, — думал Хадсон, проталкиваясь меж фланирующими по набережной нарядами, смеющимися людьми, — этот сукин сын неотразимо действует на женщин. Настолько неотразимо, что девица готова покрывать его, зная, что он убийца».

Он пожал плечами. Для того чтобы отыскать Ирбиса, этого мало. Безликая фигура, тень во мраке... Он отыскал взглядом пластиковый пузырь с телефоном-автоматом и кинул в щель монетку.

Костанди уже был дома. Хадсон услышал его голос, который временами перекрывали детские крики и смех. «Большие семьи у этих греков, — подумал он, — даже у полицейских».

— Да? — сказал тот по-гречески (это прозвучало как «не?»). Но, узнав собеседника, перешел на английский: — Инспектор Хадсон?

— Поставьте кого-нибудь к девушке, — сказал Хадсон, — пусть глаз с нее не спускают. Это она.

— Что — она? — переспросил тот, и Хадсон мысленно проклял всю тупоголовую местную полицию.

— Она навела Ирбиса. Вернее, он на нее вышел. Она знает с ним. Так что поосторожней там. И пусть фотографируют всех, кто с ней заговаривает.

— Мужчин? — уточнил Костанди.

— Всех, — отрезал Хадсон. — Надеюсь, афинская полиция не разорится на пленке. А я не хочу рисковать.

— Сейчас, что ли? — Костанди был настроен излишне благодушно. — А до утра подождать нельзя?

— Нельзя. — Хадсон был непреклонен. — Ничего с твоими ребятами не делается.

— Хадсон, ну будьте же благоразумны! Он наверняка уже улетел.

— Может быть, — неуверенно согласился Хадсон, — но...

— Ладно, — Костанди вздохнул, — сейчас свяжусь с кем-нибудь из дежурных.

«Черт тебя принес на нашу голову», — ясно слышалось в его голосе.

Хадсон бросил трубку на рычаг, позвонил такси и назвал адрес гостиницы, где он остановился. Кормили там неплохо, и это было единственным ее достоинством.

Он прилег на кровать, пытаясь расслабиться и привести в норму расстроенные за время перелета биологические часы. Но заснуть не удавалось.

«Каждый раз одно и то же — бессмысленная гонка через часовые пояса; грязные отели; грязная работа... без отдыха, без отдачи... Такая работа разъедает душу», — подумал он.

Во тьме зазвонил телефон. Он взял трубку, уже понимая, что ничего хорошего от такого звонка посреди ночи ждать не приходится.

— Да, — вздохнул он.

— Они упустили ее, Хадсон, — раздался голос Костанди. От волнения акцент в его английском слышался отчетливей, чем обычно.

— Как? — коротко спросил он.

— Она пошла в гримерную. Должно быть, там был второй выход.

— Идиоты, — процедил он сквозь зубы.

— Словом, я поставил двоих у ресторана, двоих — у той конуры, что она снимает. А что я еще могу сделать?

— Ничего, — кисло ответил он. — Все, что вы могли, вы уже сделали.

— Хадсон, я не могу бросить весь участок на * поиски какого-то мифического Ирбиса. У нас своих дел по горло. «Колибри» вообще не на нашей территории.

— Я представитель Интерпола, — напомнил Хадсон, — мне на ваши территории плевать.

— Вот пусть Интерпол и платит сверхурочные моим парням за то, что они будут подпирать стену в этой вонючей дыре.

— Костанди, — вздохнул Хадсон, — неужели вам безразлично, поймает ли мы этого убийцу или нет?

— Половина тех вилл, мимо которых мы ехали, — сухо сказал Костанди, — скуплена такими же типами, как этот Швед. А то и еще похуже. Что мне теперь, из-за каждого подстреленного ублюдка ночи не спать? Да хоть бы их всех поубивали!

— Вам такое слово, как «правосудие», знакомо?

— Есть правосудие, — резонно заметил Костанди, — а есть справедливость. Так вот, Швед получил по заслугам. Ладно, отдыхайте, Хадсон. Я позвоню вам, если что.

— Отдохнешь тут, — проворчал Хадсон, укладываясь на скрипучую кровать. — Черт бы побрал этих борцов за справедливость! Как пошли тузить турок в прошлом веке, так по сию пору успокоиться не могут. Дикий народ, одно слово!

Костанди позвонил в пять утра. Когда Хадсон десять минут спустя вышел из гостиницы, он обнаружил, что у подъезда его ожидает полицейская машина, а еще через пятнадцать минут стоял в доках вместе с зябко кутающимся в плащ Костанди.

Утром здесь все выглядело иначе, чем ночью, — милосердный покров тьмы отступил, обнажив грязь и распад: подгнившие сваи, серые бетонные стены, исписанные похабными творениями местных остроумцев. Даже море, плескавшееся у ног, выглядело мерзко: радужная пленка нефти, острый запах мазута и гнили выброшенных на берег водорослей.

Она лежала в этой грязи: одна рука откинута в сторону, голова в воде, черные волосы слабо полощутся в волнах, точно космы морской травы...

Почему-то именно это зрелище показалось Хадсону непристойным. Он наклонился и перевернул ее на спину; она уставилась в небо мертвыми глазами — брови мрачно сведены, смуглая бледность сменилась синевой.

— Странгуляционная полоса на шее, видите? — обернулся он к Костанди. — Удушена чем-то. Возможно, ее же поясом или шарфом. Сзади наверняка остался след от узла. Закрутили и держали, пока она не задохнулась.

— Хорошенькое дело, — пробормотал Костанди, прикоснувшись к мертвой носком лакированного ботинка, — бедная шлюшка.

Хадсон вдруг почувствовал, как у него свело скулы от отчаянного желания заехать Костанди в челюсть.

— Мертвая шлюшка, — напомнил он.

— Да, — охотно согласился тот, — верно.

— Ирбис тут, в городе. Черт! Это наверняка он. Убил девчонку — к чему ему лишние свидетели!

Он нервно потер руки.

— Я обращусь в Городское управление — пусть поставят людей в аэропорт... Впрочем, — уныло добавил он, — это не поможет.

— Он уже может катить по любому шоссе, ведущему из города, — согласился Костанди, — или нанять катер. Или даже яхту... или...

— Я опрошу ее партнерш, — прервал поток бурной фантазии Хадсон, — не может быть, чтобы они ничего не знали!

— Одна из девиц делит с ней комнату, — сказал Костанди. — Женева, что ли.

— Поехали! — Хадсон наклонился и быстрым движением ладони закрыл мертвой глаза. — Ею займутся эксперты. Нам тут больше делать нечего.

Гостиница, в которой жили «девочки», была еще грязней и неуютней, чем его собственная. Хадсон постучал в обшарпанную дверь. Девица, которая ему открыла, явно только-только собиралась ложиться спать: в беспощадном свете утра лицо ее казалось серым и потасканным.

Хадсон показал удостоверение, и она испуганно отступила, освободив проход. На лице у нее инспектор прочел точь-в-точь тот же страх, что вчера у Риты. Живой товар, подумал он, мусор, отбросы. Бедняжка...

— Что вам нужно? — проговорила девушка. У нее тоже был акцент. «Восточная Германия, — подумал он. — Или Прибалтика. Оттуда тоже вот такие разлетелись по всему миру».

— Ты делила комнату с Ритой Блэйз? — спросил он.

— Да. — Эта была поглупее. Не заметила, что он употребил глагол прошедшего времени. Даже не насторожилась. Или голова была не тем занята.

— Мне надо кое-что узнать о ней, — сказал он.

Она расслабилась. На глуповатом личике отобразилось облегчение. Тем не менее попробовала упираться.

— Она моя подруга, — неуверенно возразила девица.

Этой он ничего не обещал.

— Ладно, — сказал он и сел на единственный стул, закинув ногу на ногу. — Я хотел бы ознакомиться с твоими документами. Разрешение на работу имеется?

Она завороченно смотрела на него, точно кролик на удава.

— Мой агент... — начала она.

— Знаю я этих агентов, — отрезал он, — твой агент просто-напросто сутенер паршивый.

Ее халатик ненароком соскользнул вниз, обнажив белое плечо. Он не отреагировал.

— Детка, — мягко сказал он, — там, за дверью, стоит комиссар Костанди. Стоит мне только щелкнуть пальцем... вообще-то он не любит тратить время на таких, как ты, но по особой моей просьбе...

Она сглотнула.

— Так как насчет Риты? — повторил он.

— Что вам нужно узнать?

Он кивнул.

— Вот так-то лучше. Послушай, — он наклонился над ней, — я таких, как ты, насквозь вижу. Торгуете своим телом направо и налево... а присмотреться — глупые романтические барышни. Каждая мечтает о Большой Любви. У Риты кто-то был?

— Да, — в ее голосе прозвучала зависть, — какой-то богатый покровитель.

— Я не про покровителя спрашиваю. Я спрашиваю про друга. Любовника.

Она прикусила губу.

— Появился вроде кто-то. Пару недель назад.

— Каков из себя? — насторожился Хадсон.

— Да я его мельком видела. Такой... ну, обыкновенный.

— Показать сможешь?

— Если он будет вечером в баре, да. — И неуверенно добавила: — Наверное.

— Рита про него ничего не рассказывала?

— Ну так, мимоходом. Она вообще скрытная. Говорила, что он сюда по делам приехал. В какой-то компании работает. Торговый флот, что-то в этом роде.

— Какой компании?

— Российской какой-то. Не помню точно.

— погоди, — он напрягся, — так это ее соотечественник?

— Ну да. Вроде. Она еще говорила, что, мол, лучше наших ребят никого нет. Что остальные ничего не понимают... И он ей обещал, что, когда она вернется домой... или нет... Это ему предстоит крупная сделка, и он сможет выкупить ее у агента. И они уедут вместе.

Обычное дело. Бедняжка решила, что наконец нашла настоящую любовь, — подвернулся хоть кто-то порядочный среди всей этой грязи, — а этот сукин сын использовал ее так, как до этого не использовал ни один из этих двуногих ублюдков мужского пола, — и в конце концов убил, чтобы она не могла его опознать.

— Рита что-то натворила? — с любопытством спросила девица.

Он рассеянно кивнул.

— Что?

— Умерла, — коротко ответил инспектор.

Вечером в «Колибри» было так же душно и шумно. Не хватало одной из танцовщиц на сцене — да кто же это заметит, кроме постоянных посетителей? Хадсон прилебывал вино и ждал.

Номер закончился, и девицы, гарцуя на каблучках, точно цирковые лошади, пошли между столиками, наклоняясь, задевая сидящих голыми гладкими бедрами, — он следил за одной...

Девушка подошла к паре — молодой мужчина и немолодая, но явно молодящаяся дама — из тех, что нипочем не желают упускать своего. «Подцепил недавно, — подумал Хадсон. — Обхаживает». Бриллианты на шее, в ушах, на пальцах сияли в тусклом свете, точно капли росы. Он поглядел на ее спутника — загорелый, светлоглазый, худощавый — не атлет, но подвижный и, видимо, выносливый. Мелкие, неопределенные черты лица, неопределенного цвета волосы — скорее светлые, чем темные. Он, наклонившись и постукивая пальцами по бокалу, что-то говорил своей спутнице — улыбка у него была

неожиданно обаятельная. Женева, проходя мимо их столика, остановилась, наклонилась над ним, игриво поправила ему галстук...

Хадсон встал и, не спуская глаз с сидящей за столом пары, подошел к висящему на стенке телефону и набрал номер.

— Леонидес, — сказал он, — пришлите мне пару лучших ваших оперативников — сюда, в «Колибри». Его нельзя упускать.

— Хотите взять его? — с сомнением спросил Леонидес. — Прямо там?

— Да, — торопливо ответил Хадсон. — Потом разберемся...

Какое-то время в трубке слышался лишь неразборчивый шум. Видимо, Леонидес совещался с кем-то, прикрыв микрофон ладонью.

Когда же трубка наконец заговорила, у нее был голос Костанди.

— Не выйдет, Хадсон, — сказал он. — А если стрельба начнется? Нам лишние неприятности не нужны. И потом, я не могу арестовать человека вот так, ни с того ни с сего. А доказательств у нас, сами знаете. Хотите, могу устроить ему проверку документов?

Хадсон, несмотря на то, что невидимый собеседник находился в нескольких километрах от него, покачал головой.

— Нет, не стоит. Это его только насторожит.

— Ну, тогда... — неуверенно сказал Костанди. — Может, присмотреть за ним немного?

Хадсон вздохнул.

— Тогда хотя бы пришлите кого-нибудь потолковей.

— Ладно, попробую, — ответил Костанди и бросил трубку.

Пара продолжала сидеть как ни в чем не бывало. Хадсон из своего угла наблюдал за ними до рези в глазах, пока не заметил появления новых посетителей — двоих тренированных равнодушных людей в каскетках профсоюза докеров, — и только тут позволил себе расслабиться. Уйди объект раньше, он живо упустил бы его в путанице портовых переулков.

У двоих парней был нарочито безразличный вид и цепкие глаза — цирк, да и только. «Нужно было все-таки связаться со своими, там хоть профессионалы работают», — подумал Хадсон. Он кинул на стол смятую кредитку и медленно пошел к выходу. Проходя мимо одного из людей Костанди, сквозь зубы бросил:

— Вон ту бабу в брюликах видишь? Ее спутник.

И вдруг в ужасе подумал, что Костанди мог прислать людей, ни слова не понимающих по-английски.

Но, к его радости, парень чуть заметно прикрыл веки в знак того, что ему все ясно, и перевел рассеянный взгляд на центральный столик.

Хадсон решил больше не мозолить глаза и вышел. На улице было прохладно. Свежий морской ветер омыл его разгоряченное лицо. С набережной доносился негромкий женский смех. Ночь была такая тихая, мирная, сияющая огнями... Он перегнулся через парапет и стал глядеть в воду, которая при каждом ударе волны о сваи вспыхивала белыми искрами. Потом посмотрел на двери заведения: оттуда доносилась музыка и громкие голоса.

И насторожился.

Объект вышел из бара со своей спутницей, поднял руку, подзывая такси. Хадсон напрягся, но тот открыл дверцу, помог сесть своей престарелой дамочке, поцеловал ей ручку, усеянную бриллиантами, что-то тихо сказал и захлопнул дверцу. Машина тронулась. Хадсон проводил ее взглядом, автоматически зафиксировав в памяти номер. Сам же объект

легкой, пружинистой походкой двинулся по набережной, засунув руки в карманы. Миг спустя от стены бара отделилась темная тень и бесшумно скользнула за ним. Отлично... Хадсон медленно двинулся следом — турист средней руки, бездумно озирающий окрестности.

«Парни и сами его доведут, — думал он, — и что меня несет? Мне нужно в участок ехать. И там ждать от них сообщений. — Но он продолжал идти. Народу на набережной хватало, и затеряться в толпе не составляло труда. — Какого черта я действую в одиночку? — гадал он. — Неужто мне так хочется самому выйти на этого чертова Ирбиса... один на один. Похоже, за несколько лет охоты бесстрастный профессиональный интерес перерос в нечто, напоминающее манию».

Мелькание светловолосой головы в толпе действовало гипнотически, и инспектор переключил внимание на «сопровождающего». Этот шел вразвалочку, неторопливым прогулочным шагом. «Где-то должен быть и второй, — подумал он. — Должно быть, ведет объект параллельно».

Вдруг «хвост» дернулся — похоже, объект нырнул в один из темных горбатых и узких проулков. Там уже не было нарядного праздничного освещения, а ставни подслеповатых домов были закрыты. Хадсон на миг замедлил шаг, потом тоже решительно свернул в проулок.

И наткнулся на него почти сразу. Темная, бесформенная масса на мостовой. Лишь лицо смутно белело. Липкая лужа под телом маслянисто поблескивала, отражая свет далеких звезд.

— Вот дерьмо, — негромко сказал Хадсон.

Он выхватил из кобуры пистолет, но вокруг было тихо. Издевательски тихо.

Все еще сжимая в руке пистолет, он кинулся обратно, на набережную, и, вышвырнув из кабинки какого-то испуганного грека, схватил болтающуюся телефонную трубку.

— Костанди, — хрипло сказал он, — высылай наряд. Плохо дело!

— Лучше бы вы не приезжали сюда, Хадсон, — сказал Костанди, — мало мне Вуковича. Еще три убийства. У Георгия пятеро детей сиротами остались.

Хадсон пожал плечами.

— Вместо того, чтобы обвинять убийцу, — сказал он, — вы вините во всем меня.

Но чувствовал он себя паршиво.

— Что с его спутницей? — спросил он. — Удалось что-нибудь узнать?

— Мы вышли на нее через шофера того такси. Ничего не получится, Хадсон. Это жена обувного фабриканта. Богат как Крез. Она любит бедных молодых людей. Но, понятно, ни за что не признается в этом мужу. И давать показания тоже не станет. Дураков нет. Вчера она была на водах. У своего врача. И точка.

— А девушки?

Костанди вздохнул.

— А что девушки? Все они — нелегалки. Нам придется иметь дело со службой иммиграции, если мы захотим их официально задержать. А эта ее соседка, Женева, исчезла.

Хадсон ощутил нехороший холодок в позвоночнике.

— Как? Когда?

— Нет ее. Ни в кабаке, ни в номере. Либо она почуяла неладное и смылась, либо...

— Ах, ты...

— Вы-то сами его смогли бы опознать? По крайней мере мы бы раздали фоторобот полицейским в аэропорту.

Хадсон задумался.

Он не жаловался на свою память, натренированную за годы и годы службы. Но сейчас, какой бы цепкой она ни была, он не мог воспроизвести лицо убийцы. Смутный облик никак не желал распадаться на отдельные характерные черты. Нос... то ли прямой, то ли с горбинкой. Волосы... то ли светло-каштановые, то ли темно-русые. Глаза — вроде бы серые. Или синие? Он почувствовал, как воспоминание уходит от него, расплывается, — и чем больше он напрягал память, тем мутнее становилась пелена, затягивающая невыразительные черты. Да что же это?!

— Теперь вы — единственный, кто может его опознать, — заметил Костанди. — Так я позову художника?

Тот кивнул.

Что-то в словах Костанди царапнуло его: какая-то глубоко засевшая в мозгу заноза.

... единственный, кто может его опознать...

Портрет, исполненный по комментариям Хадсона полицейским рисовальщиком (Костанди предпочитал старомодные методы), размножили и раздали агентам в аэро- и морском порту. Но сам Хадсон отлично понимал, что это дело гиблое — человек на рисунке ничем не походил на Ирбиса, каким он, Хадсон, видел его в тот вечер. Художник был мастер своего дела, но описанные Хадсоном черты не складывались в уникальное, присущее одному-единственному человеку, лицо.

Весьма вероятно, Ирбис вновь ускользнул, как вода сквозь пальцы, сел в самолет под носом у полицейских и сейчас летел над морем туда, где голубизна постепенно переходит в свинец, а потом море сменяется унылыми серо-бурыми равнинами, перечеркнутыми черными трещинами замерзших рек. На Восток, на Север, в загадочную Россию, из которой на ошеломленный Запад мутной волной выплеснулась грязная пена: сомнительные дельцы, партократы, мафиозные боссы, убийцы, девочки по вызову...

Хадсон бросил смятую рубашку в чемодан и взглянул на часы. Самое время спуститься вниз поужинать.

Он зашел в тесную душевую, через десять минут вышел оттуда освеженный и, вытираясь на ходу полотенцем, двинулся к шкафу в поисках свежей рубашки.

— Куда-то собираетесь, инспектор Хадсон? — раздался негромкий голос.

Хадсон остолбенел. Его рука машинально рванулась к пистолету. Но кобуры не было: она лежала на стуле в углу комнаты.

— Да не суетитесь вы так, — досадливо произнес голос.

— Ирбис, — тихо сказал Хадсон.

Убийца сидел на стуле, закинув ногу за ногу, — небрежная поза отдыхающего человека. Теперь, увидев его, Хадсон вновь понял, насколько он не похож на портрет, сделанный по его описанию полицейским рисовальщиком. Неуловимые черты лица, ничего не значащие ни вместе, ни по отдельности.

— Что вам надо? — тихо спросил Хадсон и сам внутренне усмехнулся бессмысленности своего вопроса.

— Интересно было посмотреть на человека с манией. А ведь вы — человек с манией, правда, инспектор?

Хадсон пожал плечами.

— Втемяшилось вам в голову меня взять. Один на один. Зачем вам это? Хотели доказать самому себе, какой вы крутой парень, инспектор? Не жалкий служака, проживший всю жизнь на жалкую зарплату, которому вот-вот светит нищенская пенсия. Будь вы честны перед собой, связались бы с Интерполом, запросили бы помощь... Нет же. Понадеялись на местных идиотов!

— Как вы меня нашли? — хрипло спросил Хадсон.

Тот усмехнулся.

— Вы меня, значит, видели, а я вас, получается, нет? Я замечаю все, что мне нужно. И кого нужно.

Несмотря на мягкий голос, эта фраза прозвучала как угроза.

— Вы, в сущности, человек безобидный, — продолжал Ирбис. — А все бегаєте, ищите. На что вы понадеялись? На повышение перед пенсией? На премиальные? Ловить тигра за хвост — опасное занятие, Хадсон. А ну как поймаете? Что тогда будете делать?

«Кобура лежит на стуле, — подумал Хадсон. — Нет... не успею. Телефон...»

Он с ужасом понял, что телефон был так же недостижим, как его пистолет.

Осторожно, почти незаметно, он сделал шаг к двери. И вздрогнул.

Ирбис стоял перед ним.

Только что он сидел в кресле в другом углу комнаты — и вот он уже тут, рядом... Смуглая рука легла Хадсону на плечо. Ирбис не делал никаких видимых усилий, но его пальцы сжали плечо инспектора, словно железные клещи.

— Все вы одинаковы, — мягко сказал убийца. — Бегаєте, суетитесь, друг другу мешаете. Верите во всякие глупости. Стоит вам сказать что-то — вы уже верите. Стоит пожаловаться — вы уже жалеете. До чего же с вами легко управляться!

Он усмехнулся и покачал головой.

— Возможно, при иных обстоятельствах и я бы вас пожалел — ну что вам, в конце концов, нужно? Домик с садиком? Обеспеченная спокойная старость? Должен вас разочаровать, Хадсон. Не будет у вас домика с садиком. И спокойной старости тоже не будет.

Его бесшумные пальцы переместились с плеча Хадсона выше, обхватили шею, прижали сонную артерию. В глазах у инспектора поплыли багровые пятна... сквозь звон крови в ушах он услышал мягкий, сокрушенный голос Ирбиса:

— Как все просто. Слишком просто...

И это было последнее, что он слышал.

Глава 1

А теперь, дорогие близкие, попрощайтесь с любимым усопшим, — сказала женщина в черном, и гроб стал медленно опускаться в ненасытное нутро крематория. Лиза вздрогнула. Она не могла смотреть на этот деревянный ящик, скрывающий то, что осталось от Андрея. Ее взгляд приковывали красные растоптанные гвоздики на бетонном полу — единственное яркое пятно во всей этой мрачной комнате, где покойники медленно уезжают в ничто на ленте транспортера. Вместе с лакированным ящиком вот-вот рассыплется в прах восемь лет ее жизни... Ее колотил озноб, хотя на улице в этот солнечный апрельский день вовсе не было холодно. Она знала, что где-то там, скрытое за перегородкой, бушует пламя адской топки, но здесь, в казенном помещении, царил холод. Там, где смерть, всегда холод.

Чья-то рука легла ей на плечо — она обернулась. Варвара, одна из сослуживиц мужа, тихая уютная женщина, на чьих могучих плечах всегда лежал груз домашних забот и личных тайн ее коллег-мужчин.

— Пойдем, дорогая, — мягко сказала она, — незачем тут стоять. Его больше не вернешь.

Лиза повернулась и, пошатываясь, двинулась к выходу. Новые туфли, купленные по случаю ожидаемого банкета (Андрей вот-вот должен был защитить докторскую), отчаянно сжимали занемевшие ступни. Дверь распахнулась, и в проем хлынул яркий солнечный свет, слегка подкрашенный нежным оттенком распускающейся листвы. Там, снаружи, торжествовала жизнь... беспощадная жизнь, которой не было никакого дела до горестей двадцативосьмилетней женщины, ставшей вдовой три дня назад.

Она сделала еще шаг. Добрая Варька не отпускала ее, продолжая поддерживать под локоть. За ней двинулась к выходу и группа сотрудников Андрея, и ее сослуживцы: Крутицкая — пожилая дама хрупкого сложения, она была настолько погружена в общественную жизнь института, что не пропускала ни одни похороны; деловая Катюша, стройная, как мальчик, о нетрадиционной личной жизни которой ходили всякие увлекательные слухи...

Люди за спиной Лизы тихо переговаривались: до нее долетали лишь отдельные реплики.

— Блестящий ученый...

— Мог защититься еще десять лет назад. Полное отсутствие честолюбия...

— Ты когда-нибудь видел, как он на машине работает? Потрясающее зрелище!

И чей-то женский голос:

— Какая нелепая смерть...

Кто-то хмыкнул в ответ:

— Все под Богом ходим...

Обшарпанный похоронный автобус распахнул свои двери, и Лиза почти с облегчением откинулась на холодную спинку сиденья. По крайней мере, хоть что-то позади.

— А где Максимка? — спросила Варя, устраиваясь рядом и притискивая ее мощным плечом к запотевшему окну автобуса.

— Я отправила его к маме в Питер, — неохотно ответила Лиза.

— Он знает?

— Я сказала ему, что папа... — Лиза сглотнула подступивший к горлу ком, — очень

болен...

— Ну и хорошо, — охотно согласилась Варя, — ну и правильно. А ты насчет поминок не беспокойся. Девочки уже все приготовили.

Лизе было, собственно, наплевать, что там приготовили «девочки» — сотрудницы ее лаборатории в возрасте от двадцати пяти до пятидесяти лет. Ей хотелось только одного — оказаться дома, в полном одиночестве, уткнуться лицом в подушку и больше ни о чем не думать. Последние три ночи она почти не спала, и сейчас на нее вдруг навалилась необоримая сонливость — измученный мозг пытался защититься от кошмара реальной жизни.

В окно было видно приземистое квадратное здание крематория. Из распахнутой двери все еще выходили люди, словно оно, поразмыслив, решило выпустить живых, дать им еще какое-то время походить по этой земле... Они медленно, как того требовала ситуация, поднимались по ступенькам автобуса.

«Дай они себе волю, со всех ног бы отсюда рванули», — мелькнула шальная мысль.

Рассеянный взгляд Лизы скользнул по перечеркнутой резкими тенями земле и вдруг упал на странную пару, стоящую у белой иномарки. Сергей, давний приятель ее мужа, обнимал за плечи какую-то рыдающую женщину. Среди приличествующих случаю благостно-унылых масок ее неподдельное горе выглядело почти вызовом. Плечи ее тряслись, она утирала слезы тыльной стороной узкой ладони.

«Это еще кто?» — рассеянно подумала Лиза. Женщину эту она видела в первый раз. Но так убиваться мог только очень близкий человек...

Автобус зафыркал и неохотно тронулся с места. Женщина отвела руку от лица, роясь в крохотной сумочке в поисках носового платка, и тут только Лиза увидела, что плачущая была поразительно красива. Неправдоподобно красива — точно манекенщица или кинозвезда. Светлые волосы волной падали на плечи, длинные ресницы вздрагивали, пытаясь сморгнуть слезы. Сергей вновь обнял ее за плечи, сказал что-то... Автобус повернул, и странная пара пропала из виду.

— Кто это? — с неожиданным для себя интересом спросила Лиза Варвару.

— Где?

— Там, у белой машины. Блондинка.

Варвара близоруко уставилась в окно.

— Понятия не имею, — сухо сказала она.

Лиза проследила ее взгляд, хотела спросить еще что-то, но вспыхнувшее было недоумение погасло, оставив смутный след где-то в глубине сознания...

* * *

Сколько должно пройти времени со дня свадьбы, чтобы радости семейной жизни превратились в рутину? Год? Пять лет? Десять? Лиза не задумывалась об этом. Андрей был не из тех людей, что способны вызывать раздражение, — у замкнутости и погруженности в работу тоже есть свои положительные стороны. Он допоздна засиживался в институте, а дома все свободное время проводил за клавиатурой компьютера. Способность мужчины всерьез увлекаться работой, ставя ее выше нормальной человеческой жизни, всегда оставалась для Лизы тайной. Так же, как, скажем, шахматы, — еще одно увлечение мужа.

Сначала он просиживал бесконечные часы за шахматной доской с другом Сергеем, потом, видимо, нашел себе более сильных партнеров в компьютерной сети. «Какой, скажите на милость, смысл в том, чтобы двигать фигурки по клеточкам?» — недоумевала Лиза. Но Андрей отдавался странному увлечению с той же тихой, но упорной страстью, с какой занимался своими расчетами.

Лиза пожала плечами в ответ на собственные мысли, поставила чистые тарелки в сушку и машинально вытерла руки полотенцем. Взглянула на часы. Одиннадцать вечера. Максимка уже спал, налюбовавшись по «ящику» на это кошмарное, заживо сгнившее чучело с ножами вместо пальцев. Фредди... Кугель? Кригер? Странно, почему дети приходят в такой восторг от того, что у взрослых вызывает по меньшей мере омерзение... Потребность в них заложена какая-то, что ли? Хорошенько попутаться... Ее от одного взгляда на этого Фредди воротило, а сын, проведя два часа перед экраном, засыпал спокойно. Ему даже кошмары не снились...

Андрей обещал прийти к одиннадцати.

В институте шла пора отчетов, да еще он затеял разбираться с какой-то новой математической моделью. «Это поможет понять принципы распределения материи в космическом пространстве», — говорил он и сыпал какими-то терминами, которые для нее ничего не значили. Она-то сидела в геохимической лаборатории, обрабатывала данные по содержанию цинка и свинца в атмосферных осадках. Рутинная работа...

Когда зазвонил телефон, она без особой спешки подняла трубку, подавляя скрытое раздражение. «Наверное, опять застрял на всю ночь», — подумала она. Такое случалось все чаще и чаще. Мак-Артуровский грант, который удалось выбить мужнину начальству, кормил их семью уже года два, но отнимал уйму сил и времени. Что поделаешь? Даже если сложить вместе их паршивые зарплаты... как раз на два проездных получится.

— Простите, — сказал незнакомый голос в трубке. — Это квартира Паниных?

— Да, — настороженно ответила она.

— С кем я говорю?

Она назвалась.

— Простите, — еще раз извинился чужой голос, — это из следственного отдела вас беспокоят. Вы не могли бы к нам подъехать?

— Подъехать? — недоуменно переспросила она. — Куда?

И когда она услышала — куда, у нее подкосились ноги.

* * *

Поминки шли своим обычным чередом, как всегда проходят подобные мероприятия. Обязательно среди соболезнующих найдется несколько человек, которые, стоит им поесть и выпить, забывают, по какому поводу они, собственно, тут собрались. Нет, помнят, конечно, просто не могут себя одернуть. А потому тихие поначалу застольные разговоры стали громче, кто-то уже потребовал гитару... гитары, слава Богу, не было.

И, как это обычно бывает, присутствующие еще пугались — все чаще говорили об Андрее в настоящем времени: он у нас... он говорит... мы с ним как раз работаем над...

Рядом с Лизой сидел шеф Андрея — потомственный физик, уже достигший того почтенного возраста, когда по собственной инициативе похороны не посещают. На поминки он все-таки пришел.

— Что вы планируете делать, Лиза? — спросил он в перерыве между двумя поминальными рюмками. — Я подумал, может, вам потребуется помощь? Я охотно...

Лиза растерянно пожала плечами.

— Не знаю.

— Поверьте моему печальному опыту, — сочувственно сказал шеф, — выходите на работу как можно скорее. Я понимаю, сейчас вам кажется, что нету сил... Но дома в четырех стенах вам будет еще хуже.

— Работа... — неуверенно повторила Лиза, — не знаю... Боюсь, мне придется подыскивать себе место в какой-нибудь фирме. Мне ведь еще Максимку поднимать. Может... — она на миг запнулась. Неловко говорить об этом, но... — Вы случайно не знаете, Андрею еще положены какие-то деньги по этому гранту?

— По какому гранту? — недоуменно спросил физик.

— Как по какому? — терпеливо ответила Лиза. — По Мак-Артуру. Ну, эта внеплановая тема...

— Лизонька, — мягко сказал физик, — вы, по-моему, что-то путаете. У нас последние два года, кроме госзаказа, никакого дохода и не было. Я, правда, недавно подал заявку, но результаты станут известны лишь в ноябре. И Андрей тут ни при чем — это не по его теме. Да он и сам отказался участвовать. Сказал, времени нет на глупости.

Он был явно уязвлен. Андрей был непревзойденным компьютерщиком, и шеф, видимо, планируя заявку, рассчитывал именно на эти его способности.

У Лизы голова шла кругом.

— Но... — возразила она, — он же приносил деньги... В прошлом году мы компьютер купили... и телевизор новый... тренажер Максимке... В кои-то веки жить стали нормально...

— Нормально? — покосился на нее заведующий. — Да у нас даже я последние два месяца не могу свою зарплату выцарапать. Да что я вам говорю? Вы же в соседней лаборатории работаете...

— У нас пока еще платят, — машинально отозвалась Лиза.

«Впрочем, это теперь не важно», — подумала она. Мир, до сей поры простой и понятный, неожиданно начал терять привычные очертания, словно со смертью Андрея ее занесло куда-то в запредельную реальность, в зазеркалье, где возможно все.

— Простите, — пробормотала она и, подхватив пустую вазочку из-под салата, направилась на кухню, краем уха услышав, как физик сказал, обернувшись к своей соседке по столу:

— Бедняга... здорово же ее шарахнуло!

Варвара, склонившись над раковиной, деловито мыла посуду.

— Ну как ты? — дружелюбно спросила она, обернувшись. — Ты давай отдыхай. Мы с девочками сами справимся.

— Варя, — нерешительно произнесла Лиза. — Я хотела спросить... насчет денег...

— Да ты не волнуйся, — мягко проговорила Варька, — мы скинемся. Тебе пойдет вся черная касса и...

— Да нет, — с досадой отмахнулась Лиза, — я не о том. Понимаешь... Андрей последние два года приносил домой деньги. Приличные деньги.

Близорукие глаза Варвары вспыхнули любопытством, которое она не сумела скрыть.

— А я все говорю своему тьюфяку: «Ну займись ты хоть чем-нибудь толковым! Хватит

торчать в этом дурацком КБ! Там ловить нечего!»

— Нечего, — машинально откликнулась Лиза.

— Твой вот нашел какой-то приработок! Он же программист был блестящий! Кстати, мой-то тоже не так уж плох. Правда, не на том уровне... Может, дашь наводку?

— Какую наводку? Варька, это же ваши деньги были! Отдельские! Он на них и в эти свои загранкомандировки ездил. Трижды только в этом году. В Гринвич в январе и в Грецию...

— Ты что-то путаешь, — перебила Варвара, и в ее взгляде тоже мелькнуло явственно читаемое: «Бедняжка! Совсем крыша поехала!» — Ездил он потому, что с кем-то там законтачил. Они его и вызывали. Да ты сама знаешь, как это бывает, — оплачивают дорогу, проживание там, расходы на питание... Живые деньги с них, с буржуев, хрена слупишь!

— Тогда... — тихо сказала Лиза, — я не понимаю.

— Брось! — Варвара распаренной рукой похлопала ее по плечу. — Ну, не говорил тебе мужик, откуда бабки... вдруг стеснялся... или не хотел, чтобы ты нервничала... Да может, он по вечерам кому-то товар грузил...

— Какой товар?

— Какой-нибудь. Мало ли, что сейчас грузят? Или, скажем...

Воображение у Вари явно начало бурно работать, и, возможно, Лиза бы услышала еще пару интересных версий, но им помешали.

В кухню вошел друг Серега. Он уже успел крепко выпить — такое, впрочем, в последнее время за ним водилось.

— Мои собозе... бободе... соболезнования, — наконец выговорил он, — Эх, Лизка! Жаль Андрю-у-ху! Классный мужик был!

— Иди, иди, — Варвара отделилась от раковины и чуть подтолкнула его в спину, — пойди в комнату, проветришь.

— Погоди, — вмешалась Лиза, — Сережа, что это была за женщина на похоронах? Такая яркая блондинка?

— Какая бл... блондинка? — удивленно вытаращился друг Серега.

— Слушай, не валяй дурака. Уж не настолько ты надрался, чтобы не помнить такую женщину. Шикарная блондинка. И тачка шикарная.

— А, эта, — неуверенно сказал Сергей, — это Журналистка... Она когда-то статью про наш отдел писала. В какой-то журнал. «Знание — сила», что ли? Нет, не помню...

— А на похоронах она зачем была?

— Да так, заехала. Не бери в голову.

— Брось! Как можно «так заехать» на похороны? Мимо проезжала, что ли?

— Ну, Андрюха ее когда-то консульти... ровал... Регинку эту. А ты что подумала? Нет, Андрюха, он да, но баба — она и есть баба. Телка.

— Что ты пореешь? — нахмурилась Лиза.

— Все, — решительно вмешалась Варвара. — Хватит. Иди, Сереженька, попей рассолу. Ты вообще соображаешь, что говоришь? А ты, Лиза, его не слушай... ты, это...

— Но ведь, — попробовал что-то возразить друг Серега, но Варвара наградила его мощным тычком, придав начальное ускорение в сторону комнаты, и он неуверенно побрел обратно к столу.

— Все это ерунда, Лизавета, — решительно сказала Варвара, — не обращай внимания.

— Что — все это? — допытывалась Лиза, но Варька уже поволокла в комнату стопку

чистых тарелок. Лиза направилась вслед за ней.

— Ну как ты, Лизонька? — ласково спросила Крутицкая. Она явно оживилась, фарфоровое личико окрасилось нежно-розовым румянцем. Она принадлежала к странному, но не такому уж малочисленному разряду людей, которых похороны и поминки привлекают гораздо больше, чем, скажем, свадьбы. Вероятно, чужая смерть давала ей почувствовать собственную жизнеспособность. — Ты только держись...

И она промокнула глаза уголком наглаженного платочка.

— Да я держусь, — огрызнулась Лиза.

— А родители Андрюшины где? — продолжала настаивать Крутицкая. В этом спектакле ей явно чего-то недоставало. — Что же они не приехали?

Лиза пожала плечами.

— Я отправила им телеграмму. Телефона-то у них нет. Они же в Свердловской области живут. Но они со мной так и не связались.

— Большая у Андрюши семья? — допытывалась Крутицкая.

— Нет. Мама... Брат. Отец давно умер. Я надеялась, они успеют подъехать до похорон.

— Если самолетом...

Ее рассуждения прервал резкий звонок в дверь. Варька, сидевшая ближе всех к выходу, пошла открывать, но вскоре вернулась и растерянно поглядела на Лизу.

— Тебя.

— Кто?

— Не знаю, — покачала головой Варвара. — Спрашивает Паниных.

Лиза направилась в коридор. В дверях маячил совершенно незнакомый тип, и сердце у нее почему-то тревожно сжалось.

«Дура! — одернула она себя. — Все, что могло случиться, уже случилось».

— Простите, пожалуйста. — Мужчина порылся в кармане и, достав какое-то удостоверение, помахал им перед носом Лизы с такой скоростью, что она не успела разглядеть ничего, кроме лилового пятна печати. — Я по поводу вашего сына.

— О Господи! — Лиза тяжело прислонилась к стене.

«Нет, все таки еще может...» — отчужденно подумала она.

— Что вы, не волнуйтесь, пожалуйста. Я — санитарный инспектор. В школе, где учится ваш сын, подозрение на скарлатину. А его уже несколько дней нет на уроках...

— Его нет на уроках потому, что я отправила его к бабушке в Питер, — пояснила Лиза. — Я понимаю, я должна была поставить в известность... но мне было... мне было не до того...

Из комнаты долетали неразборчивые голоса и звон посуды.

Инспектор с иронией поглядел на нее.

— Муж погиб, — устало сказала Лиза, — вы попали как раз на поминки.

— Простите. — На лице посетителя выразилось приличествующее моменту сочувствие. — Я не хотел...

— Ничего-ничего, — вежливо отозвалась Лиза. Хотя, что, собственно, ничего? Что, по телефону позвонить нельзя было? Какого черта вpirаться прямо в дом?

— Кто там пришел? — подал голос Сергей.

— Сейчас... — рассеянно отозвалась она невпопад.

— Но мальчик здоров? — настаивал санитарный инспектор.

— Пока здоров, — Лиза украдкой постучала по деревянному косяку. — Если что, мама

позвонила бы.

— Тогда извините, Бога ради.

И санитарный инспектор вежливо попятился, закрыв за собой дверь.

Лиза вернулась в комнату.

— Это кто был? — спросила Варвара.

— Санитарный инспектор какой-то.

— Весь в белом, — подал голос друг Серега, — мы тут все в дерьме, а он весь в белом, мать его.

— Сергей, — сухо сказал потомственный астрофизик, — вы все-таки в доме. И, если постараетесь, то, может, даже вспомните, по какому поводу сюда пришли.

Он выбрался из-за стола и стал натягивать пальто в коридоре.

— Все-таки имейте в виду, Елизавета Дмитриевна, — сказал он Лизе, которая по-прежнему заторможенно подпирала стенку, — вам есть к кому обратиться за помощью... если что...

— Да-да, спасибо, — механически ответила Лиза.

— Пойдем. — Надежная, как скала, Варвара вновь ласково обхватила ее за плечи. — Присядь, выпей. Сразу легче станет.

И Лиза покорно позволила подвести себя к столу.

* * *

Человек в нечистом белом халате отдернул простыню, скрывающую лежащее на каталке тело, и Лиза молча прикусила губу.

Она пошатнулась, но твердая рука следователя подхватила ее под локоть.

— Да, — наконец тихо сказала она, — это мой муж... Андрей Панин.

Под холодным светом люминесцентных ламп, по горло укрытый простыней, лежал Андрей. Лицо его было совершенно спокойно — ни страха, ни ярости, лишь застывшее легкое удивление, словно он до конца так и не понял — что же это такое с ним стряслось. Под натянувшейся кожей четко проступили кости. Это был и он, и уже не он. До боли знакомое лицо — и такое отчужденное... словно он Ушел далеко — туда, где больше нет ни родных, ни Друзей, — в холодные дали, залитые беспощадным светом.

— Что же это такое, — услышала Лиза издали захлебывающийся женский голос, — что же это такое...

И с ужасом поняла, что это говорит она сама.

Следователь вновь осторожно поддержал ее под руку.

Она дотронулась до лба мужа, точно проверяя, нет ли у него жара, но лоб был холодным. Совсем холодным.

Она отвела руку, и та безжизненно повисла вдоль тела.

— Как это могло случиться? — чуть слышно сказала она в пространство, но следователь услышал.

— Нелепая случайность, — ответил он. — В районе Профсоюзной сегодня была разборка между двумя преступными группировками. Он и попал под пулю. То ли его, обознавшись, приняли за кого-то из своих, то ли просто случайный выстрел. Пуля попала прямо в висок. Он умер на месте.

Следователь вздохнул.

— У нас на руках еще восемь трупов. Но с теми все ясно. Бандиты. Там вообще черт знает что творилось. Удивительно, что из случайных прохожих пострадал только он один.

— Да... — тихо отозвалась Лиза, — удивительно.

— Пойдемте, Лизавета Дмитриевна, — мягко сказал следователь, — опознание закончено.

Лиза покорно пошла к выходу мимо каталок, на которых, с головой укрытые простынями, лежали чужие тела.

Пройдя несколько метров, она резко остановилась, так, что шедший за ней следователь уткнулся ей в спину.

— Погодите, — сказала она, — где, вы сказали, была перестрелка?

— На Профсоюзной.

— Когда?

— В четыре часа дня.

— Но он же... Он должен был быть в это время совсем в другом месте. На Красносельской. В институте. Что он мог делать на Профсоюзной?

Следователь неопределенно хмыкнул. Он-то знал массу интересных и приятных вещей, которыми можно заняться в рабочее время, но зачем расстраивать женщину, только что ставшую вдовой?

Потому он только сказал:

— Вам виднее, Лизавета Дмитриевна.

* * *

Постепенно гости разошлись, осталась лишь Варвара, ладонью смахивавшая со стола крошки, да пьяный Серега, задремавший в кресле в углу.

— Вот и все, — тихо сказала Лиза.

Варвара поглядела на нее.

— Может, остаться на ночь? — предложила она.

Лиза покачала головой.

— Лучше уведи этого. Наверняка жена уже места себе не находит.

Варвара кивнула.

— Я посажу его в такси, — сказала она. — А Ленке позвоню, пусть его встретит.

— Деньги-то есть?

— У него возьму. Он же не на свои пил.

Она грубовато встряхнула Сергея за плечо.

— Пошли-пошли. Расселся...

Дверь хлопнула, и Лиза осталась одна. Она машинально прошла по квартире, придвинула стул к столу, убрала сложенную скатерть в ящик комода.

Вокруг было тихо. Очень тихо. За окном, точно вода в омуте, стояла непроницаемая апрельская ночь, и лишь далеко через улицу смутно горели фонари на автостоянке.

Какое-то время она простояла так, упершись ладонями в подоконник и глядя на улицу, потом вздохнула, погасила свет и, не раздеваясь, прилегла на диван.

Сон сморил ее сразу — глубокий и черный, точно угольная яма.

Потом, к середине ночи, ее одолели кошмары. Лизе снилось, что кто-то медленно прошел по комнате и, подойдя к окну, остановился — черный силуэт на черном фоне.

— Андрей, — позвала она, — это ты?

Но, как это часто бывает во сне, не смогла даже приподнять голову. Она делала отчаянные усилия, чтобы сесть на постели или броситься навстречу черной фигуре, но тело отказывалось повиноваться.

Тем не менее человек у окна обернулся на ее зов, и она увидела, что у него нет лица. Гладкая темная поверхность, на которой там, где положено быть глазам, смутно мерцают два зеленоватых огонька. Черная фигура медленно направилась к кровати, и в глубине души у Лизы появилась странная уверенность, что это действительно Андрей. Или то, во что он превратился.

«Да это оборотень», — поняла она. Теперь уже она не пыталась броситься навстречу приближающемуся силуэту, а хотела только одного — исчезнуть, сделаться маленькой-маленькой, совсем незаметной.

А черная фигура все приближалась — медленно и неумолимо.

Задыхаясь, Лиза сделала еще одну попытку приподняться. Мышцы свело судорогой, резкой болью — и она проснулась, вскинувшись, села, жадно хватая ртом воздух.

В соседней комнате послышался тихий шорох.

Ее мышцы вновь непроизвольно напряглись.

«Я все еще сплю, — мелькнуло у нее в голове. — Просто перешла из одного сна в другой».

Сидя на диване, Лиза продолжала прислушиваться, но в комнате, где Андрей оборудовал себе кабинет, было тихо.

Потом шорох раздался вновь.

Тихий, почти неслышный.

Она осторожно повернулась — дверь была закрыта, и из-под нее сквозь щель пробивалось призрачное мерцающее сияние. Лизе потребовалось несколько секунд, чтобы определить его источник — вполне материальный. Это работал компьютер.

Неожиданно странная уверенность охватила ее.

«Это Андрей там, в комнате».

Она встала и босиком на цыпочках направилась к двери. Бесшумно положив ладонь на ручку, она рывком потянула ее на себя.

В углу комнаты действительно мягко мерцал экран компьютера. Частично заслоняя его, над клавиатурой склонилась черная фигура. Человек из ее сна. Экран обрисовывал голову и плечи, остальное терялось в тени. Лиза пошевелилась, чуть заметно, но он почувствовал и резко обернулся.

Лица у него не было.

«Все-таки это сон», — подумала она, и тут черный человек стремительным и гибким движением подвинулся на нее. Затянутая в перчатку рука ухватила ее за плечо — плавно, но с такой силой, что Лиза почувствовала, как под железной хваткой заныли кости. Потом неуловимое движение отбросило ее к стенке. Она ударилась спиной о дверной косяк и медленно сползла на пол. В глазах у нее на миг потемнело; когда багровый туман рассеялся, в комнате уже никого не было — лишь щелкнула, закрываясь, входная дверь.

Она с трудом поднялась на ноги. Плечо болело так отчаянно, что заставляло отбросить всякую мысль о том, что это происходило во сне. Экран компьютера по-прежнему мерцал, и

на нем издевательски прорисовывался уютный пейзаж — дом со светящимися окошками, дерево, луна, на фоне которой, как напоминание об ином, страшном мире, медленно проплывала, взмахивая крыльями, огромная летучая мышь... Она подошла к машине и выключила ее. Комната погрузилась во мрак, и от этого стало еще хуже. Тут только ее захлестнула липкая волна страха.

Она не помнила, как добралась до постели, но, должно быть, все-таки добралась, потому что очнулась на диване в гостиной. В окно сквозь задернутые шторы бил холодный утренний свет. Все вчерашние события перемешались — в голове у нее царила полная неразбериха.

«Ну и страшный же мне сон снился», — подумала она, и тут же плечо отозвалось ноющей болью. Она спустила ноги на пол и, шлепая босиком по холодному полу, подошла к зеркалу в прихожей. В туманной глубине отобразилась бледная женская фигура. Усталое лицо, синие круги под глазами... Она спустила рукав помятого вязаного платья. Под бретелькой лифчика, врезавшейся в нежную кожу, обозначились черные пятна.

— Нет... — тихо сказала она самой себе, — этого не может быть. Это был всего лишь сон. Кошмар.

Но синяки никуда не исчезли. Лизу передернуло от озноба — точно резкий порыв ветра прошелся по тесной прихожей. И, словно в ответ ему, из гостиной отчаянно грянул телефон.

Лиза поднесла к лицу трубку с такой осторожностью, словно та могла взорваться у нее в руке.

— Простите, — сказал женский голос в трубке, — это вас с почты беспокоят. С телеграфа. Это вы телеграмму отправляли?

— Да, — сказала она.

— Ее не смогли доставить. По этому адресу такие не проживают. Да и адреса такого там нет.

— Нет же, — сказала Лиза, — этого быть не может. Вы, наверное, когда отправляли, адрес неправильно записали.

— Свердловская область, поселок Красногвардейский, Пушкинская, 75?

— Да...

— Женщина, — обиженно сказал голос в трубке. — Мы адреса не путаем. Поселок такой там есть. И улица есть. А последний номер дома — 50. Нету там дома номер семьдесят пять. Нету, и все тут. Вы сами проверьте, может, у вас записано неправильно.

— Хорошо, — послушно сказала Лиза, — я проверю.

Но в трубке уже раздались короткие гудки.

Адреса она в точности не помнила. Отправляла телеграмму не она, а Варвара, поэтому мало ли что. Записной книжки в сумочке не обнаружилось — скорее всего та либо так и осталась у Варвары, либо Лиза сама впопыхах ее куда-то засунула — где теперь сыщешь?

«Найду книжку, отправлю телеграмму еще раз, — подумала она, — сама пойду на почту и отправлю. Что теперь толку торопиться — на похороны-то они все равно опоздали».

Лиза еще какое-то время бесцельно послонялась по квартире, поискала записную книжку, так и не нашла ее, вновь прилегла на диван, но сон не шел. Она встала и начала переодеваться, собираясь на работу. Потомственный астрофизик оказался прав — дома она сидеть не могла.

На работе все было как всегда — унылые казенные комнаты, шкафы, доверху набитые пухлыми отчетами, кипы бумаг на столах. Она рассеянно переложила с места на место

стопку бланков... дома было паршиво, но работать она тоже не могла. Не получалось сосредоточиться.

Вошла Крутицкая.

— Лизочка, — сказала она преувеличенно-ласково, — тебя шеф хочет видеть.

Лиза пожала плечами.

— Ладно, — сказала она, вставая из-за стола.

Кабинет шефа прикинул к их лаборатории. Задернутые зеленые шторы создавали в комнате полумрак и придавали малопривлекательному лицу шефа трупный оттенок, делая того похожим на очень разговорчивого зомби. Это впечатление усиливалось благодаря огромным дымчатым очкам, которые мертвенно отсвечивали в свете тусклой лампы.

— Лизанька, — сказал он скорбным тоном интригана, — присаживайтесь, дорогая, присаживайтесь.

«Отец родной», — злобно подумала Лиза.

— Как похороны? — сочувственно продолжал он. — Удачно прошли?

— Это в каком же смысле, Валерьян Валерьянович? — сухо поинтересовалась Лиза.

— Да, — шеф поскреб лоб, — пожалуй, я что-то не то сказал. Одним словом, Лизанька, примите мои соболезнования. А мы тут постараемся по возможности облегчить вам жизнь. Если хотите отдохнуть пару недель, пожалуйста!

— Ничего мне, Валерьян Валерьянович, не нужно, — устало сказала Лиза.

— А у меня есть для вас приятная новость, Лизанька, — задумчиво сказал шеф, глядя на нее в упор, — очень приятная.

— Да ну... — вежливо отозвалась Лиза.

Господи, промелькнуло у нее в голове, до чего же он все-таки странный.

— Вот! — сказал шеф. — Поглядите!

И помахал в воздухе порядком помятой и скрученной в трубочку факсограммой.

Лиза взяла бумажку, развернула ее...

— Ну-ну, Лизанька, читайте! — великодушно позволил шеф.

— Лондонское королевское географическое общество, — прочла Лиза. — Институт по охране окружающей среды. Приглашает двух человек... Сроком до полугода...

— У вас есть все шансы поехать в Лондон, — объяснил шеф на тот случай, если она все-таки окажется совсем уж бестолковой. — Англия, знаете ли.

Биг Бен, парламент... Королева, Лизанька! Может, мы саму королеву увидим!

— Какая королева? Какой Лондон? — устало спросила Лиза. — К чему он мне? Мне ничего не нужно.

Шеф посмотрел на нее как на ненормальную. Видимо, он предполагал, что любой человек живет на белом свете только ради того, чтобы увидеть Лондон. «Увидеть Лондон и умереть, — вспомнила Лиза название какого-то фильма. — А может, Париж...» Ей было все равно.

— Подумайте, Лизанька, подумайте, — ласково проворковал шеф. — А я слышал, вы уходите собрались. Как же мы без вас? Вы же такой блестящий специалист! Тут, кстати, у меня наконец появилась возможность дать вам старшего.

«Что это на него нашло? — недоумевала Лиза. — Неужели в нем все-таки есть что-то человеческое? Он, впрочем, из тех, кто всяких несчастеньких и неудачников собирает вокруг себя и прикармливает. Может, я уже дошла до этой степени падения?»

— Пишите заявление, Лизанька. На мое имя. Прошу зачислить меня, и так далее... А

насчет Лондона все-таки подумайте. И Максмку с собой заберете — все маме вашей облегчение.

«И какая сука его информирует?» — думала Лиза. Иногда ей казалось, что его вообще никто не информирует, а он добывает сведения каким-то мистическим образом. Недаром ходили слухи о его тесной, почти интимной связи с бывшим КГБ. Впрочем, скорее всего он сам эти слухи и распускал, чтобы больше боялись. И фамилия у него была подходящая — Вышинский. Старинный род. Знатный.

— Ладно, — сказала она, вставая, — я занесу заявление.

— И еще, Лизанька, — задумчиво сказал шеф, — я хочу вам только хорошего. И всегда могу помочь хотя бы советом. Поэтому, если вы будете меня информировать о всяческих изменениях в вашей жизни...

— Каких изменениях? — вытаращилась Лиза.

— Непредвиденных, — неопределенно пояснил шеф.

— Что за чушь, — холодно сказала Лиза.

— Я же понимаю, Лизанька, — заторопился шеф, — я же вам сочувствую. Да что я! Мы все вам сочувствуем! Разве я хочу вам плохого? Мы же все здесь как одна семья!

— Спасибо, — без выражения произнесла Лиза, — большое спасибо!

Она вышла из кабинета, на ходу недоуменно пожимая плечами.

— Лизка, — грубовато сказала Катюша, — а тебе Варвара звонила. Велела спуститься к ним, в правое крыло.

— Ладно, — вздохнула Лиза, — сейчас спущусь.

— Ты хоть немного поспала? На тебе лица нет.

Лица нет... у Лизы что-то вновь тревожно шевельнулось в душе.

— Кошмар какой-то мне снился, — тихо сказала она. — Страшный кошмар.

— А то хочешь, я у тебя заночую?

— Нет, что ты... — торопливо запротестовала Лиза, — не надо. Ты не беспокойся, я справлюсь.

И она пошла вниз, по крутой лестнице, стертой ногами сотен трудолюбивых сотрудников.

Варвара встретила ее у двери лаборатории. В руке она держала дымящуюся кружку.

— Кофе хошь? — спросила она с налету.

— Хочу, — автоматически ответила Лиза. — Паршиво мне, Варька. Ты чего звала?

— Андрюхин стол разбираем. Отчет его нам требуется. Ну, заодно всякие личные вещи. Мы их в пакет сложили. Ты погляди, может, там нужное что.

Лиза молча кивнула.

— Да, и еще, — Варвара протянула ей конверт. — Ты держи-держи. Тут всего миллион двести.

— Спасибо, — сказала Лиза. Она машинально попыталась спрятать конверт в карман, но карманов на платье не было, и она так и продолжала держать конверт в руке.

— Вот, — продолжала Варвара, — все здесь, — и она протянула Лизе объемистый пластиковый пакет.

— Ага... — Лиза опустила конверт с деньгами в пакет, и он, прощуршав, улегся на дно.

— А вот и кофе.

Варвара склонилась над старомодной электроплиткой.

Лиза с благодарностью приняла обжигающий руки пластиковый стаканчик.

— Плохо выглядишь, — с грубоватой прямой сказала Варвара.

— ... Лица нет, — машинально проговорила Лиза.

Та похлопала ее по плечу.

— Ну, не настолько уж. Есть у тебя лицо. И весьма симпатичное. Погоди, вот придешь в себя, мы с тобой еще так развернемся!

Дверь отворилась, и в комнату вошел Кудимов — невысокий мужчина с бледной, невыразительной физиономией. Лиза его знала только по фамилии — они с Андреем были соавторами доклада на какой-то конференции, что ли...

— Елизавета, — он нерешительно взглянул на нее, — простите, не знаю, как по батюшке.

— Можно просто Лиза, — сказала она.

— Примите наши соболезнования. — Он явно чувствовал себя неловко. — Мы все очень ценили Андрея. Очень. Он был блестящим ученым, знаете ли.

«Все они так говорят, — подумала Лиза, — как будто это — единственное, что имеет значение».

— Если нужна моя помощь, — продолжал Кудимов застенчиво (Лиза ему нравилась), — то я с радостью. На дачу, скажем, вещи перевезти. Вы ведь собираетесь на лето на дачу переехать?

«Да они все тут с ума посходили!» — отрешенно подумала Лиза.

А вслух сказала:

— Какая дача? Нет у нас никакой дачи. И не было никогда. Откуда?

— Как? — в свою очередь удивился Кудимов. — По Ярославской дороге. Я же, когда к теще ездил, встретил тогда Андрюшу на вокзале — он сказал, что едет на дачу.

— У нас нет дачи, — терпеливо повторила Лиза.

Варвара за ее спиной многозначительно кашлянула, и Кудимов вдруг замолк. Лицо у него было растерянное. Чтобы скрыть смущение, он снял очки и начал их протирать. Потом пробормотал какое-то неразборчивое извинение и быстро, почти бегом, вышел из комнаты.

Лиза обернулась к Варваре.

— Варька, — сказала она твердо, — что, черт возьми, происходит?

— Ты о чем? — глядя ей прямо в глаза, спросила Варвара.

— Ты не крути, — не отступалась Лиза, — я же вижу. Какой Ярославский вокзал? Какая дача? Почему он тогда на Профсоюзной оказался? Деньги, в конце концов, откуда?

Варвара молча смотрела на нее.

— Лизавета, — сказала она наконец, — я на твоём месте не задавала бы так много вопросов.

— Это еще почему? Чей это муж все-таки?

— Был... — многозначительно добавила Варвара.

— На что ты намекаешь? Ты что-то знаешь? Знаешь и не хочешь мне сказать?

— Да что ты ко мне прицепилась в самом деле? — неожиданно заорала Варвара басом. — Ты прямо шизофреничка какая-то! Все подозреваешь кого-то! Я к ней, как к человеку, а она...

Лиза даже отступила перед таким неожиданным натиском.

— Опомнись! Ты чего? Что тут такого? Если я спросила...

Варвара пришла в себя с не меньшей скоростью.

— Да я ничего, Лизавета. Просто достала ты меня. И ты меня прости. Андрюшу не

вернешь. И незачем себя растравлять. Что там было, чего не было...

Все еще недоумевая, Лиза поднялась наверх, сжимая в руке пластиковый пакет со скудным скарбом мужа. Войдя в свою лабораторию и усевшись за стол, она вытряхнула содержимое пакета на столешницу. Образовалась небольшая кучка всяческого хлама: расческа, готовальня, потрепанный русско-английский разговорник, блокнот, калькулятор, записная книжка. Ее Лиза и взяла, листая в поисках адреса Андрюшиной родни, — все-таки надо выяснить, что там стряслось с этой проклятой телеграммой.

Но никакого, хоть отдаленно похожего адреса в записной книжке не было. Теперь, повнимательней взглядевшись в густо исписанные страницы, Лиза поняла, что эта книжка отличалась от той, что испарилась из их квартиры неведомо куда: да, тут были адреса, телефоны и дни рождения их общих знакомых (Андрей был очень внимательным другом), но, помимо них, постоянно попадались и какие-то другие записи: инициалы, напротив которых стояли телефонные номера. И все. Лиза насчитала восемь таких номеров. Положив книжку перед собой, она какое-то время неподвижно просидела, подперев голову рукой и глядя в пространство, потом, встряхнувшись, вновь углубилась в поиски, хотя и сама бы не смогла объяснить, что именно она ищет в этих нехитрых вещах, предназначение которых теряет всякий смысл с уходом их владельца. Разговорник она не стала листать, а поступила проще — подняла корешком вверх и встряхнула. Из него выпал какой-то плотный гляцевый листок и, медленно кружась, осел на стол. Это была фотография, вернее, ее косо срезанная часть. Лиза глядела на раскинувшуюся на кровати обнаженную женщину: стройное тело выгибалось в чувственной истоме, нога с высоким Подъемом и нежными лепестками пальцев свешивалась с постели, подчеркивая изгиб бедра; крепкая грудь свидетельствовала о молодости, здоровье и цветущей красоте. Должно быть, и лицо женщины по красоте не уступало телу... но фотография была косо обрезана ножницами, и Лизе оставалось только гадать, видела ли она эту торжествующую плоть где-нибудь при иных обстоятельствах, или они, две молодые женщины, ничего не зная друг о друге, так и обитали в двух никогда не соприкасающихся мирах.

Такие фотографии обычно не надписывают на память.

Или надписывают?

Она повернула гляцевый квадратик незапятнанной стороной.

Там, на обороте, не было никакой дарственной надписи.

Зато было кое-что другое.

Цифры.

«219. К-1718», — было выведено там аккуратным почерком Андрея.

На этот раз даже не телефон.

Лиза таращилась на черные цифры на издевательски-девственном фоне, но в голову ничего не приходило. Словно все события последних дней вообще отняли у нее способность логически мыслить.

Номер машины? Нет.

Лотерейный билет? Глупости.

«Сейчас у меня разорвется голова», — отрешенно подумала она.

Лиза в рассеянности поднесла руку к телефонной трубке и, поколебавшись, набрала один из безымянных телефонных номеров. Никого... Пропустив шесть гудков, она положила трубку и, после мгновенного замешательства, набрала еще один номер, второй в списке.

— Да? — отозвался в трубке женский голос.

Голос был молодой, и в сознании у Лизы он почему-то связался с обезглавленной фотографией у нее на столе.

Она уже импульсивно дернула рукой, чтобы бросить трубку, но вдруг, неожиданно для себя, произнесла:

— Простите, можно Андрея?

— Андрея? А он... а его... тут такой не проживает, — отозвался голос, и в нем Лизе послышались нотки растерянности.

— Простите, — вновь повторила она, — я, вероятно, ошиблась номером.

И положила трубку.

Звонить по остальным номерам было ни к чему — она была больше чем уверена, что вновь услышит нечто в этом роде... фальшь в молодом женском голосе.

Она вновь застыла в неподвижности, глядя в окно, где в каменном мешке институтского двора выбросило почки упрямое дерево. Чем-то оно было для Лизы очень важным — может, тем, что дружелюбно заглядывало в комнату, сколько она себя тут помнила? Тем, что каждое лето вновь зеленело вопреки окружающему неприятному миру? Или тем, что каждый раз представало в новом облике?

За ее спиной хлопнула дверь, и в комнату решительным мужским шагом вошла Катюша.

— Монстр на месте? — деловито спросила она.

— Вроде да, — отозвалась Лиза, — но что-то он сегодня тихий.

— Может, он уже помер? — жизнерадостно предположила Катюша. — Вот было бы кстати. И на вокзал этот поганый тащиться не придется.

— Какой вокзал?

— Да Петрович тут ехал с метеостанции и оставил в камере хранения сумку, чтобы не тащить все сразу. А в сумке бутылка со спиртом. А горючие вещества в камере хранить не разрешают. Вот Петрович и подбил шефа, чтобы тот меня послал ее из камеры выручать. А то его сразу загребут, говорит. У него вид подозрительный. Его и так всегда менты останавливают.

— Такая карма, — машинально отозвалась Лиза.

Петрович мог пробить кулаком стенку, но хилого шефа при этом боялся панически.

— А то, если монстр уже копыта откинул, я домой поеду. Пусть хоть весь вокзал взорвется, мне-то что? Черт, Петрович забыл мне номер камеры сказать, придурок. Код сказал, а номер — нет.

— Номер... — тихо повторила Лиза.

— Лизка, ты чего?

— Точно — номер. И код. И Ярославский вокзал.

Она вскочила и торопливо начала натягивать пальто, не попадая в рукава.

— Ты куда? — удивилась Катюша.

— Мне нужно идти.

Она подскочила к столу и, сгребя весь хлам в одну кучу, ссыпала его обратно в пакет. Прижав пакет к груди, она выбежала из комнаты, не сказав больше ни слова ошеломленной Катюше.

До «Комсомольской» было всего ничего. Когда она вышла из метро на площадь трех вокзалов, пошел дождь. Мостовая тускло отсвечивала в лучах фар пронесившихся мимо автомобилей, фонари на площади мерцали сквозь водяную завесу, точно маленькие полупрозрачные привидения, а люди, снующие туда-сюда, казались и вовсе бесплотными.

Вокзал всегда нагонял на Лизу тоску. Тут, на распутье, шла какая-то подозрительная жизнь, словно благополучный мир, окружавший ее, обернулся своей мрачной изнанкой. Размалеванные проститутки, бомжи, карманники, нищие всех мастей и калибров... Беспризорные детишки — и кое-кто из них младше ее Максимки.

В камере хранения было малоллюдно. Ряды ячеек, скрывающих чьи-то чужие тайны, застыли в неподвижном молчании — почти все закрыты, и лишь некоторые бесстыдно выставляют на обозрение пустое нутро. Она прошла по проходу, сжимая в ладони жетон и стараясь держаться как можно естественней. Однако, похоже, беспокоилась она зря — никому не было дела до бледной молодой женщины в черном пальто, беспокойно вглядывающейся в номера ячеек. Наконец она добрела до двухсотых номеров и, отыскав нужный, остановилась. Если камера окажется открытой, значит, все не так страшно. Ей просто что-то померещилось. Глупости, дурацкое совпадение.

Но камера была закрыта.

Она оглянулась — в проходе никого. С той стороны, за двойным рядом ячеек, слышались чьи-то голоса, но раз ей отсюда никого не видно, то и ее оттуда заметить нельзя.

Опустив жетон в щель, она дрожащими пальцами набрала шифр. И вновь ее подсознательное ожидание обманулось — шифр сработал. Раздался тихий щелчок, и камера отворилась.

Она осторожно заглянула в щель — сама не отдавая себе отчета, что именно ожидала найти в запертой ячейке. Но там стояла самая обычная черная кожаная сумка — потертая, массивная и явно не пустая.

Она достала сумку и торопливым шагом пошла по проходу между рядами ячеек, направляясь к выходу.

Оказавшись снаружи, Лиза огляделась.

Народу много, но все заняты своими заботами. Никому нет до нее дела. Отлично.

Подхватив груз, она направилась в зал ожидания.

Он был не то чтобы переполнен, но все скамейки оказались заняты. Лиза прислонилась к массивной колонне и с замирающим сердцем дернула «молнию» замка.

«А вдруг там бомба? — от этой мысли она похолодела. — Или... или еще хуже».

Она вдруг отчетливо представила себе, как пальцы ее натыкаются на осклизлый круглый предмет, как из тьмы сумки на нее таращатся мутные белесые глаза...

Но там было что-то плотное, аккуратно упакованное в тугие пачки. И не глаза трупа — из сумки на нее с зеленоватого прямоугольника смотрел американский президент Бенджамин Франклин. Он был в тесной компании своих двойников — соскучиться он не мог.

«Матерь Божия, — Лизу охватила паника, — сколько же там всего денег?»

Пальцы ее скользнули по плотно упакованным пачкам. И внизу, на самом дне, натолкнулись на что-то еще. Холодное, гладкое.

Смертоносный холод металла, игрушка для мужчин.

Она отдернула руку, точно ненароком дотронулась до чешуйчатого тела ядовитой змеи, и тяжело прислонилась к колонне.

— Вам плохо? — услышала она.

Перед ней стоял патрульный — ладно пригнанная серая форма, кобура, рация, дубинка... Он был очень молод, совсем мальчик, но у Лизы от страха потемнело в глазах.

— Нет-нет, спасибо, — сказала она, неловко прижимая к груди сумку, — все в порядке.

Просто голова закружилась.

И, выдавив слабую улыбку, неверными шагами побрела к выходу на площадь, крепко сжимая сумку.

Ей казалось, что все видят ее насквозь, читают ее мысли, отлично знают, что там внутри, — не может быть, чтобы никто не заметил, не уловил ее страха...

Но ее никто не остановил.

* * *

Андрей вернулся поздно. Она уже успела дважды разогреть обед, а Максимка заснул, так и не дождавшись отца.

Шел снег, и Андрей долго топтался в прихожей, отряхивая пальто. За окнами замер зимний город, особенно молчаливый, как это всегда бывает во время снегопада.

— Почему так поздно?

Она поцеловала его в холодную щеку.

— Очень интересное явление, — пояснил он, — выброс в газовой-пылевой туманности. Такое редко удается наблюдать.

— А до нас он не достанет? — поинтересовалась она.

Он усмехнулся.

— Это далеко. И очень давно. Мы ведь все время имеем дело с тем, чего уже нет. Такая уж у нас работа.

— Лучше бы ты видел то, что есть, — сердито сказала она, — ребенок растет, считай, без отца. То протуберанец какой-то, то комета...

— Он что, уже пошел по дурной дорожке? — с интересом спросил муж.

— Господь с тобой! Да он от компьютера не отходит. Прямо прирос. Есть хочешь?

— Ага, — кивнул муж, — только я в комнату возьму, ладно? Включи телик, поглядим, что в мире делается.

— Да ничего там не делается! — сказала она с досадой (только пришел, и сразу этот проклятый телевизор. «Ящик» ему интересней, чем родная жена!) и вдруг вспомнила.

— Ой! Там какой-то тип выступал. Знаешь, в этой программе, где все время про привидения рассказывают... Говорит, американцы какую-то «летающую тарелку» сбили. Или нет, не сбили, а она сама упала...

— Да про это уже пятьдесят лет как говорят, — возразил муж, — сколько можно?

— Нет, это новая.

— Новая посуда?

— Ну да, «тарелка». Кто-то ее к себе забрал. НАСА, что ли. И теперь изучает. А тот репортер пробрался к месту падения и сделал снимки. Или нет, это не он сделал снимки, а... да, какой-то фермер! И отослал снимки этому репортеру, а тот их напечатал в газете. По телевизору показали! Представляешь?

— Нет, — сухо ответил муж.

— Там тела. Трупы. Но, знаешь, что самое удивительное, — инопланетяне эти с большими головами, маленькие, глаза такие — ну, как обычно...

— Простые скромные инопланетяне? Как же, сотни раз встречались.

— Да ладно тебе... Но там, в «тарелке», среди них были люди. Совсем обычные люди.

И тоже мертвые. Спрашивается, а они туда как попали?

— В гости зашли, — предположил Андрей.

— Ты серьезно можешь?

— Серьезно, Лизка, не могу. Это вы, дилетанты, в «летающие тарелки» верите. А мы — специалисты. Мы точно знаем, что их быть не может. Сама посуди. Расстояния в космосе огромные. Скорости маленькие. Мы вот сегодня эту штуку наблюдали, так она, знаешь, когда взорвалась? Больше миллиона лет назад! Ну откуда им взяться, твоим зеленым человечкам? Тем более что жизнь вообще, знаешь ли, штука уникальная. А уж разумная жизнь — тем более.

— Они могут тут жить, — неожиданно предположила Лиза. — Потихоньку.

— Где, в центре земли?

— Да ну тебя! Может, они маскируются.

— Под кого? Под крокодила Гену?

Лиза фыркнула.

— Ну ладно, — сжалился Андрей. — Значит, этот малый говорит, что НАСА их под себя подгрело. А там что на это отвечают?

— Они говорят, что ничего такого не было. Просто ВВС испытывали какой-то самолет с манекенами. На вибрацию. А он и упал.

— Вот видишь, Лизка. Там-то умные люди сидят. Они себя одурачить не дадут. Эх, ты, темнота легковерная.

Он обнял ее, и они больше не разговаривали.

* * *

Добравшись до дома и судорожно захлопнув за собой дверь, Лиза какое-то время стояла, прислонясь к стене в прихожей, и пыталась отдышаться. Только когда дрожь утихла, а сердце стало биться ровнее, она сняла пальто и прошла в комнату. Задернув шторы, Лиза вывалила на пол содержимое сумки. Пачки денег легли неопрятной пирамидой; пистолет отсвечивал грозным металлическим блеском. Она пыталась сообразить, сколько же тут денег, — труда это вроде не составляло, поскольку упаковки были стандартные, но она все равно несколько раз сосчитывала по-разному, пока наконец результат дважды не сошелся на ста тысячах. Сто тысяч долларов! Для Лизы это были огромные деньги — сумма казалась настолько большой, что ее масштаб как-то не осознавался. Мелькнула лишь в голове издевательская мысль о том миллионе рублей, который сложили для нее в конверт сердобольные сотрудники. А этого могло хватить и на памятник, и на уплату всех долгов, и на хорошую школу для Максимки, и на то, чтобы летом его отправить в Англию — язык подучить. Черт! Голова у нее шла кругом.

И потом еще одна мысль, вызывавшая странное тоскливое ощущение.

Откуда все-таки деньги?

Сам ли Андрей положил их в ячейку камеры хранения на Ярославском вокзале? И за что он их получил? За какие-то услуги? Торговую сделку? Ладно, если бы он и вправду занимался бизнесом — тогда бы все было понятно: и деньги, и нелепая смерть. И она была бы подсознательно к этому готова. Такие знают, на что идут. И жены их знают. Ходят по косметическим салонам, по всяческим презентациям, по казино — и знают. И тратят

бешенные деньги на ненужные тряпки; и ездят в Париж на выходные — чтобы забыться, чтобы ни о чем не думать.

Но у них-то все было иначе!

Андрей был толковым специалистом, хорошим ученым, но этим нынче денег не заработаешь. И жили они скромно, и цену деньгам знали. Не бедствовали, но и не шиковали.

А тут — такие деньги!

И не найдется ли кто-то, кто заявится к ней, чтобы с полным правом потребовать обратно то, что ей не принадлежит?

Поколебавшись немного, она вновь положила пистолет на дно сумки, сложила туда же зеленоватые пачки и закинула все это на антресоли, завалив каким-то хламом: старым Андрюшиным рюкзаком, спальником, Максимкиными лыжными ботинками.

Потом какое-то время неподвижно сидела в кресле, уставясь в одну точку.

И наконец решила.

Подошла к телефону и набрала номер.

— Да? — Голос у друга Сереги в трубке был сонный. Ну ничего, сейчас она его обрадует.

— Ты уже дома? Хорошо.

— Что хорошо?

— А то, что я сейчас к тебе подъеду.

И, не дав ему времени возразить, бросила трубку.

Потом вновь натянула пальто и выскочила на улицу, в синие апрельские сумерки.

Машины, пронесившиеся мимо, обдавали ее Дождем брызг, но она ничего не замечала. В вагоне метро хватало свободных мест, но Лиза осталась стоять — словно так она могла заставить поезд двигаться быстрее. Пересадку сделала механически, даже не заметив того, и удивилась, обнаружив себя на «Южной». В пространстве между домами свистел ветер, но она, рассеянно подняв воротник пальто, побежала к знакомому дому наперерез через пустырь — друг есть друг, и они с Андреем не раз бывали тут вместе.

Дверь открыла Лена, жена Сергея — бесцветная женщина, недолюбливавшая ни Андрея (который, как она полагала, дурно влиял на Сережу), ни Лизу — потому что она была ярче и красивее. Раньше, пока Андрей был жив, она эту неприязнь скрывала, зная странные заморочки сильного пола насчет святости мужской дружбы. Сейчас притворяться ей нужды не было. Она даже не сделала скидки на то, что похороны, собственно, были только вчера.

— Что тебе нужно? — холодно спросила она.

Лизе было наплевать. Она сделала решительный шаг вперед, и Лене пришлось попятиться, освободив дверной проем.

— Ты что? — удивилась та.

— Пусти, — рассеянно ответила Лиза. До этой дурехи ей не было никакого дела.

Друг Серега в одиночестве сидел в кресле перед шахматной доской с расставленными фигурами, и у Лизы на миг защемило в груди.

«Теперь ему не с кем будет играть», — подумала она.

И, подойдя к столику, сказала:

— Сережа! Нам надо с тобой поговорить.

И, почувствовав затылком пристальный взгляд, обернулась и, глядя в бесцветные глаза, твердо добавила:

— Наедине.

Лена, хлопнув дверью, вышла.

Сергей уныло поглядел на Лизу. Похоже, он знал, о чем пойдет разговор. И заранее примирился с неизбежным.

— Кто была та женщина на похоронах, Сережа? Неужто и вправду дальняя знакомая?

— Ну...

— Ты вот знал Андрюшку, — грустно сказала она, — а я, похоже, совсем его не знала. Начала разбирать вещи, нашла какие-то номера телефонов в записной книжке. Не один телефон, много. И по ним отвечают женские голоса.

О другой своей находке Лиза благоразумно умолчала.

— Ты ничего не хочешь мне сказать? — продолжала она.

Сергей молча смотрел на нее. Он нервно дернул рукой, и белая королева, упав с доски, закатилась под кресло. Он проводил фигурку взглядом, но поднимать не стал.

— Эти его отлучки. Поздние возвращения. Командировки. Варвара что-то знает, не несет какую-то фальшивую чушь.

— Лизка, — грустно сказал Сергей, — зачем Тебе все это? Сейчас. Он ведь умер. Чтс это изменит?

— Я думала, я живу с близким человеком, с любящим мужем. Отцом моего ребенка. Тихим, непрактичным. А оказалось, что все это — личина. Маска. Ты хочешь, чтобы я успокоилась? Да за кого Ты меня принимаешь?

— За его жену, — честно сказал друг Серега.

— Значит, ему нужна была нетребовательная и нелюбопытная женщина в качестве жены, так, что ли? Доверчивая дурочка...

— Можно любить жену и все равно быть бабником, — честно сказал друг Серега, покосившись на закрытую дверь. — Ну, любил он женщин. И они его любили. Что в этом плохого? Иногда гулял на сторону.

— Иногда?

— Да у него ни с одной из этих баб роман не длился долго.

— Да? То-то эта блондинка так убивалась!

— Регинка-то? Там тоже было несерьезно.

— По ней не скажешь. Дай мне ее адрес.

— Зачем тебе?

— Проведать хочу. Принести соболезнования.

— Лизка, ты с ума сошла.

Лиза неожиданно для себя подскочила к нему и схватила за ворот рубашки. Столик опрокинулся, шахматная доска с грохотом упала на пол. Дверь вновь распахнулась, и супруга Сергея изумленно на них уставилась.

— Где она живет, спрашиваю?

— Отстань, безумная. — Сергею явно было неловко. — Ну что ты, в самом деле!

— Где живет?

— На Шаболовке. Стасовой, девять. Это рядом с Донским монастырем, знаешь?

— Квартира?

— Не помню я квартиры. Господи, ну отцепись ты от меня! Чего ты хочешь?

Лиза неожиданно успокоилась и отошла от кресла.

— Спасибо, — вежливо сказала она.

И, сделав шаг в сторону неподвижно застывшей в дверях фигуры, так же вежливо

произнесла:

— Спокойной ночи.

— Ну, ты это... — укоризненно пробормотал Сергей.

— Все в порядке, Сережа. Я уйду. Да... — Она было направилась к дверям, но вдруг резко остановилась. — Откуда он деньги брал, не знаешь? А то этот его грант тоже сплошной «липой» оказался. Не было никакого гранта.

Сергей молча помотал головой.

Потом устало сказал:

— Я, правда, не знаю.

Почему-то на этот раз Лиза ему поверила.

Когда она добралась до Шаболовки, уже совсем стемнело. Купола Донского монастыря казались черными на фоне темного неба, красная кирпичная кладка стен сливалась с окружающим сумраком. Над сквериком разливался колокольный звон, и где-то в кроне в ответ пронеслась одинокая трель разбуженной птицы.

Дома стояли лишь по одной стороне улицы — напротив располагался скверик, где сейчас мелькали темные силуэты собачников, выведших своих питомцев на вечернюю прогулку. Во мраке они казались туманными призраками — словно с той стороны улицы уже был потусторонний мир. Зато по эту сторону мостовой окна домов светились теплым живым светом.

Она растерянно остановилась у единственного Подъезда белой башни.

— Не знаете, где живет Регина? — обратилась она к одинокой старушке на лавочке. Старушка подозрительно смахивала на женскую версию мрачного перевозчика в загробное царство.

— Кто? — переспросила та.

— Блондинка. Молодая, красивая.

— Нет, дочка, не знаю.

— Машина у нее есть, — сообразила Лиза, — белая такая.

— А, «шевроль», что ли?

— Да, — обрадовалась Лиза, — «шевроль».

— В седьмой квартире она живет. Видишь, вон окно светится!

На первом этаже и впрямь светилось окно, свидетельствуя об уюте, о чашке кофе вечером, о бокале шерри перед телевизором... розоватый оттенок абажура, подкрашенный нежным апельсиновым отсветом опущенной шторы. Лизе даже послышалось, что оттуда, из окна, льется тихая музыка.

Секунду она колебалась. Потом зашла в подъезд с выломанной пластиной кодового замка и, свернув направо, оказалась перед обитой обшарпанным дерматином дверью. Не за такой дверью должна жить такая женщина! Отступить было поздно — она нажала на кнопку звонка.

И только тут спохватилась.

А вдруг она замужем? Что тогда делать? Кому объяснять? И что?

Но за дверью раздались легкие шаги — плавная, чуть ленивая походка уверенной в себе женщины, которая так хороша, что уже не старается быть красивой.

— Кто там? — спросил низкий женский голос.

— Простите, — отозвалась она, — мне нужна Регина.

«Пусть только откроет, потом объясню», — подумала она.

Дверь приотворилась, и за ней мелькнули пылающие белым огнем волосы.

— Кто вы? — повторила женщина.

— Я тоже была на похоронах, — сказала Лиза. — Но вы меня наверняка не заметили. А я вас видела. Вы плакали. Вас Сергей утешал.

Цепочка скользнула в желобе, и дверь отворилась. Лиза молча прошла вперед и закрыла дверь за собой. Теперь отступать некуда.

— Я жена Андрея, — сказала она.

* * *

Распухший, странно доступный прямому человеческому взгляду шар солнца медленно опускался к линии горизонта; рефракция выгибала водную поверхность, и казалось, что пылающее отражение поднимается из воды навстречу уходящему светилу. Море было непривычно тихим — кромка воды чуть шевелилась, и лишь мягкий шорох, который издавали крохотные волны, перемывая ракушки, свидетельствовал о том, что это все-таки вода, а не расплавленный свинец. Дымка медленно напозла на горизонт, лиловато отсвечивала в воздухе, и двое местных рыбаков, тащивших по воде сеть с мелкой ячеей, казались какими-то неземными созданиями. Когда же сеть, вспыхнув оранжевыми брызгами, поднялась на поверхность, Лиза увидела, как в ней бьется полупрозрачная стекловидная масса — лишь подойдя поближе, она Поняла, что это крупные, в палец величиной, азовские креветки.

Наверху, над обрывом, потрескивал костер. Уже наступило то время суток, когда приятнее Подсесть поближе к огню или спрятаться в уютную духоту палатки. Кто-то наигрывал на гитаре, перебирая стандартный набор туристских песен. Она на минуту застыла, прислушиваясь.

— А, слушаешь про погоду?

Она обернулась. Сзади стоял Андрей. Она даже не заметила, как он подошел. На загоревшем дочерна лице глаза казались совсем светлыми, почти прозрачными.

— Почему про погоду? — удивилась она.

— Ну, все эти туристские песни почему-то про погоду. То там снег падает, дождь идет. Вот, слышишь?

— Не гляди в окно, не гляди,
Лучше имена переставь.
Спят твои глаза, спят дожди,
Ты не для меня их оставь... —

донеслось из освещенного костром круга.

— Хоть какой-то смысл в этом есть? — спросил Андрей, пожав плечами. — Почему имена надо переставлять? И почему у нее глаза спят, если она в окно смотрит? Погоди, сейчас он ей ключи велит выбросить.

«Лучше просто выбрось ключи...» — посоветовал певец после очередного аккорда.

— Вот видишь, — довольно сказал Андрей.

Она фыркнула.

— Людям же нужно о чем-то петь. А у костра почему-то всегда хочется петь жалобное.

— Горожане, — сказал он, — что с них возьмешь. Сидят под крышей и поют про снежные вершины. Или про то, как «ГАЗ» в снегу завяз.

— Какие же это горожане? — обиделась она. — Мы географы. Полевики.

— Девяносто процентов ваших полевиков до конца жизни мозоли на ягодицах будут по конторам наработывать. Да и в географы они, почему, думаешь, поперли? Романтики захотелось!

— А чем это плохо? — обиженно спросила она.

— Да ничем. Просто нужно же когда-то вырастать из коротких штанишек. Может, ну их, — неожиданно сказал он, — пойдем прогуляемся?

Она внезапно почувствовала, как ее окатило горячей волной: точно она погрузилась в воды тропического моря. Ощущение было таким сильным и неожиданным, что она замерла, изумленно распахнув глаза.

— Но ребята... — попробовала она возразить неуверенно.

— Обойдемся без них.

Он обнял ее за плечи загорелой рукой.

— Пошли отсюда. Я знаю одно отличное местечко.

И ей тогда даже и в голову не пришло, что «отличное местечко» он наверняка опробовал еще с кем-то, и не один раз, и не с одной. Тогда ей вообще ничего не пришло в голову.

* * *

Регина молча смотрела на нее. Она действительно была поразительно красива: в любом настроении, при любых обстоятельствах.

Сейчас она выглядела растерянной.

— Ну и что же вам нужно? — сказала она наконец.

— Не тревожьтесь, — ответила Лиза, — всего лишь поговорить.

— Хорошо, — медленно ответила женщина, — проходите.

Она повернулась, и Лиза проследовала за ней в комнату.

Почему-то она ожидала увидеть явную роскошь — может, к этому располагал белый «Шевроле», а может — и внешность Регины, но это оказалось типичное жилище современной деловой женщины: ничего лишнего, никаких сантиментов — компьютер на столе, заваленном бумагами; в углу — телевизор с огромным плоским экраном и стереосистема, на полках — в основном всяческие справочники и словари. Единственным украшением комнаты был какой-то абстрактный постер на стене. По обстановке нельзя было сказать, проживает тут мужчина или женщина.

— Садитесь, — сказала Регина, — хотите кофе?

Она, видимо, никогда не теряла головы: раз уж пришли к ней в дом, она должна выполнять свои обязанности хозяйки. Может, Регина и была коварной хищницей, не брезгующей заполучить чужого мужа, но то, как она держалась, опровергало это, и Лиза, к своему удивлению, почувствовала, как острая ненависть уступает место восхищению.

— Да, — сказала она, — если не трудно.

Регина кивнула и вышла на кухню. Через несколько минут она вернулась и поставила поднос с дымящимися чашками на низкий столик. Потом указала Лизе на кресло и уселась сама.

— Вы уж простите, — ее холодные серые глаза, в свою очередь, внимательно изучали Лизу, — я вас совсем иначе представляла.

— Это не важно, — устало ответила Лиза, — похоже, это распространенное явление.

— Все-таки согласитесь, — Регина скрестила стройные ноги, — визит несколько странный.

Она великолепно владела собой.

Лиза больше не колебалась: она достала из сумочки записную книжку Андрея и протянула ее Регине.

Та недоуменно взглянула на Лизу.

— Я нашла ее у Андрея на работе, — пояснила Лиза, — когда разбирала его вещи. Поглядите, там нет вашего телефона?

Регина, нахмурившись, начала листать страницы.

— Да, — сказала она наконец, — телефон есть. Напротив моих инициалов — Р.Г. И там еще полно таких... телефонов с инициалами.

— Вот именно, — сказала Лиза, — я подумала, что это вам будет интересно.

Регина задумалась — ее четкие брови сошлись в одну линию. Видимо, она решала, какую стратегию поведения выбрать.

Наконец она сказала.

— Не знаю, могу ли я говорить откровенно, — Лиза, да? Я боюсь задеть ваши чувства.

— Лиза задумалась. Может, и впрямь настало время заглянуть в себя, понять — а что она действительно чувствует.

Ревность? Но человек, которого она могла бы ревновать, не имел ничего общего с тем, другим, чей облик начал постепенно вырисовываться только теперь.

— Мне хочется во всем разобраться, — сказала она, — слишком много странных вещей всплыло после смерти Андрюши. Что я чувствую, это не важно... вероятно, это не имеет никакого отношения к действительности.

— То, что я скажу, не доставит вам удовольствия, — задумчиво произнесла Регина, — но я любила Андрея. Очень любила. Мне казалось... что он несчастный, задавленный семейным бытом человек, который заслуживает лучшей участи.

— Но это неправда, — тихо возразила Лиза.

— Да, — отозвалась Регина, — наверное, неправда.

«Точно, — подумала Лиза, — именно такого человека эта женщина и могла полюбить. Не наглого, не удачливого — такие вились вокруг нее, как мухи, а мягкого, требующего поддержки, беспомощного... и в то же время — мужественного, цельного. Не только страсть, но и материнский инстинкт, столь неожиданный в этой холодной с виду красавице».

И, уже не ощущая боли, просто чтобы подтвердить свои мысли, спросила:

— Он говорил что-нибудь... о семье?

— Говорил, — нехотя подтвердила Регина, — но теперь мне кажется... Ладно, это не важно. Похоже, мы обе обманывались. Ну и что же вы хотите выяснить? Про эти остальные телефоны? Но я их вижу в первый раз.

— Даже не знаю, — призналась Лиза, — может быть... он рассказывал вам что-то, чего не рассказывал мне? Что он делал, с кем встречался?

— Если он что-то мне и рассказывал, — ответила Регина, — то наверняка это точно так же не имело отношения к действительности. Впрочем... раз-другой мы с ним бывали на каких-то престижных мероприятиях — я ведь журналист. Однажды я представила Андрея одному из своих коллег, а тот после сказал, чтобы я была поосторожнее с этим человеком. Сказал, что видел Андрея раньше и запомнил его в связи с очень странными обстоятельствами. Я ему не поверила. Понимаете... этот мой приятель и я когда-то... словом, я решила, что он все выдумал.

— Какими обстоятельствами? — напряженно спросила Лиза.

— Я же говорю — я не захотела слушать. Теперь думаю, зря. Но я попробую выяснить. — Регина поднялась, тем самым давая понять, что прием окончен. — Но, Лиза, теперь мне кажется... может, не стоит будить спящих собак?

— У меня сын, — твердо сказала Лиза, — и он имеет право знать все о своем отце. Не сейчас — позже... А потом... Я все-таки хочу понять, кого я вчера похоронила.

— Да, — подтвердила Регина, — это ваше право. Я постараюсь разузнать хоть что-нибудь. Если узнаю, позвоню.

— Дать вам телефон?

Она чуть заметно усмехнулась.

— У меня есть.

— Ах, да, — тихо сказала Лиза.

Пока тревога и недоумение подгоняли ее, она не оглядывалась по сторонам и не отдавала себе отчета, который час.

Только лишь теперь, очутившись у себя в Беляеве, она сообразила, что время близится к полуночи. Вынырнув из теплого чрева метро, она оказалась на пустой темной улице — дождь загнал всех в уют и тепло квартир, а изредка попадающиеся у ларьков подвыпившие типы отнюдь не оживляли пейзаж. Идти было недолго — минут десять, но только тут Лиза поняла, до чего она устала и продрогла.

Почему пустырь такой длинный?

И тут Лиза услышала, что за ней кто-то идет. Даже не шаги, нет — но ощущение чужого враждебного присутствия было таким явным, что она похолодела.

И прибавила шагу.

С противоположной стороны огораживающего стройку забора тоже послышался звук шагов.

Кто-то преследовал ее, уже не скрываясь.

«Только не беги, — сказала она себе. — Пока идешь, еще остаешься человеком. Побежать — значит оказаться в положении преследуемого зверя».

На всякий случай она торопливо осмотрела окрестности — вдруг найдется кто-то, приличный с виду, — какая-нибудь парочка или даже компания, к которой можно будет пристроиться.

Но улица была пуста, бетонный забор, днем напоминающий кубики сахара-рафинада, сейчас мрачно белел в сумерках, отсвечивая, когда на него мельком падали лучи фар пронесившихся мимо машин; под ногами жирно блестела разъезженная грузовиками грязь, и лишь откуда-то издали, растворяясь в насыщенном водяной пылью сумраке, точно

призрачные корабли, выплывали, мерцающая окнами, серые девятиэтажки.

Лиза побежала.

Шаги с той стороны забора ускорились, и только тут она поняла, что это не один человек. Они возникли из щели между двумя сахарными плитами, вынырнули за ее спиной, точно тени во тьме. Правда, бесшумной повадкой теней они не обладали — их ботинки с чавканьем опускались в грязь, и Лиза могла уже слышать шумное дыхание.

Она побежала еще быстрее.

Забор оборвался, и тут, в чахлам скверике, они ее настигли.

— Эй, красотка, куда так торопишься? — сказал один из них и схватил Лизу за руку выше локтя.

— Нейдется суке, — второй уже дышал ей в шею, — шляется по ночам!

Она рванулась, пытаясь освободиться, но чужая короткопалая рука держала ее крепко. От страха и безнадежности все в голове у нее смешалось: она уже не понимала, обычные ли это бандиты (дурацкое словосочетание!) или же нападение это не случайно и как-то связано с содержимым спрятанной на антресолях сумки.

Вторая жесткая рука зажала ей рот; она отчаянно извивалась, пытаясь вырваться, и вот ее уже волокут куда-то, ноги ее чертят борозды в мокрой грязи.

Неожиданно тот, что держал ее, издал какой-то странный звук и разжал руки. Она, потеряв равновесие, упала, уткнувшись лицом в прошлогоднюю палую листву, встала на четвереньки.

Рядом с ней что-то происходило.

Упавший так и остался лежать на земле, издавая слабые стоны и не пытаясь подняться. Второй оказался проворнее: он отскочил, и в руке его тускло блеснул нож.

«Что там творится?» — как-то отрешенно подумала Лиза. Ей хотелось только одного: упасть, закрыть голову руками и больше не видеть всего этого кошмара.

Рядом с ней барахталось нечто непонятное, неразличимое — потом вдруг эта масса распалась: одна фигура медленно осела на землю, другая обернулась к третьему противнику. Новый участник событий двигался с такой легкостью и скоростью, что Лиза не могла уследить за ним — мгновенный выпад, глухой звук удара, и вот уже и третий нападавший валяется на земле, прижав колени к животу и слабо постанывая.

Она почувствовала, как твердая рука тянет ее вверх. Но это было совсем другое прикосновение — надежное, бережное...

— Вы в порядке? — спросил незнакомый голос.

Она с трудом встала.

Разбитые колени болели, голова кружилась...

— В порядке, — сказала она, — черт, туфлю где-то потеряла.

— Поищем, — сказал ее спаситель, — это не проблема.

Они пошли обратно к дороге, причем он продолжал поддерживать ее под руку. И правильно — иначе Лиза просто упала бы.

— А я иду, смотрю, неладное что-то, — продолжал тот, — дай, думаю, разберусь. Тут, знаете ли, женщине одной ходить опасно.

— Я тут живу, — пояснила Лиза.

— Тем более, — сухо ответил тот, — должны соображать, что к чему. Район неблагополучный. В лесу за стадионом что ни неделя, так очередной труп находят, общежития тут, институты... вот и сдают комнаты кому ни попадя.

— Где вы так драться-то научились? — поинтересовалась Лиза.

— Было одно такое место... — туманно ответил новый знакомец, — Нужно уметь за себя постоять. А иначе сами видите, что получается. Вот она, лодочка ваша.

— Каблук сломался, — сокрушенно сказала Лиза.

— До дому дойдете?

— Да, — отозвалась она, — спасибо. Дойду.

Теперь, когда они вышли на относительно освещенный участок дороги, она смогла получше разглядеть своего спасителя.

Красивый парень — легкие, уверенные движения, резкие, мужественные черты лица. Черная кожаная куртка с поднятым воротником придавала ему несколько зловещий вид. Если бы Лиза встретила его на улице такой вот темной ночью, постаралась бы отойти в сторону.

Скула у него была в крови.

— Вас ранили! — виновато сказала она.

— Какая же это рана, — возразил тот, — царапина. Вот руку этот ублюдок мне порезал. Это хуже.

— Нет, — она решительно взяла его под локоть. — Пошли. Вам нужно промыть рану, сделать перевязку. Я тут живу неподалеку.

— А что муж скажет? — поинтересовался тот. — Приводите среди ночи какого-то незнакомого типа...

— Никто мне ничего не скажет, — сухо ответила она.

Ее на миг кольнуло ощущение тревоги — нельзя же, в самом деле, тащить к себе домой совершенно незнакомого человека! Но этот человек только что спас ее от троих насильников — что еще нужно мужчине сделать, чтобы доказать свою порядочность?!

Да и какая теперь разница? Что ей терять!

Он не сказал никакой дежурной пошлости вроде «такая красивая женщина — и одна».

— Ладно, — согласился спаситель, — только ненадолго. А то метро закроется. Далеко идти?

— Вон тот дом, — она кивком указала в сторону выплывающего из тумана девятиэтажного корабля.

Остановившись перед дверью своей квартиры и шаря в измазанной грязью сумочке в поисках ключей, она почувствовала припадок мгновенной резкой слабости — а что, если ключи уже не понадобятся? Она представила себе выломанный замок, разбросанные по полу вещи... все перевернуто, перерыто...

Возникшая у нее перед глазами картина была такой явственной, что Лиза даже удивилась, когда ключ, встретив привычное сопротивление, повернулся в замке, и дверь отворилась, впуслав их в прихожую. Все было в том же порядке — вернее, в том же беспорядке, что и до ее ухода. В зеркале отразилось полузнакомое бледное лицо с длинной царапиной на щеке, темные расширенные остановившиеся глаза, и ей потребовалось какое-то время, чтобы сообразить, что это она сама и есть.

Ее новый знакомец стащил с себя кожаную куртку, оказавшись в потрепанном, вытертом на локтях черном свитере и линялых джинсах.

— Ванная там? — Он кивком безошибочно указал в сторону совмещенного санузла.

— Да, — устало ответила Лиза. Вдруг она почувствовала, что силы совсем оставили ее. Снять пальто она и то не смогла — села на стул в прихожей, да так и застыла.

— Мне нужны бинты, — подстегнул ее гость, — и йод.

— Все в аптечке в ванной, — машинально отреагировала она.

Он прошел в ванную и закрыл за собой дверь. Она скинула с себя разбитые, пришедшие в полную негодность черные лодочки, стянула пальто и, бросив все это в углу, точно кучу бесполезного хлама, прошла на кухню. Острый запах свежесмолотых кофейных зерен немного привел ее в себя, и, когда спаситель вышел из ванной (он ухитрился сам перевязать себе изрезанную ладонь), Лиза уже успела причесаться и подкраситься. Сейчас, в знакомой обстановке, она чувствовала себя немного уверенней.

— Выпейте, — она пододвинула ему чашку, — время еще есть.

Он присел на табуретку.

— В ванной я видел мужские вещи, — сказал он.

Она недоуменно поглядела на него, потом спохватилась.

— Ах, да... это Андрея. Моего мужа. Он умер. Вчера были похороны.

— Простите... — Он явно почувствовал неловкость.

— Нет-нет, — рассеянно ответила она, — ничего. Просто я никак не могу привыкнуть.

— Он болел? — сочувственно спросил незнакомец.

— Нет, — покачала головой она, — это был... несчастный случай. Он оказался на Профсоюзной, когда там произошла эта разборка... ну, между какими-то бандами.

— Да не было никакой разборки, — с досадой сказал гость, — это фээсбэшники на ментов наехали. Кто-то обознался.

— Какая разница? — Она пожала плечами.

— Значит, ваш муж подвернулся им под руку? Бедняга...

— Он умер сразу, — помолчав сказала она, — пуля попала в голову.

Гость допил кофе, оставил чашку.

— А я вам так и не представился, — сказал он, — и даже не спросил, как вас зовут.

— Лиза, — ответила она.

— Стас. Ладно, — сказал он, — я пошел. Погодите, Лиза. Если вдруг вам понадобится моя помощь... — Он достал из кармана неожиданно шикарный кожаный блокнот и паркеровскую ручку. — Вот мой телефон. Я понимаю, сейчас вам очень плохо... вам надо отдохнуть, прийти в себя...

Лиза молча кивнула.

— Что ж, — он поднялся со стула, — я пошел. А то на пересадку не успею. А вы не стесняйтесь, звоните.

Хлопнула дверь, и Лиза осталась одна.

* * *

— Не глупи, — сказала мать, — ты на себя посмотри! Совсем еще девочка! Тебе еще на ноги надо стать, получить диплом. А может, — добавила она с надеждой, — и диссертацию защитить.

«И потом ходить в старых девах до седых волос», — подумала Лиза.

— Перестань, мам, — сказала она, — можно подумать, ты сама в тридцать замуж вышла.

— Вот и зря в тридцать не вышла, — зловеще ответила мать, — где твой отец-то?

— Да ладно тебе, — она беспечно отмахнулась. — Женщине нужно выходить замуж. Иметь детей.

— С ребенком не спешите, — тут же автоматически завелась мать, — ты должна еще на ноги стать, получить диплом...

Лиза вздохнула.

— Уже некуда спешить, — сказала она.

— Что значит «некуда»?

— Я хочу сказать, поздно.

— Лизавета, — мрачно сказала мать, — ох, Лизавета, не делай глупости.

— Перестань, мама, — так же автоматически отозвалась Лиза. — Андрей хочет ребенка. Он так обрадовался...

— Я тебя предупреждала, — мать окончательно обиделась. — На мою помощь можешь не рассчитывать.

«Ничего, — подумала Лиза, — привыкнет. Поначалу они все упрутся. Может, потому, что если ты уже бабушка, на тебе окончательно стоит клеймо твоего возраста, и от него уже не отделаться. Конечно, ни одна в этом прямо не признается. Всегда найдутся какие-нибудь другие отговорки...»

— Мы сами справимся, — сказала она, — не волнуйся.

— Где ты его подцепила? — сухо спросила мать.

«Подцепила!»! Как будто это сифилис!

Она вздохнула.

— На летней практике. Он у нас геодезическую съемку вел. Подрабатывал.

— Знаю я ваши летние практики! — И, уже начиная примиряться с неизбежным: — Хорошо хоть, не студент сопливый. Сколько ему?

— Тридцать два.

— Ну, не знаю... большая разница. Женат-то был?

— Развелся. Но давно.

— А дети? Лизка, если у него уже есть дети, все Им будет. А не твоему.

— Там не было детей. Вот почему он так обрадовался.

А он действительно обрадовался.

* * *

Звонок.

На какой-то миг ей показалось, что она не может узнать окружающую обстановку, и прошло еще несколько секунд, прежде чем до Лизы дошло: она дома, в крохотной комнатке, служившей одновременно кабинетом и спальней, что в другой комнате звонит телефон, а в окно льется тусклый серый свет. Она взглянула на часы. Господи! Почти десять! Надолго же она отрубилась.

Телефон все звонил. Она спустила босые ноги на пол и побрела в гостиную. Казалось, у человека на том конце провода вот-вот иссякнет терпение, но нет — когда Лиза взяла трубку, показавшуюся ей омерзительно гладкой, чуть ли не скользкой, телефон все еще продолжал трезвонить.

— Лиза? — раздался в трубке деловой голос, и ей потребовалось еще какое-то время,

чтобы узнать Регину. Она никогда не слышала ее голос по телефону — да и без телефона один лишь раз, но именно эта холодная деловитость помогла ей сориентироваться.

— Я уже боялась, что с вами что-то случилось, — продолжала та, — Лиза, у меня странные новости. Я предпочла бы по телефону не распространяться. Вы не можете ко мне подъехать?

— Да-да, конечно, — машинально согласилась Лиза. Потом несколько пришла в себя. — Что, прямо сейчас?

— Хорошо бы сейчас. Потом у меня много дел.

А я хочу познакомить вас с тем самым человеком, о ком рассказывала. Помните?

— Помню.

— Ну, помните, я вам говорила. И поторапливайтесь — я с ним уже условилась.

Еще через двадцать минут, наспех приведя себя в порядок, Лиза влетела в вагон метро на секунду раньше, чем двери захлопнулись за ее спиной.

На Шаболовке было по-прежнему сумрачно и тихо; с деревьев капала вода, сонными голосами перекликались вороны. Не верилось, что рядом пролегала одна из самых оживленных магистралей столицы. Лиза, срезая угол, пересекла скверик у Донского монастыря и вскоре оказалась у давешнего подъезда. Белый «Шевроле» уже стоял неподалеку, и Регина, поглядывая на часы и нетерпеливо притопывая затянутой в кожу изящной ножкой, открывала дверцу.

— А, — сказала она, увидев Лизу, — хорошо. Я уж боялась, что вы передумаете.

Лиза только молча покачала головой.

— Садитесь, — та кивнула на сиденье рядом с собой.

За рулем Регина выглядела естественно — роскошная женщина в роскошной машине, но, судя по обстановке квартиры, роскошь ей была, в общем-то, безразлична. Это как-то не вязалось.

— Красивая штука, — Лиза провела ладонью по блестящей поверхности.

— А, это, — рассеянно отозвалась Регина, — я бы на такую тачку всю жизнь копила.

Один человек подарил. Два года назад.

«Надо же!» — подумала Лиза. А вслух спросила:

— Куда мы едем?

— В одно тихое место.

Они выбрались на магистраль и понеслись по направлению к центру. Покружив какое-то время по улицам, запруженным потоком автомобилей, они наконец выбрались на Герцена, и белый красавец плавно притормозил у скучного здания с вывеской «Центральный Дом литераторов».

— Пошли, — сказала Регина.

— Но сюда, кажется, по пропускам? — удивилась Лиза.

— Ничего, — Регина уже открывала дверцу машины, — меня пропустят.

Она решительно толкнула тяжелую дверь и, сказав: «Здравствуйте, Евдокия Сергевна!», прошла мимо солидной вахтерши за конторкой.

— Здравствуйте, Региночка, — пропела та. Потом посмотрела на Лизу. — Это с вами?

— Да, — небрежно ответила Регина, — со мной. — И, подойдя к раздевалке, позволила подбежавшему гардеробщику снять с себя короткое замшевое пальто.

Лиза, не дожидаясь, пока гардеробщик подойдет к ней, положила свое поношенное пальто на прилавок. Преувеличенная любезность этого пожилого человека почему-то ей

претила. Впрочем, к ней на помощь он вовсе не торопился.

В Доме литераторов Лиза не была ни разу — как-то не довелось. Не то чтобы она была равнодушна ко всяческим культурным мероприятиям, но, пока рос Максимка, не до того было. А потому она с интересом оглядывалась по сторонам и в конце концов решила, что ничего тут особенного нет. Каких-нибудь известных лиц она не заметила — по холлу бродила лишь парочка странноватых неухоженных типов. Может, подумала она, для настоящих писателей сейчас еще слишком рано. Они, наверное, раньше полудня в себя не приходят.

— Пойдем, — нетерпеливо сказала Регина, и Лиза, мельком взглянув на себя в зеркало, проследовала за ней через холл.

На табличке было написано «Буфет», и они свернули в том направлении, куда указывала стрелка.

— Проходи, — сказала Регина, — садись.

Она перешла на «ты» как-то незаметно.

«И правда, — подумала Лиза. — Все же не чужие».

И сама подивилась неожиданному цинизму этой мысли.

Она миновала стойку бара, выбрала столик в углу и села. Почти все столики были пусты, должно быть, писательский час пик и вправду еще не наступил. А пока она разглядывала стены — они были разрисованы какими-то автографами, шаржами, эпиграммами. Должно быть, они были забавными, но юмор сейчас до Лизы не доходил. От стойки отошла Регина, неся две чашки кофе.

— Может, взять тебе коньяку? — спросила она, глянув на Лизу.

Та покачала головой.

— Паршиво выглядишь, — честно сказала Регина. — Хуже, чем вчера. Или это дневной свет...

— Вчера, когда я возвращалась домой, на меня напали, — неохотно ответила Лиза, — случайный прохожий спас.

— Ну-ну, — неопределенно отозвалась Регина.

Лизе неожиданно пришло в голову: а вдруг это не просто совпадение? Неужели Регина из тех, что не могут не ревновать даже к вдове? И тут же с ужасом поняла, что у нее в голове такая сумятица, что она готова поверить чему угодно.

Регина, помешивая ложечкой в чашке, внимательно смотрела на нее. И Лизе стало стыдно — впервые за эти дни она увидела в чьих-то глазах искреннее участие; не деланное сочувствие сотрудников, которым было, в общем-то, наплевать и на нее, и на Андрея; не отработанную равнодушную скорбь агентов похоронного бюро, — видимо, эта женщина действительно любила Андрея, если способна была пожалеть его вдову.

«И что это на меня нашло!»

— Может, — предположила Регина, — у тебя еще какие-то проблемы? Может, с деньгами плохо?

Она явно принадлежала к тем трезвым людям, которые к самым большему неприятностям причисляют материальные затруднения.

— Нет-нет, — поспешно ответила Лиза, — с деньгами у меня в порядке.

«Даже слишком!»

Регина нетерпеливо поглядела на часы.

— Сейчас он должен подойти, — сказала она. — Да. Вот и он.

И правда, лавируя между пустыми столиками, к ним приближался молодой человек — очки, твидовый пиджак... Из тех, на кого стоит бросить лишь беглый взгляд, чтобы понять — все у них отлично, все благополучно. Добропорядочная семья, престижный вуз, потом — неплохо оплачиваемая работа в собственное удовольствие... Лиза таких недолюбливала, усматривая какое-то нарушение миропорядка, — уж слишком легко у них все получалось. А Регина, завидев приятеля, тут же помахала ему рукой.

— Познакомьтесь, — сказала она, когда тот подсел за их столик, — это Борис.

— Лиза.

— Очень приятно, — вежливо сказал Борис. Похоже, к Лизе он тоже не почувствовал особой симпатии. Неожиданно для себя она ощутила обидный укол уязвленной женской гордости.

«О Господи, что же это я, — одернула себя Лиза. — О чем я думаю? Нет, это потому, что никак не могу сообразить, что к чему. Вот и лезет в голову всякая чушь».

— Это о ее муже ты мне тогда рассказывал, — напомнила Регина, — об Андрее.

Теперь он поглядел на нее внимательней.

— Так значит, это был ваш муж? — И добавил: — Паршиво все получилось.

Он в задумчивости забарабанил пальцами по столешнице.

— Да что получилось-то? — не выдержала Лиза. — Вы тут, извиняюсь, при чем?

— Ну, я его видел в довольно неприглядном обществе. Если это действительно был он. Но я думаю, это был он, потому что у меня хорошая память на лица. Такая уж у меня профессия, — извинился он, — приходится все замечать. А тут случилось так, что я вел журналистское расследование. И некто — ну, один мой информатор, — обещал показать мне одного крупного авторитета. Не познакомить — просто показать. Тот был человеком постоянных привычек — информатору стало известно, где он обедает, когда наезжает в Москву. Ну, мы сняли столик в том же ресторане. Не важно, в каком. В общем, он действительно там был. И с ним был ваш муж. Я его узнал потому, что, уж извините, нас Регина друг другу представляла.

— Какой авторитет? — непонимающе спросила Лиза.

— Ну, как ни называй. Босс. Авторитет... Мафия. Теневая экономика. Но его все равно уже нет. Убит, да еще при очень загадочных обстоятельствах, царство ему небесное. Кстати, по-своему неплохой мужик был. Честный — всегда слово держал. Крови лишней не любил, все споры старался решать миром. Даже какие-то деньги на культуру отстегивал.

— Кто? — Лиза никак не могла понять, о чем Борис вообще толкует.

— Да авторитет этот. Ну вот, ваш муж тогда сидел с ним за одним столиком. Такое было впечатление, что они в неплохих отношениях, насколько это возможно.

— И вы подошли к ним? — настаивала Лиза.

— Да вы что? Меня бы и близко не подпустили. Хорошая у него была охрана. И все равно — не помогло.

— Что не помогло?

— Ну, я же говорю. Его убили. Буквально на следующий день после того обеда. Причем непонятно как. Я хочу сказать, непонятно, как это удалось, — в его же загородном доме, где полным- полно его людей. Он зашел в свой кабинет, чтобы поговорить с кем-то по телефону наедине, раздался хлопок; охранники выломали дверь (она была изнутри заперта), вбежали... он сидит в кресле с простреленной головой.

— А оружие? — с интересом спросила Регина. — Нашли?

— В том-то и дело. Обычно киллер оставляет оружие на месте преступления. А тут — унес с собой. Пристрелили его из пистолета, причем самого заурядного. «ТТ», что ли.

— Не понимаю, откуда вы все это знаете, — начала злиться Лиза, — и при чем тут Андрей.

— У меня свои источники, — туманно пояснил Борис, — говорю же, я занимался этим делом. А что касается вашего мужа... Я ведь его еще раньше заметил... Кто он по профессии, вы говорите?

— Астрофизик. Научный сотрудник. В институте.

— Ну, тем более непонятно. В общем, где-то полгода назад я был во Франции. Там бывший мой одноклассник теперь модельер в доме Диора. Ну и повел он меня в одно шикарное казино. Там-то и был ваш муж. С какой-то женщиной. И играл по-крупному.

— Андрей? Во Франции? — переспросила Лиза. — Нет, тут вы точно ошибаетесь. Он в прошлом году вообще во Францию не ездил. В Грецию... Нет, это два года назад было. На семинар какой-то, летом. В Англию, правда, этой осенью ездил, там в Гринвиче какая-то конференция была. Но вы понимаете, — серьезно пояснила она Борису, — там же нужно совсем другую визу оформлять.

— Без вас знаю, — отмахнулся он, — но я рассказал вам то, что своими глазами видел. А верить или нет, это уже ваше дело. Ей я тоже рассказывал, — кивнул он в сторону Регины, — она мне тоже не поверила. Ну что мне теперь? А вдруг я и правда обознался? — И задумчиво добавил: — Хотя сам я так не думаю.

Лиза не то чтобы не верила, — просто она уже не знала, чему верить. Словно ища поддержки, она невольно взглянула на Регину и увидела, что та сидит, сосредоточенно уставившись в одну точку.

— Это когда же ты там был? — вдруг спросила она. — Не когда этого политического радикала убили? Как его там... Лепелье?

— А, то странное убийство? — оживился Борис. — Когда его в собственном особняке, где охраны было больше, чем у ихнего премьера, нашли с простреленной головой?

— Ну да. Тебе не кажется, что ты только что рассказывал о чем-то в этом роде? Так когда он ездил во Францию, Лиза?

— Во Францию, — упрямо сказала Лиза, — он вообще не ездил.

— О, Господи! Ну, в Гринвич, куда там еще?

— То ли в октябре, то ли в ноябре. Точно не помню.

— А когда Лепелье пристрелили, точно не помнишь? — обратилась она к Борису.

— Точную дату — нет. Но примерно в это же время.

— Это легко проверить. Достаточно поднять газеты за конец октября — ноябрь. — Она вновь обернулась к Лизе. — Послушай, мне нужны все даты его поездок за последние несколько лет — все, что ты можешь вспомнить.

— Хорошо, — растерянно сказала Лиза, — я попробую. Может, в компьютере что-то есть. То, что по электронной почте приходило. Документы, приглашения, расписание конференций...

— Ты что? — У Бориса явно проснулся профессиональный интерес. — Думаешь, тут есть что копать?

— Я ничего еще не думаю. Я нюхом чувую. Журналист я или нет? Попробую что-нибудь нарыть. Да, и еще одно... Хотя об этом потом. — Она обернулась к Лизе. — Мне пора. Ты как, доберешься сама?

Та кивнула и стала поспешно выбираться из-за стола. Почему-то ей стало неприятно. Может, потому, что она увидела, как заблестели глаза у обоих журналистов. Что для них вся эта история по большому счету? Даже для Регины? Сенсация... возможность выделиться, ухватить горячую тему... даже вероятная опасность их не пугала — а может, лишь подогревала остроту ощущений.

Гардеробщик, даже не подняв глаз от какой-то газеты, принял у Лизы номерок и, по-прежнему уткнувшись в печатный текст, подал ей пальто. Лиза машинально заглянула в газету — он читал колонку знакомств и брачных объявлений.

— Вот, — сказал он скорее себе, чем Лизе, — как вам нравится? «Тургеневская девушка ищет богатого покровителя!» Ну и тургеневские девушки пошли!

— Куда-то же им надо деваться, — заступилась за тургеневских девушек Лиза.

— Вот и шли бы в санитарки... тургеневская девушка!.. Умора!

Про упадок нравов Лизе беседовать не хотелось, и она, надев пальто и мельком взглянув в зеркало, вышла на улицу, провожаемая летящими в спину комментариями гардеробщика:

— Тургеневская девушка! Ха-ха-ха!

Выйдя из ЦДЛ, она с облегчением вздохнула. Казалось, здесь, где мимо нее в обе стороны деловито пробегали нормальные озабоченные люди, кошмар рассеялся и реальность опять вступила в свои права. Но, уже сделав несколько шагов, она поняла, что понадеялась ошибочно, — кошмар продолжался.

Лиза и сама не смогла бы объяснить, как узнала, что за ней следят. Может быть, она почувствовала это по странной тяжести в затылке, по неожиданному напряжению мышц — вот так человек и может, не оборачиваясь, ощутить, что ему в спину уперся чей-то недобрый взгляд. Она прошла еще несколько шагов, но чувство не исчезало. Она как можно незаметнее огляделась по сторонам. На улице было не так уж много людей, но как опознать среди них того, одного-единствен- ного?

Нет, так не пойдет!

Лиза резко остановилась, разглядывая витрину с обезглавленными манекенами, одетыми в абсолютно не нужные ей спортивные костюмы. Кто-то один там, за ее спиной, должен был остановиться точно так же внезапно, верно ведь?

Нет.

Деловитая, безразлично снующая толпа.

Значит, она все выдумала. Потому что окончательно помешалась.

Но все-таки развернулась и быстро пошла обратно по направлению к ЦДЛ. Вновь миновала выложенное унылой телесно-розовой плиткой здание, такие же омерзительно розовые писательские морды, таращившиеся на нее со стенда в оконной витрине, и краем глаза отметила за спиной какое-то движение... замешательство.

Обернулась.

Никого.

Она свернула направо, в переулок, пробежала мимо ограды какого-то банка; несмотря на шикарную медную вывеску и мраморный подъезд, около банка было абсолютно безлюдно — такой же абсурд, как и все остальное.

Если бы за ней была слежка, тут бы ее преследователю укрыться стало бы негде.

Ей все-таки почудилось.

Но, уже когда она, бесцельно сделав круг, оказалась на Поварской и пошла по направлению к Кольцу, бесплотная тень за ее спиной слилась с мокрым стволом дерева. И

вновь никого.

Лиза прибавила шаг. Сейчас она пересечет Кольцо, направляясь к Баррикадной. Тут она наверняка потеряет своего преследователя — в такой-то сутолоке. Но ведь и он ее потеряет.

Машины сгрудились перед светофором — целое стадо, фыркающее, разъяренное, ждущее лишь знака, лишь подмигивания светящегося глаза, чтобы сорваться с места. И, судя по тому, что тротуар перед Лизой был пуст, стояли они долго — основной поток пешеходов уже схлынул. Но если она и вправду хочет избавиться от того, кто следует за ней, невидимый, неотвязный...

Она соскочила на мостовую и побежала наперерез взревевшим машинам. Не она одна — еще несколько человек впереди и сзади сломя голову неслись через дорогу, чтобы, рискуя жизнью, сэкономить минут пять своего драгоценного времени.

И тут колонна машин тронулась.

Лиза сделала еще несколько шагов и оказалась на разделительной полосе; машины обтекали крохотный островок, на котором топталась застигнутая этим механическим половодьем горстка людей.

«А что, если кто-то не справится с управлением?» — подумала она.

И ей потребовалось усилие, чтобы заставить себя неподвижно стоять на одном месте.

Остальные застигнутые врасплох пешеходы спокойно ожидали рядом — видимо, нервы сдали у нее одной, — и только чертыхались, когда какое-нибудь колесо, промчавшись мимо, обдавало их мелким дождем грязных брызг.

И вдруг она увидела, как приближающаяся легковушка, вильнув на скользкой дороге, метнулась в ее сторону. Толпа сзади напирала, выталкивая ее за ограничительную полосу, а навстречу, точно слепой рок, неслась омерзительная механическая харя с оскаленной решеткой радиатора и выпученными глазами-фарами. Должно быть, это длилось какой-то миг, десятую долю секунды, но Лизе показалось, что время застыло, словно кто-то остановил кадр киноленты.

Лиза почувствовала, как теряет равновесие и медленно — очень медленно — скользит под колеса.

Тут чья-то сильная рука подхватила ее под локоть и дернула назад. Оскаленная харя пронеслась мимо, обдав Лизу потоком воздуха и смрадными испарениями бензина. Она снова стояла за белой линией, машины мчались, не задевая ее; колени у Лизы подгибались, но она уже приходила в себя. Тут только Лиза оглянулась, чтобы поблагодарить неведомого спасителя. Но за ней тесной кучкой стояли застигнутые на островке люди с невыразительными, скучающими лицами — похоже, никто даже не заметил, чтостряслось или могло стрястись, — так быстро все произошло. Лиза едва успела перевести дыхание, как светофор на противоположной стороне улицы вновь мигнул, невидимая плотина остановила стальной поток — люди хлынули через улицу, кто-то уже обогнал ее, кто-то бежал навстречу, и она ступила на узкий тротуар, не ощущая больше ничего, кроме дурноты и странного изумления — неужели все могло вот так, просто и быстро кончиться? Вытолкнули-то ее скорее всего не нарочно — просто на нее напирала несколько человек. А она уже была не в себе и не смогла вовремя сориентироваться. Лежала бы сейчас под машиной, или нет, та бы ее так долбанула, что Лиза отлетела бы на середину проезжей части и по ней бы уже не одна тачка проехала. И почему этого все-таки не случилось? Кто-то помог ей, да, но какая же для этого нужна была реакция! Ведь остальные даже не успели

осознать, что происходит. Быть может, кто-то по-прежнему продолжает идти за ней следом?

Оказавшись дома, она стащила пальто и с трудом повесила его на вешалку. Потом, просидев какое-то время в кресле, неподвижно глядя перед собой, поднялась, побрела в спальню-кабинет и устроилась перед компьютером. Управляться с ним Лиза умела и раньше: иногда пользовалась, набивая таблицы для лабораторных отчетов. Но на этот раз экран показался непривычно пустым. Все файлы, созданные Андреем для своих нужд, были стерты. «Тот, ночной посетитель, — подумала Лиза. — Это он... его рук дело».

Она потерла рукой лицо, выключила машину И, подойдя к телефону, набрала питерский код. Несколько долгих гудков — сердце у нее неприятно заныло, — и наконец в трубке раздался голос мамы.

— Господи, Лизавета, это ты? А я тебе звонила-звонила! Где ты шляешься?

— Да дела всякие... Не волнуйся.

И вдруг ее кольнуло сташное предчувствие.

— Зачем ты звонила? Что-то стряслось? Что-нибудь с Максимкой?

— Да все в порядке с Максимкой!

— Он не болен?

— Нет! Не волнуйся. Его буквально вчера санитарный инспектор осматривал — все в порядке.

Она похолодела.

— Какой санитарный инспектор?

— Какой-то районный! Он по всем квартирам ходил, где есть дети. В доме у кого-то подозрение то ли на корь, то ли на скарлатину, я так и не поняла. Он и осматривал Максимку. Сказал, что все в порядке.

— Где он? — закричала в трубку Лиза.

— Кто? Инспектор? Ушел давно.

— Да нет же! Максимка где?

— Тут. Сидит читает. Жалуется, что ему без компьютера скучно.

«Без отца ему не скучно, на мать ему плевать, а без компьютера скучно», — мелькнуло в голове у Лизы.

— И он в порядке? — вновь переспросила Лиза.

— Лизавета, не психуй! Приезжай лучше сюда, нечего тебе там одной делать! Ты только послушай, какой у тебя голос...

— Ладно, — механически ответила Лиза. — Приеду.

И опустила трубку на рычаг.

* * *

Теперь Лиза боялась ночи, — размытая грань между реальностью и кошмаром, которую она кое-как еще способна была различать днем, ночью совершенно исчезала. В собственном доме она больше не чувствовала себя в безопасности и, засыпая, старалась вызвать в памяти склоненное над ней лицо мужа; но оно менялось, расплывалось, черты искажались, — и вот уже перед ней был совсем другой человек с недобро блестящими глазами. Стены ее спальни сжимались, превращая комнату в подобие склепа, чудовищной металлической утробы; с потолка лился холодный свет; она не могла пошевелить пальцем. Чьи-то чужие руки

прикасались к ее обнаженному телу — холодные, равнодушные.

Бледное, бесцветное, омерзительное лицо с огромными остановившимися темными глазами маячило в сумраке перед ней.

О Господи! Нет!

Задыхаясь, Лиза села на постели.

Кошмар отступил, оставив какое-то нехорошее ощущение достоверности. Словно она еще чувствовала на теле эти липкие холодные прикосновения.

Лиза включила свет и побрела на кухню.

Газовая горелка расцвела во тьме, точно синий Цветок, и, двигаясь в ее призрачном свете, Лиза согрела себе кофе. Но густая горячая жидкость, хоть и взбодрила ее, не смыла ночных кошмаров. Лиза зажмурила глаза — белесое пустое лицо вновь всплыло перед ней, и тут она поняла, откуда ей на ум пришло именно это определение — пустое; на нем не прорисовывалось ничего, кроме огромных темных блестящих глаз, — безносое, вместо рта какая-то тонкая безгубая щель... Лиза затрясла головой и открыла глаза — знакомая, приевшаяся обстановка, стандартный кухонный гарнитур, плита, мерцающая синим светом...

— Я сошла с ума, — сказала она вслух.

И, услышав свой голос, окончательно в это поверила.

Глава 2

— Господи, Лизочка! — ахнула Крутицкая, когда Лиза вошла в унылое помещение лаборатории. — На кого ты похожа!

— Я плохо сплю последнее время, — равнодушно ответила Лиза.

— Ты бы отпуск взяла! Поехала бы к маме, отдохнула.

— Обязательно, — рассеянно сказала Лиза. — Я, собственно, за тем сюда и пришла. Шеф у себя?

— У себя. Он уже несколько раз тебя спрашивал.

Лиза вздохнула и направилась в крохотный кабинет. Только ей сейчас и не хватало всяких тонких дипломатических игр, которые никто, кроме самого шефа, до конца и не понимал.

— Садитесь, Лизанька, участливо сказал шеф, — что-то вы неважно выглядите, голубчик.

«Чересчур он любезен, — подумала Лиза. — Что-то, видно, ему от меня нужно. Интересно, что?»

— Как Максимка? — На лице шефа отразилось такое живейшее участие, что, если бы Лиза шефа знала хуже, она бы и впрямь поверила, что ему не все равно.

— Спасибо, — сказала она, — ничего.

— Он еще у мамы?

Она молча кивнула. А сама подумала: «Интересно, он знает про эту историю со скарлатиной? И кто вообще хоть что-то про это знает?»

— Вам надо отдохнуть, голубчик, — продолжал шеф тем временем. — Развейтесь. Оформляйтесь. Собственно, я уже все устроил, от вас ничего не нужно... две фотографии...

— Куда оформляться? — не поняла Лиза.

— Как куда? — в свою очередь, удивился шеф. — В Англию. Лондон! Букингэмский дворец! Тауэр! Я же говорил вам.

«Точно, — подумала Лиза, — говорил. У меня просто в голове не задержалось. А он, видно, думает, что каждый готов удавиться за эти заграничные командировки... что я все эти дни хожу и думаю — как бы это мне на халяву в Лондон съездить...»

— Вы себя недооцениваете, Лизанька, — тем временем ворковал шеф, — вы же блестящий работник. А мы не ценим нашу молодежь. Вот она и уходит из науки в коммерческие структуры всякие. А вот если бы молодых продвигали, зарплату повышали... если бы перспективы были... Степени у вас, правда, нет. Диссертацию писать нужно, Лизанька. Вам, правда сейчас не до того. Ну а я на что?

«Кадрит он меня, что ли? — удивилась Лиза. — Не может быть!» В любвеобильности шефа она несколько не сомневалась, но точно знала, что не в его вкусе — ему нравились маленькие пышные брюнетки.

— Господь с вами, Валерьян Валерьянович, — остановила Лиза этот поток сиропа, — не хочу я ни в какой Лондон. Вы уж простите.

Шеф неожиданно подобрался и уже совсем другим голосом, в котором прозвучал металл, сказал:

— Что значит «не до того»? Вы пока еще тут на окладе, Лиза. Это ваша работа. И я не могу подводить людей — я уже договорился. Так что, будьте любезны, возьмите себя в руки.

«В первый раз вижу, чтобы человека так выпихивали в Англию, — удивилась про себя Лиза, — тут что-то не то».

— Зато я могу людей подводить, — решительно сказала она. — Мне плевать на них, на этих ваших людей. Я вообще уволиться хочу. Как раз пришла заявление подписывать.

Вообще-то Лиза не врала Крутицкой — она действительно собиралась брать отпуск за свой счет, за тем и пришла, но тут, после того, что этот зомби так на нее напел, решила, что с нее хватит.

Шеф вновь смягчился, так же неожиданно, как вышел из себя.

«Это все маска, — подумала Лиза, — личина. Он притворяется то любезным, то рассерженным — смотря по тому, что от него требуется. Может, он и вправду вообще ничего не чувствует? Просто не знает, как это делается?»

— Ну что вы, дорогая! — ласково проговорил он. — Не делайте поспешных шагов, голубчик. Подумайте. Время еще есть.

Он снял свои темные очки и уставился на нее неподвижными серыми глазами. Зрачки у него были, как точки.

— Тем более, Лизанька, — продолжал он, — если откровенно, может получиться так, что вы не скоро сумеете найти себе новую работу.

— Вы что, угрожаете мне, Валерьян Валерьянович? — удивилась Лиза.

— Что вы, что вы, Лизанька! Предупреждаю!

Неужели то ведомство, в котором шеф служил на основной работе, еще сохранило такую силу, что способно подпортить ей дальнейшую карьеру? И зачем? Тем более, какая это карьера? Кому она нужна? Она же никто — научный сотрудник, заштатный, беспшанный. Этот интриган намекает, что ей не следует рыпаться. Кому-то нужно, чтобы она оставалась здесь, — нужно настолько, что они готовы отстегнуть увесистую прибавку к зарплате, чтобы заткнуть ей рот. Повысить ее, послать в Англию, — и вообще, при чем тут эта Англия? Или все-таки у нее паранойя? Нет, сейчас она ничего не сообразит — лучше дать задний ход. Этим она хоть время выиграет.

— Хорошо, — сказала она, — я подумаю. Но, мне сейчас очень плохо. Нервный срыв. Я просто не в состоянии работать.

— А вам и не нужно работать, голубчик, — воскликнул шеф, — съездите в Лондон, отдохнете. Обстановку вам надо сменить, вот в чем дело! А пока, конечно, посидите дома, отдохните. Нет-нет, никакого заявления — сидите так, неофициально. Мы же не формалисты — сколько я вам твержу! Мы же свои люди! Одна семья!

«Банзай сплошной! Япония какая-то, — подумала Лиза, — муравейник. Коллектив — одна большая семья. Недаром его, мне рассказывали, еще в институте Камикадзе прозвали».

Она вышла из кабинета в совершеннейшем отупении и утомленно плюхнулась на стул.

— Ну что? — спросила пробежавшая мимо Катюша.

— Он не формалист, — рассеянно пояснила Лиза, — он свой человек.

— Знаю я, кому он свой человек, — мрачно отозвалась Катюша. — Что это он за тебя взялся так круто?

— Ума не приложу, — устало отозвалась Лиза.

— Может, его совесть заела? Столько лет о тебя ноги вытирал?

— Откуда у него совесть?

— Значит, ему от тебя что-то нужно.

— Вот и я так думаю. Только — что?

— Ладно, — бодро сказала Катюша, — догадаешься, скажи. Может, другим пригодится. А я побежала. Мне еще пропуск аспиранту какому-то оформлять.

Лиза попыталась собраться с мыслями, но они разбегались, как шустрые лабораторные тараканы. Нет, так не пойдет...

Она подняла телефонную трубку и набрала номер Регины.

Та оказалась дома.

— Ну что? — сразу спросила она.

— Есть, — отозвалась Лиза. — Правда, немного. Продиктовать?

— Нет, — решительно прервала ее Регина, — лучше приезжай, если можешь.

Поговорим.

— Ладно, — согласилась Лиза. — Тем более, мне надо обсудить кое-что.

— Есть новости?

— Не знаю...

Уже оказавшись на Шаболовке, в квартире Регины, она почувствовала себя лучше. Унылые, изгаженные стены лаборатории нагоняли на нее тоску, а дома она почему-то испытывала страх. Ощущение чьего-то внимательного и настороженного присутствия так и не исчезло. Здесь же, в рациональной и удобной обстановке, она смогла хоть немного расслабиться — все было так здраво и так комфортно обустроено, что сообщало миропорядку ощутимую стабильность.

Регина принесла из крошечной кухни поднос, уставленный тарелками.

— Поешь немного. Ты хоть завтракала?

— Чай вроде пила, — неуверенно ответила Лиза.

— Вот я гляжу, какая-то ты бледная чересчур. Давай, наворачивай.

Хозяйственностью она не отличалась и готовкой себя не утруждала. Сыр, какой-то салат в баночке и слегка зачерствевший хлеб. Но только тут Лиза сообразила, до чего она проголодалась.

— Ну, — спросила Регина после того, как гостя подмела все, что было на подносе, — что ещестряслось?

Лиза только пожала плечами.

— Насчет поездок что-нибудь выяснила?

— Да, — Лиза потянулась за сумочкой, — правда, ничего в компьютере я не нашла. Стер там все кто-то... Может, сам Андрей, а может... Но вот в столе несколько старых программ с конференций. На них он точно ездил.

— Я займусь этим завтра, сразу, как на работу приду, — сказала Регина, пряча документы в изящный портфель. — Ну а теперь выкладывай, что там еще такое приключилось?

— Регина, — тоскливо сказала Лиза, — я, кажется, сошла с ума.

— Ну-ну, — спокойно отозвалась журналистка, — не выдумывай. Нервы у тебя, конечно, ни к черту, но на сумасшедшую ты не похожа. С чего ты взяла?

— Мне кажется, что меня кто-то преследует. Кто-то следит за мной. Но я бы поняла, если бы меня хотели убить, например. Не знаю, правда, кому и зачем это понадобилось бы... Но ведь наоборот. Тот, кто следит за мной, — он меня спас.

И она рассказала о вчерашнем происшествии на переходе.

— Гм... — Регина, прищурившись, смотрела на нее, — а ты уверена, что тебе не померещилось?

Лиза на миг задумалась.

— Чем больше я об этом думаю, — честно сказала она, — тем меньше уверена.

— Это хороший признак, — неожиданно заявила Регина. — Ну а что еще?

— Кто-то отслеживает Максимку.

— Сына?

— Да.

И она рассказала про странные визиты.

— Совпадение, — деловито предположила Регина.

— Может быть... На работе шеф намекнул, что, если я уволюсь, у меня будут неприятности. То всегда на побегушках была, а тут вдруг оклад чуть не вдвое повышают.

— Странно все это, — задумчиво сказала Регина, — может, тоже совпадение, а может... слишком уж много совпадений получается. А кто он вообще, шеф твой?

— Темная лошадка. На кого-то он работает, это точно.

— Фамилия как?

— Вышинский.

— Хорошо не Берия. Ладно, я попробую узнать, кто такой.

— В Англию чуть не силком выгалкивают.

— Странно... — повторила Регина. — Слушай, а вдруг... кому-то очень надо убрать тебя на время из страны?

— Зачем?

— Не знаю. Может, чтобы ты под ногами не путалась. Или, например... — она запнулась.

— Что например? Договаривай, раз начала.

— Кто-то еще тобой очень интересуется. Вот и отправляют, чтобы вывести тебя из-под наблюдения. Англия не та страна, знаешь, куда легко за человеком «хвосты» гонять.

— Да кому я нужна?

«Деньги, — подумала она, — деньги и оружие... Да, но проще было бы обыскать квартиру в мое отсутствие, чем устраивать такую сложную интригу. Что им стоит — при таких-то возможностях. Или прищучить меня как следует — я бы все тут же выложила. Сама. Например, Максимкой припугнуть... О Господи! Санинспектор этот! Но ведь он ничего не сделал. Мама говорит, пришел и ушел...»

— Послушай, — вдруг прервала поток ее мыслей Регина, — а что ты вообще о нем знаешь, об Андрее? Друзья?

— Не было у него так уж много друзей. Он ведь вроде все время работой занят был... Сослуживцы. И еще Серега — ты его знаешь. Они раньше вместе где-то работали. Все.

— А родители?

— Родители... — она вдруг сообразила. — Боже, с родителями что-то странное. Я ведь знакомилась с его матерью — когда она в Москву приезжала. Отец у него вроде умер давно. Еще брат был. Но когда я послала им телеграмму о его смерти, на почте мне сказали, что ее не приняли — там просто нет такого адреса, в Свердловской области.

— Ты хочешь сказать... — Регина не могла скрыть глубокого удивления.

— Сама не знаю, что я хочу сказать! — Что-то вдруг прорвалось в ней, словно рухнула какая-то запруда, и Лиза неожиданно для себя горько заплакала, уткнув лицо в ладони. — Я не понимаю, что происходит! Позавчера ночью в квартиру человек какой-то влез! Это он все в компьютере потер, говорю тебе! Черный, лица нет... Потом, вечером, когда я домой

возвращалась, на меня на улице напали. Потом вся эта история на перекрестке... Что творится? Кто меня преследует? Где Андрюшины родители? Кто он вообще такой? Я уже не знаю, за кого я замуж выходила! Это же не человек — тень... оборотень! Я уже ничего не знаю.

— Ну-ну. — Регина похлопала ее по плечу, — успокойся. Нельзя так убиваться. Мы все выясним. Это же не мистика — должно быть какое-то логическое объяснение. Всегда должно быть. На вот, выпей.

Лиза судорожно глотнула обжигающий чай.

— Таблетку дать тебе? Реланиум?

— Нет, — она утерла слезы. — Не нужен мне твой реланиум. Я и так точно во сне хожу.

— Ладно, — покладисто сказала Регина. И вдруг замерла с чашкой в руке, потом осторожно поставила ее на столик.

— Ты чего? — Лиза испугалась. А вдруг и здравомыслящая Регина сейчас свихнется у нее на глазах?

— Мне только сейчас пришло в голову, — тихо сказала Регина. — А так ли случайна была эта смерть?

— Что?

— Ведь из прохожих только он один пострадал. Тебе не кажется, что это на редкость странное совпадение?

— Что значит странное? — удивилась Лиза. — Любое совпадение странное. Если бы... еще кто-то погиб, его родственники тоже сейчас бы спрашивали «ну почему именно мы?».

— Но потом бы не началось никаких темных историй. Разве нет?

— Не знаю. — Лиза недоуменно нахмурилась. — Я об этом не думала.

— Теперь, после всего что ты рассказала... Послушай, завтра с утра я подниму вырезки, а потом подъеду, поговорю с его следователем. Или еще с кем-нибудь. С тем же патологоанатомом. Следователь — человек подневольный, а тут... может, что и удастся вытрясти. В каком морге он лежал?

— В Черемушках, — устало сказала Лиза. — Институт физиологии человека и животных знаешь? Там во дворе морг. Туда свозят всех погибших не своей смертью. Это от Новых Черемушек автобусом. Я только не помню, каким. Я ничего не помню.

— Ничего, я на машине!

— Там перед входом еще такая скульптура странная стоит.

— А, теперь поняла. Это Сидур. Их всего две в городе, его скульптуры, одна там. Знаю я это место. Ладно.

Сидур так Сидур. Лиза так и не поняла — то ли это фамилия, то ли название какого-то материала. Но выяснять ей не хотелось — хватит того, что Регина поняла, о чем речь идет.

— Может, что-то и удастся из этого патологоанатома выжать, — продолжала Регина. — Так что я тебе завтра позвоню. Как только узнаю хоть что-нибудь. А хочешь, поживи пока тут. Если тебе дома страшно одной оставаться.

— Нет, — покачала головой Лиза, — я пойду.

Дома — это все-таки дома. А тут ей места не было. Похоже, ей нигде больше не было места.

И опять, подходя к обшарпанной двери своей квартиры, Лиза ожидала неизвестно чего: что на плечо ей, пока она ковыряется в замке, опустится чья-то тяжелая рука; что дверь

окажется открыта, и на нее глянут из тьмы пустой квартиры слепые глаза существа из давешнего кошмара.

Но дома все было тихо. Слишком тихо.

Какое-то время она стояла, положив пальцы на телефонную трубку. На душе у нее было муторно. Она попыталась вызвать в памяти Андрея — его лицо, насмешливую улыбку, прищуренные серые глаза; но черты лица расплывались, менялись — и вот в памяти не осталось уже ничего, кроме туманного силуэта.

Лиза вздохнула и, взглянув на подсунутый под телефон квадратик бумаги, набрала номер.

— Да, — раздался в трубке негромкий мужской голос.

— Стас? — сказала она неуверенно. — Не знаю, вы меня еще помните... Это Лиза.

— Да, — подтвердил он, — не так уж часто удается спасти от грязных насильников молодую красивую женщину.

— Я хотела вас поблагодарить, — сказала она. И замолчала, не зная, что добавить. «Зачем я вообще позвонила?» — спрашивала она себя.

На том конце провода он тоже молчал.

Потом сказал:

— Вам очень плохо?

— Что?

— Вам плохо. Иначе бы вы мне не позвонили.

Она вновь помолчала.

— Да, — призналась она наконец. — Мне очень плохо. И... мне страшно.

— Я сейчас приеду, — деловито сказал он.

— Нет-нет, — поспешно отозвалась она, — не надо... я просто...

— Понимаю, — сказал он, — вам просто захотелось услышать чей-то голос. Может быть, если сегодня вы слишком устали, я завтра вечером заеду за вами и мы пообедаем где-нибудь?

— Хорошо, — согласилась она и сама удивилась такой своей стоворчивости. — Только... где не слишком шикарно.

— Заметано, — ответил он, и по его голосу Лиза почувствовала, что он улыбается.

«Понял, что мне нечего надеть в приличный ресторан, — подумала она. — Что поделывать! Я уже столько лет никуда не выходила — только в гости к тому же Сереге или к Варваре и... и все».

— Значит, я позвоню, — сказал он, — и чтоб к моему приезду вы были в лучшем виде!

Она уже хотела запротестовать, сказать, что передумала, но он успел положить трубку.

«Что я делаю, — промелькнуло у Лизы в голове. — Зачем?» Но она отлично понимала — зачем. Земля уходила у нее из-под ног, и ей необходимо было за что-то ухватиться. А память об Андрее уже не могла ее удержать — не было такого человека. О ком вспоминать? О безликой, изменчивой тени?

* * *

Свет здесь был зеленоватый и какой-то неправильный, муторный. Он лился из скрытого источника, освещая плавные изгибы стен, холодный блеск странных инструментов,

разложенных на плоской поверхности. «Где я?» — подумала Лиза. Она понимала, что спит, но место ей приснилось очень уж поганое, и теперь она отчаянно старалась проснуться, чтобы выбраться отсюда, или усилием воли, как это бывает лишь во сне, перенестись в какой-нибудь другой пейзаж, поприятней. Но ничего не получалось. Она напряглась, пытаясь скинуть с себя путы сна, и тут поняла, что есть и другие путы — что-то мягкое, липкое охватывало ее запястья и щиколотки так, что она не могла пошевелиться. Раздался тихий низкий гул, и из потолка выдвинулся странный раструб, который стал медленно приближаться к ее лицу.

— Нет! — попыталась закричать Лиза.

И поняла, что не в состоянии крикнуть, — лицо у нее было стянуто какой-то плотной маской, не мешающей дышать, но не дающей открыть рот. Какая-то тень мелькнула там, за раструбом, — и ей показалось, что она узнала Андрея. Он стоял в углу, наблюдая за ней, и спокойно улыбался. Потом что-то случилось: то ли зеленоватый свет был тому виной, то ли зыбкий кошмар вконец овладел ею, но лицо его стало постепенно меняться — и вот это уже не Андрей, а некто чужой, незнакомый... и вообще... черты лица сгладились, пропали, остались одни лишь огромные глаза на белой плоской поверхности. И эти глаза наблюдали за ней... внимательно, неотступно. В них не было ни тепла, ни жалости. И это и было самое страшное.

— Нет! — вновь в ужасе попыталась крикнуть Лиза.

И усилие было таким отчаянным, что разбудило ее.

Она лежала на своей кровати, а электронные цифры на часах в изголовье освещали комнату призрачным зеленоватым светом.

* * *

Регина сложила разбросанные на рабочем столе бумаги в аккуратную стопку, потом, поколебавшись немного, спрятала их в портфель и, склонившись над телефоном, набрала номер. Когда на том конце провода сняли трубку, она сказала, прикрыв ладонью микрофон:

— Ты дома? Хорошо.

— Ну что там? — встревоженно спросила Лиза.

— Да.

— Что «да»?

— Только одно слово — да.

— Ты откуда говоришь? — наконец сообразила Лиза. — С работы, что ли?

— Ага. Слушай, ты не дергайся. Сиди дома. Я еще в морг съезжу, а потом сразу к тебе ладно?

— О Господи, — почти беззвучно произнесла Лиза на своем конце провода.

— Послушай, — досадливо поморщилась Регина, — я сейчас не могу с тобой разговаривать. Подожди, пока я приеду.

— Это неправда, — как-то механически произнесла Лиза. — Ты, наверное, все-таки ошиблась.

— Правда.

В трубке воцарилось молчание. «Бедняга, — подумала Регина. — И как она все это выдержит? Хотя девочка крепче, чем кажется на первый взгляд».

Регина накинула пальто и, небрежно кивнув коллегам, направилась к выходу.

— Что, Регинка, наклевывается что-то? — окликнули ее.

— Так, — сказала она небрежно, — по мелочи.

Дверь за ней закрылась.

— Везет этой Регинке! — вздохнула ей вслед какая-то бесцветная редакционная девица. — Все при ней. И талант, и лицо, и фигура. Живет небось в свое удовольствие!

Белый автомобиль затормозил у странно перекрученной, но чем-то выразительной скульптуры перед воротами института. Надпись на вывеске гласила: «Институт физиологии человека и животных АН СССР». «Забыли сменить», — подумала Регина. Калитка была открыта — видимо, жесткой пропускной системы тут не было. Да ей и не нужно было в институт — обогнув его, она остановилась перед приземистым одноэтажным зданием морга. Ей показалось, что изнутри тянуло холодом, точно из глубин Дантова ада.

Какая-то пожилая женщина, пошатываясь и прижимая к глазам скомканный носовой платок, вышла из тьмы и остановилась на пороге, отшатнувшись от солнечного света, как от удара. Женщина помоложе, но также скромно одетая, вышла следом, обхватила ее за плечи.

— Пойдем, пойдем, мама...

«Сколько горя», — подумала Регина. Обычно она старалась не пропускать чужое страдание через себя: от журналиста уже по роду работы требуется холодная наблюдательность и самообладание, почти душевная черствость.

Миновав эту скорбную пару, она еще на миг задержалась в дверях, внимательно взглядываясь в крохотное зеркальце. За время своей работы она хорошо усвоила, как много значит для женщины внешность, — красивой женщине легче пройти туда, куда дурнушке путь заказан, а мужчины, стараясь ей услужить, становятся гораздо откровеннее. Женщин, правда, на эту удочку не поймает — скорее наоборот. Но женщины никогда ее особенно не интересовали.

Подкрасившись, поправив прядку и вновь мельком взглянув в зеркальце, чтобы убедиться, что выглядит безупречно, Регина небрежной и плавной походкой вошла в залитый холодным светом люминесцентных ламп коридор морга.

В таких учреждениях ей бывать приходилось, правда, не часто — криминальной хроникой она не занималась никогда. Но она все же знала: для того, чтобы выяснить желаемое, вовсе не обязательно рыскать по огромному холодильнику, где лежат распотрошенные покойники... в любом заведении, даже в таком мрачном, всегда есть дежурка, где сотрудники могут выпить чаю или кофе, перекурить, расслабиться и поговорить о чем-нибудь более привлекательном, чем накрытые белыми простынями холодные тела за перегородкой.

А потому она, намеренно звонко цокая каблучками по бетонному полу, направилась туда, где из-за полуприкрытой двери доносились громкие голоса и смех.

То, что люди могут смеяться в таком неподходящем месте, ее уже не удивляло. Такое уж существо человек: привыкает ко всему. Регина побывала в таких переделках, вела репортажи из таких мест, где, казалось, люди, поставленные на грань биологического существования, должны были бы забыть про то, что на земле существует радость. Но при этом они продолжали жить, улыбаться, крутить романы, словно не замечая тех нечеловеческих условий, в которых все это происходило.

Она рывком распахнула дверь и остановилась на пороге, отлично сознавая, какой

эффект произведет такое появление.

Перед патологоанатомами, лаборантками и практикантами в изъеденных кислотами и заляпанных побуревшими застарелыми пятнами халатах в дверях возникла женщина, отвечающая стереотипным представлениям об удаче, молодости и физическом совершенстве. О таких в объявлениях по найму пишут: «европейская внешность». Трудно объяснить конкретно, что это значит, поскольку пройти конкурс наравне с белокурой валькирией может и загадочная азиатка, и длинноногая негротянка, но все отлично понимают, что имеется в виду.

Молодость, здоровье, красота. Удача. И кто бы знал, каких усилий требуется, чтобы держаться в этой форме, — с годами все больше и больше.

— Добрый день, — ослепительно улыбаясь, сказала Регина, — прошу прощения, но мне нужна ваша помощь.

— Вы по какому вопросу? — сухо спросил немолодой мужчина в очках. «Такого с налету не возьмешь, — подумала Регина, — этот навидался всяких разных женщин. В том числе и на каталках, укрытых простынями. Заведующий? Или как там называется эта должность у них в морге?»

— Простите, пожалуйста, — сказала она, автоматически убрав белозубую улыбку и придав лицу соответствующее обстановке скорбное достоинство, — я бы очень хотела поговорить с тем, кто... Шесть дней назад к вам поступил Андрей Панин. После перестрелки на Профсоюзной.

Про перестрелку на Профсоюзной знали все — такие события нечасто происходят почти в центре города да еще среди бела дня, на глазах у изумленных прохожих.

— А вы кто? — спросил старший, подозрительно ее разглядывая.

Она с достоинством вздернула голову и поглядела ему в глаза из-под опущенных ресниц натурального (в отличие от ослепительного золота ее волос) черного цвета.

— Сестра, — сказала она без выражения. — Я живу в Мурманске. Телеграмма пришла поздно. Пока я добиралась... вот...

— У него вроде жена есть, — сказал старший. — Почему она с вами не приехала?

— Она убивается очень, — мягко объяснила Регина, — не может тут появляться. Хотите, я ей позвоню? Пусть приедет. Ей, конечно, дорого это обойдется, бедняге. Где тут у вас телефон?

— Ладно-ладно. — Видимо, медик представил рыдающую в дежурке женщину, которую придется отпаивать корвалолом, — Не нужно. Но я все-таки не понял. Что вы хотите выяснить?

— Я и сама не знаю. — Регина продолжала честно смотреть ему в глаза. — Но я хотела бы поговорить с человеком, который... может, он хоть объяснит мне, как все произошло. Он хоть... — она начала рыться в сумочке в поисках носового платка, — по крайней мере, не мучился?

— Господи! — поморщился медик.

— Я поговорю с ней, Лев Семенович, — вмешался молодой человек, на халате которого разноцветные пятна имели особенно причудливые очертания, — поговорю. Вы тут хотите побеседовать? — обратился он к Регине.

— Нет, если можно, — ответила она, утирая платком сухие глаза. «Хоть бы одну слезу выдавить», пронеслось у нее в голове, ведь она так плакала, когда Андрея хоронили. Что же все так быстро ушло? — Тут слишком много народу.

— Тогда пойдёмте.

Она уже полагала, что он заведет ее в какой-нибудь уютный закуточек за каталками, но он повел ее в коридор, где в торце неохотно пропускало солнечный свет поразительно грязное окно.

Он, легко подпрыгнув, присел на подоконник.

Регине это не понравилось — она осталась стоять напротив, на виду, освещенная хоть скудным, но безжалостным апрельским солнцем, выдающим то, что она хотела бы скрыть, — мелкие морщинки у глаз, темнеющие корни волос, застарелую усталость и жесткость взгляда. Сам он едва виднелся на фоне окна смутным силуэтом — темным и безликим.

— Так все-таки о чем вы хотели поговорить, — спросил он, — и, простите, как вас зовут?

— Регина, — сказала она, — Регина Гальперина. А вас?

— Лукин. Павел Лукин.

Он с минуту помолчал, разглядывая ее. Потом спросил:

— Вы правда его сестра?

Регина на миг заколебалась, пытаясь оценить обстановку. Соврать? Либо он поверит — тогда все в порядке. Либо насторожится. И с чего ему тогда откровенничать, если она с самого начала не сумеет расположить его к себе!

— Нет, — сказала она.

И рассчитала правильно.

Он не выказал никакого удивления, лишь задумчиво кивнул головой, в подтверждение каким-то своим мыслям.

— Так я и думал, — удовлетворенно сказал он, — а теперь выкладывайте.

— Сначала вы.

— Нет уж. Вы сюда пришли. Значит, вам больше надо. Вы кто?

Она протянула ему свое журналистское удостоверение.

Он какое-то время внимательно его рассматривал. Потом вернул, изумленно взглянув на нее.

— Откуда вы знаете?

Вот это номер! Она вновь начала торопливо просчитывать варианты.

— У меня свои источники, — сказала она излюбленную фразу своего круга.

— Что, Ленка стукнула? Так я ей вроде ничего не говорил. Дал препараты на обработку, и все.

— Нет, — сказала она спокойно, — Ленка тут ни при чем. Просто... так получилось, что я знаю о нем немножко больше, чем остальные.

— А... — протянул он, внимательно на нее глядя. — Понятно. И вот теперь вы собираете материал в расчете на сенсацию? Вынужден вас разочаровать. Сенсации не будет.

Она покачала головой.

— Я пока не думала ни о какой сенсации. Хотя... нет, вру. Каждый журналист об этом думает. Но в первую очередь, как ни странно, я думаю сейчас о его вдове. И его ребенке.

— А там есть ребенок? — поинтересовался он.

— Да.

— Тогда оставьте все как есть, — твердо сказал он. — Не трогайте лиха, пока спит тихо. И им спокойней будет.

Регина вспомнила, как сама говорила Лизе что-то в этом роде. Тогда ей казалось, что совет правильный. Теперь она была в этом не уверена.

— А почему все-таки не будет сенсации? — спросила она. — Это все-таки была случайная смерть?

И тут она ухитрилась удивить его во второй раз.

— Что? — Он вытаращился на нее, как будто она лягнула невесть какую глупость. — При чем тут это?

— Как «при чем»? Мы с Лизой — ну, с его вдовой, — полагали, что его убили не случайно, — пояснила она. — Что все это было подстроено.

— Подстроено? — Он очумело покрутил головой. — Вот об этом я не думал. Может быть... хотя... какая разница?

— Как — какая разница? А вы что имели в виду, когда говорили про сенсацию?

— Господи! — Он нервно загасил сигарету об испещренную такими же ожогами поверхность подоконника. — Вы же ничего... похоже, мы с вами говорили, не понимая друг друга.

— Может быть, — успокаивающе произнесла она, — но теперь-то какой смысл отмалчиваться? Может, откроем карты?

Природной чуткостью Лизы Регина не обладала, но и ей почему-то стало не по себе. Словно она ступила на очень скользкий и ненадежный лед.

— Ну, не знаю... — Павел в некотором сомнении глядел на нее. — Ладно. Так кем он был, по-вашему?

Она усмехнулась.

— Хоронили его как обычного члена профсоюза, — сказала она. — Как научного сотрудника самого заурядного института.

— Кстати, в какой области он работал?

— Астрономия, — ответила она, — что-то связанное с распределением материи в космическом пространстве.

— Надо же, — сказал он задумчиво, — этого я не знал.

— Чего вы не знали?

— Что он был астрономом.

— Так вот, — жестко сказала она, — не был он астрономом. Он был киллером. Профессионалом международного класса. Он устранял тех, до кого никто больше не мог добраться. Работал на заказ. И даже на госзаказ.

— И вы можете это доказать? — спросил он с интересом.

— Доказать? Нет. Пока нет. Но это правда.

— Надо же! — удивился Павел. — Хотя... да, это может быть. А... Откуда вам это известно?

— Павел, — жалобно сказала она, — это я пришла вас расспрашивать, а не вы меня.

— Я меняюсь честно, — ответил он. — Информация за информацию. Услуга за услугу. Хотя вам это мало что даст. Потом поймете, почему. Ну ладно, слушайте. Хотя нет, пошли!

Он соскочил с подоконника, схватил ее за руку и быстро поволок по коридору.

— Куда вы меня тащите? — удивилась Регина.

Он втолкнул ее в крохотную полутемную каморку и опустил плотную стеклянную перегородку.

— Бактериологический бокс, — пояснил он. — Тут, правда, душновато. Зато стерильно.

— При чем тут «стерильно»? Что тут у вас, бубонная чума гуляет?

— А при том, что тут изоляция хорошая. В том числе звуковая. Так вот, Регина, откуда вы все-таки взяли, что он киллер? С чего-то же вы должны были начать!

— Удалось сопоставить кое-какие факты. Его поездки. То, что он оказывался не там, где должен был бы по работе находиться, зато там, где в это время происходило какое-нибудь нашумевшее загадочное убийство. Какого-нибудь политического деятеля, теневого босса, дипломата...

— Это еще не доказательства. Это просто совпадения.

— Других нет, — сказала она.

— Тогда у вас на руках нет козырей, — сказал он. — И с чем вы намерены играть дальше? В вашу сенсацию?

— Может, раздобуду, — сказала она.

— Послушайте, Регина, оставьте это. И не пытайтесь. Поверьте мне, дело гораздо серьезнее, чем вам кажется!

— Еще серьезнее?

— Да. А вы, значит, на его вдову сейчас работаете? И она что-то подозревает?

— Да.

— Ладно, Регина, — вздохнул он, — что ж, теперь моя очередь открывать карты. Только у меня тоже козырей нет. Так значит, киллер... понятно... То есть тоже непонятно, но по крайней мере объяснимо. В общем, это я проводил вскрытие.

Он вдруг замолчал.

— И что, — поторопила она. — Его убили? Разделались с ним?

— Нет. Похоже, он действительно пострадал случайно. Его ведь рикошетом ударило. Пуля попала по касательной в стенку мусорного бака, отскочила и прошила ему височную кость. Он умер на месте. Так что это не был направленный выстрел. Чтобы поразить цель таким странным образом, надо быть больше чем виртуозом. Впрочем... при таком раскладе...

Он задумался.

— Ну и что? — вновь подтолкнула его она.

— Пуля в голове. Понятное дело, он сразу умер. Не попади она в голову, возможно, все обошлось бы. Его не так-то просто было убить, Регина.

Она вопросительно взглянула на него из полумрака.

— Я начал делать вскрытие. Что-то странное в строении черепа. То, как соединяются кости. Не знаю, как сказать... Через мои руки столько их прошло. Когда насмотришься, сразу понимаешь, когда что-то неладно, хотя толком не можешь объяснить — что именно. Мозг... ладно, это подробности для специалиста. Одним словом, я заинтересовался. Взял пробы тканей — ну, на гистологию, на биохимию. Так вот, Регина, у него все другое. Не то чтобы полностью, кардинально, но другое. Обмен. Энергетика. Анатомия. Отличия не бросаются в глаза. Они почти незаметны. Но они есть. И чем глубже копаешь, чем тоньше анализы, тем их больше. Этот человек... если это человек... должен был обладать просто фантастической жизнеспособностью и еще черт знает чем. Говорю, не попади пуля в мозг, порази она любой другой орган, даже сердце, он бы ушел оттуда на своих ногах... Я не знал, что делать. Семеныч, ну, вы его видели, только вчера из отпуска вернулся. Труп надо выдавать на руки родственникам. Следователь закрывает дело — то ли и вправду нечего копать — случайный выстрел, то ли на него кто-то давит, не знаю... Нужно медицинское

заклучение. Какое заклучение? Погиб-то он и впрямь случайно, значит, особого шума никто поднимать не будет. Что я должен был сказать его жене, что это — монстр? Да, черт возьми, с какой стати? Я сделал все, что мог, — даже рентген. Собрал все препараты. Снимки. Кусочки ткани. Анализы. И решил дожидаться шефа. Пусть он разбирается.

— И что?

— А вы как думаете? — зло спросил Павел. — Два дня назад пришли эти... показали документы. И все забрали. Или, как они выразились, изъяли. И даже расписки не оставили. Видимо, знали, что к чему, с самого начала. Или, может, кто-то из лаборантов стукнул. Я, пока не сообразил, куда дело идет, особой тайны не делал.

— Да кто — эти-то?

— Фээсбэшники. Или другое какое-то ведомство, черт ногу сломит. Похоже, это их человек был. Если это человек.

— И вы им отдали? Вот так — взяли и отдали?

— Я не камикадзе, — отрезал Павел.

— И что же? Все унесли, а вам велели держать все в тайне? Подписку взяли?

— Черта с два. Зачем? Кто мне поверит? Да я даже шефу, когда он вернулся, ничего не сказал. Что я скажу? Что я какое-то чудовище тут анатомировал вместо приличного жмурика? Мутанта? Да меня же тут же в психушку упекут, даром что у нас демократия.

— Я бы поверила, — тихо сказала Регина.

— Ну и что с того? У вас, может, доказательства есть? Да и что вы собираетесь доказывать? Кто он такой был?

— Может, они там, у себя, делают какие-то странные вещи?

— Сверхчеловека, что ли, выводят? Идеального убийцу? Тоже мне, универсальный солдат с Жан-Клодом Ван-Даммом в главной роли! Это только в кино бывает — берется человек ниоткуда, уходит в никуда. И ни у одного идиота ума не хватает вопрос задать — а где ты родился, где учился? Ведь он же был идеально вписан в социум! Полностью адаптирован!

— Не совсем идеально...

— То есть?

— Родня-то его липовой оказалась. Пока он был жив, он, видно, сам держал все на контроле; но после его смерти жена отбила телеграмму свекрови. Там и адреса такого не было — не то что человека.

— Ну, отрицательный результат тоже результат, но в качестве доказательства его не используешь, — уныло сказал Павел.

— Кто бы говорил! Доказательства-то у вас были! Ну и где они теперь? Вы бы хоть припрятали что-нибудь! Хоть копии бы какие-нибудь сняли!

— Копия — тоже не доказательство. Да и что доказывать? Кто поверит? Ведь даже эксгумацию не устроишь — кремировали его!

— Да, — задумчиво сказала Регина, — кто-то очень старался. Ведь для того, чтобы обеспечить человеку прикрытие, ему одной фальшивой семьи мало. Нужны документы — прописка, отметка в паспортном столе, в отделении милиции... везде, где положено... медицинская карта, аттестат, диплом...

— Документы — да. Но ведь риск всегда есть, — возразил Павел. — А вдруг встретился бы кто-то, кто учился на том самом курсе, где согласно диплому учился он?

— Мало шансов, — сказала Регина, — он мог где-нибудь в провинции учиться или в

бывшей республике... или даже в столичном каком-то вузе, на заочном. Туда куча народу приезжает два раза в год, экзамены сдают и разъезжаются. Да они И сами лет через пять забывают, кто с ними в группе учился. Не то чтобы там фамилии, — имена, лица! Нет, риск невелик.

— Ну и к чему вы клоните?

— А к тому, что документы, биографию может обеспечить только организация, имеющая доступ ко всем официальным структурам, к их бланкам, печатям... Известно, какая.

— А может, мафия? — предположил Павел. — Преступная группировка?

— Может, — согласилась Регина, — но на деле это почти одно и то же. Они же проросли друг в друга. А у какой-то мелкой банды — ну откуда такие ресурсы? Нет, тут что-то серьезное.

— Чтобы сделать человеку ксиву, особые ресурсы в наше время не нужны.

— А прописка? Биография? Военный билет? Институт-то, где он работал, полурезимный был. Нет, уж я скорее поверю в какое-нибудь ЦРУ, чем в мелкую банду. Им и то такие бумаги сляпать проще.

— Ну, положим, — согласился Павел. — Но это не объясняет того, что, собственно, нужно в первую очередь попытаться объяснить.

— Его... физиологию?

— Да. Не будете же вы всерьез утверждать, что либо наши, либо их спецслужбы где-то в секретных лабораториях заняты тем, что выводят новую породу людей?

— Почему — не буду? А вдруг!

— Вы ведь не медик, верно? Не биолог? Какое у вас вообще образование?

— Два. МИСИС и факультет журналистики. Заочно.

— Вот видите. Вы из технарей. А они во все готовы поверить. То в чакры, то в «тарелки» летающие.

— Ну, предложите какое-нибудь другое объяснение! Давайте, предлагайте! А я послушаю. Вы еще скажите, что он — мутант чернобыльский. Теперь это модно! Теперь какой американский фильм ни посмотришь, там у них чернобыльский мутант. Из канализации лезет. Вся Америка ими кишит! Павел какое-то время молча смотрел на нее.

— Ладно, — сказал он наконец. — Так и быть. Кое-какие данные мне все-таки удалось прикопать. Результаты анализов, записи. Я, прежде чем результаты анализов в бланки вносить, сначала на черновиках пишу. Это, конечно, тоже не доказательства. Но хоть что-то.

— Ну и что вы собираетесь с этим делать?

— Покажу их одному человеку. Он биолог. Довольно известный. И ничего не боится. Он даже на той сессии ВАСХНИЛ, когда генетику громили, и то устоял.

Регина достала из портфеля визитную карточку и протянула ему.

— Свяжитесь со мной!

— Если будет, о чем рассказать, свяжусь. Но, Регина...

— Ну, что еще?

— Если вы намерены раньше времени поднять шум вокруг всей этой истории, на меня не рассчитывайте. Это раз. И помните, против кого копаете. Это два. Вы — одиночка. Кто вас защитит, если что?

— Я и раньше работала в одиночку, — сказала она. — А потом... представьте себе, — если все удастся!

— Вы вроде говорили, что в неплохих отношениях с его вдовой, — прищурился Павел.

— Да... — Регина задумалась. — Верно...

— Ну, вы все поняли. И все же я постараюсь хоть что-то выяснить. Поговорю с Сычом.

С Гаспаряном, я хочу сказать. И дам вам знать.

Она поднялась, машинально разглаживая юбку ладонями.

— Хорошо. Будем на связи. Ваш-то телефон какой?

Он порылся в кармане и вытащил обгрызенную шариковую ручку.

— Визитных карточек не держим. Есть где записать?

— Да. — Она протянула ему блокнот. — Пишите. И домашний тоже — если жена не против, когда вам по вечерам интересные женщины звонят.

— Я один живу, — он не принял игры. — Развелся год назад. Патологоанатом — человек не романтический.

Выбравшись на свет Божий из глубин морга, Регина с наслаждением вдохнула полной грудью свежий весенний воздух. Солнце уже садилось, просвечивая сквозь распускаяющуюся листву, и оттого казалось, что бетонные стены морга заляпаны красными пятнами. Подойдя к телефону-автомату на углу, она набрала знакомый номер.

— Лиза? Все, я закончила. Сейчас приеду.

— Хорошо, — устало отозвалась Лиза.

— Скажи точный адрес-то.

— Ах, да, — спохватилась Лиза, — Волгина. Это за кинотеатром «Витязь». Сворачиваешь направо... ты записываешь?

— Записываю.

— Ну что там? — не удержалась Лиза.

— Погоди. Приеду, расскажу.

Лифт двигался медленно; она стояла, прислонившись к боковой стенке, глядя на расплавленные чьей-то шаловливой рукой пластиковые кнопки, на накорябанную на панели унылую морду с надписью «Харя Кришны». Остальные откровения были на английском — просто удивительно, до чего за последние годы повысился уровень образования!

Лиза отперла сразу, — Регина даже не успела нажать на кнопку звонка, словно все это время простояла в коридоре, ожидая, пока не зашумит лифт, останавливаясь на их этаже. Выглядела она ужасно — под глазами синие полукружия, лицо бледное, почти прозрачное.

— Ну, что? — сразу спросила она, не дав Регине даже скинуть пальто.

— Погоди. — Регина, к своему удивлению, почувствовала, как ее кольнуло острое чувство жалости. — Слушай, мать, ты бы хоть чаю поставила! Я весь день моталась, ничего перехватить не успела.

— Ох, — спохватилась Лиза, — прости!

— А поесть нечего?

— Кажется, в холодильнике что-то было, — отозвалась та неуверенно.

— Давай-ка! — Регина отодвинула ее и шагнула в кухню. — Я сама займусь.

Она нашла завалившиеся в холодильнике остатки колбасы и, разжарив их на сковородке, приготовила яичницу. Хлеба в доме не было, ладно, и так сойдет. Она навалила щедрую порцию на тарелку Лизе и сама присела за стол.

— Ты ешь, ешь, — сказала она Лизе, которая рассеянно возила вилкой по тарелке.

— Что ты узнала? — напряженно спросила Лиза. — Что он сказал?

— Кто?

— Ну, с кем ты там говорила!

— С патологоанатомом. — И, поглядев в расширенные глаза, твердо сказала: — Мы ошиблись, обе. Это была случайная смерть.

— Точно?

— Точно. Почитай заключение. Или спроси этого малого — Павел его зовут. Павел Лукин. Это он... им занимался. Так вот, никто его не убивал — намеренно. Его пуля рикошетом ударила.

— А... все остальное?

— Остальное. — Регина вздохнула. — Совпадают его поездки с гибелью всяких шишек. Иногда. Может, что-то и впрямь в этом есть. А может — случайное совпадение. Так тоже бывает. И проверить ничего мы уже не можем.

— Я не выдержу, — Лиза начала мерно раскачиваться на стуле, — я этого не выдержу.

— Лиза! — Регина вскочила, обхватила ее за плечи. — Не надо! Прекрати ты об этом думать! Все кончилось! Нельзя жить прошлым!

— Прошлым жить нельзя, — жалобно отозвалась Лиза, — все верно. И настоящим — нельзя. И будущим. Может, вообще жить не стоит?

— У тебя ребенок! О нем подумай!

— Я и думаю, — вяло отозвалась Лиза.

— Да кем бы он там ни был, его больше нет. Вы прожили восемь лет. Прожили неплохо. Это и нужно помнить. А об остальном лучше не думать.

Лиза подняла голову и уставилась на нее напряженным, почти безумным взглядом.

— Ты что-то недоговариваешь!

— Господь с тобой!

— Я ведь чувствую, — она вскочила, оттолкнув руки Регины, и судорожно выпрямилась. — Ты что-то от меня скрываешь! Что?

— Нечего мне скрывать, — в свою очередь заорала Регина. — Нет у меня никаких фактов! Я журналист, понимаешь! Я не могу верить слухам! Прислушиваться — да, могу, обязана, а верить — нет! Что ты хочешь, чтобы я тебе его пистолет из кармана вытащила?

— Пистолет... — пробормотала Лиза с остановившимися глазами.

— Да приди ты в себя. Никто его нарочно не убивал! Хочешь, я тому патологоанатому позвоню?

— Он что, дал тебе свой телефон? — медленно спросила Лиза. — Зачем?

Регина поняла, что прокололась.

— Ну, приятный малый оказался, — нашлась она. — Слово за слово... вот и дал телефончик.

— Регина, — терпеливо сказала Лиза, — в таких случаях телефон не дают, а, наоборот, спрашивают.

И, спохватившись, испуганно покосилась на белеющий на телефонной тумбочке квадратик бумаги.

А телефон, точно услышав, что о нем говорят, настойчиво зазвонил.

Лиза сняла трубку.

— Да, — сказала она, — да, хорошо. Через полчаса я буду готова.

— Кто это? — удивилась Регина.

Лиза явно смутилась.

— Это? Тот человек, что отбил меня у тех ублюдков. Он... словом, мы договорились куда-нибудь сходить вечером.

— Надо же! — заинтересованно произнесла Регина. — Ваши отношения развиваются по классической схеме!

— Брось! Никакие это не отношения... просто...

— Что-то ты покраснела, мать!

Лиза и сама почувствовала, как краска заливает лицо, и от этого ощущение стыда усилилось еще больше.

— Ну и чего ради ты краснеешь? — деловито сказала Регина. — Все правильно. Именно это тебе сейчас и нужно. Сходи, развейся. Это... ну, и все остальное — лучшее лекарство от депрессии.

— Да я не думала об этом, — защищалась Лиза, — просто... погоди, мне надо переодеться.

И она с пылающими щеками скрылась в спальне.

Регина села в кресло и, закинув ногу за ногу, обзревала комнату. Уходить она не торопилась — ей было любопытно.

Так вот, значит, где жил Андрей! Стандартная квартира, стандартная мебель — все усредненное, обезличенное. Кто-то — то ли он, то ли Лиза, — украсил стену несколькими приличными любительскими фотографиями — черно-белые пейзажи. Стандартный набор книг, корейский телевизор.

«Неужто Лиза не замечает, в каком убожестве она живет?» — подумала Регина.

И тут же сообразила, что для Лизы дом — вовсе не стены и мебель.

— Ну, как? — Лиза появилась на пороге спальни. Раскрасневшаяся, в облегающем черном платье, она выглядела неожиданно привлекательной, а бессонные ночи лишь придали особенную глубину ее зеленым глазам.

— Очень неплохо, — одобрительно сказала Регина с видом знатока, — волосы только наверх подбери. У тебя шея красивая. Надо товар лицом показывать.

Лиза послушно подошла к зеркалу и начала укладывать волосы.

Регина продолжала сидеть в кресле, наблюдая за ней.

«По всем правилам вежливости мне бы надо удалиться, — подумала она. — Ну уж нет! Хотелось бы посмотреть на этого загадочного спасителя. Он, видимо, достоин внимания. Недаром Лизка так расцвела».

Звонок в прихожей заставил ее застыть в ожидании, пока Лиза, кинувшись в коридор, не отперла дверь и не проводила гостя в комнату.

— Познакомьтесь, — сказала она, — это Стас. А это — Регина.

И, немного поколебавшись, добавила:

— Моя приятельница.

— Очень рад, — вежливо сказал Стас.

Броская красота Регины явно не произвела на него особого впечатления. Его жесткие глаза продолжали следить за Лизой, улавливая каждый ее жест, каждое движение.

«Опять облом, — с досадой подумала Регина, — второй раз за день. А жаль. Парень-то неплох. Вот только...»

Что «вот только», она не успела додумать, потому что Стас сказал, повернувшись к ней:

— Я хочу сводить ее куда-нибудь. А то она свихнется в этих четырех стенах.

И выразительно посмотрел на часы.

«Дает понять, что пора выметаться, — подумала Регина. — А часы шикарные. И обувь. Джинсы-то затрапезные. Не так он прост, этот Стас, — наши-то все чаще наоборот: костюм шикарный, а на запястье «Полет» либо дешевка гонконгская. Да что это я...»

Она встала и, ослепительно улыбнувшись, сказала:

— Прошу прощения, я что-то засиделась. Ну, мне пора. Желаю хорошо повеселиться.

— Может, вас до метро подбросить? — вежливо предложил Стас.

— Я на машине.

И, уже уходя, шепнула Лизе на ухо:

— Не упусти свой шанс.

* * *

Человек за столом светлого дерева поднял телефонную трубку.

— Да, — сказал он, обращаясь к невидимому собеседнику, — я уже знаю. Говорил же вам — не для того мы его держим. А вам все мало. Сам знаешь, как оно бывает, — в одном месте поползло...

Нет, я понимаю, что рано или поздно нечто в этом роде все равно случилось бы — все время на волоске ходим. Но чтобы из-за такой нелепости... Ну, я надеюсь, вы знаете, что делать при таком раскладе. Уже? Ну, молодцы... Нет, не знает.

И потом:

— Нет, ее пока оставь. Присматривайте за ней, вот и все. И потактичней, потактичней. Человек не задает вопросов, когда ему хорошо. А вот если плохо — он и начинает рыпаться... А что те? Те как обычно. Возитесь, мол, в своем дерьме сами, нас не касается. Вот из-за вдовы там, видите ли, беспокоятся.

И, после паузы:

— Так что вы с ней там поаккуратней.

Положил трубку и устало потер лицо ладонью.

— Вот дерьмо! — сказал он в пространство.

* * *

Официант-араб подошел с блокнотом.

— Две шаурмы, — сказал Стас, — вино красное. Кофе. Коньяк. И выключи ты эту попсу. Поставь что-нибудь поколоритней.

Официант черкнул что-то в блокноте. Лиза присмотрелась — он писал арабской вязью. «Надо же, — подумала она, — а он и вправду араб. Не притворяется».

Вместо разухабистого женского голоса из колонок полилась томная восточная мелодия. Сладкий, точно рахат-лукум, мужской голос выводил что-то. Лиза могла различить лишь повторяемое на различные лады слово «хабиба».

— Что такое «хабиба»? — спросила она спутника.

— «Любимая», — ответил он.

Официант, который как раз откупоривал бутылку, вдруг заинтересовался.

— Вы понимаете, о чем он поет? — спросил он.

— Ну, — вежливо ответила Лиза, — не совсем.

Официант вдруг многозначительно закатил глаза и широко развел руки, точно обнимая невидимый, но довольно пышный стан.

— Любовь! — сказал он трагическим голосом. — Любовь!

И удалился, качая головой.

— Ну что? — довольно спросил Стас какое-то время спустя. — По-моему, как раз то, что надо. — И со скрытой усмешкой добавил: — По крайней мере, это не шикарное заведение.

Лиза благодарно кивнула. От коньяка по всему телу разлилось блаженное тепло, а полумрак небольшого зала действовал успокаивающе: в первый раз за все это время ощущение чьего-то пристального внимания отпустило ее.

«Он что-то говорил тогда про перестрелку на Профсоюзной, — подумала она. — Похоже, ему известны подробности. Может, стоит расспросить...» Но расспрашивать ей не хотелось, вообще не хотелось об этом думать. Томная восточная мелодия вытягивала все жилы; она вдруг словно увидела себя со стороны — молодая женщина рядом с красивым мужчиной. По-настоящему красивым и чуточку опасным — именно такие и привлекают пристальные женские взгляды.

— А где вы работаете? — спросила она.

— Я — инструктор по восточным единоборствам, — пояснил он с усмешкой. — А вы думали?

— Не знаю... я думала, какой-нибудь спецназовец.

— А я и служил в спецназе. Пару лет назад. Что вас беспокоит, Лиза? Вы меня боитесь?

— Нет, что вы, — поспешно ответила она. — У меня сейчас просто очень тяжелая пора.

— Да, я знаю. Вы недавно похоронили мужа. Но, уж простите меня, вы вовсе не выглядите скорбящей. Вы выглядите испуганной. Все время озираетесь. Официант за стойкой бокалом звякнет — вздрагиваете. Вас что, кто-нибудь преследует? Угрожает вам?

Лиза закусил губу. Как объяснить? И что?

— Нет, — сказала она наконец, — никто мне не угрожает. Ерунда.

— Я вам не верю, — спокойно ответил он.

Она лишь молча пожала плечами.

— Я понимаю вашу сдержанность — с чего бы вам доверяться случайному знакомому? Но, Лиза, если вам действительно понадобится помощь... Я имею в виду — реальная помощь...

— Спасибо, — чуть слышно сказала Лиза, опустив голову.

Он погрел в ладони бокал с коньяком, отпил глоток:

— За все хорошее.

Она кивнула.

Бокал как-то незаметно опустел, и она услышала пульсирующий шум в ушах. Все тревоги последних дней отошли куда-то в дальний уголок сознания, и ей было почти спокойно. Нарядные, оживленные посетители, приглушенный свет, мягкая музыка — все это располагало к бездумному отдыху, возвращая к давно забытому времени, когда она, молоденькая девочка, не обремененная бытовыми хлопотами, могла коротать вечера в приятной компании.

Стас взглянул на часы.

— Они скоро закрываются. Да и нам пора. Я отвезу вас домой.

Он знаком подозвал официанта.

Пока он расплачивался, Лиза незаметно его разглядывала — и даже почувствовала некоторое тщеславие: внимание такого красивого спутника польстило бы любой женщине.

Они оказались на улице, Стас распахнул дверцу своего темно-вишневого «Вольво», помог ей сесть и сам устроился за руль.

— Ой! — сообразила она. — Нас же ГАИ заберет! Нельзя было пить.

— Не заберет, — уверенно сказал он и улыбнулся.

Машина мягко тронулась и полетела вдоль залитого светом Нового Арбата, по Ленинскому, чтобы выбраться наконец на окраину, где безликие здания перемежались с пустырями и темными стройплощадками.

Их и правда никто не остановил. Она искоса посматривала на Стаса — на его четкий профиль, изредка выхватываемый из сумрака фарами встречных машин, на уверенно лежащие на руле сильные руки...

...совершенно незнакомый ей человек...

Наконец она сообразила, что они уже подъезжают к ее дому. Стас остановил машину во дворе. Она открыла дверцу и обернулась к нему.

— Спасибо, — искренне сказала она. — Это был чудесный вечер.

— Погодите, — усмехнулся Стас. — Пока я не увижу, что вы целой и невредимой вошли в свою квартиру, я не успокоюсь. У вас просто потрясающая способность притягивать на свою голову всяческие неприятности. Уж мне-то известно!

Она попробовала слабо запротестовать, но он уже стоял рядом с ней — она даже не заметила, как он вышел из машины: так быстро все получилось... или коньяк подействовал на нее слишком оглушительно.

В лифте она неожиданно поняла, что стоит совсем рядом с ним — так близко, что ощущает тепло, исходящее от его тела. Голова у нее кружилась, и она была вынуждена ухватиться за его руку.

На лестничной площадке он терпеливо ждал, пока она справится с замком: ключ все выскальзывал из непослушных пальцев.

Наконец замок поддался, она сделала неуверенный шаг за порог, но что-то побудило ее обернуться, и она вдруг оказалась в объятиях Стаса. Его сильные, уверенные руки обхватили ее за плечи, прижали к себе. Она попробовала высвободиться, но ей явно недоставало убедительности.

— Не переживай, — услышала она его голос, — расслабься.

«Я ведь совсем его не знаю! — в отчаянии подумала Лиза. — Кто он такой? Телохранитель у какой-то шишки? Спецназовец? Рэкетир? И ведь всего лишь несколько дней назад... О Господи, что я делаю!»

Но тело отказывалось внимать голосу рассудка. Она цеплялась за этого сильного полужнакомого человека, как за последнюю соломинку, способную удержать ее на плаву.

«Ах, гори все огнем!» — вновь пронеслось в ее затуманенной голове...

Осторожно, нежно Стас помог ей освободиться от черного платья, и Лиза застыла в полутьме, на миг смутившись, и вновь отчаянно вскинула руки, обнимая его за шею.

... Телефон на столе все звонил и звонил, потом перестал: она не заметила ни того ни другого.

— Тебе что, собственно, надо? — недовольно спросила Серафима, сокурсница Павла и третья и, видимо, последняя жена академика Гаспаряна. — Он себя плохо чувствует.

— А мы договорились, что он меня примет, Симка, — упрямо сказал Павел. — Еще вчера вечером договорились.

Серафима неодобрительно оглядела его: зная Павла «сто лет», она могла особенно с ним не церемониться.

— Пашка, — проворчала она, — от таких, как ты, одно беспокойство.

Но пропустила.

Павел прошел по дубовому паркету — когда-то натертому воском до блеска, а сейчас выщербленному, тусклому. Во всем чувствовался некоторый упадок, этакая патина времени, но все равно квартира была роскошная, настоящая профессорская обитель; с темной мебелью резного дерева, ком-натой-«фонарем» и книжными полками до потолка.

«Все Симке достанется», — подумал он. Единственная дочь академика от первого брака, которая была лет на десять старше Серафимы, давно уже жила в Штатах со своим мужем; прежние жены умерли. — Серафима подхватила Сыча во время его повторного вдовства, будучи его студенткой-дипломницей. И брак, как ни странно, оказался удачным — вот уже десять лет живут душа в душу.

— Здравствуйте, Вадим Погосович. — Павел уселся на предложенный стул и, опустив все полагающиеся в таких случаях прелиминарии, приступил прямо к делу.

— Жмурика я тут потрошил, — сказал он, обращаясь к сидевшему напротив могучему старцу, — ну и всплыло кое-что любопытное. Не хотите поглядеть?

Тот мощной лапой подгрел бумажки к себе.

Кинул взгляд, поморщился:

— Ну и почерк у тебя!

И вдруг насторожился.

— Погоди! А это что?

— Первичный осмотр. Анатомические аномалии. А это — биохимия. Сахар, липиды... АТФ.

Терпеливо-доброжелательное выражение медленно сползло с лица академика. Наконец он поднял голову от бумажек и поглядел на Симу, которая стояла в дверях, держа в руках поднос с двумя чашками чая.

— Поставь на стол и выйди, — коротко сказал он. — И дверь за собой закрой.

Сима многозначительно поглядела на Павла. «Ну и гад же ты», — читалось в этом взгляде.

Но вышла.

— Не думал я, что когда-нибудь еще увижу что-то в этом роде, — сказал Сыч. — Где ты раздобыл этого типа?

— Несчастный случай. Стандартная процедура.

— Кем он был, не знаешь?

— Знаю. В каком-то институте работал. Научный сотрудник.

— Глупости, — буркнул Сыч. — Не верю, как говорил Станиславский. А почему ты мне, кстати, черновики подсовываешь? Где официальное заключение?

— У меня его забрали.

— Значит, вот как, — задумчиво проговорил Сыч, — паршивое дело. А я думал, с этим уже покончено.

— С чем?

— Послушай, малый, зачем ты мне все это приволок?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Просто интересно, что вы скажете.

— Совет тебе, значит, нужен? Вот тебе совет — сложи все эти бумажки в кучу и подпали. А пепел в унитаз спусти.

— Да что же это такое? — повысил голос Павел. — И что вам известно?

— Не много, но больше, чем кому бы то ни было. Проект какой-то был. Лет сорок назад его запустили. Или больше. Назывался он «Адам».

— Что, секретные разработки? А вы откуда знаете? Вы же тогда вроде в немилости были.

— Ну, по крайней мере на свободе. Я тогда на Белом море работал. На Кандалакшской биостанции. И уже в 61-м туда привезли такого. На бронированном автомобиле.

— Живого?

— Нет. Тоже мертвого. Твой-то целый был?

— Если не считать пули в черепе.

— А мой нет. Обгорел почти дочерна, все кости переломаны, да еще и фонил здорово. Что они с ним делали, не знаю.

— Кто «они»?

— Один человек, который его сопровождал, был при погонах. А второй — в штатском.

— Они хоть что-то объяснили вам?

— Нет. Велели исследовать останки — сделать все, что возможно. Оборудование готовы были предоставить любое — сам знаешь, какое тогда было оборудование. Но мне под это дело удалось для станции спектрофотометр выбить и два цейсовских бинокля. Приставили они ко мне своего специалиста лаборантом: мы вместе работали. А потом он забрал останки, рабочие дневники и укатил.

— Так кто же это был все-таки?

— Скорее «что это было». Во всяком случае, не человек. Подделка. Вроде твоего, с той только разницей, что твой все же — более добротная. Все другое — анатомия, строение тканей, биохимия...

— Вадим Погосович, — тихо сказал Павел, — так не бывает.

— Вот и я тогда так решил. И предпочел больше об этом не думать. Забыть. Тем более что мне это настоятельно рекомендовали.

— Не может быть, чтобы вы не пытались найти какое-нибудь объяснение. Я не верю.

— Ну ладно, — сказал старик, — предположим, пытался. Лет через десять, совсем при других обстоятельствах, мне удалось выйти на одного человека, который кое-что об этом проекте знал. Так вот, тот человек считал, что вся эта атака на генетику была дымовой завесой. Что под шумок в шарашках проворачивались какие-то грандиозные генетические эксперименты, при полной секретности, естественно, и что проект «Адам» был из их числа.

— Чушь какая-то...

— За что купил, за то и продал. В общем, в начале пятидесятых в какую-то северную шарашку нагнали пленных немецких спецов — по слухам, им удалось заполучить несколько

очень крупных имен, — ну и наших умельцев тоже... И, мол, там была разработана методика, позволяющая изменять биологическую ткань в определенном направлении. И закреплять эти изменения. Хотя до сих пор считается, что это невозможно. И антинаучно. Но если на людей хорошенько надавить... по опыту знаю, на что они становятся способны. В общем, уж не знаю, кого они там хотели вывести — сверхчеловека, что ли? Но потом что-то пошло не так.

— Что не так?

— Не знаю. То ли эти... подопытные повели себя как-то странно, то ли весь процесс вышел из-под контроля, но получилось вовсе не то, что планировалось... В общем, оборудование размонтировали, что там случилось с персоналом — вообще история темная, а подопытных всех вместе со всем экспериментальным комплексом подорвали. Этот, которого мне привезли, каким-то чудом ухитрился выбраться — у них жизнеспособность была просто фантастическая. Лес пришлось прочесать, прежде чем его нашли. И то он, пока его брали, успел несколько человек положить. Твоего-то, ты говоришь, пуля в череп достала?

— Да.

— Это может быть. Мозг у них — самое уязвимое место. Остальные органы регенерируют с фантастической скоростью. Я сам видел: какое-то время удалось поддерживать жизнь в обособленных клетках. В каком темпе они делились!

Он замолчал, обхватив руками могучий лысый череп.

— Вадим Погосович! — нерешительно окликнул его Павел.

— Значит, проект не прикрыли! — тихо сказал Сыч. — Но как они ухитрились так долго сохранять все в тайне? Никаких слухов, ничего...

— Может, это еще один уцелевший?

Сыч покачал головой.

— Нет, — твердо ответил он, — говорю тебе, это почти сорок лет назад было.

— А они вообще стареют?

— Не знаю. Понятия не имею.

— У этого малого, — медленно произнес Павел, — осталась вдова. И ребенок.

— О Господи! — Старик поднял на него безумные глаза.

— Чего вы так боитесь, Вадим Погосович?

— Сам не знаю. Но поживи с мое, усвоишь — у ученого должна быть интуиция. А я чувствую, что приближается что-то ужасное. Если проект тогда не был прикрыт, как они утверждали, если все эти тридцать лет... Ты считал меня храбрым человеком, так ведь? Бесстрашным? А я предпочел обо всем забыть. Слишком надолго.

— А теперь?

— Не знаю. Надеюсь, еще остались люди, которые прислушаются к моим словам, какими бы они ни показались безумными.

Павел лишь молча покачал головой. В отличие от академика, он отлично знал, как мало сейчас значат слова — любые слова. Слишком много дутых сенсаций вспухало и лопалось в последнее время, как пузыри газа на болоте. Да открой любую бульварную газету, каких на каждом углу продается полным-полно, тут же найдешь какую-нибудь страшную тайну с последующим разоблачением: то в Донецкой области вервольфа подстрелили, то в Прикарпатье опять упыри бушуют, то психотронное оружие кто-то направил на соседа по коммуналке... и все — со слов очевидцев, с учеными комментариями. На ночь глядя приятно почитать такое, попугаться немного. Но кто этому верит? Вот если бы

доказательства на руках иметь... но их-то как раз и не было.

Он, поколебавшись с минуту, сказал:

— А не могло быть это случайным совпадением? Может, тот проект действительно прикрыли, а этот малый — какой-то мутант, игра природы. Псих. Кстати, вы правы — не был он никаким научным сотрудником, все это маска. Прикрытие. Киллером он на самом деле был. Профессионалом.

— Тот человек, — сказал Сыч, — рассказывал мне, что основные трудности с этим материалом как раз и были в том, что они обычных людей ни во что не ставили. И при их способностях могли вытворять все что угодно. Может, гипноз, а может, просто перемещались с такой скоростью, что у нормального человека крыша ехала. Потому, я думаю, проект и прикрыли — поняли, что не в состоянии их контролировать. Пока они все в бункере были заперты, одно дело... Короче, шарахнули так, что там потом ничего не росло лет десять — земля спеклась, как стекло.

— А один, значит, все-таки смылся? — повторил Павел.

— Ну да. Я же говорю.

— Ну а какого черта его к вам на биостанцию притащили?

— Что?

— Зачем его анатомировать было? Да еще чужими силами? Чтобы втравить в это постороннего, да еще такого известного вольнодумца... Что, у них своих данных не было? Архив-то они наверняка вывезли.

— Ну, вольнодумца тогда порядком прижали к ногтю...

— Так все-таки, зачем?

— Я так понял, что там два ведомства схлестнулись. И вся неразбериха как раз из-за этого вышла. Когда этот тип бежал, им пришлось поднять воинские подразделения — ну, одним словом, мне его привезли военные. А тот, в штатском, был сопровождающим. Потому все и всплыло, что вояки им заинтересовались.

— Надо же! А знаете, как мой погиб? Попал в перестрелку между фээсбэшниками и эмвэдэшниками. Вот вам и случайность.

— Ну, не знаю... ты думаешь, подставил его кто-то? Или наши любимые ведомства опять чего-то не поделили?

— Подставил? Тот, кто его подстрелил, — если это было сделано намеренно, должен был иметь не мозг, а быстродействующий компьютер. Его же рикошетом замочило. А с виду — все чисто. Комар носа не подточит.

— Если это так... Если там эмвэдэшники замешаны... Может, я смогу кое к кому обратиться. Если тот человек еще при деле...

— А вы ему верите?

— Я никому не верю, — отрезал Сыч. — И вот тебе доказательства. — Он ткнул пальцем в бумаги. — Ладно. Завтра приходи. А это оставь. Целее будет.

Павел покачал головой.

— Нет уж. Я вас знаю — у вас память слоновья. Вы и так все, что надо, уже наизусть знаете.

— Ну, как хочешь. Завтра приходи. К полудню. Может, до тех пор я что-нибудь выясню.

Павел хотел спросить — нельзя ли привести Регину, но потом передумал. Сыч скажет «нет», и тогда уже назад дороги не будет. А так, если они нагрянут вместе... Может, старик и смягчится... Он всегда любил блондинок.

Врач извлек из кармана халата универсальный ключ — вроде тех, которыми пользуются проводники в поездах.

— Воля ваша, — обернулся он к людям, молчаливо топтавшимся за его спиной, — а только вы все равно ничего из нее не вытянете. Она и раньше на учете в районном психдиспансере была, а теперь у нее обострение.

— Вы же врач, — раздраженно отозвался один из посетителей, — и как же вы это объясняете? Могла она свихнуться от какого-нибудь серьезного потрясения? От каких-нибудь внешних причин?

— Серьезное потрясение у нее семь лет назад было, да еще прошлой весной, когда сын пропал, — ответил врач, — но потом она вроде стабилизировалась. А сейчас... ну, какой-то внешний повод мог, конечно, послужить... но любой, самый незначительный. Померещилось что-то. Или розыгрыш. А все эти слухи... Народ тут у нас не то что пришельцев — зеленых чертей ловит.

— Ладно, попробуем все же, — вздохнул его собеседник.

Врач пожал плечами и отпер дверь в палату. Женщина сидела на привинченной к полу железной койке, неподвижно уставясь в пространство.

— Это к вам, Валентина Сергеевна, — кисло сказал врач. — Эти люди хотят вас кое о чем расспросить.

Никакой реакции не последовало.

— Как вы себя чувствуете, Валентина Сергеевна? — с преувеличенной любезностью произнес один из новоприбывших.

Женщина медленно повернула голову и уставилась на него. Ему стало не по себе — глаза у нее были водянистые, светлые и абсолютно лишены всякого выражения. Казалось, она ушла куда-то далеко, в туманную глубину безумия, куда за ней не рискнул бы последовать ни один собеседник.

— Э... — под взглядом этих глаз холодный многоопытный человек несколько растерялся, — я бы хотел...

— Расскажите этим людям, Валентина Сергеевна, кого вы видели у себя в доме, — настойчиво проговорил врач, и его голос внезапно приобрел глубокий и властный оттенок.

Та перевела взгляд на него. Лицо ее осталось таким же безучастным. Тем не менее она вздрогнула и механически заговорила глухим невыразительным голосом:

— Я проснулась... а он стоит, смотрит на меня и улыбается.

— Кто? — напирал врач.

— Алешенька, — тихо ответила женщина.

Врач обернулся к посетителям.

— Сын у нее недавно пропал, — пояснил он, — Алеша, семи лет. Ушел из поселка и не вернулся. Погиб, разумеется, хотя тела так и не нашли. Места тут у нас, сами знаете... А она и до того не в себе была. В общем, она верила, что мальчик жив и вернется... рано или поздно... А месяц назад и вовсе декомпенсировалась.

— Что? — переспросил один из собеседников.

— Свихнулась, — пояснил второй.

— Совершенно верно, — устало подтвердил врач.

— Стоит, смотрит на меня, — тем временем продолжала женщина. — И улыбается. Только... он был совсем не похож на себя, Алешенька. Сказал, что есть хочет...

— Сомневаюсь, — тихо сказал один посетитель другому. — Ты видел эту тварь? У нее вообще рта не было.

— Хоть бы, — отозвался второй, — она сразу кого-нибудь вызвала! Но она же его в погребке прятала... Пока не помер. Если он вообще жив был. Если она его не подобрала где-нибудь в окрестностях, уже мертвым. Чего ты хочешь — останкам-то пара месяцев как минимум! Как тут скажешь, на что он был похож, — сам черт ногу сломит.

— Только почему-то он все время молчал, Алешенька, — недоуменно сказала женщина. — Они забрали его у меня, а он все молчал.

Она вновь впала в ступор, и лишь слезы, которые безостановочно лились у нее из глаз, свидетельствовали, что она еще не потеряла способность хоть что-то чувствовать.

— Больше вы от нее ничего не добьетесь, — сказал врач. — Послушайте, а что вы вообще хотите из нее вытянуть? Неужто это правда?

— Что именно? — сухо спросил один из посетителей.

— Ну, история эта. Про мумию.

— Что-то нашли у нее в погребке, это точно, — неохотно сказал один из посетителей, — теперь бы еще выяснить, что именно.

— Она и вправду все это время там труп сына прятала? Ходят такие слухи.

— Черта с два! — отозвался собеседник. — От этой штуки мало что осталось, но если это и впрямь труп ее сына, то он и при жизни должен был выглядеть довольно странно. Не знаю, где она эту тварь отыскала, но, будь она человеком, вполне можно было бы заняться семейным бизнесом — и Довольно выгодным.

— Каким? — без интереса спросил врач.

— Организовать передвижной цирк, — пояснил посетитель. — Ладно, пошли, тут и вправду ловить нечего.

Женщина на кровати слабо шевельнулась.

— Алешенька, — произнесла она и вновь впала в протрацию.

* * *

Павел уже около получаса болтался около похожего на зачерствевший торт павильона метро «Университет», ожидая Регину и от нечего делать просматривая заголовки статей, которыми пестрели газетные прилавки.

«Я легла в постель с вампиром», «Тайна Пещеры Мертвецов», «Некрофил на кладбище»...

«Все правильно, — подумал Павел, — почему бы и мне не напечатать статью... в «Единороге», «Экстра-НЛО» там или в бульварном листке с бесхитрым названием «Очень страшная газета». И назвать ее, скажем, «Сверхчеловек в казематах Лубянки». Или «Адские опыты спецслужб»... да, что-то в этом роде. А Регина поможет, чтобы это выглядело забойно. Ну, и что дальше? Еще один островок пены в этом мутном море. Те, кому нравится пугаться, привычно испугаются. Остальные пройдут мимо, мельком взглянув на броский заголовок. Да что же это делается! Мир свихнулся! Реальность становится неотличима от шизофренического бреда!»

Наконец белый красавец притормозил рядом с ним. Павел сел на сиденье рядом с Региной.

— Ну что? — деловито спросила она. — Куда это вы меня вытащили с утра пораньше?

«Да ведь уже почти полдень, — подумал Павел. — Странный у них образ жизни, у этих писак...»

А вслух сказал:

— Не хотел говорить по телефону. Но я все-таки нашел человека, которому об этом кое-что известно.

— Этот ваш старый профессор?

— Да. Он мне велел сегодня с утра подойти к нему. Обещал за это время навести какие-то справки. Я его, правда, предупреждать не стал, но подумал — может, вам не вредно с ним познакомиться...

— А он меня не выставит взащей?

— Может, и нет. Вы как. раз в его вкусе — южный человек, при виде блондинок тает. Ну, и вы уж постарайтесь...

— Это я могу, — деловито ответила Регина. — Куда ехать?

Автомобиль остановился у перегруженного лепниной дома, сплошь заселенного когда-то университетской профессурой. Теперь и жильцы поменялись, и дом обветшал, но все же ухитрился сохранить отблеск былого величия. Они миновали сонную консьержку, похожую в своей подсвеченной будочке на экспонат Музея восковых фигур, и поднялись на пятый этаж. Павел позвонил. Не отвечали ему так долго, что он почувствовал неладное.

— Ну что там? — обеспокоенно спросила Регина.

— Не знаю.

Наконец за дверью послышались шаги. Потом она приоткрылась, и в щель выглянула Серафима. Лицо у нее было опухшее, в красных пятнах. Цепочку на двери она так и не отстегнула.

— Опять ты, — сказала она глухо. — Убирайся! Пошел вон!

И даже попыталась, просунув в щель руку, отпихнуть его.

— Симка, — спросил Павел, чувствуя странный холод в груди, — ты что?

— Черт тебя дернул вчера сюда заявиться, — бесцветным голосом произнесла Сима, — у него сердечный приступ ночью был.

— О Господи!

— «Скорую» вызвали, а что толку? Пока она приехала, пока они в вену попали... Он у них на руках умер! Ну что, доволен?

Рот у нее поехал на сторону, и она отчаянно зарыдала.

— И еще бабу свою притащил, — сквозь слезы проговорила она. Почему-то именно появление Регины окончательно выбило ее из колеи.

— Симка, дорогая, да я тут при чем?

— При чем! Из-за тебя все! Чувяло мое сердце, что ты вчера не к добру заявился. А он сразу, как ты ушел, начал по телефону названивать. И что-то там ему сказали такое... Он так кричал — дверь закрыл, я не разобрала, что... А потом начал валидол глотать. А ночью — этот приступ! Пропади ты пропадом! Все так хорошо было, так спокойно...

Она убивалась отчаянно и некрасиво. Павел только сейчас сообразил, что был слишком суров к Симке, подозревая ее в естественном женском желании пристроиться потеплее, —

она действительно любила своего академика.

— Черт, — пробормотал Павел, — а он ничего мне не...

— Убирайся отсюда! — И Симка, вновь собрав свои немаленькие силы, толкнула его в грудь, да так, что он отлетел на несколько шагов. Цепочка звякнула, дверь захлопнулась, и они оказались на пустой площадке.

— Вот не вовремя! — с досадой произнесла Регина.

— Это вы удачно выразились, — устало подтвердил Павел, — именно не вовремя.

— Интересно, это совпадение? — деловито спросила Регина. — Уж очень некстати он умер... или кстати?

Павел вытаращился на нее. Он чувствовал, как погружается в месиво дешевых сенсаций, в хаос бульварных газет, где ни за что убивают старых академиков, скрывая свои мрачные тайны, и уже не мог сообразить, что к чему, — все что угодно может быть правдой... и полным бредом — в равной степени.

— Вы на что же намекаете? Что он не своей смертью умер?

— А что, — заметила Регина, — удобно, вам не кажется? Нет ничего удивительного в том, что человек во время сердечного приступа умирает на руках какого-нибудь практиканта со «Скорой». Интересно, кому он звонил-то? Может, жена его все-таки знает больше, чем говорит...

— Симка? Хотите, чтобы она мне глаза выщарапала? Да вы поглядите, в каком она состоянии...

— Черт! — вновь досадливо поморщилась Регина. — Что же нам делать? Только-только вышли хоть на что-то...

— Похоже, кто-то идет за нами по пятам, — устало заметил Павел.

Женщина, прищурившись, внимательно поглядела на него.

— Сейчас наверняка думаете: «И зачем я только встрял в эту историю?»

— Ну да, — честно подтвердил Павел. — Думаю. Послушайте, если бы я не притащился вчера к Сычу со своими глупостями, может, он был бы еще жив! Его бы еще лет на двадцать хватило как минимум! И Симку жалко.

— Ладно, — деловито ответила Регина, — бумажки эти при вас?

— Да, — отозвался Павел.

— Дайте на время. Я покажу их кое-кому из своих. Журналисты — народ ушлый. Может, кто-нибудь уже роет в этой области... — Она задумалась. — Да, точно.

— Может, не нужно, Регина? — осторожно сказал Павел. — Похоже, это становится опасно, очень опасно. И потом... вы о вдове его подумали? Не о Симке, я имею в виду — той, вашей? Вы же и ее подвергаете опасности! А потом — что вы ей рассказали?

Регина пожала плечами.

— Ничего. Вы были правы. Глупо говорить женщине, только что похоронившей мужа, что она восемь лет жила неизвестно с кем. Хватает и его сомнительного прошлого... а уж посвящать ее в остальные подробности и вовсе незачем.

Павел кивнул. Он полез в нагрудный карман пиджака и достал смятые листы, выданные из блокнота.

— Возьмите... — сказал он, — что ж, раз так, будем на связи. И... осторожней, Регина...

— Не в первый раз, — отозвалась женщина.

Она шла к машине, уверенно поднимая голову, но испытывала ли она такую же

Лиза открыла глаза со странным ощущением, что ее жизнь изменилась. Ощущение это было совершенно определенным. Потом память о вчерашнем вечере начала постепенно возвращаться к ней. Эта ночь... Просто безумие какое-то! Она вздрогнула и инстинктивно бросила взгляд на подушку рядом с собой — но та была пуста. Да и квартира была так же пуста — никаких следов чужого присутствия. «Приснилось мне это, что ли?» — подумала Лиза, испытывая легкое ощущение неловкости за эти внезапные фантазии. Но когда она, накинув халат, причесывалась перед зеркалом, раздался телефонный звонок.

— Лиза!

И она узнала голос Стаса.

— Да? — настороженно отозвалась она. «Сейчас скажет, что вчера не смог прийти или что-то в этом роде, — мелькнула у нее в голове шальная мысль. — И тогда станет окончательно ясно, что мне все померещилось».

— Я решил, что будет лучше, если я уйду раньше, чем ты проснешься, — сказал он, — у тебя будет время подумать...

— Да, — тихо сказала она в трубку, — да, разумеется.

— Что ж, отлично, — сказал он невыразительно. — Я позвоню тебе вечером.

И оборвал разговор.

Она несколько обиженно посмотрела на пластиковое чудо коммуникации.

«Хоть бы сказал, что любит меня, или что-то в этом роде, — вздохнула Лиза, — или что мечтает увидеться». Хотя она отлично понимала, что Стас вряд ли когда-нибудь говорил нечто подобное, — во всяком случае, искренне.

И тем не менее она была уязвлена. Но не успела она упрекнуть себя как следует за подобную глупость, как телефон вновь зазвонил.

«Все-таки передумал...»

Она нетерпеливо подняла трубку.

— Стас?

— Ты что? — Это был не Стас. — Лиза? Это ты?

— О Господи! — Она почувствовала, как ее лицо заливают краска стыда. — Сережа!

— Лиза, мне надо с тобой поговорить.

Голос его звучал как-то странно, словно он выталкивал слова через силу.

— Да что еще стряслось? — спросила она тихо.

— Помнишь, ты спрашивала? Насчет Андрея? Тут я случайно узнал кое-что. Но по телефону не могу. Ты приедешь?

— Срочно? — удивилась она.

— Ну да. Ленка на дачу уехала. Так что мы сможем поговорить спокойно.

«Сегодня же выходной, — сообразила она. — А я и забыла!»

— Только приезжай побыстрее. А то мне уходить надо. Ты же сама хотела узнать...

«Больше не хочу! — чуть не крикнула она в трубку. — Больше не хочу, хватит с меня! Я этого не вынесу!»

Но тем не менее покорно сказала:

— Ладно. Я выезжаю.

Час ушел у нее на то, чтобы добраться до «Южной». Сергей открыл дверь. У него не только голос был какой-то странный; выглядел он тоже странно — глаза лихорадочно блестели, и даже в полумраке прихожей было видно, до чего он бледен.

— Проходи, — сказал он и посторонился, пропуская ее, — кофе хочешь?

— Нет, — нетерпеливо ответила она.

— Я все же принесу. Слушай, тут такое выяснилось! Я сейчас...

Он отправился в кухню, а она осталась стоять посреди комнаты, недоуменно оглядываясь. Он даже не помог ей снять пальто, и Лиза так и стояла, не раздеваясь, — ей было не по себе и почему-то знобило. В комнате тоже все выглядело как-то не так, и она лишь сейчас поняла, почему — везде виднелись следы поспешной уборки, сделанной явно мужской неумелой рукой.

«Что тут стряслось-то?» — ошарашенно подумала она.

Сергей в кухне звякал посудой, и звяканье это тоже показалось ей каким-то нарочитым, нервным.

— Что ты хочешь мне рассказать? — окликнула его она.

— Сейчас... — отозвался он. — Хочешь, сама посмотри. Это там, на столе.

Она подошла к столику у окна. Ничего особенного там не было — какая-то кипа бумажного хлама — старых газет, журналов, несколько писем... она в растерянности поглядела на эту бессмысленную грудку — что тут искать?

Подошла, наклонилась...

Когда она почувствовала за спиной чье-то присутствие, даже не успела обернуться.

На голову ей обрушилось, заслоняя поле зрения, что-то темное, а к основанию шеи прижалась холодная игла.

Тьма, застившая ей глаза, заволочла и ее сознание.

— Ты уж прости, мать, — раздался за ее спиной странный, какой-то плывущий голос друга Сереги, — у меня не было другого выхода. Они сказали, что иначе они вернут мне Ленку в таком виде...

* * *

Двери лифта отворились, и ехавший в нем человек попытался было выйти, но тут же попятился.

Двое в одинаковых куртках втащили в лифт тяжелую коробку. Сергей втиснулся за ними.

— Не поспоримся? — спросил он пассажира.

Тот пожал плечами.

— Упадем, так вместе. Что там у тебя?

— Телевизор, мать его... — Сергей слегка ударил ящик носком ботинка. — «Сони». Японцы, а тоже не лучше наших — халтурщики чертовы. Вот, в ремонт несусь.

— Ну так гарантийный же, — примирительно сказал один из носильщиков. — Парень, тебе и платить-то не придется. У нас фирма.

— Платить... — Сергей исподлобья поглядел на него. Руки его тряслись. — Мало я вам заплатил?!

Тот ласково потрепал его по плечу.

— Утихни, парень. Все будет путем.

И снисходительно пояснил пассажиру:

— Ишь как за технику свою волнуется. Ну ладно, взяли.

Его напарник осторожно подхватил ящик с другой стороны, и они выдвинули его в распахнувшуюся дверь лифта. Сергей какое-то время неуверенно шел за ними, потом махнул рукой и побежал обратно.

Пассажир проводил его взглядом, пожал плечами и тут же забыл о нем.

Ужас, пустота, отчаянная попытка уцепиться за что-то... Ее несет темный водоворот... она тонет, лихорадочно пытаюсь нащупать в этом алчном пространстве хоть какую-то опору...

... Лиза очнулась.

Странное помещение, голые бетонные стены, холодный свет люминесцентных ламп... Во всем этом было что-то очень знакомое — она попыталась вспомнить, что, но память отказывалась сотрудничать с уцелевшими остатками разума.

Лиза попыталась пошевелиться и поняла, что не может, — она лежала на железной койке, а ее запястья и щиколотки были плотно стянуты эластичными бинтами. Не причиняя боли, они тем не менее надежно удерживали ее в ловушке — точно паутина ненароком залетевшую туда муху.

... да... верно!

Ее кошмары.

Холодный липкий ужас — привычный ужас! — вновь охватил Лизу, и только когда он обострил все ее чувства, она поняла, что некоторая разница все же имеется.

Не было странного ощущения призрачности, полусна-полуяви. Свет, испускаемый светильниками, был холодный, мертвенный... но это был, что называется, «дневной свет» — ничего похожего на зыбкое зеленоватое свечение, заливавшее ее сны.

Обстановка тут была поганая — явно какая-то камера, бункер или подвал, — но тем не менее вполне реальная.

Лучше от этого ей не стало.

— Очнулась, — услышала Лиза за спиной чей-то голос.

Говоривший стоял у изголовья кровати, и лица его она не видела.

Лиза вновь попробовала пошевелиться. Это не удалось, но, в отличие от ее кошмаров, говорить ей ничто не мешало.

— Что вы со мной сделали? — спросила она.

— Ничего, — отозвался тот же голос, — пока ничего.

Звучал он немного приглушенно, точно ее невидимый собеседник говорил в платок.

— Что вам от меня нужно? — слабо проговорила она.

— Сотрудничество, — ответил человек, — будете умницей, все уладится.

— Я вам не верю, — устало сказала она.

— Зря... мы вам вот готовы поверить. И вашему мужу мы верили.

— При чем тут Андрей?

— Должок за ним числится.

Раздался шорох, и говоривший возник рядом с ней. Тут только Лиза поняла, почему его голос звучал приглушенно: он был в марлевой маске — точь-в-точь хирург у операционного

стола. Открытой оставалась лишь верхняя часть лица, с которой на нее в упор смотрели холодные серые глаза.

— Какой должок? — спросила она тихо. Она уже понимала, о чем пойдет речь, — или ей казалось, что понимала.

— Он подрядился сделать для нас кое-что, — пояснил человек в маске. — И взял плату вперед. И инструмент.

— Не знаю, что вы имеете в виду, — упрямо сказала она. — Он вообще не работал на заказ. Он был научным сотрудником.

— Отлично понимаете, — возразил ее собеседник, — и он не был научным сотрудником. А если человек подрядается выполнить работу и не выполняет ее...

— Что бы он вам ни обещал, — возразила она, — это не имеет значения. Его больше нет.

«Унизительно, когда тебя допрашивают в таком беспомощном состоянии, — подумала она. — Значит, он подрядился... кого-то устранить? Взял аванс, оружие — эта сумка в камере хранения. Все просто. И все-таки что-то тут не так. Этот человек, его манера говорить. Он разговаривает не как заурядный преступник. Хотя — что такое в наше время заурядный преступник?»

— Его убили, — тихо сказала она. — И вы это отлично знаете. Должны знать. Что бы он вам ни обещал — мне об этом ничего не известно. Так что вам нужно от меня?

— Ну что же вы, — укоризненно сказал человек в маске, — вы же неглупая женщина. А сто тысяч — сумма немалая. Даже для нас.

— Долларов? — на всякий случай переспросила она.

— Ну не рублей же, — раздраженно отозвался ее собеседник.

«Это не мои деньги, — подумала она, — они добра не принесут. Я не распотрошила ни одной пачки — для меня их и так все равно что нет. Но все же... я права, тут что-то не так. Что им стоило обыскать квартиру, этим людям, кем бы они ни были? В современной малогабаритке не так уж трудно найти сумку, набитую стодолларовыми банкнотами».

— Ну, будьте хорошей девочкой, — уговаривал человек в маске.

— Вам не стоило тащить меня для этого куда-то, — ответила она, — я бы и так сказала.

— Ну да?

— Господи, да вы же могли просто подойти ко мне на площадке, когда я отпирала дверь, и войти в квартиру. Так всегда делается...

— Вам лучше знать, — любезно сказал ее собеседник, — ну, так что?

Она прикрыла глаза. Страха она не ощущала — только бесконечную усталость.

— Деньги... — сказала она, — наверное, это ваши. На антресолях. В черной сумке. И этот... инструмент там. Ключи от квартиры у меня в кармане пальто. Сделайте одолжение, не взламывайте дверь. Отоприте как положено. Умучишься ее потом чинить...

— Одну минутку.

Он вновь скрылся из ее поля зрения, нырнув за изголовье кровати, и она услышала, как он с кем-то тихо переговаривается. Потом хлопнула дверь. Громко хлопнула — железом о железо.

Тот же голос сказал:

— Придется подождать. И молитесь Богу, чтобы деньги оказались действительно там.

«Ну и что же дальше?» — подумала Лиза без интереса. И тут же поняла, что, — за ее спиной невидимый тюремщик щелкнул выключателем. Люминесцентные лампы погасли, и

она оказалась в темноте.

В абсолютной темноте, когда время тянется и тянется и непонятно, что сейчас на улице — день или ночь... и какая по счету ночь.

В полной, сводящей с ума тишине.

Она лежала с открытыми глазами, вглядываясь в окружающий мрак, где мелькали лишь красные призраки, порожденные раздражением нервных окончаний на сетчатке глаза.

Сначала Лиза попробовала считать, но быстро запуталась — цифры потеряли всякий смысл; в такой темноте ничто не имеет смысла: ни цифры, ни слова. Ни время, ни пространство.

«Это безумие, — подумала она, — Кто-то хочет свести меня с ума».

И вдруг с холодной ясностью поняла, что эта догадка, возможно, не так уж далека от истины.

Им не нужны эти чертовы деньги.

Им нужно было что-то от нее.

Иначе не стоило затевать всю эту бодягу.

Эта мысль настолько поразила ее, что она провалилась в беспамятство.

... Свет!

Ярко-белая вспышка, бритвой полоснувшая по глазам.

Лиза зажмурилась и инстинктивно попыталась закрыться рукой — но запястья по-прежнему были схвачены полосками эластичной ленты.

Прямо у нее перед лицом завис слепящий круг.

Ей потребовалось какое-то время, чтобы понять, что свет исходит из направленного на нее ручного фонаря, а из-за того, что он бил прямо в глаза, она не могла разглядеть того, кто этот фонарь держит.

— Что? — выкрикнула она.

— Ну, как мне с вами поступить? — сказал знакомый укоризненный голос. — Вы — нехорошая девочка. Обманщица.

— Я вас не обманывала, — она вновь сделала отчаянную попытку освободиться, но бинты держали крепко, — если вы про эти деньги... Я засунула сумку на антресоли. Завалила ее всяким хламом, но она там, говорю вам!

— Детка, — сказал тот же голос, — там нет никакой сумки.

Самое странное, что она сразу поверила. Раз он говорит «нет», значит — нет. Появление этой сумки у нее в доме было столь же неправдоподобным, сколь и ее исчезновение, а значит — все возможно.

— Тогда, — растерянно проговорила она, — тогда я не знаю.

— Она не знает, — передразнил ее собеседник, обращаясь к кому-то еще, тоже невидимому. — Мы ей поверим?

Тот что-то тихо проговорил в ответ.

— Нет-нет, — ответил тот в полный голос, — нет-нет, мы же не звери. Это слишком грубый метод. Она же еще совсем девочка, ей жить и жить...

Лиза отлично понимала, что говорится все это для нее, что перед ней разыгрывается какой-то странный спектакль, но какой?

«О чем это он?», — в ужасе подумала она.

— Нет-нет, мы сделаем по-другому. Давай-ка переведем ее отсюда.

Свет фонаря переместился на ее запястья, и она, скосив глаза, увидела чьи-то руки в

черных перчатках и холодно отблескивающие ножницы.

Почувствовав свободу, она дернулась, пытаясь освободиться, села на кровати — и чья-то сильная рука сжала ее плечо.

— Спокойней, голубушка... Вставай, но аккуратно, без паники.

Подталкиваемая этой уверенной рукой, она двинулась к выходу. Ноги были как ватные. Сколько она здесь пролежала? Несколько часов? Несколько дней?

Идти долго не пришлось. Ее просто втолкнули в соседнюю комнату — в отличие от предыдущей та была тесной и ярко освещенной. Лизе пришлось зажмуриться, чтобы умерить резь в глазах.

Больше всего обстановка этой комнаты напоминала зубоврачебный кабинет, даже пахло почти так же — острый, едкий запах какого-то антисептика. В центре комнаты стояло кресло на вращающейся турели с ремешками, свисающими с подлокотников, и у нее неприятно заныло в груди.

— Прощу, — сказал сопровождающий. — Присаживайтесь. Даме стоять не годится.

И подтолкнул ее к креслу.

Почему-то именно оно и испугало Лизу больше всего.

— Нет! — отчаянно закричала она, вцепившись в ручки и отчаянно упираясь. — Нет! Я не хочу!

— Ну вот! — сказал, обращаясь к кому-то, ее сопровождающий. — А вы обещали мне, что она будет паинькой.

— Сейчас будет, — сказал второй, и в первый раз она услышала его голос — он лишь добавил новые оттенки к ее ужасу. Голос был мертвенный, невыразительный, какой-то механический.

— Давай, помоги ей!

Она даже не сообразила, что произошло. Ноги у нее подкосились, и она вдруг оказалась в кресле, а затянута в перчатку рука застегивала ремни, фиксирующие ей запястья.

— Ну вот, — сказал тот, с холодным голосом, — главное, не советую нервничать. Будет лишь хуже. Расслабьтесь.

Он тоже был в марлевой повязке и в бледно-зеленом халате, какие носят хирурги. Скорее всего он и в самом деле был врачом, подумала она, глядя, с какой профессиональной уверенностью он, закачав в шприц какую-то жидкость из ампулы, передвигал поршень, выпуская пузырьки воздуха.

Второй перехватил ее панический взгляд.

— Это не смертельно, — пояснил он, — вам не надо бояться. Это просто заставит вас быть откровенней, вот и все.

Игла впиалась ей в предплечье.

— Закройте глаза, — командовал механический голос, — откройте.

Она еле слышала его сквозь нарастающий шум в ушах.

— Отлично. А теперь смотрите сюда.

Перед глазами у нее возник металлический блестящий шарик — он сфокусировал на выпуклой поверхности искорку света, и Лиза почему-то не могла оторвать глаз от этой сверкающей точки.

— Внимательно. Смотрите внимательно. Что вы видите?

— Свет...

«Я вижу свет, но он почему-то зыбкий и призрачный. Я не могу пошевелиться. Что они

со мной делают? Зачем? Чьи-то холодные пальцы... блестящие глаза... огромные... Почему он так на меня смотрит?! Я не хочу!»

Она забилась в кресле, пытаясь высвободиться.

— Спокойней, — сказал чей-то голос. — Спокойней.

«Мне страшно. Я теперь вспомнила — мне очень страшно. Мне всегда было страшно. Они сделали так, чтобы я забыла, чтобы я об этом не думала, но разве об этом можно забыть? Они ведут меня куда-то. Какие странные у них лица!»

— Что вы видите? — настаивал чей-то голос.

Свет погас.

Не в комнате — теперь прямо на нее, ей в глаза, была направлена яркая лампа.

Погас призрачный свет у нее в голове.

Она, насколько могла, вывернула шею, чтобы избежать беспощадных лучей, и стала рассматривать собравшихся в комнате людей.

Их было четверо, и ей все они показались одинаковыми — в зеленоватых халатах и масках, поверх которых смотрели на нее холодные пристальные глаза. Двое переглянулись друг с другом — она так и не могла понять, что было в их взгляде — торжество? разочарование? Третий возился у какого-то прибора — только теперь она заметила, что от ее лба, шеи и тыльной стороны ладоней тянутся какие-то провода. Он отключил прибор — лампочки мигнули и погасли — и стал снимать с нее липкие электроды.

Четвертый стоял у двери, и по тому, как оттопыривался халат у него под мышкой, Лиза поняла, что он вооружен.

Она попробовала заговорить и в ужасе почувствовала, что не может, — мышцы шеи свело судорогой, язык одеревенел.

— Что... со мной будет? — наконец удалось ей хрипло выдать.

Тот, что возился с ней, молча и чуть заметно сжал ей запястье — прикосновение почему-то показалось ей успокаивающим.

Бывший ее собеседник (видимо, именно он был тут за главного) слегка пожал плечами.

— Уже ничего.

Она так и не поняла, радоваться ли ей по этому Поводу или оплакивать себя. Только сейчас она почувствовала, как все ее тело болело, — каждая Мышца, словно сквозь нее прогнали электрический ток.

— Если вы не будете дергаться, — сказал ей склонившийся над ней человек, отстегивая ремни на запястьях, — а будете вести себя хорошо, мы вас усыпим и отправим домой.

Она покачала головой.

— Я вам не верю.

— Надо же! — насмешливо сказал старший. — А что вам еще остается? Разве...

Он прислушался. Потом сделал знак стоявшему у двери охраннику, и тот бесшумно вышел из комнаты.

«Что-то неладно», — подумала Лиза.

Старший, видимо, придерживался того же мнения: он поднял голову, настороженно блеснув серыми глазами.

И в это время комната взорвалась.

Ей потребовалось еще несколько секунд, чтобы сообразить: грохот и вспышка света исходили от прежде направленного на нее, а теперь опрокинутого прожектора. Человек, до этого спокойно возившийся со странным прибором, уже был около старшего — неуловимое

движение ладони, и тот сполз на пол, хрипя и держась рукой за горло. Его напарник сориентировался быстрее — он, чуть согнув колени, прыгнул навстречу нападавшему, и теперь по полу, круша странное оборудование, катался клубок сцепившихся тел.

Лиза в ужасе смотрела, как человек, одетый в зеленый халат, швыряет на пол своего, скажем так, коллегу. В этом зрелище была какая-то зловещая ирония — уж слишком смахивала обстановка комнаты на операционную, а ее мучители — на благородных последователей Гиппократата.

Наконец один из борющихся пружинисто вскочил на ноги. Второй (а вернее, третий, подумала она) так и остался лежать на полу, раскинув руки и неестественно вывернув голову.

Шею сломал, мелькнула отрешенная мысль.

Человек в халате обернулся к ней.

— Пошли! — сказал он. — Нечего рассиживаться.

Но то ли от ужаса, то ли от препаратов, которые ей ввели, Лиза не могла пошевелиться — ноги не держали.

Он схватил ее за руку и почти выдернул из кресла.

— Смерти захотела, глупая? — заорал он. — Шевелись!

Лиза нетвердо встала на ноги, и он, не дожидаясь, пока она окончательно придет в себя, поволок ее к выходу. В темном коридоре тоже шла борьба — она слышала звук падения тяжелого тела.

Темная фигура отделилась от стены.

Она слабо вскрикнула.

— Лиза? — раздался знакомый голос. — Лиза!

Сердце ее, сбившись с ритма, торопливо ударило несколько раз.

— Стас!

Он прыгнул навстречу из темноты и встал перед ними, слегка пригнувшись на пружинящих ногах.

— Отпусти ее, ты, сволочь!

— Да пожалуйста, — отозвался ее спутник, — хочешь сам тащить ее на себе — на здоровье.

Она сделала неуверенный шаг навстречу Стасу и в ужасе почувствовала, как нога ее задела что-то мягкое, безвольно лежащее на полу.

— Он пытался вывести меня отсюда, — торопливо пояснила она, — там еще двое лежат.

— Боюсь, — вежливо заметил ее спутник, — они уже не встанут. Но нам нужно торопиться — мало ли кто захочет наведаться в этот уютный уголок.

Лиза понятия не имела, куда нужно идти, чтобы выбраться наружу, но оба ее спутника, похоже, отлично это знали. Ее потащили вверх, по каким-то ступенькам (так значит, это и впрямь был подвал!), и наконец она оказалась в относительно просторном пыльном помещении с цементным полом. Выбравшись на тусклый свет, она оглянулась по сторонам. «Похоже на какой-то пустой склад», — подумала она. Неуютное место.

Дверь барака — тяжелая, металлическая — была распахнута. У двери лежал охранник. Он был одет в обычную асфальтово-серую форму, все чин чином. Автомат лежал рядом с ним.

— Неплохо, — обращаясь к Стасу, одобрительно сказал ее спутник.

— Оклемается, — небрежно ответил Стас. — Правда, подлечиться придется. Ладно, пора сматываться, — он был настроен решительно, — машину я за воротами оставил. Ближе подъезжать побоялся.

— Отлично, — деловито сказал незнакомец, — пошли.

Он на ходу стащил с себя халат, содрал маску. Но даже без спецодежды он вполне мог сойти за хирурга — деловое, энергичное лицо, слегка насмешливое.

«И как он это он попал в такую странную компанию?» — удивлялась Лиза.

— Подбросите меня до Кольцевой, — сказал он.

Стас, казалось, какое-то время колебался, потом кивнул.

— Ладно, пошли.

Они через открытую калитку выбрались за бетонную ограду, поверх которой для вящей убедительности была пущена колючая проволока, и оказались на разбитой бетонке, которую окружал чахлый пригородный лес. Бывают вокруг Москвы такие странные леса, где ни с того ни с сего попадаются резные скамьи под деревьями, полуразвалившиеся детские площадки на полянках... или такие вот склады.

Вишневым «Вольво» Стаса стоял сбоку, на узкой подъездной дороге.

Они забрались в машину, и только тут Стас позволил себе обеспокоенно взглянуть на Лизу.

— Что они вытворяли с тобой, эти мерзавцы? — мрачно спросил он.

— Не знаю... — тихо сказала она.

Их спутник, который, видимо, мог просветить Стаса на этот счет, молчал.

Машина наконец свернула с бетонки на шоссе и покатила по неровному, в трещинах, асфальту. Мелькнул грибок автобусной остановки, какой-то рекламный щит, пост ГАИ.

«Цивилизация!» — горько подумала Лиза.

Они выехали к возвышающимся на пустыре новостройкам, и Лиза увидела вдали белые башенки военной академии, которую местные жители окрестили Пентагоном, и с ужасом поняла, что они на Юго-Западе — неподалеку от ее собственного дома.

— Притормози, — сказал их спутник.

Стас чуть сбавил скорость, но останавливаться не спешил. Вместо этого он повернул голову и внимательно поглядел на незнакомца.

— Кто ты такой, елкин корень? — спросил он.

— Не твое дело, — холодно ответил тот.

— Нет уж, — Стас явно накалялся, — вот вытрясу из тебя душу, будет мое.

— Оставь, — неожиданно вмешалась Лиза. — Он же тебе помог! Ты бы не справился один со всеми.

— Верно. — Стас медленно ехал вдоль обочины. — Вопрос — почему?

— Я — альтруист, — ответил тот, пожав плечами. И положил пальцы на ручку дверцы. — И покончим с этим. Если вы не хотите новых неприятностей на свою голову.

— Угрожаешь мне, да? — с ледяным спокойствием спросил Стас.

Лиза в ужасе переводила взгляд с одного на другого. Сейчас они вцепятся друг другу в глотку!

— Стас! — не выдержала она. — Выпусти ты его, умоляю!

«А то он и сам выйдет», — подумала она. То, что он сумеет это сделать, не вызвало у нее ни малейшего сомнения — она видела его в деле.

Стас все же внял — то ли ее просьбе, то ли голосу разума, и притормозил у обочины. Их

спутник открыл дверцу и легко спрыгнул на асфальт.

— Спасибо, что подвезли, — сказал он буднично.

Стас в сердцах сорвался с места и на бешеной скорости погнал по шоссе.

— Как ты меня нашел? — наконец сообразила Лиза.

Он поглядел на нее с печальной усмешкой.

— Дурацкое дело нехитрое. Я подумал — неладный у нас разговор по телефону получился. Может, если встретимся... вот я и подъехал. Уже к самой двери подошел. Ну, и все думал — входить, не входить... поднялся на лестничный пролет — покурить. Вдруг вижу — открывается дверь твоей квартиры и из нее выходят два каких-то типа. Сначала я подумал — воры. Но они пустыми вышли. Что за дела, думаю. Ну и спустился за ними. Они в машину сели. Я тоже. Пришлось пасти их на расстоянии — чуть было не упустил. А когда они к этой развалине свернули, я понял — дело неладно. Решил проверить. Так-то вот.

Машина ехала по мирным тенистым улицам, постепенно приближаясь к ее дому.

— Что им нужно было, Лиза? — спросил после долгого молчания Стас. — Ведь им что-то было нужно от тебя...

Она покачала головой.

— Погоди...

Он затормозил у ее дома, который вдруг показался ей странно чужим, словно она возвращалась из долгого странствия, и, уже поднимаясь наверх в лифте, Лиза в ужасе воскликнула:

— Ключи!

— Что? — переспросил Стас.

— Они забрали у меня ключи.

— Ну, выьем дверь в крайнем случае, — успокоил ее Стас, — она у тебя вроде не бронированная...

Лифт отворился на ее этаже, и она кинулась к двери. Стас, обогнав ее, толкнул дверь ладонью.

— Открыто, — сказал он.

«Они даже не потрудились запереть ее», — подумала Лиза.

— Ну, что? — спросил Стас.

Она стремительно вошла в комнату. Там все было по-прежнему. Ни одна вещь не сдвинута с места — порядок... Она торопливо расставила стремянку и, вскарабкавшись на нее, скинула на пол хлам, прикрывавший ее клад. И в ужасе уставилась на черную сумку.

Она была на месте.

И содержимое — тоже.

Держа открытую сумку в руках, она спустилась с лестницы и обессиленно уселась прямо на пол.

— Я... не понимаю... — проговорила она. — Из-за чего тогда... вот же она! На месте!

Стас разжал ее безвольные пальцы и, в свою очередь, заглянул в сумку.

— Ух ты! — присвистнул он. — Это ты откуда взяла?

— Ох, Стас, не знаю, — устало ответила она, — не спрашивай. Это не мое... моего мужа, может быть... Но они ведь утверждали, что искали ее и не нашли! Они мне даже дрянную какую-то впрыснули, чтобы разговорить.

— И не нашли? — удивился Стас. — Брось! Да если они хотя бы пробовали ее еще где-нибудь поискать, кроме того места, на которое ты им указала... тут бы такой бардак был!

— Что мне делать, Стас? — пробормотала она. — Что мне делать?

— Прийти в себя, во-первых, — сказал он.

— Нет... я имею в виду — сообщить в милицию.

— О чем? О том, что ты незаконно укрываешь оружие? Из которого, может, убили кого... Да еще крупную сумму Бог знает откуда взявшихся денег? Ты что, с ума сошла!

— Но ведь меня же кто-то преследует!

— Ну да, и о чем ты расскажешь? Что тебя куда-то отвезли, а потом обратно привезли? Валяй, но меня не приплетай. Я на себя три трупа вешать не буду.

— Три? — удивилась она.

— Вообще-то и одного бы хватило. Но ты думаешь, твой приятель с повинной явится из-за тех двух?

Она сжала ладонями виски.

— Но я совсем ничего не понимаю, — повторила она, — ведь им нужны были именно эти деньги! Почему же они сказали мне, что не нашли их? Я же указала им, где они лежат!

Стас с минуту раздумывал, разглядывая черную сумку.

— Да просто для тех, кого за этими деньгами послали, соблазн оказался слишком велик. Они и решили вернуться и сказать, будто денег не нашли. А за сумкой потом приехать еще раз.

— Проще было забрать ее и спрятать по дороге, — возразила Лиза.

— Возможно, у них не было на это времени. Такую сумму под камнем не зароешь — нужно подумать, подобрать место... Они и решили, что здесь деньги будут в большей безопасности.

— И оставили квартиру открытой?

— А что... — задумчиво сказал Стас, — по-своему резонно. Бомба дважды в одну воронку не падает. Да кто бы стал вторично искать их именно на том же месте?

— Я... — неуверенно ответила Лиза.

— Да если бы не удалось тебя оттуда выгнать, ты что же думаешь — они бы тебя доставили домой? С ветерком прокатили? Просто отвезли бы чуть подальше и в том же лесочке — там овраг есть...

Лиза поежилась.

Стас погладил ее по плечу.

— Забудь про это! Все кончилось! Лучше подумай, как можно потратить эти бабки! Их теперь у тебя никто не потребует!

Она покачала головой.

— Не могу... Это ведь не мои деньги. И я даже не знаю, чьи они. И за что.

— Теперь твои.

Она вытерла слезы и попыталась улыбнуться. Со второй попытки это у нее получилось.

* * *

Человек поднял трубку телефона.

— Что? — резко сказал он. — Как, мертвы? Кто... Пропал? А она? На месте? Понятно... а запись удалось сделать?

Хорошо... значит, она разговаривала. Прокрути-ка немного.

Ладно... хватит. Все верно. Это те самые. Оттуда.

Да нет, не стоит, вряд ли узнаем больше — похоже, она и так рассказала все, что знала.

Это отработанный метод.

Не подозревает? Хорошо. А то — еще один такой прокол — и...

Еще раз брать? Нет, зачем? Лучше проследить. Поглядим, что будет дальше.

Он положил трубку.

— ... Поглядим... — повторил он.

Борис бегло просмотрел бумажки, исписанные типичным для врача быстрым почерком.

— Ну и что? — спросил он. — Что ты мне суешь?

— Ох, только не притворяйся, — сухо сказала Регина. — Будто ты впервые видишь медицинское заключение. У тебя отец — гинеколог, известный на всю Москву.

— Так то гинеколог...

Но вновь проглядел бумажки.

— Что-то тут неладно, — признал он наконец свою компетентность, — ты что, мутанта где-то откопала?

— Вот ты мне и скажи, кто это.

— Копии, — проницательно заметил Борис, — а где оригиналы?

— Нету, — коротко ответила Регина.

— Ладно, — неохотно сказал он, — я посмотрю, что тут можно... а что тебя интересует, собственно?

— Все, что можно хоть как-то с этим связать. Начиная примерно с сорок пятого года... Ты ведь вроде собирал одно время какой-то архив по всяким глупостям... я еще смеялась над тобой. А ведь это ты раскопал тогда эту историю с гипнотизерами!

— А... — махнул рукой Борис, — да это давно было. И все равно мне тогда никто не поверил. И ты не поверила!

— Теперь поверю.

— Откуда эти данные? — поинтересовался Борис.

— Не скажу. Вообще ничего не скажу. Не хочу, чтобы ты относился к этому предвзято. Просто прогляди все, начиная от сороковых и до шестьдесят пятого примерно. И сам реши, к чему их можно пристегнуть.

— Параметры-то хоть чьи? И вообще — помнишь, ты меня с девицей этой сводила? Это имеет какое-то отношение к той истории?

— Не твое дело, — отрезала Регина. — Я этим занимаюсь, понятно? Это моя золотая жила!

Борис усмехнулся.

— И ты еще хочешь, чтобы я тебе помогал? На таких-то условиях?

— Поможешь. — Регина потрепала его по щеке. — Ты же любишь, чтобы тебя уговаривали, верно?

Павел, подняв воротник куртки, брел по промозглой мгле, направляясь домой. На душе у него было погано. Утренняя история вызвала в нем странное чувство вины — ни к чему было заниматься этим делом, нечего было впутывать в него посторонних. Если Регина готова удавиться за свою сенсацию, пусть она и старается... То, что Сыч, собственно говоря, не был таким уж посторонним, Павлу в голову не приходило. Но чем дальше отступали в прошлое вчерашние, да и сегодняшние события, тем более нереальными они ему казались — дурной детектив, выдумка ушлых газетчиков... что-то из разряда «Мутанты ползут к Москве». Уже подходя к дому, он сообразил, что забыл купить хлеба, — такое с ним случалось часто. Он никак не мог приладиться к холостяцкой жизни.

Ларек на углу призывно сверкал разноцветными лампочками и яркими наклейками на

витрине. Он, брезгливо глядя под ноги, чтобы не вляпаться в очередную грязную лужу, подгреб к этому чуду свободной коммерции. Порылся в кошельке, доставая деньги.

Пьяный, подпиравший стенку, отделился от своей опоры и подошел к нему.

— Слышь ты, мужик, — сказал он равнодушным голосом, — десятки не найдется?

— Отвали, — брезгливо сказал Павел.

— Грубишь, да? — Попрошайка неожиданно схватил его за плечо, развернул к себе, и, глядя в бесцветные глаза, Павел неожиданно понял, что тот вовсе не пьян.

А откуда-то с тылу, из-за задов киоска, уже выходил второй.

«Влип!» — мелькнуло у него в голове.

Он не был прирожденным бойцом, но, как и любой хлебнувший лиха его современник, отлично понимал, что в таких случаях нельзя ждать, пока тебя ударят. Надо бить первым.

Его тренированные пальцы, находившие нервные узлы на сотнях холодных тел, безошибочно ударили в самую болезненную точку. Тот, кто держал его за плечо, охнул и на миг ослабил хватку. Павел, не дожидаясь, пока он придет в себя, развернулся и носком ботинка въехал второму нападавшему в пах.

«Какого черта? — Мозг, привыкший бесстрастно анализировать ситуацию, казалось, работал сам по себе. — Что им от меня надо?»

— Не нравишься ты мне, — пояснил, словно в ответ на эти мысли, первый нападавший, — очень не нравишься.

И вновь двинулся на Павла. Он ударил его в солнечное сплетение, и по эффективности этого акта Павел понял, что бил он не пустой рукой. Дыхание перехватило, тупая боль заставила согнуться пополам.

«Хоть бы из чертова ларька кто-нибудь вышел», — подумал он. Но прекрасно понимал, что сидящий в тепле и относительной безопасности мелкий коммерсант не будет ни с того ни с сего вмешиваться в чужую драку.

Это было последнее, что он успел подумать, — на его склоненную шею обрушились чьи-то сомкнутые руки.

И тут раздался отчаянный свист.

Сквозь багровую пелену, застилающую глаза, он увидел приближающиеся патрули. Они почему-то показались ему очень рослыми, и ему потребовалось какое-то время понять, что он смотрит на них снизу вверх, лежа на земле. Боли он не чувствовал. Но достаточно разобрался в устройстве человеческого тела, чтобы понять — это ничего не значит.

«Шок...» — подумал он.

Тех, нападавших, поблизости уже, конечно, не было. Патрульный склонился над ним. У него были новенькие хромовые сапоги.

— Пропади они пропадом, эти алкаши, — сказал он своему напарнику.

— Я не пьян, — пробормотал в ответ Павел. Наконец не проявлявшая себя до времени боль, как ей и положено, взорвалась внутри со страшной силой. — Я не пил... это — нападение.

— Так и запишем, — деловито сказал дежурный, — разбойное нападение. С целью грабежа?

— Откуда я знаю? — огрызнулся Павел.

— Встать можешь?

Павел попробовал подняться и тут же, охнув, вновь опустился на четвереньки.

«По меньшей мере два ребра сломаны, — подумал он, — а может, и печень отбита».

— Лежи, — сжалился патрульный, — я «Скорую» вызову.

— Не нужна мне... «Скорая».

— Не дури, парень. Да... документик-то при тебе?

Павел попробовал пошевелить рукой, чтобы дотянуться до внутреннего кармана пальто, и понял, что не может этого сделать.

«Господи, — ужаснулся он, — неужто они и руку мне поломать успели?»

— Сами возьмите, — сказал он хрипло.

Патрульный безжалостно перевернул его поудобней и извлек паспорт из внутреннего кармана.

— Все в порядке, — сказал он, посветив себе фонариком, пока его напарник вызывал по рации «Скорую».

— Интересное заявление, — устало выговорил Павел. — Но спорное.

И провалился в темную пропасть, куда даже рев подъезжающей «Скорой» проникал очень смутно.

«Скорая помощь», покрутившись по пустынным улицам, выехала наконец на широкую магистраль. Павел, лежа на жестких носилках, видел лишь мелькание тусклых фонарей да отблеск фар встречных машин.

— Куда мы едем? — спросил он сидящего рядом с ним санитаря.

Тот обернулся.

— А, — сказал он, — мы пришли в себя? Хорошо.

«Скорая» как раз затормозила у светофора, и красный отблеск, падая на лицо санитаря, придавал ему какой-то потусторонний вид. Павлу почему-то стало не по себе.

— Так куда меня везут? — повторил он.

— В Первую градскую, — сказал санитар внушительно. — В травматологию. И не дергайтесь. Вероятно, у вас сотрясение. Мутит?

— Слегка, — ответил Павел слабым голосом.

Тот кивнул.

— Должно бы. Вы ведь сознание теряли. Если бы не это, вас подлатали бы и выпустили. Атак, может, придется повалиться.

— Черт! — пробормотал Павел.

Тот усмехнулся.

— Не входило в ваши планы, да? Ну, вам еще повезло. Если бы не наша доблестная милиция... и поделом вам — нечего ввязываться в драку было. Морды бить все любят, а вот получать по морде...

— Да я и не ввязывался, — устало ответил Павел. Что толку объяснять?

— Неплохо вас обработали, — почти одобрительно заметил дежурный врач. Он был сонным и усталым, и растерзанный вид Павла на него особого впечатления не произвел.

— Да, — Павел осторожно вздохнул, что тут же отозвалось болью в ноющем теле — по меньшей мере два ребра... плечевой сустав вывихнут.

— Три... — уточнил врач, рассматривая снимок.

— Внутреннее кровоизлияние...

— А вы, похоже, мой коллега? — удивился дежурный. — А я думал, криминальная разборка очередная. — Он вздохнул. — Сегодня уже троих таких принял.

— Да нет... — плотно наложенная повязка давила на грудь, но это было ничто по сравнению с грызущей его тревогой. — Послушайте... телефон тут есть?

Врач с минуту колебался.

— Вообще-то это не принято. Если каждый больной... Ну, ладно, коллега! Звоните.

Павел неловко, одной рукой стал шарить по карманам. Но визитной карточки, которую оставила ему Регина, не было. Может, мент, просматривая документы, ее выронил?

— Вот зараза, — пробормотал он.

— Да вы что? — удивился врач. — Не настолько уж вас шарахнуло, чтобы не помнить домашний телефон. Хотя... и такое бывало.

— Да я не домой, — досадливо пояснил Павел, — я один живу. Я одной знакомой хотел позвонить.

— Ничего страшного, — успокоил врач, — я тоже не всегда помню телефоны своих девушек. Да и имена тоже. Ладно, завтра позвоните.

— Мне срочно надо было, — горько сказал Павел.

Нападение выглядело случайным, да, верно, но он давно перестал верить в подобные совпадения. А если так... если так, то Регине тоже должна грозить опасность.

Павел поднялся.

— Куда это вы собрались, коллега? — с интересом спросил врач.

— Мне нужно идти, — Павел старался говорить как можно тверже. — Я... одним словом, я не могу тут оставаться.

«Господи, — подумал он, — как мне ее отыскать? Посреди ночи? Ни один «справочный стол» не работает. Ее редакция... будь это газета, да еще ежедневная, там наверняка сейчас бы работала ночная смена. Но она-то с журналом сотрудничает! А там хорошо, если один сторож на все здание имеется».

— Вы не можете идти, — терпеливо сказал врач. — Поверьте мне. Видал я таких. Это типичные симптомы сотрясения мозга — психомоторное возбуждение...

— Я без вас знаю, какие у сотрясения мозга симптомы, — огрызнулся Павел. — Вы что думаете, мне сейчас охота хоть пальцем шевельнуть? Говорю, мне очень надо...

Он миновал врача, который даже не пытался задержать его, и сделал решительный шаг к двери.

Только один шаг...

Потому что тусклый свет в кабинете вдруг сузился до слепящей точки, и сквозь нарастающий гул в ушах он услышал издали спокойный голос врача:

— Я же говорил вам, коллега, это типичнейший случай.

Он пришел в себя уже на койке. Оглянувшись, понял, что лежит не в палате, а в закутке в коридоре, — повернув голову, он мог рассмотреть чахлый фикус в кадке и плакат, призывающий чистить зубы. Черт бы их подрал, эти наши богадельни, подумал он. Небось ждут, что кто-нибудь к утру помрет, — тогда и место в палате освободится. Лежать было неудобно — мешала плотно наложенная повязка, а на неповрежденной руке — еще и полоска пластыря. Скосив глаза, он увидел, что она удерживает вставленную в вену иглу, от которой трубка шла к капельнице, укрепленной на кронштейне.

«Хорошенькое дело», — подумал он.

Из окна напротив тянуло холодом, а фонарь, который еще не могла заслонить молодая листва, заливал коридор ртутным светом.

И в этом смутном свете он увидел, как по коридору движется человек. — Одетый в белый халат, он ступал бесшумно и оттого напоминал больничное привидение — загробного старожилы здешних мест.

Он попал в освещенный квадрат, и его халат вспыхнул призрачным бледным светом. Павел лежал, не двигаясь; полуприкрыв глаза, он наблюдал за приближающейся фигурой.

Теперь, когда ночной посетитель вновь вступил в полосу мрака, халат его померк, и он стал лишь бестелесной тенью с настороженно сверкающими глазами.

«Это ко мне, — вдруг с холодной отчетливостью подумал Павел. — Это смерть моя за мной пришла».

Не одетый в саван скелет с косой, нет, — человек в белом халате.

Тот тем временем подошел ближе и неслышно склонился над Павлом. Павел замер, стараясь, чтобы его дыхание звучало как можно ровнее. Из-под полуприкрытых век он различал в руке у человека тускло блеснувший прозрачный цилиндр...

...Шприц.

«Неужто он рассчитывает, что я не почувствую укола?» — удивился Павел. И, только когда тот бесшумно скользнул к изголовью, понял, что инъекцию делать вовсе не обязательно.

Капельница!

«Он просто закачает эту дрянь, какой бы она ни была, в чертову капельницу — и уйдет так же бесшумно, как и прибыл.

Или не уйдет?

Останется, чтобы полюбоваться, как я корчусь в агонии — чтобы было потом о чем докладывать, чтобы убедиться, что все в полном ажуре?»

Прибинтованная рука лежала поперек груди, укрытая простыней. Павел попробовал осторожно пошевелить пальцами — получилось. Он чуть переместил руку на локтевой сгиб здоровой руки и аккуратным, профессиональным движением выдернул иглу из вены.

И замер.

Он не видел, что делает убийца, — тот стоял рядом с изголовьем, и для того, чтобы разглядеть его, Павлу нужно было бы повернуть голову.

Но он мог догадаться, что тот, проткнув пластиковую бутылку с раствором, закачивает в нее что-то из своего шприца. Наверняка именно сейчас на него можно было бы напасть — хоть какие-то шансы. Но сломанные ребра и ноющая рука протестовали против каждого движения.

«Я не выдержу драки, — подумал Павел. — Он-то наверняка тренирован и здоров». Оставалось лежать неподвижно и ждать. Игла оставалась поверх вены, по-прежнему перехваченная пластырем, — с виду все в полном порядке. Он чувствовал, как из нее по капле просачивается жидкость из капельницы, медленно стекает по руке...

«Если он останется ждать, — испугался Павел, — он заподозрит неладное».

Но тот, бесшумно повернувшись, поплыл по коридору прочь — удаляющаяся белая фигура, столь же реальная, как зыбкий свет фонаря за окном.

Павел пошевелился. Что бы тот ни влил в капельницу, наверняка это должно было подействовать медленно и незаметно — снотворное... лошадиная доза морфия... все что угодно.

Он поглядел на пустой коридор, на капельницу, медленно и осторожно сел на койке. Нащупал на полу расшлепанные больничные тапочки. «Вот суки, — подумал он, — даже

ботинок не оставили».

Утешало то, что в больничную пижаму его не переодели. Должно быть, с пижамами напряженка. Он лежал в своих собственных брюках и рубаше. Ни пиджака, ни куртки не было.

Зато кошелек был в кармане брюк — уже кое-что. Документы... Ключи от квартиры.

«Впрочем, — решил Павел, — туда мне все равно нельзя».

Он поднялся на ноги и, держась за стену, побрел по коридору.

Добрался до лестницы.

Она была пуста. На стене висела табличка: «Запасный выход».

Интересно, подумал он, как тот-то сюда попал? Спокойно прошел в своем белом халате через главный вход? Или все же предпочел вот этот, поукромней?

Ладно, поглядим.

И он стал спускаться вниз.

Его предположение подтвердилось — дверь была открыта. За ней лежал окутанный мраком ночной парк. Павел постоял на пороге, зябко поежился, осторожно спустился с крыльца и пропал во тьме...

— Ну что, — нетерпеливо спросила Регина, — просмотрел свои бесценные архивы?

— Просмотрел, — неохотно ответил Борис, — но пока ничего похожего. Я хочу сказать — это же тебе не двухголовый теленок... тут тонкая работа. Вообще, мне кажется, что с ошибками природы это ничего общего не имеет. Разве только это не случайный казус. Я подумал — а что, если какой-нибудь закрытый проект был... Ты вроде сама на это намекала. А подобные сведения в открытую печать почти не просачивались. Зато у американцев подобный проект существовал. Они его запустили во время «холодной войны». Недавно вся эта история всплыла. Потом проект пришлось прикрыть — клоны оказались психически нестабильными. А при том физическом и интеллектуальном потенциале, которым их наградили... Ходили слухи, что эти супермены составляют большую часть клиентуры одной закрытой психушки.

— Клоны?

— Да. Они выводили своих сверхлюдей, модифицируя один и тот же исходный генетический материал.

— Нет... кажется, нам это не подходит. Потом, это все же Америка.

— погоди! Американцы-то уверяют, что занялись этим только потому, что получили информацию о том, что подобный проект имелся в России. Тут, мол, работали над генетическим материалом, взятым у каких-то светил во всех отраслях. Вот Пентагон и начал гнать штурмовщину. А в результате лажа у них получилась. Так что вполне может быть, что и твой оттуда. Может, наши-то сверхлюди постабильней американских оказались? И их удалось внедрить в общество.

Регина покачала головой.

— Что, с ними тоже накладки? Ну ладно, не хочешь говорить, не надо. А чьи это все-таки параметры?

С минуту Регина колебалась.

— Андрея, — наконец выговорила она неохотно.

Глаза Бориса за стеклами очков стали совсем огромными.

— Как? Твой...

Она молча кивнула.

— Слушай, — решительно сказал Борис. — Брось ты это. Оставь. Слишком близко — понимаешь... Если ты лично в это впутана...

— Ну и что?

— Не лезь, — решительно сказал Борис, — это опасно. Ты же знаешь, как я к тебе отношусь. Я готов молчать... да черт с ней, с этой сенсацией!

Регина вздохнула, рассеянно поглядела в окно.

— Кажется, уже поздно, — сказала она, и непонятно было, к чему относится эта ее фраза.

* * *

Лиза в ужасе металась по постели, пытаясь проснуться; она блуждала по каким-то глухим длинным коридорам, разыскивая — кого? Тревога грызла ее, словно те, что допрашивали ее в этом странном подвале, разбередили какие-то темные глубины ее сознания.

Возможно, если бы Стас остался, ей было бы легче. Но он сослался на какие-то срочные дела и ушел, предварительно врезав ей в дверь новый замок. Ей было страшно. Да, теперь она поняла, что Делает в этих коридорах, — она разыскивает Андрея. Он здесь, он должен быть здесь, она откуда-то точно это знает... Но коридоры пусты, и лишь ее шаги отдаются гулким эхом... Наконец Лиза увидела вдалеке смутную фигуру — она двигалась впереди, не приближаясь, но и не отдаляясь. Она пыталась ускорить темп, но что-то мешало ей, точно сам воздух уплотнился и отталкивал ее. Лишь бы он почувствовал, что она идет за ним. Лишь бы обернулся!

И он обернулся.

Это действительно был Андрей, но почему у него такое странное выражение лица? И почему вдруг его лицо начало меняться?

На нее смотрела бледная, невыразительная маска с остановившимися темными глазами. Мертвая маска.

* * *

Звонок телефона вырвал Лизу из небытия. И хотя в последнее время такие утренние звонки не предвещали ничего хорошего, она восприняла его с благодарностью.

Она подняла трубку.

— Мне нужна Лиза Панина, — сказал абсолютно чужой, незнакомый мужской голос.

— Да? — спросила она настороженно.

— Лиза... простите, не знаю, как по отчеству... послушайте... это Павел.

— Кто?

— Павел Лукин. Патологоанатом. Вам разве Регина не говорила? Я дежурил в ту ночь, когда привезли вашего мужа.

— Что вам нужно? — устало спросила Лиза. Что-то такое Регина и впрямь рассказывала, но какое это теперь имело значение? Ей казалось, что все случилось очень

давно. — Вам Регина мой телефон дала?

— Нет... слушайте, я не могу долго разговаривать. Я из автомата звоню. Вы знаете, где Регина живет?

— Да.

— Лиза, послушайте... мне кажется, ей грозит опасность. Предупредите ее. Даже не звоните — поезжайте к ней домой. Срочно. Скажите, я вынужден уйти в бега. Я перезвоню вам через пару часов, хорошо?

— Хорошо, — сказала Лиза удивленно, — а почему бы вам самому с ней не связаться?

— Говорю, я в бегах! Я не могу тут больше оставаться. Я вас очень прошу, Лиза! Это дело жизни и смерти!

Банальная фраза, но у него она прозвучала как нечто свежее.

Лиза уже открыла рот, чтобы переспросить, почему ему, собственно, не позвонить Регине самому, но он уже повесил трубку.

Она подумала и после секундного колебания набрала номер Регины.

Гудки...

Лиза взглянула на часы. Семь утра. Зная Регину... наверняка она должна быть дома. Либо крепко спит, либо просто отключила телефон, чтобы не мешал. Придется действительно ехать... тем более, что, вероятно, ей следует рассказать про вчерашнее.

Она торопливо оделась и, накинув пальто, выбежала из квартиры. И только оказавшись на улице, поняла, насколько страшно и неуютно ей было Дома. Словно стены, смыкаясь, давили на нее...

Почему эти вороны кричат так громко? Колокол в Донском монастыре — он бьет и бьет, так отчаянно, словно вынимает душу... белый дом выплыл из тумана ей навстречу, точно призрачный корабль, — она ворвалась в подъезд, толкнула знакомую дверь. Закрыто. Лиза нажала на кнопку звонка — звонила долго, отчаянно...

Такой звонок смог бы разбудить и мертвеца.

Смог бы?

Она вновь выбежала на улицу. Окно казалось закрытым, штора задернута. Она, встав на цыпочки, постаралась заглянуть внутрь — штора мешала... До окна никак не дотянуться. Страх утроил ее силы — она схватила стоявшую у подъезда скамью и подтянула ее под окно. Забралась на скамью, толкнула ладонью раму — она оказалась открыта, отодвинула занавеску — и в мягком полумраке комнаты увидела смутно белеющее на полу тело. Белые волосы рассыпались по ковру, ладони сжаты в предсмертном усилии, ноги непристойно раздвинуты...

Голова у Лизы закружилась, и она почти свалилась со скамьи.

Она не помнила, как отчаянно, забыв про звонок, колотила кулаками в ближайшую дверь, крича:

— Вызовите кого-нибудь! Да вызовите же кого-нибудь!

* * *

— Ну что ж, — сказал следователь, — теперь и до вас дошла очередь.

Лиза сидела на диване. Проснувшись от ее отчаянных воплей, соседи Регины вызвали милицию, даже не попытавшись заглянуть в квартиру убитой, чтобы удостовериться* не

примерещилось ли Лизе все это.

Теперь дверь в квартиру Регины была открыта, тело убрано, взад-вперед сновали озабоченные люди, и возник какой-то оперативник с овчаркой на поводке. Лишь очерченный мелом и уже слегка затертый силуэт на полу мягко светился, точно бледный призрак убитой женщины.

Лиза, которую кто-то — она даже не помнила, кто, — усадил на диван и закутал в плед, до сих пор не могла справиться с бившей ее дрожью, несмотря на то что медэксперт мимоходом сделал ей укол успокаивающего.

— Так что же вас заставило приехать сюда? — спросил следователь. — Пойдите-ка... мы ведь уже встречались. Ваша фамилия Панина, правильно? А я — Губарев.

Лиза кивнула. Теперь, когда горячий туман рассеялся, она тоже узнала человека, присутствовавшего тогда на опознании Андрея. Она могла бы узнать его и раньше, но ее ошеломленное сознание просто отказывалось впускать в себя действительность.

— Что-то мы часто с вами встречаемся, — заметил следователь. — Так что же вас сюда все-таки привело, гражданка Панина?

Само по себе безобидное слово «гражданка» заставило ее вздрогнуть — оно таило в себе скрытую угрозу. Где еще его услышишь, как не в суде или в милиции?

— Я позвонила, — с трудом выговорила Лиза, — никто не отвечал... Я решила подъехать.

— Ну а почему вы подъехали, если никто не отвечал?

Лиза беспомощно пожала плечами. Не рассказывать же всю эту историю о звонке какого-то Павла, который, по его собственным словам, находится в бегах?

— Мы договорились... встретиться, — выдавила Лиза.

Губарев мрачно поглядел на нее.

— Послушайте... Елизавета Дмитриевна, верно? Возьмите себя в руки. Вы давно знакомы с покойной?

Лиза покачала головой.

— Нет... мы познакомились... на похоронах.

«Почти правда», — подумала она.

— И вы поехали к женщине, которую знали всего несколько дней, в восемь часов утра, потому что у нее не отвечал телефон? Вам не кажется, что это немного странно?

Лиза молчала.

— Кем она работала, вы хоть знаете?

— Она была журналисткой, — сказала Лиза.

— Может, ей угрожал кто-нибудь? Вам об этом что-то известно?

«Это мне угрожали, — подумала Лиза. — Но, расскажи я сейчас обо всем этому Губареву... да мне потом всю жизнь не отмыться».

— Об этом она ничего не говорила, — сказала Лиза. — Может, на работе у нее что-нибудь знают.

— Я спрошу у нее на работе, — терпеливо сказал следователь. — Ну хорошо, о ее личной жизни вам что-нибудь известно? Она была близка с кем-нибудь?

«Она была близка с моим мужем, — подумала Лиза. — Хорошенькое дело...»

Страшная мысль вдруг мелькнула у нее в голове.

«А вдруг это я? Вдруг я уже настолько обезумела, что пришла сюда и убила ее... а теперь ничего не помню об этом?»

Эта идея так ее ошеломила, что на вопрос следователя она лишь тупо помотала головой.

— Лизвета Дмитриевна, — устало сказал Губарев, — вы ведь понимаете, в каком вы положении? Вы проходите уже по второму убийству. Пусть косвенно, но ведь могут возникнуть вопросы. А вы не хотите сотрудничать.

Следственная бригада, закончив работать с отпечатками пальцев в комнате, переместилась в ванную, оттуда же вышел медэксперт — он мыл там руки.

— Ты от нее ничего не добьешься, — тихо сказал он Губареву, — ты же видишь, она в шоке.

Следователь поднялся.

— Ладно. Но мне нужно будет еще поговорить с вами, Елизавета Дмитриевна. Так что за пределы Москвы я вам выезжать не советую. Вы в состоянии добраться до дома?

Лиза молча кивнула.

— Эй, — раздался чей-то голос в прихожей, — что тут происходит?

И в комнату ворвался посторонний. Лиза узнала его — это был давешний Регинин приятель, с которым они тогда разговаривали. Казалось, подумала Лиза, с тех пор прошла целая вечность.

— Где Регина?

— Нет больше Регины! — не дожидаясь вмешательства следователя, отчаянно выкрикнула Лиза. — Убита!

Борис побледнел, лицо его исказилось, и он Прислонился к стене.

— Пройдите в комнату, — негромко сказал следователь. — И покажите документы, пожалуйста. Кто вы вообще такой?

— Я ее коллега, — сказал Борис медленно. Он отчаянно пытался осмыслить происшедшее.

— Вы работаете вместе? — спросил Губарев, возвращая ему документы.

— Нет, я в газете работаю. Но мы вместе учились.

— Вот как? — любезно спросил Губарев. — Значит, вы давно ее знаете?

— Да, — ответил Борис.

— И она была с вами откровенна?

— Вполне. — Потом неуверенно добавил: — Ну, наверное, у нее были свои тайны...

— Может, она вам жаловалась на кого-нибудь? Кто-нибудь ей угрожал?

Борис побледнел еще больше. Челюсти у него сжались. Он поглядел на Губарева, на Лизу, забившуюся в угол дивана, и сказал:

— Нет... то есть... я об этом ничего не знаю. Как ее убили?

— Здесь я задаю вопросы, — отрезал следователь. — Она была чем-то обеспокоена?

— Нет... насколько я знаю — нет.

— Ну а над чем она работала последнее время?

— Не знаю, — твердо сказал Борис. — Это надо спросить у нее в отделе.

— Ну а вы почему заявились сюда ни свет ни заря?

— Мы договорились встретиться, — сказал Борис.

— Похоже, она со всеми сегодня договорилась встретиться с утра пораньше. А соседи вот говорят, что она обычно раньше двенадцати из дому не выходила. Что сегодня, аврал?

— Да нет, — сказал Борис. — Просто мы договорились, что я за ней заеду по дороге на работу. У нее машина барахлит последнее время.

Губарев внимательно поглядел на него, но тот твердо выдержал его взгляд.

— А эту женщину вы знаете?

Борис вновь поглядел на Лизу. Потом снял очки и близоруко уставился на следователя.

— Да. Пару дней назад мы встретились в одном кафе. Немного посидели. Она с Региной была.

— И все?

— И все.

— Отпечатки пальцев у вас придется взять, — сказал следователь.

Борис кивнул.

— И имейте в виду, возможно, мне придется еще с вами поговорить.

Борис только пожал плечами. Губарев присел у низкого столика, задумчиво постукивая пальцем по полированной столешнице.

Потом обернулся к Лизе.

— Зачем вы встречались? — резко спросил он.

— С кем? — вздрогнула она.

— С этим, — Губарев кивнул на дверь ванной.

— Не знаю, — тоскливо сказала Лиза. — Мы пошли с Региной кофе выпить...

Снова появился Борис. Растопыренные пальцы у него были вымазаны черной краской.

— Даже смыть не дали, — пожаловался он.

— Салфетку возьмите вон на столе, — посоветовал Губарев.

— Так как мне быть? — Борис устало поглядел на него, методично вытирая палец за пальцем. — Ехать с вами?

— Да нет, — отозвался тот, — пожалуй, нет... Но, возможно, мы вас еще вызовем. Из Москвы не уезжайте.

— Хорошенькое дело, — грустно ответил Борис.

И, словно лишь сейчас начав осознавать случившееся, провел рукой по лицу и, всхлипнув, сказал:

— О Господи! Регина!

— Отвезите меня домой, — неожиданно попросила Лиза.

Борис вопросительно взглянул на Губарева.

Тот махнул рукой.

— Ладно. Поезжайте.

Лиза встала с дивана и неуверенной походкой побрела к выходу. Борис направился было следом за ней, но Губарев внезапно поднялся с кресла.

— Елизавета Дмитриевна, — сказал он ей. — Подождите снаружи. А вы, — он кивнул Борису, — задержитесь на минутку.

— Что там еще? — устало спросил Борис, проводив взглядом удаляющийся по коридору Лизин силуэт.

— Вы встречались пару дней назад, — напористо сказал следователь. — Зачем?

Борис близоруко заморгал.

— Неловко говорить... когда-то мы с Региной были близки. Потом расстались. И с тех пор она... ну, чувствует... чувствовала... себя виноватой. Все пыталась устроить мою личную жизнь. А Лиза потеряла мужа... совсем недавно, как я понял... вот Регина и решила, ну, невзначай нас познакомить. Я, как их вдвоем увидел, сразу понял, что она нарочно все подстроила.

— Ясно, — недоверчиво сказал следователь.

— Так я могу идти? — тревожно спросил Борис, глянув в окно. — А то она, по-моему, вот-вот в обморок хлопнется.

— Бог с вами. — Следователь уже отвернулся от него. — Поезжайте. Но не дальше Окружной дороги.

* * *

Губарев обернулся к медэксперту.

— Ну, что скажешь?

Тот вздохнул.

— Если бы не эта толпа посетителей, я бы сказал — заурядное убийство. Первый этаж, решеток нет.

— А способ?

— Ударили по голове каким-то тупым орудием. В затылочную область. Череп проломлен. На теле следы борьбы. Похоже, она пыталась сопротивляться. На шее синяки.

— Изнасилована?

— Не похоже. Но нужна более подробная экспертиза.

— Маньяк? Или простой грабитель?

— Вам виднее. Но мне кажется, кто-то просто залез в открытое окно в расчете на поживу. А увидев ее, растерялся, да еще она, видимо, попыталась его остановить... Но если какие ценности и пропали, установить трудно. Она ведь одна жила.

— Черт. — Губарев раздавил окурок в пепельнице. — Не будь она журналисткой...

— А что, и журналисток, бывает, за просто так убивают. Тем более, как я понял, она в научно-популярном журнале работала... никаких тебе острых тем, никаких политических скандалов... болото. Он в окно влез?

— Да. Соседи говорят, она имела обыкновение спать с приоткрытым окном. Черт бы побрал этих архитекторов... рамы без форточек! Послушай, это мужик был? Или все-таки баба могла с ней управиться?

— Судя по силе удара, — мужчина. Покойница была женщина сильная, здоровая. Не так-то с ней было просто справиться.

— А эта дамочка?

— Нет... Габариты не те.

— Она и вправду в таком шоке? Или притворяется?

— И правда в шоке. Но вот что, заметь, интересно — зрачки у нее расширены.

— Наркоманка? — оживился Губарев.

— Не похоже... следов инъекций нет. Может, правда, она атропин себе в глаза капала... и всех делов.

— Все-то ты замечаешь.

— Работа такая. Кстати, она психически явно нестабильна. Неужто эта смерть так на нее...

— Да мужа она недавно потеряла. Помнишь ту разборку на Профсоюзной? Забавное кстати, совпадение, тебе не кажется?

— Про закон парных случаев слышал? Но я бы все-таки на твоем месте присмотрел за ней, за этой дамочкой. Парные случаи — одно...

— Ладно. — Губарев поднялся. — Займусь пока соседкой. Пусть комнату осмотрит, может, пропало что заметное...

— Думаешь, ограбление все-таки?

— Ну, проверить не мешает. Что у тебя? — Губарев обернулся к парню из экспертной группы.

— Коньяк початый на кухне видел?

— А как же...

— И стакан рядом. Не рюмка, заметь, — стакан. Отпечатки на нем. Четкие. И на бутылке. Не похоже, не ее пальчики. Не хозяйки.

— Ладно, — устало сказал Губарев, — займись этим.

* * *

Борис покосился на Лизу — она сидела, забившись в угол, вид у нее был даже не испуганный, а просто какой-то безнадежный.

— Хотите, остановимся где-нибудь? — спросил он. — Выпьем...

Лиза покачала головой. Сама мысль о том, чтобы оказаться среди шумных, обыденно деловитых людей, была ей невыносима.

Борис теоретически должен был бы испытывать к ней жалость. Но почему-то никакой жалости он не чувствовал — только раздражение.

— Я же говорил и вам, и Регине. Не нужно было впутываться во все это.

Нет ничего бессмысленнее, чем запоздалые слова «я же говорил». И если бы не смерть Регины, которая потрясла его гораздо больше, чем он хотел показать, он никогда бы не опустился до такой пошлой глупости.

Но ответные слова Лизы удивили его, если его еще могло что-нибудь удивить.

— Во что? — спросила она.

Он ошарашенно уставился на нее.

— Как — во что? Черт вас дернул совместно раскапывать темное прошлое вашего замечательного мужа! И как я ей ни говорил «осторожнее»...

— Раскапывать? Она же прекратила расследование, — удивленно сказала Лиза.

— Кто вам это сказал?

— Она и сказала. Она добралась до этого патологоанатома, или кто он там, а потом сказала мне, что выяснить ничего не удалось. Что погиб он скорее всего действительно случайно, а насчет всего остального... очень трудно что-нибудь доказать.

— Значит, она вам ничего не сказала, — тихо проговорил Борис.

— Чего не сказала? — насторожилась Лиза.

Борис какое-то время колебался. Она и так в глубоком шоке. Черт ее знает, как она все это воспримет.

— Ну, она действительно добралась до этого патологоанатома, но расследование не прекратила. Наоборот, то, что она от него узнала, ее только подстегнуло.

— Что там еще она узнала? — спросила Лиза.

— Вам известно о том, что физиологические и биохимические показатели вашего мужа, мягко говоря, отличались от нормы?

Лиза поглядела на него. В ее взгляде читалось искреннее изумление.

— О чем это вы?

— Да о том, что Регина как раз и пыталась выяснить, кто такой ваш муж, черт его подери, был на самом деле.

— В каком смысле «на самом деле»? — недоуменно переспросила Лиза. — Я не понимаю. Вы же сами рассказывали мне — про все эти убийства... значит... так оно и есть, наверное. Но Регина потом сказала, что доказать все равно ничего нельзя. — Она поглядела на Бориса. — Что бессмысленно заниматься этим. И знаете... я с ней тогда согласилась. Сначала я хотела выяснить, кто же он был такой, мой муж. — Она недоуменно покачала головой. — Потом... что толку будет мальчику узнать, что его отец убивал кого-то за деньги? Вот мы и решили... Но про то, что она продолжала это расследование... нет, она мне ни слова не говорила.

— Она вас пощадила, — сказал Борис. — Потому что... видите ли... ваш муж настолько отличался от остальных людей, что вообще очень трудно понять, что он такое. В биологическом смысле.

Лиза посмотрела на него расширенными глазами.

— Этого еще не хватало! — проговорила она.

«А ведь она приняла это мое заявление на удивление спокойно, — подумал Борис, — не стала ни возмущаться, ни выкрикивать сакраментальное «вы с ума сошли!». Должно быть... она была внутренне готова услышать нечто в этом роде».

— Тогда понятно, — произнесла она задумчиво, — почему этот патологоанатом...

— Если Регину убили не случайно, — спокойно заметил Борис, — тогда этот мальчик тоже в опасности, Лиза. И вы тоже.

Она кивнула.

— Да. Он так и говорил. Это он позвонил мне сегодня — насчет Регины. Но ведь... меня так просто убить. Я даже не журналист, не известный человек — никто. Это могли уже давно сделать. Павел в бегах. Регина убита. Вам тоже угрожает опасность?

Борис покачал головой.

— Нет. Мне — нет. Пока никто не знает, что я в этом замешан. Следовательно этот не дурак, но он вроде занят своим делом... ему не до каких-то странных интриг.

Они уже миновали кинотеатр «Витязь» и подъезжали к Лизину дому.

— Послушайте, Лиза... за вами наверняка следят. И телефон ваш прослушивается. Но если случится что-то непредвиденное, постарайтесь связаться со мной. Вот мой номер.

Он остановил машину, вынул из кармана визитку, но не передал ей, а просто какое-то время подержал перед глазами.

— Записывать не надо. Постарайтесь запомнить. Дальше я не поеду. Не хочу, чтобы они меня засекли, кто бы это ни был. Доберетесь?

Она молча кивнула.

Борис смотрел, как она, выбравшись из машины и зябко подняв воротник пальто, пересекает дорогу, направляясь к своему дому. Ни внешнего блеска Регины, ни ее деловой хватки, подумал он, но есть в ней что-то... какая-то внутренняя прочность. Из тех тихих, милых женщин, которых полным-полно во всех редакциях, во всех НИИ... из тех, на чьих плечах держится мир.

Стоило Лизе войти в квартиру, как раздался надсадный звонок телефона. Он все звонил и звонил, пока она бежала из прихожей в комнату и торопливо, непослушными пальцами

хватала трубку.

— Лиза... — раздался напряженный голос, — это вы?

— Да... — она вздохнула. — Павел?

— Что с Региной?

— Убита.

На том конце провода какое-то время длилось молчание.

— Ясно, — сказал он наконец, — Лиза, мне нужна помощь. Вы не знаете никого, кто бы... согласился приютить меня на время?

— Павел... этот телефон...

— Я понял.

— Я постараюсь подъехать. Часов в пять. К железяке.

— К какой железяке?

— О Господи, ну такая, с дырками!

Несколько секунд Павел молча соображал. Потом сказал:

— А, понятно. Только не приведите за собой никого, Лиза.

— Я постараюсь.

— Я подойду к вам только, если все будет чисто. Ладно, хватит болтать, а то меня засекут.

И он бросил трубку.

Поколебавшись секунду, Лиза вновь набрала номер... если бы Стас... но, дождавшись восьмого гудка, опустила трубку на рычаг и вновь выбежала на улицу. Чувствовала она себя ужасно — после инъекции, которую вкатил ей медэксперт, голова кружилась, и еще беспокоила неприятная дрожь в коленях.

Во дворе было полно машин, в некоторых сидели люди — как понять, кто сидит тут, просто дожидаясь кого-то, а кто — следит за ней? Невидимый, неузнанный...

Лиза торопливо пересекла улицу, направляясь к метро. И, внезапно развернувшись, вскочила в автобус, который уже закрывал двери... автобус тронулся, покати в противоположную от метро сторону, и она сквозь заляпанное грязью заднее стекло увидела, как какой-то неприметный «жигуль» торопливо выехал на встречную полосу.

Ей не надо было больше гадать, следят за ней или нет, — этого хватило. Автобус неторопливо двигался по проторенному маршруту, останавливаясь у каждого столба. В заднее стекло она по-прежнему видела терпеливо следовавший за ним серый «жигуль».

Лиза закусил губу, раздумывая. Автобус выбрался на магистраль — движение тут было напряженным. Остановился у стеклянного гриба. Она помедлила, высматривая... к остановке напротив по встречной полосе медленно приближался троллейбус.

Торопливо расталкивая недовольных пассажиров, Лиза выбралась через переднюю дверь и кинулась наперерез мчащимся машинам. Увернулась от какой-то «Хонды», проскочила вплотную к «Запорожцу», выбежала на разделительную полосу и подгадала как раз к перемещающейся навстречу «дырке». Она и не помнила, как оказалась на той стороне. Троллейбус гостеприимно распахнул свои двери. Лиза влетела в салон и, задыхаясь, упала на сиденье. В окно было видно, как серый «жигуль» попытался повторить прежний маневр, но на этот раз неудачно — заворачивая, он въехал бампером в какой-то джип. Откуда выскочил разъяренный водитель с монтировкой в руках. Лиза не стала ждать, чем закончатся эти немирные переговоры... Троллейбус тронулся, и она, проехав остановку, вновь выбежала из него и пересела в автобус, следовавший по направлению к «Калужской». Только теперь она

смогла отдышаться. Серого «жигуленка» с помятым капотом нигде видно не было.

Час спустя она, настороженно оглядываясь, стояла у перекрученной, ни на что не похожей скульптуры этого Сидура.

— Самое забавное будет, если мы друг друга не поняли и он ждет меня где-то в другом месте, — пробормотала она.

Но от угла бетонной ограды отделилась чья-то темная фигура.

Лиза, никогда не видела Павла и, не зная она, кто он такой, из рассказов Регины, предпочла бы не попадаться ему на глаза в темном переулке. Он выглядел как типичный бомж — лицо в синяках, ходит как-то боком, одет в драное пальто, да еще и в тапочки, достойные отдельного описания.

Он, в свою очередь, настороженно оглядел ее, потом помахал рукой., Лиза отвернулась от Сидура и подошла к нему.

— Ну и вид же у вас! — невольно воскликнула она.

Павел мрачно усмехнулся.

— Да... не Бельмондо. Пальто это я утром на помойке нашел.

— А тапочки где оторвали? — поинтересовалась она. — От Кардена небось?

— Тапочки больничные, — сухо сказал Павел. — Они мои ботинки зажилили, падлы. Что с Региной?

— Я же сказала, убили ее, — тихо ответила Лиза.

— Это я уже понял. Как, при каких обстоятельствах?

— Как... в ее собственной квартире. Ударили чем-то по голове. — Она вновь вздрогнула при воспоминании об этом совершенном теле, беспомощно распростертом на полу. — Следователь все допытывался — при чем тут я, и все такое...

— А тело вы нашли?

— Да...

— Ясно... — сказал он, — мы слишком глубоко копнули, вот они и взялись за нее. А вас, выходит, не тревожат? Это странно...

— Как сказать... — Она покачала головой. — Вчера случилась какая-то непонятная история. Сегодня... за мной следили, когда я из дому вышла.

Он насторожился.

— Вы их сюда привели?

— Не знаю... надеюсь, нет. Я, кажется, сумела от них избавиться.

— Все равно, тут опасно оставаться, — решительно сказал Павел, — пошли отсюда.

Они двинулись на зады института, к пустырю, где из грязного котлована торчали невесть когда вбитые сваи. Вокруг не было ни души, и Лиза почувствовала себя неудобно — уж больно жутковато выглядел ее спутник. А что, если он сошел с ума, — мелькнуло у нее в голове, — или просто маньяк какой-нибудь? Придушит сейчас, она и пикнуть не успеет!

— Мне очень жаль, что так получилось, Лиза, — сказал Павел, и страх ее прошел: у него был нормальный голос интеллигентного человека, странно контрастировавший с диковатым внешним видом, — не хотелось бы впутывать вас в это... Но мне больше не у кого просить помощи...

— Я помогу, — спокойно сказала Лиза, — если сумею.

— Мне нужно пересидеть где-нибудь. Но вот в чем беда... денег у меня практически нет... домой мне возвращаться нельзя. К вам, получается, мне тоже нельзя...

«Борис... — подумала Лиза. — Он оставил свой телефон. Я его совсем не знаю. Только

то, что он с Региной работал. Можно, конечно, попросить Стаса... Если он возьмет трубку. Но Борис — он человек понятный. Он весь как на ладони. А вот как себя поведет Стас?...» Её вновь на миг кольнуло странное ощущение неуверенности, как всегда, когда она пыталась думать о Стасе. словно она шла по очень тонкому льду.

— Сейчас мы позвоним одному человеку, — наконец сказала Лиза, — журналисту. Приятелю Регины. Похоже, вся эта история ему не безразлична.

— А если и на него выйдут?

— Он говорит, пока такой опасности нет. А Регину он любил. Он хоть ради нее постарается...

— Журналист... — с сомнением проговорил Павел.

— Ну, как хотите, — сухо сказала Лиза.

Павел внимательно посмотрел на нее.

— Хорошо, — сказал он, — я доверяю вам. Делайте, как считаете нужным. Но, Лиза, я просто обязан теперь вам сказать... вы знаете, из-за чего все это закрутилось?

Лиза задумчиво поглядела на него.

— Тот человек, к которому я собираюсь обратиться за помощью... Он рассказывал мне какие-то странные вещи. Про Андрея. Но ведь это же не может быть правдой?

Она с надеждой посмотрела на него.

— Потому что он — ваш муж? — сухо спросил Павел. — Но ведь вы уже поверили, что он был наемным убийцей. Киллером. Что он жил двойной жизнью. Почему бы вам не поверить и в остальное? Вся эта карусель завертелась из-за того, что нашелся человек, который поверил во все сразу, каким бы невероятным оно ни казалось. И начал копать дальше.

Он поглядел в ее отчужденное лицо.

— Я не стал бы говорить вам об этом, — сказал он мягко, — да и не собирался... но идет слишком большая игра.

— Почему же все-таки Регина мне ничего не сказала? — недоверчиво спросила она.

— А вы бы как поступили на ее месте?

Она покачала головой.

— Не знаю. Наверное, вы правы. Тем более... — Она запнулась.

— Тем более вы все равно мне не поверили, — подсказал Павел.

Она неожиданно схватила его за рукав.

— Павел! Мне страшно! Вокруг меня происходит что-то непонятное. Я — словно вестница несчастья! Вчера какие-то люди... даже говорить об этом не могу! Но не в том дело: я чувствую себя так, словно... словно вся моя прошлая жизнь оказалась сном. Спокойным, мирным, но сном. А теперь я просыпаюсь. И реальность — вот эта реальность... она-то и есть самый настоящий кошмар!

Павел вздохнул.

— Я понимаю... — сказал он. — Разобраться во всем этом очень трудно. Тем более — в одиночку. Я бы хотел, чтобы вы рассказали мне обо всем. А в особенности — о том, чего вы не договариваете. О том, что произошло вчера. Но, Лиза, сейчас у нас просто нет на это времени. Может, вы и избавились от «хвоста», но не такие уж они дураки... а потому...

— Жетончик у вас есть? — спросила она.

— Что?

— Ну, вы же откуда-то мне звонили. Наверняка из автомата.

— Ах, да!

Он порылся в обтрепанном кармане пальто и извлек жетон.

— Как вы телефон-то мой узнали? — любопытствовала Лиза. — Регина дала?

Он покачал головой.

— Позвонил в регистратуру. Они там, у меня на работе, естественно, ничего не знают. Сказал, что у меня случайно остались кое-какие мелочи из вещей вашего мужа... ну...

Он запнулся.

— Понятно, — спокойно сказала Лиза.

Они выбрались с территории института. Тихая тенистая улица была пуста, телефонная кабинка на углу — тоже. В апрельских туманных сумерках мало кому хотелось зябнуть на пронизывающем ветру.

Лиза сняла трубку и набрала номер Бориса.

Он отозвался сразу.

— Вы сказали... — она на миг запнулась, — что я могу обращаться к вам, если... так вот, я хотела познакомить вас с одним человеком. Вам наверняка будет интересно.

— Везите, — коротко ответил Борис.

— Нет, — возразила она, — так дело не пойдет. Это вам придется подобрать нас.

Он вздохнул. Видно, ему очень не хотелось выбираться из уютного дома во мрак и сырость.

Лиза помедлила, раздумывая, какое бы место назначить для встречи. Тащить Павла через весь город в таком виде ей не хотелось — при такой-то подозрительной внешности... Их вполне могут остановить, спросить документы, задержать до выяснения... Она в задумчивости скользнула взглядом по пустынной улице и тут увидела, что, помимо одинокого силуэта Павла, нахохлившегося рядом с телефонной будкой, где-то в самом конце улицы замаячили еще две фигуры. Они неторопливо приближались. Возможно, конечно, что это были случайные прохожие... возможно...

Нужно торопиться...

В голову ей ничего не приходило, потом из памяти неожиданно всплыла одинокая церквушка посреди пустынных пространств Тропарева.

— На Юго-Западе! — поспешно сказала она в трубку. — Там такая церковь, знаете...

И, поспешно бросив трубку на рычаг, выбежала из кабинки.

— Скорей! — крикнула она, схватив Павла за руку.

Он даже не стал оглядываться в поисках причины этой тревоги, а тоже бросился бежать. Они понеслись по улице, которая постепенно терялась в наступающих сумерках, а где-то далеко, сзади, раздался звук убыстряющихся шагов.

Павел едва поспевал за ней: мешали сломанные ребра, при каждом шаге отдаваясь адской болью, а больничные тапочки шлепали по мокрому асфальту. Зато он отлично знал этот район — недаром работал поблизости.

— Сюда, — сказал он и потащил Лизу в какую-то мрачную подворотню. — Сюда! Скорее!

Они пронеслись сквозь темную арку и оказались в проходном дворе. Унылый голый двор, заставленный машинами, у стены подсобки громоздились мусорные баки.

Лиза не видела преследователей, но каким-то образом чувствовала, что они приближаются. Это ощущение затравленного зверя сбивало ее с толку, мешая сориентироваться.

— Мы не успеем, — задыхаясь, сказала она и, пробегая мимо, толкнула ладонью дверь подъезда. Закрыто! Проклиная осторожных жильцов, она обернулась.

— Сюда! — Павел сориентировался быстрее ее и подбежал к мусорным бакам. Контейнер, придвинутый вплотную к стенке, оказался пустым — Павел, брезгливо морщась и крича от боли, помог забраться туда Лизе, потом влез сам. Они забились в темное нутро затхлого железного ящика. Лиза была права — уже через несколько минут раздались поспешные шаги, усиленные отраженным от арки эхом. Было слышно, как шаги на миг замерли, — преследователи нерешительно топтались в темном дворе, видимо, тоже потыкались в двери подъездов, и наконец заторопились ко второй арке, ведущей на параллельную улицу. Лиза в ужасе ждала, что они вот-вот вернутся, сообразив, что их жертвы не могли уйти далеко, но во дворе было по-прежнему тихо. Но вот хлопнула дверь подъезда, раздался собачий лай: кто-то из жильцов вывел своего пса на вечернюю прогулку. Они подождали, пока шаги не затихли в направлении подворотни, и выглянули из своего убежища. Во дворе вновь было пустынно; в домах, окружавших его с четырех сторон, постепенно, одно за другим, загорались окна, — люди возвращались с работы, предвкушая спокойный вечер у телевизора в безопасности и уюте родного гнезда.

«Просто не верится, что где-то еще осталась нормальная жизнь», — подумала Лиза.

Понадобилась всего неделя, чтобы она, выпав из привычной рутины, погрузилась в кошмар, где возможно все: убийства, предательство, преследования; жуткие оборотни-нелюди и неведомые спасители. Но даже и сейчас ее преследовало странное ощущение, что это все какой-то спектакль, страшное представление, и нужно лишь подождать, чтобы занавес задернулся, а потом, получив свое пальто в гардеробе, спокойно выйти на освещенную улицу.

Она затрясла головой, отгоняя наваждение.

— Пошли скорее, — Павел дернул ее за руку, — пока они не сообразили, что свалили дурака.

Он быстро перевалил через металлический борт и протянул руку Лизе.

— Ну и вид же у вас! — ухмыльнулся он, глядя, как Лиза брезгливо отряхивает пальто. — Еще немного, и мы будем великолепной парой!

Они вновь направились назад, к той же самой подворотне. На перекрестке притормозил автобус. Лиза помахала водителю рукой и, к ее удивлению, он отворил двери: похоже, Павел был прав — у них, у обоих, был довольно жалкий вид.

Автобус тронулся и покатил в густеющей тьме, оставив за спиной телефонную будку, подворотню и возможную погоню.

— Думаете, мы оторвались? — спросила она Павла.

Он пожал плечами.

— Пока оторвались, — сказал он. — На время.

Но потом они нас обязательно найдут. Как нашли меня. Как нашли Регину.

— «Они»? — переспросила Лиза. Угроза так и оставалась для нее безликой. — Кто «они»?

— Если правда то, что ваш муж... извините... результат какого-то секретного генетического эксперимента, то возможно, это спецслужбы сейчас из кожи вон лезут, чтобы устранить последствия.

— Какие последствия?

— Утечку информации. То есть — нас с вами. Как уже убрали Регину. Как убрали Сыча.

— Кто такой Сыч? — удивилась Лиза.

— Мой старый учитель. Биолог. Он что-то знал об этом эксперименте. А возможно, догадался еще кое о чем. Видимо, пока я к нему не заявился, он предпочел забыть обо всем, а тут ему пришло в голову сопоставить кое-какие факты... может, не имеющие друг к другу никакого отношения на первый взгляд... попытался с кем-то связаться... поднял шум.

— Его тоже убили? — в ужасе поглядела на него Лиза.

— Формально он умер от сердечного приступа на руках у медиков «Скорой», — пояснил Павел. — Но ведь симитировать такую смерть ничего не стоит.

— А Регина? Ведь это убийство! Настоящее убийство! Пришлось вызывать милицию, дело какое-то заводить... следователь меня допрашивал.

— Вот поглядим, чем это закончится, — угрюмо сказал Павел. — Знаете, как у нас говорят: «Вскрытие показало, что больной умер от вскрытия».

Троллейбус, в который они пересели, подъезжал к Юго-Западу. На горизонте темной полосой виднелся дальний лес, совсем черный в лиловом сумраке неба, а вблизи, на пригорке, начищенными до блеска куполами отсвечивала церквушка.

Павел расположился у входа, совершенно естественно слившись с толпой богомольцев, нищих и убогих, которых при каждой церкви имеется в достатке. Лиза, встав чуть поодаль, настороженно оглядывалась по сторонам. Но все было спокойно. Пустынное пространство вокруг церкви хорошо просматривалось, узкая подъездная дорожка была пуста. Погони не было.

Когда потрепанная легковушка Бориса показалась в отдалении и, подъехав, остановилась, она подошла, убедилась, что, кроме самого Бориса, сидящего за рулем, в машине никого нет, и помахала рукой. Павел отделился от группки нищих, присевших на паперти, и двинулся к ним.

— Кто это? — с ужасом спросил Борис, глядя на прихрамывающую фигуру в порыжевшем от времени пальто и в больничных шлепанцах.

— Это и есть тот человек, который... вместе с Региной, — торопливо произнесла Лиза. — Вам будет о чем поговорить.

Павел уже усаживался в машину.

— Вы уверены, что он умеет говорить? — недоверчиво спросил Борис. — И где он такое тряпье раздобыл?

— На помойке, — ответил Павел, захлопывая дверцу и с наслаждением откидываясь на спинку сиденья.

Борис недовольно покосился на светлый чехол, но ничего не сказал.

— А вы? — обернулся он к Лизе.

Она покачала головой.

— Я домой поеду.

Машина тронулась. Лиза какое-то время смотрела ей вслед, потом направилась к метро. Но ехала она не домой. Она ехала на «Южную».

* * *

— Интересно, — раздраженно сказал один человек другому, — как это твои лопухи ухитрились их упустить?

Тот пожал плечами.

— Хрен его знает... пока сообразили, что она имеет в виду, пока оказались на месте... она уже кому-то звонила.

— Кому?

— Неизвестно.

— Проверь еще раз ее контакты, слышишь?

— Понятное дело... ну вот... А потом они вместе смылись, голубки наши.

— Вот спасибо! — Его собеседник захлопнул папку, содержимое которой до этого внимательно изучал. — Вот спасибо!

— А чего ты хочешь? Чтобы мы на виду у всех носились за двумя придурками по спальному району? Тем более, что баба и так засвечена хуже некуда. Погоди немного... куда торопиться... она сама нас к нему и выведет.

— Вот тут ты ошибаешься. Не такая она дура. Где она сейчас, кстати?

— В девять домой вернулась. И никому не звонила. В Питер только.

— А что в Питере?

— Пока тихо. Наши проверяли. Может, все-таки пощипать ее немного? Она все и скажет.

— Суетишься ты, — назидательно сказал первый, — мил человек, не в меру. Потому и на подхвате сидишь — в таких-то годах. Да мы ее пальцем тронуть не можем! Хватит с нас. На нас уже карельская история висит. А что до этой... так позавчера ее уже кто-то пытался щипать. И довольно лихо. Обвели нас вокруг пальца, как щенят несмышленных.

— Кто?

— Неизвестно. Но чем все кончилось, ты знаешь. Да стоит нам прижать ее немного, «гости» сами за нас возьмутся. Что мы для них? Так... а ради нее они полгорода положат, если понадобится.

Его собеседник неуверенно нахмурился.

— Но если кому-то еще обо всем известно...

— Мы, мой дорогой, не в космосе живем. Не в безвоздушном пространстве. Всегда есть шанс, что кто-то что-то учует!

— Странно ты говоришь, — обиженно заметил собеседник, — как будто тебя это не беспокоит.

— Может, и беспокоит! А толку-то? Ты все еще думаешь, что это мы контролируем ситуацию? Нет. Ее контролируют «гости», вот пусть у них голова и болит.

Его собеседник помялся.

— Послушай, — сказал он нерешительно. — Ты сам-то... лично... когда-нибудь хоть одного видел?

Тот холодно посмотрел на него.

— Не твое дело, — сказал он. — Ладно. Можешь идти. И никакой личной инициативы, ясно? Смотри за ней. Хорошо смотри. Ласково. Но... не трогай.

Его собеседник пожал плечами и вышел из комнаты.

* * *

Лиза остановилась у знакомого дома, взглядываясь в выходящие во двор окна на девятом

этаже. Там было темно. Ей почему-то представилось, как в этой темноте, не смея повернуть выключатель, сидит друг Серега со своей Ленкой — и точно так же выглядывает на улицу, вздрагивая при каждом шорохе, при каждом стуке двери лифта, открывающегося на их этаже.

Тем не менее она поднялась на лифте и нажала кнопку звонка. Прислушалась... тихо... ни звука торопливых шагов, ни прерывистого дыхания за дверью... ничего. Она постояла на лестничной площадке, раздумывая. Что они, в самом деле решили никому не открывать? Спрятались ото всех?

И тут она услышала звук торопливых шагов на лестнице. Кто-то поднимался на этот этаж. Она замерла, отступив в дальний угол лестничной площадки. Тень, которую не могла прогнать единственная тускляя лампочка, скрывала ее.

В мужчине, торопливо поднимающемся по лестнице, она узнала друга Серегу. Выглядел он еще хуже, чем во время их последней встречи, — бледный, напряженный, с запавшими глазами. Остановившись у своей двери, он порылся в кармане в поисках ключей, и тут она выступила из темноты.

— Привет, — спокойно сказала Лиза.

От неожиданности Серега подскочил на месте, потом узнал ее.

— Ох, — сказал он, — это ты!

Как ни странно, в голосе его она уловила некоторое облегчение.

Она кивнула.

— А кого ты ожидал увидеть?

— Я было подумал... — Он запнулся и не стал договаривать.

— Сергей, — спросила она спокойно, — кому ты меня продал?

Он сглотнул, потом недоуменно вытаращился на нее.

— О чем ты?

— Я спрашиваю, кому ты меня продал? Кто к тебе приходил? Чем угрожали?

Он молча смотрел на нее. В сумеречном свете его лицо казалось лицом призрака.

— Ты что, мать? — наконец спросил он. — С ума сошла? Когда это я тебя продал?

Теперь удивилась она.

— Как «когда»? Позавчера ты меня вызвал! Сказал, что тебе что-то стало известно... про Андрюшу. А потом я очутилась в очень неприятном месте.

Он подошел к ней вплотную и, положив руку ей на плечо, уставился своими лихорадочно блестящими глазами.

— Слушай, — хрипло сказал он, — если с тобой что-то неладно, обратись к доктору, понятно? К психиатру!

— Спасибо, — отозвалась она горько, — меня уже осматривал доктор — твоими молитвами...

Его рука, лежащая у нее на плече, чуть подрагивала.

— Я тебя не вызывал, — сказал он, — я вообще тебя не видел с того дня, как ты ко мне после похорон приперлась! Я еще тогда подумал, что ты не в себе. Такое несла — слушать тебя тошно было!

— Имей совесть, Сережа! — сказала она тихо.

— Не было ничего, ясно? — выкрикнул он. — И уходи ты, Бога ради! Убирайся! Что тебе от нас нужно?

— Хорошо, — спокойно сказала она и, помолчав, спросила: — А где Лена?

— В санаторий уехала Лена. Путевку ей предложили. Со скидкой.

Она кивнула.

— А ты, значит, тут один. А почему ты пешком на девятый этаж перся, скажи на милость?

— Тренируюсь я, понятно? — ответил он и раскрытой ладонью начал подталкивать ее к лестничному пролету. — Тренируюсь... слушай, ты... уходи отсюда! И не приходи больше. Тебе что, у тебя крыша поехала, а Ленку ты так напугала, что я ее потом два часа валерьянкой отпаивал. Иди, иди... — И он вновь толкнул ее так, что она пошатнулась и устояла только потому, что ухватилась за перила.

Она уже повернулась, чтобы уйти, потом оглянулась. Лицо у него было бледное и безумное.

Она положила руку на перила и двинулась по грязной, пропахшей кошками лестнице вниз с девятого этажа.

— И чтобы ноги твоей больше тут не было! — долетел сверху голос друга Сереги.

Машина вырвалась наконец за Окружную и покатила по мокрому шоссе. По обе стороны потянулись чахлые березы, полуразвалившиеся бревенчатые избы и среди них неожиданно роскошные коттеджи розового кирпича с остроконечными башенками и параболическими антеннами на крышах.

— Куда мы едем? — спросил Павел. До сих пор он предпочел отсыпаться в уютном тепле машины. Теперь же, на каком-то особенно неприятном ухабе, он вздрогнул и проснулся.

— На дачу к одному моему приятелю, — отозвался Борис. — Он мне иногда оставляет ключи. Потому что я, понимаете ли, с мамой живу...

— А... — протянул Павел.

— Так вот, про эту дачу никто, кроме меня и моего приятеля, не знает. Ну, еще пара-другая девиц, но они не в счет. Вам же нужно где-то замереть на время, верно? А там место хорошее, спокойное. Телефон, камин, все такое.

— А приятель?

— Он же не псих в такую погоду ни с того ни с сего на дачу пилить. В крайнем случае скажете, что вы мой друг. Может, он и поверит... если вы приведете себя в порядок. Там у меня, кстати, одежда кое-какая хранится. А кто это вас так отделал, если не секрет?

Павел покачал головой.

— Я и сам не знаю. Какие-то уголовные типы, но они по наводке, конечно, работали... вероятно, шли за мной от самого метро, а я, дурак, не заметил. Скорее всего мы с Региной слишком близко подобралась к какой-то неприглядной истории.

— С этим парнем, которого использовали как киллера? Жену его жалко — она славная...

— Да не в том дело, что он киллер или кто он там был... дело в том, что...

— Знаю, — прервал его Борис, — я по просьбе Регины покопался во всяких материалах... похоже, существовал какой-то закрытый проект. Еще во время «холодной войны». Наши тогда за любую соломинку хватались — все пытались к рукам прибрать: и науку... и «паранауку». Телепатия, гипноз... впрочем, гипнозом еще при Сталине баловались. И довольно успешно. А тут они, похоже, копали в одном направлении с американцами. То ли им нужны были люди для спецмиссий, то ли еще что...

Павел кивнул.

— Я-то в эту чушь не слишком верил. Но мой старый учитель — профессор Гаспарян, может, знаете? — так вот, он говорил, что, когда он в начале шестидесятых работал на биостанции в Кандалакше — он тогда в опале был, — ему привезли такого. Мертвого.

— Гаспарян, — нахмурился Борис, — погодите... он вроде умер на днях. Я читал некролог.

— Вот именно, — угрюмо произнес Павел.

— И что он вам сказал?

— Что был какой-то проект. Действительно был. А этот... и, может, не он один — остаточные явления. Похоже, их пытаются как-то адаптировать в обществе: дать им легенду, снабдить документами. И, разумеется, глаз с них не спускают.

— Наверняка, — кивнул головой Борис, — иначе и быть не может. И за вдовой его они тоже присматривают. А кто стоит за всем этим? Спецслужбы?

— Вероятно. Он здорово расстроился, Сыч, когда я показал ему все эти бумажки. Сразу начал кому-то звонить. Жаль, они пропали, копии эти. Я их Регине дал.

Борис помедлил, потом сказал:

— Они у меня. Я просматривал свои архивы по ее просьбе и сверялся с вашими данными. Дело в том, что я когда-то занимался всей этой бодягой. Ну, модно одно время это было. «Летающие тарелки» там, снежный человек... все такое.

— За дешевой популярностью гонитесь, да? — съехидничал Павел.

— Гонюсь, — согласился Борис. — Почему бы нет? Людям нужно верить в чудо. Раньше верили в святых, лечащих наложением рук, — теперь в экстрасенсов. Святые хоть бесплатно руки возлагали. Раньше ангелов, спускающихся с небес, видели — теперь всех, видите ли, пришельцы посещают. Это человеческая природа, ее не переделаешь.

— Так почему бы на ней не заработать? — подсказал Павел.

— А на чем же мне еще зарабатывать? — удивился Борис. — Не трупы же вскрывать? На всех мертвяков не напасешься.

— «Том — патологоанатом, он берет работу на дом», — рассеянно пробормотал Павел. И недоверчиво добавил: — Что ж вы в эту историю-то встряли? Это вам не экстрасенсы паршивые. Тут и до вас добраться могут.

— Сам не знаю... — честно ответил Борис. — Регинку жалко. Не нравится мне, когда моих любовниц убивают. Даже бывших. А следовательно, сука, с меня подписку о невыезде взял...

— Подозревает?

— Понятно, как он мыслит. Девяносто процентов всех убийств на почве бытовухи происходят. Кто с кем спал, кто с кем бабки делил... будь ты журналист или, там, топ-модель какая-нибудь. Вот он и смотрит — а кто это в ближайшем окружении такой подозрительный?

Машина съехала с шоссе, и вдоль обочины потянулись сосны, между которыми мелькали редкие домики с заколоченными на зиму окнами.

— Приехали, — сказал Борис. Он подрулил к одному из особнячков — неказистому, но добротному, остановился и открыл калитку. В саду было сыро, крыльцо, занесенное прошлогодней листвой, тихо скрипнуло, жалуясь на одиночество. За дверью оказалась небольшая комната со старой мебелью, какую обычно свозят на дачу из дому, когда покупают что-то поновее и помоднее, и камином. Борис поднес спичку к скомканной газете,

и вскоре дрова уже тихо потрескивали, охваченные пламенем.

Он полез в буфет и извлек оттуда какие-то консервы, бутылку водки и стаканы.

— Стратегические запасы, — пояснил он, — вы со вчерашнего дня небось не ели?

Павел молча кивнул.

Борис разложил все на газете, открыл банки, разлил водку по стаканам.

— Ну, а теперь выкладывайте все, что знаете, — сказал он.

Стоило ей открыть дверь в прихожую, как ее охватило ощущение постороннего присутствия. Холодная волна ужаса захлестнула ее.

— Кто здесь? — громко спросила она, шаря по стене в поисках выключателя.

— Не стреляй, начальник, я это, — раздался знакомый голос.

— Стас? — удивилась она. — Как ты сюда попал?

— Замок-то я тебе ставил, — усмехнулся он.

— Почему в темноте?

— Заснул я, — пояснил он, зевая, — ждал тебя, ждал и заснул. Где ты гуляешь на ночь глядя?

— Хотела повидаться с одним человеком, — пояснила она.

— Повидалась? — без любопытства спросил он.

— Да. Тот малый, приятель Андрея, что меня подставил. Я хотела его спросить — как же так...

— А он что тебе сказал? — В голосе Стаса вновь не ощущалось проблеска интереса.

— Ну, что... — Лиза вздохнула. — Сказал, что мне все это померещилось. Стас...

— Ну?

— Он даже представления не имеет, о чем это я толкую. Он сказал, что ни сном ни духом... послушай, может, я сошла с ума?

Он, прищурившись, поглядел на нее.

— Думаешь, я тебе тоже скажу, что ничего не было, да? Так вот, если это тебя успокоит... было. У меня до сих пор рука болит, — он потрогал костяшки пальцев. — А он, понятное дело, теперь отпираться будет. Он женат?

Она кивнула.

— Дети есть?

— Нет.

— Баба его где?

— Он сказал — в санатории каком-то.

— Спрятал он бабу. От греха подальше. Или они ее до сих пор у себя держат — чтобы он молчал в тряпочку.

— Да кто они-то? — в отчаянии воскликнула она.

Он пожал плечами.

— Тебе лучше знать. Что-то им от твоего мужа нужно было, вероятно.

— А эта история с деньгами?

Стас задумчиво сказал:

— Я вообще-то слышал про такие штуки. Вроде спрашивают тебя про что-то одно, совершенно определенное... Все внимание у тебя уходит на то, как бы чего лишнего не сказать. А на деле им совсем другая информация нужна. А это так — для отвода глаз. А ты можешь даже и не знать, что они пытаются из тебя вытащить. Помнишь только про предлог,

про то, о чем тебя спрашивали, пока ты еще в сознании, — до того, как тебя препаратами накачали. Ладно... Что-то еще стряслось?

— Почему ты решил?

— Ты выглядишь еще хуже, чем вчера.

— Приятельницу мою убили, — сказала Лиза. Она чуть не добавила «любовницу мужа», но решила, что это будет уже слишком. — Я зашла к ней сегодня утром, а она там лежит... мертвая.

— Постой... — он поглядел на нее. — Ты, что ли, тело нашла?

Она кивнула.

— И как ее?

— Следователь говорит, что ударили по голове чем-то тяжелым.

— Тебя хоть к этому не приплели?

Она покачала головой.

— Не знаю. Во всяком случае, велели не уезжать из Москвы.

Он подошел к ней и погладил ее по щеке. Прикосновение его жесткой ладони было неожиданно нежным.

— Бедняжка! Ну, на этот счет не тревожься. Ничего у них на тебя нет. Вот только... странное что-то вокруг тебя творится, ты не находишь? Во что он впутался такое, благоверный твой?

— Похоже, он убивал людей. За деньги.

Об остальном она сказать не решилась: он решит, что она совсем свихнулась.

К ее удивлению, он пожал плечами.

— Не он первый, не он последний. Я, собственно, так сразу и подумал... пистолет этот. Но чтоб из-за этого столько возни... не понимаю. Может, есть еще что-то?

Под взглядом его внимательных глаз ей стало не по себе.

— С другой стороны, — продолжал рассуждать Стас, — это смотря кого он мочил. Может, у него хранился какой-то компромат на заказчиков... Квартиру твою никто не обыскивал? В компьютер влезть не пытались?

— Точно! — сказала она тихо.

— Давно?

— В ночь после похорон.

— Не думаю, что там они что-то нашли, — заметил Стас, — иначе оставили бы тебя в покое. А они вон как за тебя взялись.

Лиза вдруг вспомнила. До сих пор она гнала из памяти вчерашние события, точно дурной сон.

— Стас, кто был этот? Человек, который помог нам оттуда выбраться?

Он покачал головой.

— Понятия не имею. Темная история... Послушай, — он нерешительно на нее поглядел... — С одной стороны, вроде спокойнее, что ты мальчика к матери отвезла. Но, может, когда все устаканится, имеет смысл съездить, забрать его оттуда?

— Там, по крайней мере, нет этого кошмара, — ответила она.

— Ну, не вечно же он будет длиться. Да и я хотел бы... Ну, познакомиться с ним.

— Ох, Стас, — покачала она головой, — ты очень торопишься.

— Жизнь такая, — вздохнул он, — ты мне нужна. И я тебе нужен. Что бы ты без меня делала?

— От меня сейчас лучше держаться подальше, — честно предупредила она. — Целее будешь.

— Брось, — он обнял ее так, что у нее перехватило дыхание, — нас не запугаешь! Мы люди бывалые.

И нежно провел пальцами по ее шее, по спине, расстегивая «молнию». Она так устала, что у нее не было сил сказать «нет».

Раздался звонок, и Лиза торопливо побежала к двери, взглянув по пути на часы. Десять утра! Борис так и не позвонил. Стас ушел минут пятнадцать назад — забыл он что-то, что ли?

Ночь тоже прошла беспокойно: странное, отчужденное лицо мертвой женщины всплывало у нее перед глазами, чуть заметно гримасничая, будто издеваясь над ней.

А потому, отворив дверь, она вздрогнула и непроизвольно попыталась вновь ее захлопнуть: на пороге стоял Губарев.

— Доброе утро, Елизавета Дмитриевна, — сказал он вежливо, — вы позволите?

И, не дожидаясь приглашения, шагнул в комнату.

— Проходите, — запоздало сказала она. — Кофе хотите?

— Не откажусь, — ответил он, к ее тайному неудовольствию, вешая пальто на крюк в прихожей.

И, уже оглядев бесхитростную обстановку комнаты, добавил:

— Вот, значит, как вы живете.

— А вы что думали? — сердито спросила Лиза.

— Да ничего я не думал... Послушайте, Елизавета Дмитриевна... Я ведь не просто так к вам пришел.

— Что-то еще случилось? — тихо спросила Лиза. Подсознательно она была готова к тому, что ее беды на этом не кончились.

— Ну, можно сказать и так... нашли убийцу Гальпериной, Елизавета Дмитриевна. — И следователь внимательно на нее посмотрел.

— Как, уже? — вздрогнула Лиза. — Кто же?

— Вчера вечером взяли, — не обращая внимания на ее вопросы, продолжал следователь. — Вы понимаете... в квартире убитой пропали кое-какие вещи — соседка показала. Шуба. Золотая цепочка — ее часто на убитой видели. Мелочь всякая. Магнитофон японский. А вчера вечером у Киевского вокзала задержали человека, который пытался эту шубу продать.

— Так это... — Лиза недоверчиво поглядела на него, — и вправду был простой грабитель?

— Ну да, — кивнул следователь, — «простой грабитель», как вы выразились. Некий Яковенко Юрий Степанович. Он постоянно на этом вокзале ошивался. Бомж. Алкаш. понятное дело. Без денег, без документов. Он тронутый немного, но дружки его говорят, что безобидный. Вот что самое интересное.

Он помолчал, помешивая ложкой в чашке с кофе.

— Отпечатки на бутылке коньяка в кухне и на стакане — его. Совпали отпечатки. Цепочку золотую у него нашли. Он ее припрятал — на черный день, говорит. В общем, взяли мы его.

— Он сознался? Почему он ее убил? — спросила Лиза. — Ради... шубы?

— Предполагается, что он проходил мимо, а окно было открыто. Ну, он и не устоял. Первый этаж. Она проснулась, попыталась обороняться. Тут он ее и прибил. В панике похватал все, что попало под руку, и бежал — опять же через окно. — Он внимательно поглядел на Лизу. — Но он, конечно, не сознался. Сказал, что коньяк этот он вечером распивал с каким-то типом на лавочке у вокзала. И что стакан тот ему дал. А наутро тот же тип отыскал его и всучил шубу и всю эту мелочь. Попросил продать. А ему неудобно было отказать новому дружку. Тем более — пили вместе. Описать он его, конечно, не может — он вообще умом не блещет, убийца наш. Я бы даже сказал, что придурковатый он. Со странностями. Его скорее всего не тюрьма ждет, а психушка.

Он вновь поглядел Лизе в глаза.

— Кто вас так защищает, Елизавета Дмитриевна?

Лиза вздрогнула.

— О чем вы?

— Так вот, — продолжал Губарев, — на меня давят. Звонили из высших инстанций, гори они огнем. Намекали, чтобы я завязывал с этим делом, и поскорее. Сдавал в прокуратуру. Шеф ваш звонил, с работы. Кто ему мой телефон, интересно, дал? Какая подписка о невыезде? — кричит. Ей, понимаешь, в Англию надо срочно ехать. Вы что, с ума сошли — это же наш лучший сотрудник! Кристальной души человек! Недавно, понимаешь, мужа потеряла!

— При чем тут это? — беспомощно пожала плечами Лиза.

— А при том: в то, что Яковенко этот Гальперину убил, я ни на грош не верю. Все это подстроено, Елизавета Дмитриевна. И отпечатки эти — они ведь только на тех предметах, которые легко можно было в квартиру занести — бутылка, стакан... Откуда стакан этот взялся — чашек на кухне полно, а стакан этот один-единственный. Не держала она таких стаканов, Елизавета Дмитриевна. Почему на оконном стекле никаких отпечатков нет? Он, значит, в перчатках влезал и вылезал? А как пил, перчатки снимал? Где орудие убийства? Почему этот малый ничего вспомнить не может? Ночью никто из дружков-приятелей его не видел. Сам он говорит, что, как коньяк выпил, вырубился и только утром проснулся в скверике на Шаболовке. Как туда попал, не помнит. Подставили его, Елизавета Дмитриевна. Удобный он для этого. Бессловесный. Ни друзей, ни родственников. Так, может, вы мне все-таки расскажете, что происходит на самом деле?

Лиза покачала головой. Губарев производил впечатление человека неглупого, но что она ему может рассказать? О том, что ее муж, тихий астрофизик, время от времени подрабатывал на стороне заказными убийствами? О ста тысячах и пистолете в сумке на антресолях? О том, что два дня назад невесть кто уволок ее в подвал и непонятно о чем расспрашивал? А в результате то ли три, то ли четыре трупа. И Стаса придется приплетать, а он этому явно не обрадуется.

— Может, лично вам кто-нибудь угрожал? — настаивал Губарев. — Мне кажется, вы боитесь чего-то, Елизавета Дмитриевна. Почему? Что вам известно такое?

— Я... правда ничего не знаю, — ответила Лиза.

Тот поднялся.

— Ладно. Ваше дело. Я, собственно, пришел вам сказать, что вы свободны. Можете ехать в свою Англию. И знакомому этому вашему — Борису — передайте, что все в порядке. А то я его нигде найти не могу. Я ему домой звонил, его мама ничего не знает. В бега он, что ли, ударился?

— А вы на работу позвоните, — посоветовала Лиза.

— Без вас знаю. Днем позвоню. Они там, в этой чертовой редакции, раньше двенадцати не появляются. В общем, если он с вами свяжется, Передайте, пусть катится хоть на Гавайи. Глядеть на вас тошно.

И уже в дверях обернулся.

— Вы же невинного человека подставили! Хоть это вы понимаете?

Дверь захлопнулась. Лиза какое-то время беспомощно смотрела в пространство, потом закрыла лицо ладонями и тихо заплакала.

Борис тоже подсознательно ожидал неприятностей. Повинуясь отчасти любопытству, отчасти какому-то странному чувству противоречия и желанию насолить всяческим официальным организациям, изначально присущему каждому бывшему советскому человеку, он спрятал Павла, кто бы за тем ни охотился, и, кажется, сумел одурачить следователя, правда, выставив себя при этом полным идиотом. Но тем самым он подставился — черт его знает, кому Павел понадобился и кто за этим стоит на самом деле. А если выплывет, что это именно он его прятал, то не видать ему больше такой удобной хаты, как своих ушей, — черта с два приятель доверит ему ключи после такой истории — даже по самой невинной надобности. Да еще эта подписка о невыезде...

С подпиской, впрочем, все быстро утряслось. Около часу дня на работу позвонил Губарев и официальным тоном сказал, что больше беспокоить его не будет. Голос его звучал сухо и даже несколько презрительно, и Борис заподозрил, что не так все просто, как это утверждает следователь. Впрочем, допытываться, так ли это, он не стал. Хватит с него.

Другой телефонный звонок раздался в два.

Риточка, которая подняла трубку, насмешливо улыбнулась.

— О, это Бориса.

— Что там еще? — спросил Борис, неохотно поднимая голову от бумаг.

— Это тебя. Из Петрозаводска звонят, — сказала она и добавила, прикрыв микрофон ладонью, — это твоя сумасшедшая. Из этой, как ее... контактной комиссии.

Ритка явно не читала Стругацких. Необразованное молодое поколение. Имелась такая организация, гордо именуемая себя «Комконом». Иначе говоря, комиссией по контактам. Собрались несколько энтузиастов и решили, что без них никто не откроет человечеству страшные тайны Вселенной. Вот и мотаются по стране неизвестно на какие деньги и ищут следы пришельцев. Обнаружили в Пермской области и почему-то в Подмосковье, где по лесам под каждым кустом больше пьяных, чем грибов, контактные зоны какие-то... ставят палатки, приборы натащили. Что-то замеряют, регистрируют. Теперь вот в Петрозаводск подались. Тоже излюбленное пришельцами место. А дама эта, которая звонила, была из самых инициативных. Вечно что-то пробивала, делала заявления, скандалила... и все время подозревала, что от нее скрывают информацию. Она и на Бориса когда-то вышла потому, что видела кого-то, кто говорил с кем-то, кто своими глазами видел «летающую тарелку». И его, этого очевидца, якобы увезли неизвестно куда. То ли в психушку, то ли в лечебницу для алкоголиков. Времена уже были либеральные, и Борис информацию эту тиснул. С тех пор она и полюбила его безумно, считала своим в доску, а в редакции за ним закрепилась слава любителя дешевых сенсаций. И любимца пожилых девушек. Была она горластая, энергичная, незамужняя, и звали ее Генриетта.

Он неохотно поднял трубку.

— Борис Ильич! — заорала она так, что он поморщился. — Еле вырвалась, чтобы вам позвонить! Я тут в Лоухах застряла, так один добрый человек подбросил меня до Петрозаводска, и...

— В чем дело-то, Генриетта? — прервал он ее.

Интересно, а как ее в детстве звали? Гера? Генка?

— Так я же говорю! В Чупинской области в подвале пришельца прятали!

— Кто прятал? — покорно переспросил Борис. — Зачем?

— Какая-то женщина! Она его где-то подобрала и в подвал спрятала, потому что решила, что он ее пропавший сын. А он умер! Когда мне всю эту историю рассказали, я сразу приехала, тело забрать! Так что вы думаете? Его уже увезли! И кто, как вы думаете?

— КГБ! — кисло сказал Борис. — Вернее, ФСБ.

— Наверняка, — авторитетно подтвердила Генриетта. — Приехали на машине и...

— С бронированными стеклами? — предположил Борис.

Но Генриетта не понимала юмора.

— Не знаю, — неуверенно сказала она.

— А женщина эта что говорит?

— А ничего! Ее тут же в «дурку» упекли. В Лоухах. Под особое наблюдение. Говорят, она с ума сошла. А нужно еще проверить, так ли это!

— А до этого, — сказал Борис, — она, разумеется, абсолютно нормальная была.

— Ну, не то чтобы совсем нормальная, — неуверенно отозвалась Генриетта.

«Опять отыскала очередную сумасшедшую, — подумал Борис. — Если они зеленых чертей ловят, все в порядке. Обычная белая горячка. А если зеленых человечков — тут уже комиссия по контактам требуется».

— Его местные видели. — Она поняла его колебания. — Даже из милиции приходили. Там правда что-то странное, Борис Ильич. И не в первый раз уже. Чупа, Кандалакша...

Что-то он недавно слышал, связанное с Кандалакшей...

— Да, кстати, Генриетта, а как вас в детстве звали? — неожиданно спросил он.

— Что? — удивилась та.

— Ну, мама как вас звала? Гена?

— Эта, — сказала Генриетта.

— Как?

— Эточка! Так вы приедете?

Борис подумал. Лучше кормить комаров в Карелии, чем сидеть тут на пороховой бочке. Вот она — возможность незаметно скрыться от возможного наблюдения. И Павла можно будет забрать — все спокойнее, чем на чужой даче потом очередной труп обнаружить.

— Приеду, — сказал он. — Сегодня и выеду. Диктуйте координаты.

* * *

Над Литейным золотились мягкие сумерки. Небо отражалось в дальней воде, вода, в свою очередь, отбрасывала слабое сияние обратно, в небо, и оттого казалось, что по низким облакам медленно плывут пятна света.

Двое сидели в машине, разглядывая играющих во дворе детей.

— Вот этот, — сказал один, — в желтой курточке.

Второй поднес к глазам бинокль.

— Пацан как пацан. Что толку тут торчать, не понимаю. Сколько времени мы на него угрохали? Четверо суток?

— Не ты один...

— Да на хрена он вообще нужен? Девять человек на одного сопляка! Три смены!

— Сказано — нужен, значит, нужен...

— Сам он ничего собой не представляет, — рассуждал второй, — так, мелюзга. Значит, сынок он чей-то. Но, во-первых, что-то папеньки его не видно — он с бабкой живет, а во-вторых, одежка на нем так себе. Кто им может интересоваться, а?

— Нам не сказано, что кто-то может им интересоваться. Нам велено смотреть за пацаном.

— Во визжит-то как! — восхитился второй. — Как резаный!

— Это не он. Это та девка в беретике.

— Максимка! — раздался голос, и в окне четвертого этажа показалось лицо пожилой женщины. — Максимка! Домой!

— Сейчас, бабушка, — отозвался мальчик.

— Никаких «сейчас»!

Мальчик неохотно отделился от группы играющих детей и направился к подъезду.

Соглядатай вылез из машины.

— Пойду, провожу его, — сказал он, обращаясь к своему напарнику.

Небрежной походкой он двинулся в сторону подъезда. Мальчик уже набирал цифры кодового замка — впрочем, не слишком торопясь при этом. Взрослый наблюдал поодаль, засунув руки в карманы. Наконец мальчик справился с кодовым замком, скользнул в приоткрытую дверь и захлопнул ее за собой. Следящий не сделал никакой попытки придержать дверь: он дождался, пока та захлопнется, потом набрал код вторично.

В подъезде было пусто. Мягко гудел лифт. Наблюдатель извлек из внутреннего кармана радиотелефон.

— Третий, это Первый. Объект поехал вверх. Баиньки.

— Ясно, Первый, — сказал деловитый голос. — Сейчас примем.

Человек засунул радиотелефон в карман и уже повернулся, чтобы выйти из подъезда, как вдруг от стены отделилась бесшумная тень и скользнула к нему. В последний миг тот обернулся, почувствовав на щеке движение воздуха, и его тренированная рука автоматически поставила блок. Но было поздно — неизвестный коротко и страшно ударил его по шее ребром ладони. Соглядатай захрипел и мешком свалился на грязный кафельный пол. Его противник ткнул его носком ботинка и скользнул обратно во тьму.

С пола, приглушенный упавшим телом, раздался неразборчивый шум и голос... но он принадлежал не упавшему.

— Первый, Первый! Это Третий! Лифт поехал дальше. Объект на этаже не вышел Первый, мать твою, слышишь? Что там у вас происходит?

Второй продолжал сидеть в машине, покуривая и лениво наблюдая за дверью парадной. Потом насторожился. Отбросил окурок, огненной дугой прочертивший сумерки, и кинулся к подъезду. В окне вновь неясным пятном проступило лицо женщины. Перегнувшись через подоконник, она вглядывалась в снующих в сумерках визжащих, хохочущих детей, тщетно пытаясь разглядеть желтую куртку.

— Максим! Максим! Домой! — раздался пронзительный голос.

В подъезде человек склонился над неподвижным телом, запоздало вытягивая из кобуры пистолет.

* * *

Павел сидел за столом, вглядываясь в серые сумерки. Он проспал двенадцать часов подряд. Сломанные ребра теперь болели меньше, силы восстановились, и кошмар последних суток отступил куда-то вглубь. Осталось лишь странное чувство нереальности — словно какой-то вихрь вырвал его из привычного окружения: унылой работы, неуютта холостяцкой квартиры — и понес... Куда? Почему он в конце концов оказался на чужой холодной даче, которую не в состоянии отогреть горевший всю ночь камин? В окно царапались ветки. Ни огонька, ни человеческого голоса. Казалось, на многие километры вокруг, до далекого северного моря, где трутся друг о друга льды, нет ни единой живой души, ни малейшего признака цивилизации — равнодушная холодная земля, мокрые леса, где бродят лоси; серые валуны, брошенные по пути отступающим ледником...

Почему он — самый заурядный, скучноватый тип — за какие-то двое суток ухитрился погрузиться в пучину загадочных убийств, интриг спецслужб и тайн сверхлюдей? И в результате оказался здесь — в неприятном уголке Среднерусской равнины, со сломанными ребрами, избитый... Без помощи, без поддержки. Ему стало совсем неуютно. Он полез в буфет, где хранилась бутылка, на дне которой плескались остатки водки, налил в стакан и выпил. Спирт приглушил ноющую боль в груди, и ему стало чуть-чуть теплее. Павел расслабился. Ему трудно было поверить, что на этом все его зловключения кончились, и подсознательно весь день ожидал звонка. Но черный старомодный телефон молчал. Павел зачем-то приподнял трубку, прижал ее к уху, послушал ровный гудок. Работает. И вдруг почувствовал за спиной чье-то присутствие. По-прежнему держа в руке трубку, он резко обернулся. В углу сидел человек.

Он уютно расположился в старом кресле, спокойно наблюдая за Павлом. Внешность у него была самая заурядная — настолько нейтральная, что час спустя Павел, пожалуй, не смог бы описать, как тот выглядел, — даже цвет глаз невозможно было определить. Неопределенность усугублялась тем, что по лицу незнакомца пробежали отблески пламени, и потому казалось, что черты и выражение его лица неуловимо, но совершенно определенно меняются.

— Добрый вечер, Павел Николаевич, — вежливо сказал он. — Собрались звонить кому-то? Будет лучше, если вы отойдете от телефона.

Павел прикинул: ему и впрямь некому звонить. В милицию? Чушь! Борису... Он вот так, сразу, не вспомнит его телефона, да и что он, Борис, может сделать? А потому он медленно положил трубку на рычаг и бросил быстрый взгляд на входную дверь, которую он несколько часов назад запер изнутри на засов. Ничего не изменилось: она по-прежнему была заперта.

— Как вы сюда попали? — спросил он.

— Не важно.

Посетитель поудобнее устроился в кресле. Вел он себя совершенно обыденно, но тем не менее от него исходило ощущение опасности, как от камина — тепло; возможно, потому, что он даже не давал себе труда напускать на себя угрожающий вид.

— Вы пришли, чтобы убить меня? — спокойно спросил Павел.

— Что вы, Павел Николаевич! Если бы я собирался убить вас, я бы давно это сделал. Я пришел, чтобы поговорить с вами.

Павел нащупал стул и присел у стола. В голове у него все шло кругом.

— Но зачем тогда вы подослали ко мне убийцу в больнице? — спросил он.

Тот покачал головой.

— Это не наш. Мы узнали о том, что происходит, слишком поздно. Пришлось вмешаться. Наши... союзники... допустили несколько промашек. А в результате — утечка информации. Вас, разумеется, нужно было устранить, но раньше, пока вы не втянули в эту историю еще нескольких человек. А сейчас уже поздно. От вас словно круги по воде расходятся. Смерть Регины насторожила следователя — он, понимаете ли, оба дела вел: и ее, и Андрея Панина. Удалось подsunуть ему подходящего подозреваемого, но он не поверил. И теперь продолжает копать на свой страх и риск — упрямый оказался. Жена Гаспаряна тоже заподозрила неладное. И рассказывает своим знакомым всякие странные вещи. Никто ей не верит, разумеется, но все равно неприятно. Ваш новый приятель-журналист оказался более крепким орешком, чем мы думали, — а ведь поначалу мы вообще не придали его появлению никакого значения. Убей мы вас сейчас — что мы получим? Есть люди, которые в состоянии сложить два и два и получить четыре, Павел Николаевич. И нами уже кто-то заинтересовался гораздо больше, чем мы бы этого хотели.

— Кем это «вами»? — хрипло спросил Павел.

— Не важно, Павел Николаевич. Действительно не важно. Важно то, что мы намерены сохранить вам жизнь. Собственно, если бы не это... вы бы уже лежали на полу, головой в камине. А так — вам еще жить и жить... с одним условием.

— С каким? — без любопытства поинтересовался Павел. — Я должен дать вам слово?

— Слово? — тот усмехнулся. — Ну что вы, Павел Николаевич! Даже если бы вы честно намеревались его сдержать... в распоряжении человечества имеются вполне эффективные методы, чтобы заставить вас изменить намерение. Нет-нет... с условием, что вы все забудете, Павел Николаевич.

— А вот как раз это, — возразил Павел, — не так-то просто.

— Да нет, напротив, не так-то сложно. Вы просто добровольно согласитесь подвергнуться определенной обработке. Совершенно безвредной, уверяю вас. Можно, разумеется, приступить к ней и без вашего согласия, — ответил он на невысказанный вопрос Павла, — но тогда возникают определенные сложности. Сопротивление материала, понимаете ли.

Павел осторожно провел рукой по столешнице, остановившись рядом с пустой бутылкой.

— Я слышал про такие штуки, — сказал он, — промывка мозгов, все такое... но я не очень-то верю в их эффективность. А потом — зачем?

— Ну, насчет эффективности вы не сомневайтесь, — успокоил его неизвестный посетитель, — а причина... я же говорю: вы сейчас нам нужнее живым, чем мертвым, Павел Николаевич.

— Почему бы вам не удовлетворить мое любопытство, — насмешливо спросил Павел, — ведь я потом все равно все забуду. Поведайте мне: из-за чего весь этот шухер, сделайте милость. Неужто из-за какого-то допотопного генетического проекта?

— Пожалуй, я не стану рисковать, — возразил незнакомец, внимательно на него глядя, — разумеется, вы все забудете. Но человеческая память, знаете ли, странная штука.

Вам могут начать сниться сны. Вы, возможно, даже не сумеете вспомнить их наутро... но через какое-то время кошмар повторится. Живи вы, скажем, в Америке, ваш личный психоаналитик назвал бы это вытеснением... возможно, каких-то ваших детских воспоминаний. Вы бы успокоились, нашли бы правдоподобное объяснение своим кошмарам и больше не забивали бы себе голову всякой чушью. А так... вы в одиночку будете блуждать по подземельям своей памяти. А это, знаете ли, пренеприятнейшая штукавина, как говорил один ваш деятель.

— Мне не нравится, как вы разговариваете, — медленно сказал Павел. — Тут что-то не так.

— Господь с вами, Павел Николаевич! «Что-то»? Да тут все не так! Вы же попали в из ряда вон выходящую ситуацию. Чего же вы хотите?

Он бесшумно, одним движением, встал с кресла.

— Будьте благоразумны. Сейчас вы скажете «да», я вас усыплю... а когда проснетесь, окажетесь дома, в своей уютной квартирке... бардак там у вас, должен я заметить... и ничего не будете помнить, кроме того, что какой-то пьяный мудака полз с вами в драку и сломал пару ребер. И никто вас больше никогда не побеспокоит. Это я вам обещаю.

— А Борис? — медленно спросил Павел. — А Лиза?

— А кто это такие? — усмехнулся посетитель.

Павел молчал.

— Вот видите... — сказал тот. — Сейчас вы не хотите говорить. А потом и не вспомните. Эти имена не будут у вас связываться ни с какими определенными людьми. А встретить вы их на улице, вы даже не узнаете их.

— Как бы мне не остаться идиотом, — медленно сказал Павел. — После такой-то обработки...

— Ни в коем случае. Таких людей больше, чем вы думаете. И они... э... вполне адекватны.

Павел помолчал.

— Похоже, вы не оставили мне выбора, — наконец сказал он. — Ладно. Валяйте.

Незнакомец покосился на него, казалось, с некоторым удивлением, но затем быстрым движением извлек что-то из кармана и шагнул к нему.

«Укол?» — подумал Павел. То, что незнакомец держал в руке, вовсе не походило на шприц. Нечто темное, уплощенное, напоминающее скорее присоску.

Почему-то именно это и решило дело.

Рука Павла метнулась к стоящей на столе бутылке. Он схватил ее за горлышко и шарахнул об угол стола. Держа перед собой образовавшуюся «розочку», он замер, отбросив ногой стул и настороженно следя за незнакомцем.

Тот остановился.

— Ну что вы, — сказал он укоризненно, — как маленький, право. А я-то гадал, что это вы так легко уступили...

— Что у вас в руке? — спросил Павел.

— Ах, это... впрыскиватель. Не иглой же вас в вену тыкать.

— Я не видел ничего подобного.

Тот вздохнул.

— Вы мне надоели, Павел Николаевич. Чем сильнее человек сопротивляется обработке, тем больше шансов, что он получит глубинную психологическую травму. Я же для вас

старался. Ну, ладно...

Посетитель молниеносно скользнул вбок, и Павел с ужасом понял, что не в состоянии уследить за его перемещением. Он поддел ногой валяющийся на полу стул и швырнул его в сторону незнакомца. Потом отскочил к окну.

Незнакомец уже был там. Твердая рука легла Павлу на плечо, развернула...
... и выпустила.

Он никак не мог сообразить, что стряслось, — разве что...

Свет фар, полоснувший по стене, такой привычный в городе...

...и такой редкий здесь, на опустевших, заколоченных после зимы дачах.

Он не стал раздумывать — подхватив все тот же многострадальный стул, ударил в окно. Со звоном посыпались осколки. Он прыгнул, спиной вперед, с хрустом выламывая остатки стекла, холодно блестящие в лучах фар притормозившей у калитки машины.

Уже падая, он полоснул взглядом по комнате — она была пуста...

... точно никого и не было.

Павел ринулся по дорожке; голые кусты осыпали его дождем мелких брызг; перемахнул через калитку и рванул на себя дверцу машины, даже не потрудившись выяснить, кто сидит в салоне.

— Не слабо, — удивленно сказал Борис, — ты что, телепат?

— Поехали! — прохрипел Павел, откидываясь на спинку сиденья.

Борис покосился на него.

— Послушай, ты всегда носишься с такой скоростью?

— Нет, — устало ответил Павел, — только когда за мной гонятся.

— Вот оно как. — Борис нерешительно положил ладонь на ручку дверцы.

— И не думай, — твердо сказал Павел. — Поехали.

— Да кто там?

— Дубликат покойного Панина.

— Вот оно как, — повторил Борис. Машина рванулась с места и покатила прочь от дачи, подпрыгивая на ухабах.

— Скорее нельзя? — тревожно спросил Павел.

— Да я и так выжимаю из старушки все, на что она способна.

Заднее стекло осветилось.

— Борис! — тревожно сказал Павел.

— Вижу.

Машина неожиданно свернула и покатила по узкой дорожке. Ветви царапали боковые стекла.

— Куда это мы?

— К выезду. Кратчайший путь. Может, проскочим. Тут электричка в десять тридцать проходит. Так кто за нами гоняется?

Павел непроизвольно вздрогнул.

— Ты бы его видел!

— Что, такой уж страшный?

— Напротив... — ответил Павел. — Обходителен до отвращения.

Машину вновь тряхнуло. Неожиданно перед ветровым стеклом выросла насыпь, свет фар выхватил из тьмы медленно опускающийся шлагбаум.

— Вот сука! — пальцы Бориса, сжимающие руль, побелели. — Еле ползет!

— Не успеем!

— Не бойсь, успеем.

Легковушка нырнула под шлагбаум, подпрыгнула на рельсах и скатилась с насыпи под самым носом тревожно гудящей электрички.

Еще пять минут, и они влились в скудную струйку машин на шоссе.

— Может, и оторвались, — неуверенно сказал Борис.

Павел перевел дыхание. Лишь тут он почувствовал, что чертовы ребра вновь заныли, а свежий порез на щеке саднит.

— Зачем ты все время приводишь себя в такой вид? — поинтересовался Борис. — Нарочно?

— Иди к черту, — устало сказал Павел. И, оглянувшись, спросил: — Куда мы едем?

— Уж не в Москву, во всяком случае. Мы с тобой по поручению одной солидной газеты за сенсацией гоняемся. Журналистское расследование. На Севере бывал?

Павел покачал головой.

— Дальше Петрозаводска не заезжал.

— Ну, вот и покатаемся. Не знаю, кто тебя так активно преследует, но из Москвы лучше на время убраться. Не уверен, правда, что это что-то даст, — все равно рано или поздно придется возвращаться, но, по крайней мере, время выиграем... Так почему ты решил, что он похож на нашего покойника?

— Ты бы видел, как он двигался! Это не человек. Я не мог за ним уследить.

— Тренировка...

Павел покачал головой.

— Нет. Это что-то другое. Не могу объяснить. Нечто, присущее ему изначально. — Он помолчал. — Вот если бы вскрыть его да покопаться как следует, — добавил он мечтательно.

Борис хмыкнул.

— Разделяю твой профессиональный интерес. Ладно, расслабься. Я, собственно, за тем и приехал, чтобы забрать тебя отсюда от греха подальше.

— Зачем это тебе? — спросил Павел.

— Сам не знаю. Достало все это меня. Противно.

— Я там окно выбил, — признался Павел.

— Тем более сматываться надо, — печально заключил Борис, — не эти, так приятель мой меня прикончит.

На Среднерусскую равнину опускалась ночь. Шоссе погрузилось во мрак — оно казалось черной рекой, по которой в обе стороны плыли диковинные рыбы со светящимися глазами. Одна из этих рыбешек — маленькая, совсем неприметная, — выбралась на развязку, развернулась и, рассекая тьму, двинулась на север.

* * *

Сынок! Когда ты получишь это письмо, меня уже не будет. Во всяком случае, это весьма вероятно. Может, оно и к лучшему — я слишком устал.

Когда-то, больше трех десятков лет тому назад, мне казалось, что я поступаю правильно. Я был еще молод и верил всему, чему нас учили. Ведь речь шла о

безопасности страны. Нам предоставилась уникальная возможность, и мы не могли ею не воспользоваться. Нас учили, что мы в окружении врагов, а раз так, любые средства хороши. Шла «холодная война» — ты плохо помнишь, что это такое, — тогда ты был еще ребенком. Да, мы думали, что благодаря счастливому стечению обстоятельств нам удалось прибрать к рукам силы, о которых до сих пор человечество и представления не имело. Но, как оказалось, эти силы прибрали к рукам нас. Наверное, это можно было предугадать с Самого начала — с таким огнем безнаказанно играть нельзя. Но нас слишком заботила немедленная выгода. А потом все рухнуло. Понимаешь, полностью контролировать ситуацию можно, лишь опираясь на единый центр. И, пока система существовала, мы как-то справлялись. Нам удавалось держать эту силу в определенных рамках. Но при переделе власти в игру вступили самые разные люди. В результате слишком много выплыло наружу. Страх, на котором все держалось, Исчез, слепая преданность — тоже, осталась корысть. Бесценная информация уплыла на сторону, в том числе и ко всяческим преступным группировкам. Кому-то пришло в голову использовать материал в качестве киллеров (еще бы, при таких-то возможностях!). Начальство дало «добро» — собственно, такие случаи бывали и раньше, правда, единичные. Они всегда шли навстречу нашим нуждам — услуга за услугу, так удобно, не правда ли? Так по-человечески... Мы им — прикрытие и возможность обделять свои делишки почти в полной тайне, они нам — свой материал для всяких мелких поручений...

... Но все зашло слишком далеко. Помнишь Гаспаряна — ты его еще называл «дядя Сыч»? Он был задействован на начальной стадии проекта — там было несколько срывов, а нашим было очень любопытно поглядеть на материал поближе. Я сам привез ему образец, а потом, через третьи руки, подкинул легенду. Он ее принял — она была достаточно неправдоподобной, чтобы сойти за правду.

Так вот, он в конце концов сообразил, что к чему, — и поднял тревогу. Он позвонил мне — ведь я был его другом. И я, его друг, был вынужден... ликвидировать его. Паршиво звучит. Но честно.

Но он был прав: нас ждет такое, что я жалею, что дал тебе жизнь. Лучше бы мы никогда не проводили тех испытаний. Черт с ним, с ядерным балансом сил. Лучше бы Штаты нас завоевали. Как выяснилось, не так уж страшен черт, как его малюют. И это ничто по сравнению с тем, что нас всех ждет в не столь отдаленном будущем. А мы торопились, готовы были запродать душу хоть самому дьяволу — и он откликнулся на наш зов. После нас хоть потоп... вот как мы тогда думали... и он уже подступает к нашим домам.

Я уезжаю на Север — туда, где все начиналось. Не знаю, что мне удастся сделать, но ведь нам и в голову не приходило попытаться сделать хоть что-то. Нас слишком устраивало существующее положение вещей. Ведь тот, кто владеет информацией, владеет миром, правда? А нашему ведомству нужна была информация. Пусть другие возьмется с этими игрушками — бомбами, суперистребителями... со всем этим хламом. А мы использовали знания, сведения. И были так довольны собой.

Я не верю, что мне удастся воспрепятствовать тому, что нас всех ожидает. Но, по крайней мере, попытаюсь. Я никогда не был с тобой честным до конца — так

хоть сейчас, напоследок...

Я честно прошу у тебя прощения.

У тебя и у всех живущих.

P.S. Если все же это письмо до тебя дойдет (по-моему, вся моя корреспонденция перлюстрируется), уничтожь его немедленно, а то они и до тебя доберутся.

Еще раз прости меня.

Папа.

* * *

В квартире у Лизы зазвонил телефон. Он звонил и звонил тревожным, разрывающим ночь пунктиром.

Над небольшим поселком, затерянным в дебрях северного леса, разгоралась холодная заря. Борис, брезгливо морщась, шел по грязному дощатому настилу.

— Черт, — пробормотал он, сокрушенно глядя на свои итальянские мокасины, — сапоги надо было взять. Может, у них есть тут какое-нибудь... сельпо, что ли?

— Куда мы идем? — без интереса спросил Павел. У него был вид человека, обнаружившего, что окружающая действительность полностью вышла из-под контроля, и благоразумно махнувшего на это рукой.

— К снохе, — коротко ответил Борис.

— Какой еще снохе?

— Ну, как это называется... сестра мужа той бабы, что у себя в погребке пришельца прятала.

— И ты веришь в эту чушь? — кисло спросил Павел. — Какого такого пришельца? Не бывает пришельцев. Чем мы тут вообще занимаемся?

— В основном от твоих дружков прячемся, — недовольно ответил Борис. — Но формально — расследуем загадочную историю. Исчезновение трупа пришельца. Куда он, понимаешь, пропал, и почему. И вообще — был ли мальчик. И как договаривались — я, как оно и есть, журналист, а ты, как оно и есть, врач. С той только разницей, что ты, видишь ли, эксперт по пришельцам. Я тебя специально с собой привез. На предмет обследования.

— И кого я должен обследовать? Трупа-то нет.

— Вот и хорошо, что нет. Мы его будем искать.

Самое смешное, что их появлению никто особенно не удивился. Из Чупы они добрались сюда глубокой ночью, и сонная дежурная в гостинице, спросив, что они делают и услышав в ответ «пришельца ищем», рассеянно записала в графе: «цель поездки — деловая». Борис покорила ее сердце своим столичным обхождением, и она охотно поделилась всей имеющейся у нее информацией.

— Ничего вы уже тут не найдете. Мужики тут какие-то приезжали, я так думаю, что военные, и Какая-то баба сумасшедшая. А Чужайкину в район увезли. В психушку.

— А сами-то вы видели пришельца этого? — спросил Борис.

Она покачала головой.

— Не-а. Тут какая история вышла... Это монтер наш, Петрович — он, значит, моток проволоки спер. Медной. Ну и, когда он ее в район повез, продавать, задержали его. А он и говорит, проволока — это что, вот хотите, я вам целого пришельца найду? Я его, говорит, у Чужайкиной из погреба уволок. Он уже мертвый был. Ну и припрятал. Зарыл на огороде. Ему, понятное дело, не поверили, а он опять за свое. В общем, решили поглядеть — приехали и, значит, на огород копать. И вырыли эту штуку. И сразу в район увезли. Что-то там с ним делали. А Валька-то совсем свихнулась. Накинулась на этих, из района, чуть глаза не выцарапала. «Отдайте, — кричит, — сынка моего!»

— Странно, что следователь ему поверил, — заметил Павел, — монтеру этому.

— А что следователь? Он же местный. Он и не про такое слышал. Давно, говорит, я ждал чего-то в этом роде. Тут, он рассказывал, недавно позвонил ему мужик, перепугался насмерть: дочку фотографировал в собственном доме, никого в комнате не было, а как пленку проявил — смотрит, две темные фигуры у дочки за спиной виднеются. Да все знают,

что неладно у нас. Эти приезжали... с рамками какими-то. Все ходили, крутили их повсюду. Молодые, наглые... Аморалии какие-то тут у вас, говорят. Да вы не расстраивайтесь, — утешила она Бориса, — тут у нас полно всяких тварей шастает. Мы бы и рады их отвадить, да не можем. Вреда, правда, вроде от них нет. Напугать, правда, могут. Пойдешь в лес за грибами и на такое наткнешься... Мы уж их кто крестным знамением, кто матом...

— И давно тут творится такое? — поинтересовался Борис.

Женщина пожала плечами.

— Места тут всегда были нехорошие. А хуже всего стало лет этак тридцать-сорок назад. Говорят, небо тогда несколько дней светилось. И всякая нечисть так и поперла. Эти, правда, говорят, ну, контрактеры какие-то, что никакая это не нечисть. Что это инопланетяне, значит, сюда зачастили. Потому что им не понравилось, что бомбу у нас взорвали. Но это ж не у нас! Это на севере!

«А тут, выходит, не север...» — подумал Павел.

— На Новой Земле, что ли? — спросил Борис.

— Да, наверное, — неуверенно ответила женщина.

— Интересно получается. Бомбу взорвали на Новой Земле. А нечисть поперла у вас.

— Получается, так. Мамка моя рассказывала, сюда даже вояки приезжали. Оцепили какое-то место в лесу, никого не пускали. Потом уехали.

— Вот как? — Борис явно заинтересовался. — А где это место?

— Ближе к Чупинской губе. Дико там. Пусто. Да я плохо знаю, лучше Никиту спросить. Он, говорят, бывал там.

— А кто это — Никита?

— Лесник наш. Он не местный, но давно тут живет. И лес хорошо знает. Да вы в охотинспекцию зайдите. Может, он там...

Вот так и получилось, что на следующий день они шли по центральной улице поселка. Вид открывался унылый. Некоторые дома стояли заколоченные, некоторые слепо таращились темными провалами окон.

— Умирает поселок, — заметил Борис. — Скоро все отсюда съедут. Кормиться нечем.

— А раньше чем кормились? — удивился Павел. Места тут выглядели даже не романтически-дикими, просто до предела унылыми. Горстка бревенчатых домов на голой болотистой проплешине, чахлая растительность, грязь...

— Ну, — ответил Борис, — раньше пол поселка карьер обслуживало. Тут, неподалеку. А сейчас разработки свернули — нерентабельным оказался...

— А что добывали?

— Отделочный камень, — ответил Борис, — то есть по официальной версии.

Он нагнулся, поднял с земли какой-то обломок, почистил его рукавом...

— Беломорит, — сказал он, протягивая его Павлу.

Тусклый черный скол неожиданно сверкнул глубокой небесной синевой.

— В свое время в моде был у архитекторов, — пояснил Борис. — Даже метро в Москве им отделявали.

Павел повертел обломок в руках и рассеянно отбросил его.

— Послушай, Борис... — неуверенно сказал он, — ты же вроде производишь впечатление разумного человека. Неужто ты всерьез все это воспринял? Всю эту историю. Какая-то темная баба...

Борис внимательно поглядел на него.

— А тебе ничего не показалось странным?

— Да мне все показалось странным, — сердито отозвался Павел.

— Нет, одна-единственная деталь.

— Насчет темных силуэтов за спиной у девочки?

— Нет... хотя про такое я тоже не один раз слышал. Я о другом говорю. По ее словам, тут всегда было беспокойно — бывают такие точки пространства, в которых процент аномальных явлений гораздо выше, чем в среднем по стране, — но особенно неладно стало после ядерных испытаний на Новой Земле. Ты же знаешь — больше испытаний такого масштаба у нас не проводилось. Ни до, ни после.

— Совпадение, — неуверенно сказал Павел.

— Нет, милый мой, не совпадение. Я уже слышал про такое.

— Где?

— На Урале. В Челябинской области. Там тоже, по преданиям, еще в древности летали небесные огненные колымаги. Забирали людей, скот. Ну и, как всегда, ходили легенды про всяких горных оборотней. А где-то в конце пятидесятых там тоже бахнуло. Секретный завод какой-то. Ходят слухи, что по производству атомного оружия. Народу погубил — не меньше, чем Чернобыль. И после этого всякие чудеса участились. Словно поперло откуда-то...

— Да просто телефонизировали там поселки, — предположил Павел. — Вот и стали все кому не лень звонить всяким столичным корреспондентам.

— И после этого ты меня называешь циником?

— Да просто есть такая штука, как научный подход. А то смотреть смешно — ходите и бормочете, как шаманы: «Нехорошее место, нехорошее место»...

Борис пожал плечами.

— Смейся сколько хочешь, но такие места и вправду есть. Здесь. В той же Челябинской области. Под Пермью... Места, где люди видят странные вещи.

— Люди часто видят странные вещи, — возразил Павел, — и врачам это известно лучше, чем кому бы то ни было.

— Может быть, — согласился Борис, — но почему-то в некоторых местах это случается особенно часто. Огненные шары, например, голоса, светящиеся фигуры...

— Ангелов, — подсказал Павел.

— Да. Видят нечто. Что-то, что человеческий мозг, может быть, и воспринять адекватно не способен. Вот он и старается. Придает видимому узнаваемый облик.

— То есть то, что человек видит, в известной степени зависит от самого человека?

— Вот именно.

Павел поразмыслил.

— Предположим. Но как это согласуется, скажемте мумией пришельца? Ведь это не галлюцинация. Это и вправду мумия. Если она на самом деле была, разумеется.

— А ты про историю с воздушным кораблем слышал? — спросил Борис.

— Тоже мираж?

— Нет. В старых хрониках записано. В былые времена на небе часто появлялись воздушные корабли. Все как положено, заметь — настоящие корабли, с полной оснасткой, под парусами... Теперь что больше видят — всякие обтекаемые объекты, а тогда в небе летали парусные суда. То есть, получается, видят то, о чем имеют представление, да? Так вот, однажды такой корабль, пролетая над какой-то европейской деревушкой, неожиданно зацепился якорем за дерево. Якоря они, видишь ли, забыли поднять. Ну и застрял,

естественно. И оттуда, с корабля, полез матрос, чтобы якорь этот отцепить. К тому времени внизу уже собралась порядочная толпа народу. В общем, навалились, стащили этого матроса с дерева...

— И что с ним сделали? — поинтересовался Павел. — На костре сожгли?

— Уж не знаю, что собирались с ним сделать, — времена тогда и вправду были суровые. Но он и сам умер. Задохнулся. Атмосфера для него, понимаешь, оказалась слишком плотной.

— «Тяжек воздух нам земли», — пробормотал Павел. — А корабль?

— Им пришлось пожертвовать якорем, — серьезно ответил Борис.

— И ты в это веришь? — удивился Павел. Борис производил на него впечатление человека несколько циничного, как и подобает журналисту.

— Нет, — тут же ответил Борис, — не верю. Но ходят слухи, что этот якорь до сих пор в каком-то музее хранится.

— Ну и к чему ты мне это рассказываешь?

— К тому, чтобы ты понял: иллюзия иногда может оказаться чертовски реальной.

— И как же отличить одно от другого? — мрачно поинтересовался Павел.

— А никак. Никак. Все, что действует на окружающий нас мир, хоть прямо, хоть опосредованно, все, что заставляет его меняться, — все реально.

— Опосредованно?

— Ну, слухи, сплетни... мифы... газетные статьи... Вот напишу я статью... И начну ее, скажем, так: «Эти жуткие события произошли в дебрях северного леса, в окрестностях крохотного городка Чупа, куда мы прибыли с риском для жизни...»

Павел покачал головой.

— Так и не пойму, когда ты говоришь всерьез, а когда дурака валяешь.

— А разве это важно? Милый мой, это из той же области... Ладно, пойдем, поговорим со снохой этой самой, раз до самой Чужайкиной нам не добраться.

— Может, ее скоро выпишут? — предположил Павел.

Борис покачал головой.

— Не думаю. А если и выпишут, мне почему-то кажется, что от нее мы вряд ли что узнаем. Но история странная, ты не находишь? Какое-то существо в погребе...

— Может, никакой это и не пришелец?

— Может быть, — задумчиво ответил Борис.

Родственница безумной Чужайкиной жила на окраине поселка. Домик был, в виде исключения, чистенький, с ситцевыми занавесками на окнах и ухоженным огородом. Борис тщательно почистил свои многострадальные мокасины о скобу и нажал на кнопку звонка. В глубине дома послышались шаги, дверь отворилась — и на пороге появилась женщина. Она вытирала руки кухонным полотенцем — видимо, незваные гости оторвали ее от стряпни.

— Вы кто? — недовольно спросила она.

— Корреспонденты, — представился Борис. Но на женщину это волшебное слово не произвело ожидаемого впечатления.

— Тут у нас уже были корреспонденты, — сказала она, — и еще какая-то баба придурочная. А уж наглая до чего, спасу нет. Вынь да положь ей мумия. А где я его возьму? Солю я их, что ли!

«Генриетта, — подумал Борис, — вот зараза! Видно, нашла коса на камень. Восстановила эту бабу против себя и мне ничего не сказала. А я теперь расхлебывай...»

— Идите, идите отсюда. — Женщина сделала недвусмысленный шаг вперед, словно пытаясь спихнуть их с крыльца. — Нечего вам тут делать. Увезли мумия.

Павел тихонько ткнул Бориса кулаком в бок.

— Как ее зовут? — шепотом спросил он.

— Лариса Захаровна, — отозвался тот так же негромко.

— Что это у вас со спиной, Лариса Захаровна? — участливо спросил Павел. — Прихватило?

— Радикулит проклятый. Уж так вчера прихватил, разогнуться не могу.

Действительно, держалась она несколько скособоченно.

— Я вообще-то раньше мануальной терапией подрабатывал, — задумчиво сказал Павел.

Та с подозрением поглядела на него:

— Доктор, что ль?

Тот кивнул, благообразно не вдаваясь в подробности.

— А говоришь, корреспондент.

— Это он корреспондент. — Павел кивнул в сторону Бориса.

— Мумия потрошить приехал? — сообразила женщина.

— Ага... Кушетка потверже в доме есть? — Павел перешел в наступление. — Или доска гладильная?

Женщина вновь подозрительно поглядела на него, но потом кивнула.

— Давайте я вам спину поправлю, — участливо предложил Павел.

Голос его звучал авторитетно, и женщина сдалась.

— Ладно, — сказала она. — Заходите.

Они прошли в убогую, но чистую прихожую.

— Руки где я могу помыть? — наседал Павел. Он вполне мог управиться и немывтыми, но врач всегда моет руки, приходя к больному.

— В кухне умывальник есть, — покорно сказала женщина.

Борис, про которого все забыли, сел на скрипучий стул в сенях и рассеянно покачивал ногой, уставившись на носок ботинка. Наконец из комнаты высунулась хозяйка. Двигалась она резво, и бортового крена больше не наблюдалось.

— Чаю хоть попейте, — сказала она приветливо.

— Так что, Лариса Захаровна, — спросил Борис, отставив чашку, — что это за история с родственницей вашей? Может, врут люди?

— И вовсе никакая она мне не родственница, — обиделась женщина. — Брата она моего покойного жена. У них в роду все были с придурью. А Валька — и того хуже. И что он в ней нашел? Все глазками стреляла да хихикала... А любил ведь он ее, Сенька покойный, уж так любил. Так ведь даже ребенка от нее не дождался.

— Как? — удивился Борис. — А я так понял, что у нее был сын.

Хозяйка многозначительно усмехнулась.

— Был-то был, но не от Сеньки. Он-то тогда в областной больнице лежал — сердечник он был, Сенька, аневризма была у него, — она с удовольствием выговорила звучное слово, — а Валька, значит, все повадилась куда-то бегать. А Настасья — соседка ее, — говорила, что по ночам у нее в окнах свет и музыка, значит, играет. Ну, она и спрашивает — а кто, мол, Валентина, веселится там у тебя? Та молчит, только глазами хлопает и усмехается. Ну, той интересно стало. Подкралась она к окну-то Валькиному и стала глядеть

в щелочку. А там, значит, на столе всякие конфеты, все чин чинком, а за столом Валька сидит, а с ней, кто бы вы думали? Сенька! Сидят, чай пьют. Ну, утром Настасья-то Вальку встречает и говорит ей — что, мол, Сеньку выписали? Нет, отвечает та, не выписали, а только врач ему разрешил иногда дома бывать. Для здоровья, говорит, рекомендую. Ну, месяц прошел, другой, смотрим — на сносях Валька-то: Вот, думаем, Сенька обрадуется. Десять лет они жили, все вхолостую. И правда — приезжает Сенька (выписали его, значит, из больницы) и сразу к Вальке. Все тихо, а потом соседи слышат — визжит баба, и так визжит, точно свинья резаная. Прибегают, а он ее по двору за волосы таскает. От кого понесла, спрашивает, сука? Ну, а она цепляется за него — от тебя, говорит, ненаглядный, от кого же еще? Он еще пуще: пока мне уколы в жопу делали, ты, значит, тут развлекалась, а теперь еще и изгаляешься надо мной? Я все это время на койке провалялся, в сортир сам ходил, и то по праздникам, все больше под меня утку подсовывали. Она в слезы, а что тут скажешь?

Она вздохнула.

— И то верно. Добраться до нас трудно. Автобус из Чупы три раза в неделю ходит. Как он приезжал по ночам, Сенька-то, никто не видел. И как уезжал — тоже. Неладно все это. Я ей потом так и сказала — бес это тебя, Валентина, попутал.

— Ну и дальше-то что? — любопытствовал Павел.

— А то, что Сенька тут же и помер. Пока он ее за волосы таскал, аневризма эта у негс и лопнула. И осталась, значит, баба на сносях. Родила Алешку и уж так над ним тряслась. Себе во всем отказывала — все ему. А он, когда ему семь исполнилось, взял и пропал. Она такой вой подняла... Мужики наши все обшарили, — может, он в лесу заблудился или в бочагу ступил... Места тут глухие, страшные — пропадет человек, и не заметишь... Одним словом, не нашли парня. Вот тогда она умом и двинулась. Начала его в школу собирать — костюмчик новенький купила, портфель... Ходит, напевает. Нашелся, говорит, Алешенька. Сам пришел. Как, когда — молчит. И никому его не показывает. Болен он, говорит, нельзя его тревожить. Болен, так врача вызови, глупая баба! Нет, прячет его и молчит. И тут монтер наш, Петрович, приходит к ней электричество чинить. Вышел оттуда белый весь и говорит: — Видел я этого Алешеньку. И не пацан это вовсе. Что-то, говорит, непотребное. Она-то егс в погребе прячет — говорит, свет ему глаза режет, — а он там сидит в темноте и светится сам по себе. И не шевелится. Ну, Петрович, известно, он и не то может увидеть, он с топором в одних подштанниках по дому бегал, чертиков рубил, кто же ему поверит? А выходит, правду он говорил...

Она недоуменно покачала головой.

— А вы его видели? — спросил Борис.

Та кивнула.

— Видела, когда его уже на машине вывозили. Она цепляется, кричит — отдайте сына моего... А что там лежит, на этих носилках, и сказать страшно. Голова огромная, лица нет, руки-ноги тоненькие, скрюченные... Его у Петровича на огороде откопали. Полежал он там маленько, конечно, но никакой это не мальчик, говорю я вам. Вообще не человек.

— Ну, а сами вы что про это думаете, Лариса Захаровна? — спросил Борис. — Кто же это был тогда? И вообще, ребенок-то у нее от кого?

Та пожала плечами.

— Заморочил ее кто-то. Отвел глаза. Дом их на отшибе стоит. А в лесах здешних всякая нечисть издавна водится.

— Леший, что ли? — насмешливо спросил Павел.

— Не знаю. Может, и леший. А только морочит тут людей кто-то.

— А что там за карьер у вас какой-то? — поинтересовался Павел.

— Да у нас тут два карьера. Один два года назад закрыли. А еще Старик есть. Это не здесь, это подальше... Никита, может, знает.

— Далеко это?

— Ну, как далеко... Пару дней пути. Дорогой, может, и меньше было бы, но в лесу дорог нет.

— Поговорить бы с этим Никитой...

— Воля ваша, — пожала плечами женщина, — а только зря вы это. Контактеры там эти паштали. И военные, говорят, высаживались — и то ничего не нашли. С вертолетами. Уж не знаю, правда, что они там искали.

— А... — медленно сказал Борис, — так это то самое место...

— Скажите, Лариса Захаровна, — перебил его Павел, — а откуда же это существо взялось? Ну, которое она за пропавшего сына принимала?

— Ну, Валька-то рассказывала одну историю, но к тому времени она уже умом повредила. Что, мол, через неделю после того, как у нее сын пропал, ночью — тогда как раз гроза была, — она вдруг услышала Алешкин, значит, голос: «Мамка, а мамка, иди скорей на кладбище, забери меня. Холодно мне тут». Ну, Валька перекрестилась, плащ накинула, фонарик схватила и побежала. И видит, из травы, среди могил, глаза светятся. Он стоит и на нее смотрит. Она его на руки — и в дом.

— Да почему ж она решила, что это ее сын? — удивился Павел.

— А Бог ее знает, — пожала плечами хозяйка. — Потом задумчиво добавила: — И понятно, что он долго у нее не прожил, мумий этот. Рта-то у него не было. И как он только кормился?

— Скажите, Лариса Захаровна, — наседали Борис, — а проведать больную можно?

Та покачала головой.

— И не думайте. Ее в закрытой палате держат. Меня и то не пускают.

— Ну, что? — Борис обернулся к Павлу. — Пошли, поищем Никиту этого? Странные дела тут творятся, ей-Богу...

— А что, — задумчиво отозвалась женщина, — мы привычные. Это вам, городским, все в новинку.

— Где его найти-то можно?

— Может, в инспекции. Как выйдете отсюда, сразу свернете налево, там рядом с клубом маленькая такая пристрочка. Еще табличка висит. Может, он там...

— А что, у вас тут охотники часто бывают?

— Да нет, больше свои. Браконьерят помаленьку. Но иногда и верно, приезжают. Все больше осенью. Места тут у нас богатые. Клюква, брусника. Грибов полно. Ну, и дичи хватает.

Лесник оказался мрачноватым высоким человеком в линялой штормовке и сапогах. Он как раз запирали замок двери с висящей на них табличкой «Инспекция». Слухи, видимо, распространились быстро, и он не удивился, увидев новые лица.

— А тут-то что вам надо? — спросил он. Выговор у него был городской, и вообще что-то неуловимо отличало его от местных жителей.

— Нам сказали, вы хорошо окрестности знаете, — отозвался Борис. — Нам нужен

проводник. Хотим поглядеть одно место.

— Зброшенный карьер, конечно, — ядовито сказал лесник, — все лезут на заброшенный карьер. И какой идиот первым распустил эти слухи...

— А на самом деле там ничего нет? — подхватил Борис.

— Ничего такого из ряда вон выходящего. Места только труднопроходимые. Болото. А все лезут, как с ума посходили. Вылавливай потом их. Контактеры эти. Приезжали, какое-то биополе мерили. Носятся как придурки, один ногу сломал — вертолет пришлось вызывать. Мне на свою голову хлопот не надо.

— Ну нет так нет, — примирительно сказал Борис. — Мы поглядим и уйдем. Вам-то какая разница, в какую сторону идти?

— А такая разница, что туда лучше со стороны губы подъезжать. На моторке. А мне к чему бензин тратить?

— Да заплатим мы, понятное дело. И за бензин, и сверх того. Вам что, деньги не нужны?

— Не нужны, — отрезал лесник. — Мне бензин нужен. И потом, куда вы пойдете в таком виде? — Он брезгливо оглядел их. — Ни снаряжения, ничего...

— Да купим мы, — сказал Борис, — тут что, сапоги купить негде?

— Вот купите, тогда и поговорим.

И он слегка пнул запертую дверь ногой, как бы ставя под разговором точку.

Борис неохотно спустился следом за ним с крыльца, к Павлу, который, стоя внизу, ожидал, чем кончится эта беседа.

— Погодите! — раздался чей-то голос.

Павел обернулся.

К ним приближался немолодой седоволосый человек явно городского вида. Он был одет в потрепанный твидовый пиджак и свитер с высоким воротом, но осанка его явно обличала человека военного. За плечом у него висела зачехленная двустволка.

— Тут что сегодня, слет туристов? — недовольно проворчал лесник. — И ведь этому тоже наверняка надо на заброшенный карьер...

Человек подошел к ним. Он слегка задыхался — сказывалась сидячая городская жизнь.

— Вы ведь Никита, правда? — спросил он. — Местный лесник? Завадский Юрий Петрович.

И он выжидательно обернулся к остальным. «Для праздного туриста он, похоже, чересчур настороженно держится», — подумал Павел.

Они представились.

— И кто же вы такие? — спросил он, окидывая их взглядом холодных серых глаз. — Корреспонденты?

— Почему именно корреспонденты? — фальшиво запротестовал Борис.

— Не будете же вы утверждать, что вы охотники, — резонно заметил тот. — А впрочем, ладно! Какая разница?

— И куда же вы собрались? — поинтересовался Борис.

— Да все равно куда, — тот махнул рукой. — Сейчас тяга... Вальдшнепы летят. Но если вы уже наметили какое-то определенное место, что ж — за вами право выбора. Я человек покладистый.

«А с виду и не скажешь», — подумал Павел.

— А вам разве не нужно на заброшенный карьер? — спросил Борис.

— А где это? — удивился тот, не сводя с него холодного взгляда.

Павел подумал, что их новый знакомый подготовился к экспедиции гораздо лучше, чем они сами, — у пояса висит охотничий нож в потертых ножнах, и наверняка в гостинице лежит рюкзак с палаткой и прочие важные для охотника вещи...

— Так идете вы или нет? — спросил тот, внимательно глядя на лесника.

Тот сдался.

— Ладно, — сказал он. — Завтра с утра выходим. И чтобы собрались как положено.

— Если вам надо экипироваться, я могу помочь подобрать все, что нужно, — сказал Завадский. — Тут вполне приличный магазин.

Лесник больше не обращал на них внимания. Он, не прощаясь, повернулся к «туристам» спиной и молча зашагал вниз по улице.

— Не слишком-то он общительный, — пробормотал Павел.

— Да уж, — отозвался Борис. — Он, кстати, то ли москвич, то ли питерец. Мне про него регистраторша в гостинице рассказывала.

— И что?

— Ну, у него вроде как жена утонула. Паршивая история. Они еще студентами были — сплавлялись по каким-то порогам, а байдарка возьми да перевернись. Он два часа по дну шарил... С тех пор все себя винит. В город возвращаться не захотел, уехал сюда. Так что ты с ним потактичнее. Характер, говорят, у него тяжелый.

— И когда она, интересно, тебе это рассказать успела?

— Вечером, когда я к ней за кипятком ходил. Ты-то храпел уже.

— А почему мне не рассказала?

— Я — человек культурный, — с достоинством сказал Борис, — в очках. А это производит впечатление на пейзажников.

Павел пожал плечами.

— Так вы идете, молодые люди? — спросил Завадский. До сих пор он стоял спиной к ним, рассеянно вглядываясь в холодное северное небо.

Борис кивнул.

— Тогда жду вас у магазина, — сказал тот, — мне еще в гостиницу забежать надо.

— А! — оживился Борис. — Так вы тоже в гостинице остановились?

Тот кивнул.

— Я бывал в местах и похуже. А тут цивилизация. Гостиница, клуб... Киномеханик свой.

— Да кто сейчас в кино ходит, — возразил Борис, — они все больше по домам сидят, «Санта-Барбару» смотрят. Вон, поглядите...

Над крышей одного из неухоженных домиков гордо высилась параболическая антенна.

— Цивилизация! — сказал Борис горько. — Где сельская идиллия? Где народные песни? Где парное молоко? Где девки в сарафанах?

— Да зайдите в любой дом, и продадут вам парного молока, — отозвался Завадский.

— Не хочет он молока, — пояснил Павел, — он хочет девок в сарафанах.

— А-а, — протянул тот. — Тогда вам нужно в ансамбль народного танца. Ладно, встречаемся у магазина.

И зашагал по улице деловитой походкой.

— Интересно, — задумчиво проговорил Борис, — ему-то что тут нужно?

— Ну, приехал человек поохотиться.

— Черта с два! Ему не меньше, чем нам, нужно к заброшенному карьеру. Просто он виду не подает. Ладно, пошли, присмотрим себе что-нибудь. И вправду — не в мокалинах же по болотам топать.

— На какие шиши? — смущенно пробормотал Павел.

— Редакция заплатит, — неубедительно ответил журналист. — Внесу в статью расходов. Считай это экспедиционной экипировкой. Вот оружия у нас нет... Видал, у этого типа?

— Двустволка?

— При чем тут двустволка? Пистолет он табельный под мышкой прячет. Давай, двигайся. Мне еще работать.

— Ты и впрямь собрался работать? — удивился Павел. — А я думал, ты это не всерьез...

— Что значит «не всерьез»? Я либо всегда всерьез, либо всегда дурака валяю. Чем нынешняя поездка от других отличается?

— Да что же ты делать будешь?

— Я эту Ларису Захаровну на диктофон записал. Маленький такой диктофончик.

— Весь этот бред?

— Друг мой, — серьезно сказал Борис, — скорее всего это, конечно, бред. На девяносто процентов. Что она сама выдумала, что с чужих слов пересказала, что ей безумная Чужайкина наплела. А десять процентов все-таки остается. И зря ты так отмахиваешься от всего непонятного. Ты же сам покойного Панина потрошил. В него-то тебе все-таки пришлось поверить.

— Это другое дело, — сердито сказал Павел. — А тут бред какой-то. Был ребенок, пропал, потом появилось какое-то странное существо. Ну, уродец. Мутант, в конце концов...

— Знаешь, что меня в вас, прагматиках, восхищает? Ваша способность оперировать звучными терминами. Звучит научно, в Большой Советской Энциклопедии есть, значит, все в порядке. А это просто заклинание, магия. Ты, скажем, говоришь — мутант. А я говорю — подменьш. И оба мы говорим об одном и том же явлении. Которого ни ты, ни я не понимаем.

— Подменьш?

— Ты что, сказок не читал? — удивился Павел. — Знаешь, всякие там английские и шотландские предания... Эльфы любили похищать человеческих детенышей. Стоило матери отвернуться — и в колыбельке уже лежит оборотень. Сморщенный, дряблый, страшненький. А настоящий уже где-то там... неведомо где.

— Ну и что? К чему ты клонишь?

— А ведь похоже, правда? Был ребенок — и вдруг вместо него появилось нечто совершенно нечеловеческое, что она принимает за своего ребенка. Кто нашептал ей, что он и есть ее сын? И где на самом деле ее сын? Куда он-то делся? Может, она его своими руками задушила, чтобы место освободить, когда ей это чудище подсунули?

— Да кто подсунул-то? — Павел почувствовал, как волосы у него на затылке встают дыбом, точно ветер из неведомых пространств дохнул ему в спину.

— Как их ни называй. Некто. Существа из нижнего мира. Оборотни. Те, кто умеет принимать человеческий облик. Или внушить, что они приняли человеческий облик... Кто на самом деле за столом сидел? Кого соседка эта любопытная видела?

— Чепуха все это. Бабы сказки.

— К бабым сказкам, милый мой, тоже иногда стоит прислушаться.

— Ладно-ладно... А что потом происходит с твоими подмышками?

— Обычно они вылетают в трубу, — серьезно ответил Борис.

— Послушай. — Павел отчаянно пытался достучаться до Борисова здравомыслия. — Так не бывает. Это вы, журналисты, виноваты. Как ни раскроешь газету, везде «диагностика кармы». Или объявления, вроде: «Приворожу. Гарантия сто процентов». Вы сами-то в эту чушь не верите, а развели просто средневековое какое-то при помощи современных средств массовой информации. А на деле всему можно найти свое объяснение. Естественное. Уж на что жуткая была история с отпечатками пальцев у мертвецов, так и то...

— Какая история?

— Ну, еще когда в конце прошлого века дактилоскопию только начали вводить... ну, картотеку отпечатков пальцев...

— Я знаю, что такое дактилоскопия, — сердито прервал Борис. — Продолжай.

— Ну вот, брали отпечатки пальцев у всех подряд — у преступников, у полицейских... Понятно, ни одни отпечатки не совпали — сколько людей, столько и рисунков... папиллярных линий... И тогда комиссар полиции задумался — ну ладно, это у живых... А вот с мертвыми-то как? Есть у них отпечатки? Или, может, они после смерти исчезают...

— Ишь ты, любопытный какой...

— Просто хороший комиссар, наверное. Дотошный. В общем, пошел он в местный морг, дал сторожу воск и велел взять отпечатки пальцев у всех клиентов морга... На следующий день понесли воск в лабораторию, начали сверять отпечатки... И вот ведь какая штука — одинаковые оказались у всех мертвецов отпечатки. Ну, специалисты в панике — не может такого быть, мистика какая-то! После смерти у всех, получается, узор на пальцах одинаковым становится...

— Ну?

— Ну, говорю, комиссар неглупый человек был. Пошел он в этот морг, припугнул сторожа... Тот и сознался. Боялся он мертвецов за руки брать, прижимать к воску холодные их пальцы. Свои он отпечатки сделал. Сам у себя. И сдал по количеству мертвецов...

— Зачем ты мне все это рассказываешь?

— Потому что природа избегает усложнения. Если что-то происходит, пусть даже самое странное, самое невероятное... оно должно развиваться по какой-то самой простой схеме. А ты — подменьши... Легенды и мифы дикого Севера, понимаешь ли.

...Вечером в унылом гостиничном номере, освещенном свисающей с потолка единственной лампочкой без абажура, когда Павел, развалясь на койке, читал старую газету, а Борис приводил в порядок записи, раздался деликатный стук в дверь.

— Не заперто, — сказал Борис, подняв голову.

Дверь приотворилась, и в щель просунулся Завадский.

— Можно? — спросил он.

— Входите, — отозвался Борис.

Тот вошел в комнату, огляделся.

— Я вижу, — он кивнул на валяющийся на полу рюкзак, — вы уже собрались.

— Более или менее, — неопределенно ответил Борис.

Им действительно удалось раздобыть в местном магазине все необходимое для короткого похода — Завадский оказался толковым спутником и сумел выбрать относительно дешевые и надежные вещи. Должно быть, молодость он провел в полевых условиях, подумал

Борис. Сказывается военное прошлое.

Потом Завадский перевел взгляд на разложенные на столе записи, на выключенный миниатюрный диктофон.

— И все же вы журналист, — сказал он. — Собственно... мне уже про вас рассказывали. Поселок маленький, каждый приезжий человек на виду. Так что же вам в лесу нужно? Вы ведь не охотиться приехали.

— А вы? — Борис холодно посмотрел на него.

Тот не ответил. Он вновь рассеянно оглядел залитую тусклым светом комнату, обшарпанные обои, потом заговорил вновь.

— Не знаю, что вы там ищете, но ничего вы не найдете. Гоняетесь за сенсацией? Ладно, гоняйтесь на здоровье, но там же ничего нет... пусто. И если вы приехали по поводу мальчика...

— То что? — быстро спросил Борис.

— То при чем тут старый карьер?

— А вы что-то знаете про эту историю? С пропавшим мальчиком?

Тот усмехнулся.

— Тут все про него знают. Беда только, что каждый рассказывает свое. Но все сходится на том, что она подобрала его на кладбище.

Он нетерпеливо пошевелился.

— Послушайте.... люди тут живут замкнуто. Вот и выдумывают всякую чушь от нечего делать. То про мальчика, то про старый карьер. Да ведь если бы там действительно что-то было, про это давно бы уже разнюхали... И не только ушлые журналисты вроде вас.

— Если там ничего нет, — вмешался Павел, — то почему вас так беспокоит, куда мы направляемся? Вас же никто не просит идти с нами, верно? Просторы тут немереные — вольному воля.

Тот махнул рукой.

— Я в своем возрасте не очень-то люблю один по тайге ходить. Мало ли что. А что касается карьера этого... что ж, поглядим вместе. Ладно, желаю спокойной ночи. Встречаемся завтра у охотинспекции в шесть утра.

— Да чего рано так? — возмутился Борис.

— Никита велел.

— Это он из вредности, — грустно сказал Борис. — Не понравились мы ему.

Завадский пожал плечами, шагнул к выходу, и дверь за ним закрылась.

* * *

Шофер услужливо отворил дверь черной, лаково блестящей машины с притемненными стеклами, и человек в солидной тройке ступил на землю. Он рассеянно озирал закрытые ворота, за которыми высились медные сосны, подсвеченные чистым закатным огнем... дальше, за дорогой, тянулись песчаные дюны, поросшие редким лозняком, а еще дальше — наморщенная под легким ветром водная гладь.

Его уже встречали. У мужчины, стоявшего на подъездной аллее рядом с машиной, был вид пожилого детского врача. Даже жесты — мягкие, плавные.

— Ну что? — спросил новопривывший.

— Да хрен его знает. — Раздраженная речь его собеседника странно контрастировала с внешним обликом. — Вторые сутки возимся. Малый как малый. К маме хочет.

— Плохо возитесь, — спокойно сказал приезжий.

— Черта с два! Все пальцы пацану искололи. От мониторов не отходим.

— Должно что-то быть, — настойчиво проговорил человек в темном костюме, — говорю вам, должно. Если нужно еще что-то, заказывайте... любое оборудование...

Тот пожал плечами.

— У нас оборудование лучше, чем в Кремлевке. А что толку.

Новоприбывший поглядел на часы..

— Я даю вам еще сутки. Потом... Ладно, покажите мне, что вы там наработали.

Они пошли по аллее по направлению к дому. Детский врач впереди, новоприбывший за ним. Шофер замыкал шествие.

— Может, ошибка вышла? — тихо проговорил шофер. — Может, не того взяли?

— Нет, — ответил тот. — Ошибки быть не может.

Он подумал.

— По нашим данным, все правильно. Сейчас самое время. Ну, может, подождать еще немного надо. Завтра перевезем его отсюда, устроим понадежней.

— А если все-таки ничего не выйдет? — обернулся к нему провожатый.

— Ну что ж, — лениво ответил тот, — всего-навсего одним человечком на земле станет меньше. Но я бы очень советовал вам постараться, чтобы вышло. Это в ваших же интересах.

Он ступил на крыльцо, и наконец тяжелая дверь захлопнулась, поглотив всех троих.

* * *

Мотор затих, и лодка, двигаясь по инерции вперед, чиркнула дном о берег. Лесник соскочил в воду, Завадский — за ним.

— А вы что расселись? — обернулся лесник к остальным. — Давайте, вылезайте.

Павел и Борис выбрались из лодки. Волны лениво плескались, закручиваясь вокруг щиколоток.

— Раз-два, взяли! — скомандовал лесник. Они вцепились в борта и потащили лодку К видневшимся на берегу камням.

— И подальше, — велел лесник, — сейчас отлив, видите?

И правда, море отступило, оставив за собой широкую мокрую полосу, на которой, точно сотни крохотных ртов, приоткрывались и захлопывались створки мидий и лениво копошились фиолетовые с ядовито-желтой окантовкой морские звезды. Павел заметил в воде багряный отблеск и глянул под ноги — рядом с ним лениво пульсировал огромный пурпурный цветок с бахромчатой отделкой вокруг полупрозрачных лепестков.

— Всего-навсего медуза, — пояснил Завадский, заметив замороженный взгляд Павла. — Цианея арктика.

У Павла слово «цианея» ассоциировалось с чем-то нехорошим, и он осторожно отодвинулся.

— Не бойтесь, — усмехнулся тот, — не укусит.

— Бывали тут раньше? — спросил Борис.

— Давно когда-то, — ответил тот.

Теперь днище скрежетало по сухому галечнику выше уреза воды. Берег выглядел недружелюбно: бурые валуны с цветными пятнами лишайников, черные ели, чьи покрытые мхом стволы казались бледно-зелеными, почти белыми. Лиственные деревья стояли голые, лишь чуть размытые очертания ветвей свидетельствовали о наступлении весны. В распадах в глубокой фиолетовой тени притаились серые пласты слежавшегося снега.

Оставив лодку и выбрав снаряжение, они поднялись по пологой насыпи и углубились в лес.

Идти было нелегко: выступающие узловатые корни деревьев были переплетены так, что из-за них да бледных разбухших хвощей не проглядывала земля. И все было присыпано бурым слоем отмерших иголок.

— Да как мы пройдем-то здесь, — в ужас пробормотал Борис.

Лесник пожал плечами.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Вам это надо. Не мне.

Не дожидаясь, пока стволы елей с голыми нижними ветвями сомкнутся у него за спиной, Павел обернулся.

Отсюда, с холма, должно было хорошо просматриваться море, но его в прямом смысле не было: ни ровной водной глади, ни далекого горизонта. Вдали смутно виднелась полоска земли, поросшая такой же густой и темной зеленью, где-то еще дальше вставали из воды темные голые скалы. И надо всем этим светилось белесое, как молоко, северное небо.

Приходилось все время глядеть под ноги. Подошвы скользили по влажным корням, и каждый шаг грозил как минимум растяжением связок. Какое-то время Павел сосредоточенно шагал молча, потом спросил:

— Ты и вправду думаешь, что мы что-то найдем?

Борис перевел дыхание и лишь потом ответил:

— Не знаю. Но, во всяком случае, он так думает, — и журналист кивнул на Завадского, который шел впереди, не сбавляя темпа.

— Да? — Павел насторожился. — Вопрос только в том, зачем это ему нужно... Послушай... а ты уверен, что он здесь не для того, чтобы за нами следить?

— Не знаю. Но мне кажется, что он охотней бы без нас обошелся. Во всяком случае, если что, мы с ним справимся. Разве только...

— Что?

— Если он не из этих.

— Те вроде помоложе были. Панин и тот, второй.

— Всякое может быть. И пистолет у него. Но если ты прав... может, отделаться нам от него как-нибудь?

Павел вытаращился на него.

— Если он и впрямь из этих, хрен ты от него отделаешься. А если нет — получается, невинного человека убили.

— Господь с тобой! Да не предлагаю я его убивать! Я просто подумал — может, мы оторвемся потихоньку!

— И куда мы пойдем? — уныло спросил Павел. — Мы даже назад сами не сможем вернуться.

— Ну, куда-то мы безусловно выберемся. Не такие уж дикие тут места...

— Поторапливайтесь! — обернувшись, крикнул лесник. — Нам нужно дойти засветло.

Борис устало вздохнул.

— Ладно, — сказал он, — сами ввязались... Чего теперь. Пошли, там видно будет.

Они молча продвигались по лесу, то обходя упавшие стволы, оскалившиеся обломками сучьев, то подныривая под переплетенные ветви елей, образующие густой шатер. Вокруг стояла полнейшая тишина, и оттого казалось, что они идут во сне. Павлу было не по себе: тесно обступающие деревья вызвали у него ощущение удушья. Он охотно оказался бы сейчас на берегу студеного моря, в вонючем поселке — где угодно... Только бы выбраться отсюда.

Что-то шарахнулось из-под ног и, хлопая крыльями, пронеслось меж ветвей, но Завадский, вместо того, чтобы вскинуть двустволку, лишь рассеянно проводил дичь взглядом. Лесник, хоть у него и было ружье, стрелять не собирался. «То ли он из принципа не бьет дичь, то ли предоставляет управляться туристам», — подумал Павел. Но на Завадского он поглядел удивленно.

— Эй, — сказал он недовольно, — какого черта вы зеваете?

— Виноват, — рассеянно отозвался тот.

Лесник покачал головой.

— Ладно, — сказал он. — Скоро выйдем к озеру.

Озеро открылось неожиданно. Оно лежало меж мшистых берегов, точно осколок зеркала, с предельной четкостью отражая темные ели, взрезающие своими вершинами полупрозрачное небо.

Павел с облегчением огляделся. Только тут он почувствовал, что может дышать полной грудью.

— Мы тут остановимся? — с надеждой спросил он.

— Да. — Лесник скинул на землю рюкзак. — Привал.

Самым запасливым из них оказался Завадский. Он действительно готовился к этому походу основательно, и после обеда, состоявшего в основном из его припасов, Борис явно повеселел. Лес не давил на него так, как на Павла, и непривычную нагрузку он переносил на удивление легко, но ему не хватало городского ритма и человеческого общения: нынешние его спутники оказались людьми молчаливыми. Да и беседовать на ходу было трудно: все силы уходило на то, чтобы сохранять равновесие, пробираясь меж скользких корней.

— А тут часто люди бывают? — спросил он. — Туристы, охотники...

— Часто, — ответил лесник. — Но все больше осенью. В лес далеко никто не заходит, да и смысла нет. Сплаваются по рекам. Или берегом, на моторках. И туристы, и местные. Клюква тут, брусника... грибов полным-полно.

— А медведи водятся?

— Вообще-то да. Но мало кто их встречал. Другое дело, что болтать про них любят. Так, для остроты ощущений. Рассказывают всякие страсти.

— А что еще рассказывают? — оживился Борис. — Поверья какие-нибудь?

— Вы что, — неприязненно спросил лесник, — фольклор собираете? Какие тут поверья? Тут коренного народу вообще мало, все больше пришлые. Кто когда-то деньгу зашибать приехал, да так и остался... Кто еще с выселок, в тридцатых... Ну, старообрядцы в свое время тут по скитам прятались. До сих пор в лесу иногда еще одинокие могилы встречаются. И бараки пустые.

— Ни привидений, ни странных голосов, ничего? — с надеждой спросил Борис.

— Нет, — отрезал тот, — какого черта?

— А в поселке мне рассказывали...

— Вы бутылку поставьте, они еще и не то расскажут. Оно и понятно — жизнь тут унылая, развлечений мало. На Севере вообще жить противоестественно — не для человека он. Зимой чуть не круглые сутки темно. Полярное сияние опять же... Выйдешь ночью из дому — в небе такое творится, глядеть страшно... Летом белые ночи. Вот у людей все в голове и путается. А что вы тут ищете, собственно?

— Сами не знаем, — честно ответил Борис, — нам контактеры позвонили. Ну энтузиасты из комиссии по контактам. Сказали, тут что-то странное происходит.

— Энтузиасты, — мрачно пробормотал лесник, — стрелять надо этих энтузиастов. Недоучки, дилетанты чертовы, а туда же — лезут!

— Но если здесь и правда что-то происходит...

— По большому счету, — задумчиво сказал лесник, — везде что-то происходит. Просто обычно никто не дает себе труда присмотреться... задуматься. Вы полагаете, что всякие странные шгуки, если и попадают где-нибудь, то в таких вот медвежьих углах. А на деле в большом городе у любого аномального явления гораздо больше шансов остаться незамеченным. Там слишком много всего происходит, и человек старается отгородиться от лишних впечатлений. Просто из инстинкта самосохранения. А тут у нас все на виду. Любое событие по полгода пересказывается и в конце концов обрастает такими подробностями... Я уверяю, у вас под боком в сотни раз более странные вещи творятся...

— Это точно, — задумчиво пробормотал Борис.

— Романтика... — пробормотал Завадский, — в этом все дело. Так я, простите, не понял, — он обернулся к Борису, — вы все-таки в пришельцев верите? Или в привидения?

— А по мне, так нет разницы, — резонно сказал Борис. — Ведь что такое привидение... Привидения — это...

— Да вы что, — удивился Павел, — с ума посходили? Сидим тут и полчаса друг другу байки рассказываем.

— А о чем бы ты хотел поговорить, — огрызнулся Борис, — о чудесах генетики?

Павел пожал плечами и отвернулся. Солнце медленно спускалось по весенней пологой дуге. Кайма деревьев вокруг озера потемнела, и оттого казалось, что оно светится своим собственным внутренним светом. Он завороченно уставился вдаль, как городской человек, которому редко выпадает видеть такую красоту, но вдруг неожиданно поежился под чьим-то тяжелым взглядом. Он обернулся. На него глядели холодные серые глаза Завадского.

Второй раз они остановились, когда начало темнеть. Лес внезапно расступился, открывая по левую руку плоскую грязно-зеленую равнину, кое-где, точно каплями крови, присыпанную ягодами прошлогодней клюквы. Над плоской поверхностью торчало несколько высохших стволов.

— Туда ходить не советую, — сказал лесник. — Болото. Поганский Мох называется. Оно до самого Салозера тянется.

— А что, тут вообще никто не ходит? — поинтересовался неутомимый Борис.

— Почему, — ответил тот, — ходят. Но в основном местные — ближе к зиме. А сейчас там все подтаяло... Провалитесь, и ищи вас. Разве что потомки выроют лет через пятьсот. И будут на вашем примере изучать строение черепа местного населения. Трупы в болотах хорошо сохраняются.

Может, на журналиста это и произвело впечатление. Павла такими вещами испугать было трудно.

— А что с сыном Чужайкиной — с настоящим сыном — случилось, как вы думаете? — спросил Борис с какой-то маниакальной настойчивостью. — Он тоже в такое вот болото провалился?

— Трудно сказать, — ответил лесник, — но скорее всего, да.

— А когда это случилось?

— Как раз прошлой весной. Или в начале лета.

— А к осени у нее в доме уже эта тварь завелась, — пробормотал Борис, — и прожил он там, у нее, получается, до зимы, как минимум.

— Нет, — ответил лесник, — он осенью и умер. Землю еще не прихватило. Потому-то они и ухитрились его по очереди на огороде закапывать. Вот, ей-Богу, странное развлечение. — Он вздохнул. — Ладно, — сказал он, — вон туда поглядите.

По правую руку лес медленно сходил на нет, превращаясь в редкую поросль, покрывшую вздыбившиеся гранитные скалы. Земля там была перекошена, словно какой-то гигант долго и злобно расшвыривал ее ногами, но уже успела залечить раны — даже дорога к оврагу терялась в густой молодой поросли.

— Вот он, ваш карьер, — сказал лесник.

— Это тут беломорит добывали? — поинтересовался Борис.

Лесник покачал головой.

— Нет. Это к западу отсюда. На Керети. А этот рудник давно закрыли. Еще до войны, кажется. С тех пор тут мало кто бывает. Да и зачем? — Он усмехнулся. — Только всякие чудаки вроде вас. Ладно, если вы хотите осмотреть его, лучше это утром сделать. А потом тронемся в обратный путь. Устраивает?

— Вполне, — ответил Завадский. Ни о какой охоте он больше речи не заводил.

— Тогда будем ставить лагерь.

Никита протянул Павлу котелок.

— Пойдите, наберите воды. Там, у берега. Только осторожней. И не вздумайте пускаться на всякие подвиги, слышите?

— Хорошо, — кивнул Павел.

Он осторожно начал спускаться в низину. Над болотом небо набухало красным, черные силуэты деревьев тянулись к нему, точно сломанные руки.

Подтаявшая глина неожиданно подалась под ногой, и он упал на спину, проехав несколько метров вниз до самого края низины, где тускло отражали небо мелкие ямы, заполненные ржавой водой.

— Вот черт! — пробормотал он.

Нога отозвалась острой болью. Он осторожно попробовал ее подтянуть — вроде все в порядке, но что-то мешает. Он приподнялся на локте, скосил глаза вниз — ступня попала между двумя древесными корнями. Он потянул ее и легко высвободил, но она продолжала болеть — тупой ноющей болью.

Он снял сапог и осторожно пошевелил пальцами. Ощупал щиколотку. Она уже начала опухать.

«Перелома нет, — подумал он. — Вывиха вроде тоже. Подвывих. Или растяжение».

Павел потуже перетянул портянку, хромя, добрал до ближайшей бочаги и зачерпнул котелком воды.

Когда он вернулся, лесник уже укреплял над костром жердь для котелка, а Борис и Завадский таскали хворост.

— Так я и знал, — недовольно сказал лесник, взглянув на хромающего Павла.

— Это ерунда, — ответил тот виновато, — к утру все пройдет.

— Идти-то можете?

— Завтра смогу, — с фальшивой уверенностью отозвался Павел.

Никита мрачно поглядел на него.

— Говорил же я, осторожней. Ладно, садитесь. Ногу поднимите повыше. Полено подложите под нее, что ли.

— Без вас знаю, — пробормотал Павел.

Близилась ночь, но здесь, на краю леса, полной темноты не было — небо, окаймленное зубцами елей, продолжало слабо светиться бледным молочным светом. Костер почти прогорел. Борис, который отдыхал, с наслаждением откинувшись на рюкзак, неожиданно поднялся и начал копаться в вещах, сосредоточенно насвистывая.

— Ты это что? — спросил Павел.

— Фонарик ищу.

— Что там у тебя такое, чего ты без фонарика отыскать не сможешь?

— Вообще-то я хотел на карьер сходить, — задумчиво отозвался Борис.

— Ночью? — удивился Павел. — Какого черта?

— А помнишь, что эта девица говорила? Что он по ночам светится, что ли...

— Да ты сам погляди!

Именно над карьером навис глухой, непроглядный мрак.

— Ну и что, — упрямо сказал Борис, — может, это отсюда не видно.

— Ладно. — Павел с трудом поднялся. — Я с тобой. Вот только палку себе вырежу.

Никита злобно поглядел на них.

— Мне что, одного калеки мало? Никуда вы не пойдете, — обратился он к Павлу. — Я такие штуки знаю. Вам нельзя двигаться.

— Не хочу отпускать его одного, — пояснил Павел. — А если и он себе ногу подвернет?

— Еще чего! — жизнерадостно ответил Борис.

— Ладно. — Лесник поднялся. — Вот еще придурки на мою голову. Пошли, раз уж вам так приспичило. Только дойдем до края осыпи — и назад. Договорились? Никаких приключений!

— Договорились! — Борис наконец отыскал фонарик.

— А вы сидите тут, — он обернулся к Павлу.

Тот кивнул.

— А вы? — Борис поглядел на Завадского, который спокойно сидел у костра. — Идете?

Тот покачал головой.

— Зачем?

— Неужто вы и впрямь сюда охотиться приехали?

— Все может быть, — рассеянно пробормотал Завадский и зачем-то взглянул на часы.

— Долго туда идти? — спросил Павел.

— С полчаса по такой-то темноте, — ответил лесник, — считайте, полчаса туда, полчаса обратно. Минут пять, чтобы он мог убедиться, что там все в ажуре. Ни зеленых чертиков, ни розовых слонов.

И они пропали в густой поросли, покрывающей развороченные пласты земли.

Пронизывающий весенний холод обступал их со всех сторон, и Павел поежился.

— Может, натаскаете еще хворосту? — спросил он Завадского.

Неудобно гонять пожилого человека, но проклятая нога распухла и ныла все сильнее.

Тот неожиданно заупряился.

— Не стоит, — сказал он, — посидим так.

Павел пожал плечами, но спорить не стал — лишь плотнее запахнул штормовку.

Ночь наступила медленно, точно неохотно, но она была равнодушна и непроницаема, как всегда бывает вдали от городов, где мрак рассеивается огнями человеческого жилья.

Казалось, их окружила сама Вселенная — дышащая, пульсирующая.

Завадский беспокойно пошевелился.

Павел заметил что он поглядывает на военный хронометр со светящимися стрелками.

— А я думал, тяга бывает на рассвете, — заметил он.

— Что? — рассеянно переспросил Завадский.

Павлу неожиданно стало беспокойно. И ребят что-то долго нет.

— С ними ничего не случится? — спросил он скорее себя, чем Завадского.

Но тот неожиданно ответил:

— Нет-нет, еще рано.

«Господи, — с тоской подумал Павел, — и этот свихнулся».

Но тут по стволам деревьев полоснул луч фонарика. Кусты затрещали. Завадский напрягся, и Павел не столько увидел, сколько почувствовал, что его рука потянулась к кобуре. Павел тоже приподнялся, ожидая неизвестно чего. Но это вернулись Борис с лесником.

— Ну, что там? — спросил Павел.

Борис безотчетно пожал плечами, хотя в темноте этот жест вряд ли кто мог разглядеть.

— Ну, там действительно старые разработки. Отвалы. Не знаю, что там раньше добывали, — даже колючая проволока висит... ржавая. Завтра, при свете, посмотрим получше. А вы почему в темноте сидите?

— Он не велел разжигать костер. — Павел кивнул на Завадского.

— Что за ерунда? — раздраженно сказал лесник. Он подхватил охапку сухих веток и кинул ее на Прогоревшие угли.

— Нет! — умоляюще проговорил Завадский. — Нельзя!

Но костер уже вспыхнул, прикормленный смолистыми ветками. Сухие иглы горели легко, точно солома, давая высокое, жаркое пламя.

Лесник повернулся и внимательно поглядел на Завадского. Его лицо в отсветах пламени казалось суровым.

— Либо вы сумасшедший, — сказал он, — либо боитесь, что, если мы ночью будем жечь костры, нас кто-то заметит. Кто?

Тот молчал. Губы у него посинели, и Павел отчетливо понял, что тот болен. «Сердечник... — подумал он. — Приступ. Этого нам еще не хватало».

Он с трудом поднялся и тронул Завадского за плечо.

— Вам плохо?

— Там... — с трудом выговорил тот. — В нагрудном кармане.

Павел молча запустил пальцы в нагрудный карман твидового пиджака Завадского и вытащил плоскую блестящую упаковку.

— Скорее, — проговорил тот, — две таблетки...

— Ну? — Лесник наблюдал за ними с выражением полнейшей безнадежности, — И какого черта вы сюда поперлись? Вам дома лежать надо.

— У меня нет времени, — слабо ответил Завадский.

— Охота пуще неволи, да? — язвительно спросил Борис.

Тот не ответил. Дышал он уже ровнее, и синюшная бледность, видимая даже в неверном свете костра, отступила.

Лесник, в свою очередь, взглянул на часы.

— Ладно, — сказал он. — Сейчас все равно ничего не сделаешь. Завтра с утра пойдем отсюда. Если что, соорудим носилки.

— Рации нету у вас? — спросил Павел.

— Нет, — ответил он. Потом поглядел на Павла. — И вы с вашей ногой... Уж не знаю, как до берега дотащимся. — И добавил с прорвавшейся злобой: — Туристы чертовы! Дилетанты!

Костер прогорал. Угли мелко пульсировали, то заливаясь алым румянцем, то подергиваясь серым налетом. Павел лежал, облокотившись о рюкзак, и мрачно смотрел в темноту. Нога отекала, повязка казалась слишком тесной, и он не мог спать — мешала не столько боль, сколько неприятное ощущение. Остальные, казалось, спали. На землю навалилась непроницаемая тьма, такая густая и тягучая, как только и бывает за пару часов до рассвета. Казалось, даже дышать стало труднее.

Неожиданно у костра что-то пошевелилось.

Завадский приподнялся на локте. Огляделся. Его лицо в слабых отблесках костра по-прежнему казалось синюшным и напоминало лицо трупа. Он, стараясь не шуметь, поднялся на ноги и, склонившись над рюкзаком, вынул оттуда какой-то плотный пакет. Потом огляделся (Павел поспешно зажмурился) и осторожно двинулся в сторону карьера. Павел заметил, что фонарика Завадский не взял.

Дождавшись, пока тот скроется в зарослях, Павел, прихрамывая, подошел к тоненько храпящему Борису и ткнул его в бок. Тот вскочил.

— Что такое? — торопливо спросил он. — Медведь?

Видимо, страх столкнуться с медведем не отпускал его даже во сне.

— Какой медведь? — шепотом ответил Павел. — Завадский на карьер поперся.

— Ах ты...

Он помотал головой, словно сбрасывая остатки сна, и пришел в себя.

— Никиту надо разбудить.

Но лесник уже был на ногах:

— Старый хрыч что? Свихнулся? — спросил он, глядя на опустевший спальник Завадского.

— Не думаю, — мрачно сказал Борис.

Лесник помолчал с минуту.

— Да вернется он, — сказал он наконец, — куда ему деваться? Не лазить же там за ним по темноте. Ноги можно переломать. А он, если шею свернет, туда и дорога.

— Ну уж нет! — Теперь и Борис склонился над рюкзаком, включил фонарик и схватил карабин Никиты, который тот прислонил к вещам.

— Ты что, придурок?

Лесник, в свою очередь, схватился за оружие. Какое-то время они молча тянули его,

каждый в свою сторону, а Павел с ужасом наблюдал за ними, каждую секунду ожидая шального выстрела. Потом лесник, видимо, решил, что надо действовать по-иному, и изо всех сил ударил Бориса под колено носком кирзового сапога. Тот охнул и выпустил оружие.

Лесник направил ствол на Бориса и многозначительно взвел курок.

— Откуда вы взялись на мою голову, уроды? — гаркнул он. — Смирно стоять!

— Никита! — торопливо проговорил Борис, задыхаясь и потирая колено. — За ним нужно! Я не знаю, что он задумал, я вообще ничего не знаю. Но говорю тебе, это все неспроста!

— Кто он такой? — спросил лесник. Палец его по-прежнему лежал на курке.

— Не знаю.

Вид у Бориса был обескураженный.

— Предположим, — устало сказал лесник, — а вы кто такие?

— Я правда журналист, — отозвался Борис. — Мы эту историю с трупом мутанта расследуем. Но тут у вас вообще что-то неладно. Неужто ты сам не замечаешь?

— Я замечаю, что народу тут толчется больше, чем в передвижном балагане.

— Но до сих пор никто таких вот ночных вылазок не делал, так ведь? Да еще сердечник, после приступа. Может, он вообще при смерти. Какого черта его туда понесло?

— Ладно. — Лесник, поколебавшись с минуту, забросил карабин за плечо. — Бери фонарик, пошли.

— Эй, — запротестовал Павел, — погодите, я с вами.

— Черта с два ты с нами, — отрезал Борис, — не выйдет.

— Нет уж, — лесник покачал головой, — оставайся здесь. Не знаю, что этот старый козел там задумал, но нам бы потише к нему подобраться надо. А ты только шуму наделаешь... Да что ты волнуешься, управимся мы с ним на пару.

— У него пистолет, у Завадского, — напомнил Павел.

— Верно... — Борис покачал головой. — Вот зараза! Ну не будет же он в нас стрелять, в конце концов!

— Почему? — удивился Павел.

— Ладно! — Лесник похлопал ладонью по карабину. — Учтем. Пусть только и он на нас не обижается.

Луч фонарика полоснул по кустам, исчезая во тьме, и Павел остался один.

Ему было не по себе — глухая тьма обступила его. Он с трудом поднялся, подтащил к костру несколько чурочек, заготовленных лесником еще с вечера, и, набросав сверху хворосту, стал смотреть, как карабкаются по веткам синие языки пламени.

Интересно, почему Завадский боялся разжигать огонь?

От костра тянуло теплом. Павел откинулся на рюкзак и задумался. Если ребята не перехватят Завадского прежде, чем тот доберется до своей неведомой цели, а решат проследить, до их возвращения пройдет как минимум час. Он устало вздохнул. Все шло как-то не так. Он-то думал, что, отправившись вместе с Борисом в эту дурацкую командировку, сумеет сойти с той невидимой линии огня, на которой оказался против воли. Но, похоже, укрыться от неизвестной опасности было негде: даже здесь, в глухомани, творилось что-то странное, точно сама ткань мироздания вдруг лопнула, обнажив зияющие прорехи, которые, как ни старайся, уже невозможно заштопать.

Хрустнула ветка.

Павел насторожился. Он твердо знал, что поблизости никого не должно было быть.

Медведь? Кто тут еще может водиться? Неужто кто-то последовал за ними — да и зачем?

Он не пошевелился. Лежал, прикрыв глаза и настороженно глядя сквозь неплотно сомкнутые веки. Кто-то стоял на границе светового круга. Темная фигура, теряющаяся во мраке.

Это не зверь, а человек, но от этого было не легче.

Павел усилием воли заставил себя лежать неподвижно. Человек сделал шаг вперед, и пламя смутно осветило его. Он нерешительно оглядывался. Казалось, он колеблется: то ли ему подойти к костру, то ли вновь кануть во тьму, откуда он появился.

Он был налегке и одет, как собравшийся в лесопарк горожанин: в свитере, джинсах и кроссовках. Рюкзака у него не было. Оружия, подумал Павел, кажется, тоже. Что-то странное знакомое было в его облике, во всех его плавных движениях, и Павел вдруг похолодел.

Незнакомец здорово смахивал на покойного к Андрея Панина.

Или на того, второго.

И с отчетливой ясностью Павел понял, что ему с ним не справиться. Ни в одиночку. Ни даже вчетвером, окажись остальные сейчас тут, на месте.

И тем не менее что-то в поведении пришельца показалось ему странным: тот неуверенно оглядывался, точно не знал, что делать дальше. Отвернулся, к чему-то прислушиваясь. Казалось, он не замечает Павла.

Глаза его, в которых светились отблески костра, превратились в две багряные точки — и в то же время он производил впечатление незрячего. Павел чуть пошевелился. Что-то твердое уперлось ему в локоть, и он, проведя ладонью по холодной земле, понял, что это рукоять топора, который Никита так и оставил у поленницы. Он медленно, осторожно положил пальцы на отполированную сотнями прикосновений деревяшку, и та послушно легла ему в ладонь.

Незнакомец, казалось, решился. Он шагнул вперед, его блестящие глаза уставились на Павла, и вновь в неверном свете костра они показались тому слепыми.

Павел изо всех сил уперся здоровой ногой в твердую почву, чувствуя, как ноют напряженные мышцы, потом оттолкнулся и вскочил, точно подброшенный вверх пружиной.

Он даже не подумал дожидаться, пока незнакомец сам нападет на него.

Тот, казалось, не ожидал нападения. Он словно впервые заметил Павла, но на его лице ничего не отразилось: ни удивления, ни испуга. Но сориентировался он быстро и как-то механически. Он мягко уклонился, выбросив ногу вперед, и подсек Павла за щиколотку. Тот упал и, чудом не напорвшись на острое, как бритва, лезвие топора, который он по-прежнему сжимал в руке, перекатился набок, поудобнее перехватывая рукоятку. Потом отчаянным движением ухватил незнакомца за ноги и толкнул. Тот упал рядом с костром, взметнув в небо столб крутящихся искр. Но тут же легко вскочил и вновь кинулся на Павла. За все время драки ни один из них не издал ни звука: все происходило в полном молчании. Павел слышал собственное прерывистое дыхание... только свое собственное. Он, не выпуская из правой руки топора, отчаянно взмахнул свободной рукой и, выхватив из костра пылающую головешку, ткнул своего противника в лицо.

Тот отшатнулся, и Павел услышал, как затрещали опаленные жаром волосы. Но рука его по-прежнему тянулась к шее Павла, пальцы сомкнулись, и Павел, уже ничего не видя, размахнулся и вслепую обрушил топор на склоненную над ним спину.

Раздался омерзительный треск, и хватка чуть ослабла. Павел жадно вдохнул воздух, прежде чем пальцы вновь сомкнулись у него на шее. Этого не могло быть, не должно было

быть, но тем не менее незнакомец, навалившись на него, продолжал душить его, и Павел в приступе предсмертного отчаяния ударил еще раз... и еще раз, уже не ощущая сопротивления, а лишь чувствуя, как сталь погружается во что-то мягкое. Наконец, холодные пальцы разжались, страшная хватка ослабла, и Павел выкатился из-под навалившегося на него тяжелого тела. Топор из рук он так и не выпустил.

Отчаянно хватая ртом холодный воздух, Павел встал на колени и склонился над лежащим на земле человеком. Человеком ли? Теперь он в этом сомневался — лезвие топора вошло между шейным и грудным позвонками, почти отделив их друг от друга. Такой удар должен был бы по меньшей мере обездвижить противника, но тот все еще жил. И двигался. Пальцы его скребли по земле, в этом движении было что-то механическое. По-прежнему выставив перед собой топор, Павел осторожно перевернул тело. Кровь толчком выплеснулась из перерубленной артерии и впиталась в сухую лесную подстилку. Голова безвольно откинулась, слепые глаза смотрели в небо.

— Доктор сказал, в морг, значит — в морг, — назидательно пробормотал Павел.

Вдруг зомби дернулся. Рывком он поднялся на карачки, руки его вновь потянулись к Павлу. Тот в ужасе отскочил. Окровавленное лицо медленно поворачивалось в поисках противника, он неуверенно пошатнулся, пытаясь сохранить равновесие, и встал на ноги. Но, казалось, он не видит Павла. Скорее пытается засечь, где он, при помощи какого-то шестого чувства. Павел напряг всю волю, заставляя себя стоять неподвижно. И, когда его противник сделал неуверенный шаг по направлению к нему, вновь обрушил топор, на этот раз метя в висок. Раздался омерзительный треск кости, и Павел с трудом сдержал подкатившую к горлу тошноту. Черная фигура пошатнулась и рухнула прямо в костер, подняв сноп искр. Запахло паленым. Павел, шатаясь, подошел к упавшему и, схватив его за ноги, оттащил в сторону.

* * *

Перепуганная пожилая женщина жалобно поглядела на лейтенанта. Она не плакала — словно боялась вызвать его неудовольствие, но он вновь почувствовал непонятную вину. Всегда чувствовал, когда случалось что-то в этом роде.

— Дети во дворе так говорят, что его машина увезла, — мягко сказал он. — Вы сами-то ее заметили?

Та покачала головой.

— Он ничего вам не говорил? Может, заговаривал с ним кто-то? Звал покататься, все такое...

Женщина судорожно вздохнула.

— Я его предупреждала... чтобы он никогда... с посторонними...

— Ясно, ясно, — поспешно сказал лейтенант. — Вы уж меня извините за такой вопрос, Светлана Васильевна, но, может, вы... — Он оглядел скромную обстановку квартиры, обтрепанные на швах обои, хлипкую мебель. — Может, вы или ваша дочь состоятельней, чем кажется на первый взгляд?

Та недоумевающе поглядела на него.

— Может, это похищение с целью выкупа? — пояснил тот.

— Да вы что! — тихо сказала женщина.

— Это было бы не так уж плохо, — продолжал лейтенант, — по крайней мере, ребенку

бы ничего не грозило.

«До поры до времени», — подумал он.

— И потом, эти двое. Похоже, охраняли они вашего внука. Или следили за ним. Вы уверены, что их не знаете?

Женщина смотрела на него с тупым недоумением. От горя и усталости она уже ничего не соображала, и лейтенант подумал, что зря теряет время. Самая обыкновенная семья. Правда, эта странная реакция Москвы на запрос...

— Вы предупредили дочь, Светлана Васильевна?

Та кивнула.

— Она уже едет.

— Скажите ей, мы хотим с ней поговорить. И сама пускай ничего не предпринимает. Ясно?

— Ясно, — покорно ответила женщина. — А... вы его найдете?

— Мы делаем все, что можем, — ответил лейтенант.

«Безнадежно, — подумал он. — Будь они какие-нибудь крутые, было бы проще. А так — почему? Зачем? Им нужен был совершенно определенный ребенок? Или схватили кого попало? И эти два трупа...»

Вошел молоденький милиционер в новенькой форме.

— Вас к телефону, — тихо сказал он лейтенанту.

Тот прижал к уху миниатюрный пластиковый корпус.

— Ясно, — сказал он. — Ясно...

И поймал испуганный взгляд женщины.

— Нет-нет, — сказал он, — это к вам не относится.

А сам подумал:

«Похоже, дело поведем не мы. И почему мне сразу показалось, что тут все не так просто?»

* * *

Завадский вряд ли передвигался по отвалам с большой скоростью, но он, пока они препирались, успел уйти далеко вперед, и отыскать его во тьме, где каждый куст напоминал человека, было нелегко.

Они карабкались по грудам щебня, ежеминутно ожидая натолкнуться на знакомую фигуру. Тьма была заполнена голосами: шорох гравия, слабый скрежет трущихся друг о друга веток, всхлипы ночных птиц... Как различить среди них отдаленный звук шагов?

Лесник обогнал Бориса.

— Я пойду впереди, — сказал он негромко. — И без фокусов, слышите?

— Он вооружен, — напомнил Борис.

— Знаю.

Борис споткнулся о какую-то кочку и шепотом чертыхнулся. Но спустя уже несколько минут он понял, что идти стало неожиданно легко: постепенно он стал различать все, что творилось вокруг.

«Неужто рассветает? — подумал он. — А я и не заметил!»

Но небо по-прежнему было темным. Свет пластался по земле; Борис вдруг стал

различать каждую сухую травинку, каждую кочку, каждую выбоину — точно все вокруг было сделано из светящегося матового стекла.

Казалось, свет исходит ниоткуда.

— Вы видите? — спросил он шепотом.

— Да, — так же тихо ответил лесник.

— Что это?

— Не знаю.

Свет мягко разливался вокруг молочными волнами, словно его испускала сама земля. Борис не выдержал: он кинулся вперед и схватил лесника за рукав.

— Это и вправду то место! — приглушенно крикнул он. — Они были правы! Этот свет...

— Заткнитесь, вы, идиот, — прошипел лесник.

— Что вы собираетесь делать?

— Во-первых, надо найти этого старого дурака. Потом посмотрим.

— Что это, как вы думаете?

— Аномалии, — неуверенно ответил лесник.

— Да какие тут, к черту, аномалии! Это же... неужто и вправду контакт?

Вокруг делалось все светлее. Однако свет этот был какой-то призрачный, муторный, а навалившееся на карьер темное небо усиливало ощущение дурного сна.

Наконец они увидели Завадского: темная фигура пробиралась меж двумя отвалами щебня, направляясь куда-то вниз, в глубину карьера.

— Эй! — негромко сказал лесник и сдернул с плеча карабин.

Но Завадский, казалось, не слышал его. Он поспешно и как-то скособоженно передвигался по сыпучей почве.

Лесник вновь собрался окликнуть его, но Борис схватил его за рукав.

— Погодите! Посмотрим, что он будет делать.

— Может, — неуверенно возразил лесник, — он ничего не соображает? Может, он как лунатик...

— Черта с два. — Высокая фигура, пригнувшись, нырнула под нависшую глыбу. — Отлично он все соображает.

Они прошли несколько метров и внезапно остановились. Остановился и Завадский.

В руке у него блеснул пистолет, и он настороженно наставил оружие на пустое пространство перед собой.левой рукой он по-прежнему неловко прижимал к себе сумку, одновременно выворачивая запястье, чтобы поглядеть на часы.

— Чего он ждет? — не понял лесник.

Земля под ногами дрогнула.

Сначала Борис подумал, что это ему показалось — просто на миг закружилась голова от этого мерцающего света, — но потом увидел, как с насыпи скатилось несколько камешков, а потом весь щебень медленно поехал вниз, Отвал трясся мелкой дрожью, как шкура огромного животного.

На него навалилась странная тяжесть — гнетущее ощущение тревоги. Хотелось повернуть назад и, не разбирая дороги, бежать от этого проклятого места. Воздух вокруг него продолжал мерцать, и почему-то это было особенно невыносимо, — казалось, он изменил саму свою структуру, сгустился, мешая вдохнуть полной грудью, и журналист скорчился от тягостного ощущения удушья.

Замершая было вибрация вновь усилилась, а с ней — и ощущение слепого ужаса.

Лесник стоял рядом с ним, стиснув побелевшие пальцы на вороненой стали ружья и хватая ртом воздух.

Борис схватил его за плечо.

Чтобы заговорить, ему пришлось сделать усилие, преодолевая спазм гортани:

— Что... это? Что происходит?

Тот повернул к нему бледное, напряженное лицо, но взгляд у него оставался осмысленным.

— Не знаю... но похоже на инфразвук, — ответил он.

Инфразвук! Понятно, почему ходят слухи о всяких кошмарах. Инфразвук вызывает приступ страха, а уж мозг сам старается подобрать для него повод.

— Но, — нерешительно сказал Борис, — направленный инфразвук! Что-то же должно его испускать.

— Может, это подвижки земной коры? Что-то вроде землетрясения? При нем тоже иногда на поверхность земли выходят звуковые волны.

Видно было, что Никита и сам не слишком-то верит собственному объяснению.

Журналист покачал головой.

— Нет, — твердо сказал он, — землетрясение тут ни при чем. Да и какие тут землетрясения? Здесь что-то другое.

Они по-прежнему могли видеть Завадского — черную фигуру, омываемую волнами светящегося воздуха.

Тот стоял, пригнувшись, и словно чего-то ждал.

— Я, кажется, догадываюсь, — пробормотал Борис. — Инфразвук — это что-то вроде барьера. Защитного барьера. Что бы тут ни творилось, это хороший способ удержать любопытных на расстоянии. Добровольно сюда никто из посторонних и близко не подойдет.

— А что тут может твориться? — спросил лесник. — Испытания тут, что ли, какие-то проводятся?

— Если и испытания, то не наши. Смотрите.

В конце карьера воздух сгустился, образовав пульсирующее пятно, которое постепенно начало увеличиваться в размерах. Оно росло и росло, наливаясь изнутри нестерпимо ярким светом. И на его фоне черная человеческая фигура была видна особенно четко.

Наконец края отверстия, трепещущие, как бахрома у давешней медузы, замерли, стабилизировались и словно затвердели. Завадский, удовлетворенно кивнув сам себе, полез в отверстие. Плотный туман на мгновение закрутился вокруг него и сомкнулся, скрыв его от посторонних взглядов.

Борис повернулся к леснику.

— Видели?

— Что еще? — устало спросил тот.

— Там что-то есть. Что-то еще. Куда он подевался?

И он сделал неуверенный шаг вперед.

— Не глупите, — сказал Никита. — Кто знает, что там творится...

— Он, — ответил Борис. — А что, если;.. О Господи, а вдруг это и вправду пришельцы?

Он изумленно покачал головой.

— Черт, а я-то... никогда не верил в эти глупости.

— Поживи вы тут с мое, вы бы и не в такое поверили, — заметил Никита. — Но

пришельцы, по слухам, как-то по-другому выглядят. Это другое.

— Не важно! Что бы это ни было, это не человеческая технология! Пусть это вообще не люди — плазменная субстанция какая-нибудь! Но какого черта он туда полез?

— Борис, — спокойно заметил Никита, — осторожней.

— Черта с два осторожней...

Лесник попытался заступить ему дорогу, но Борис, оттолкнув его, кинулся вперед, прямо в светящееся марево. Фосфоресцирующий туман казался плотным, как занавес, но он прошел сквозь него, даже не заметив этого. Лишь увидел, как контуры его собственных рук на миг вспыхнули, словно их охватило бледное пламя. Сыпучий щебень под ногами неожиданно исчез. Он стоял на гладком стеклянистом полу, который казался все тем же туманом — только уплотнившимся до предела. Он снова увидел Завадского — тот брел впереди. Сумку он неловко прижимал локтем, а рукой хватался за грудь — видно, его опять прихватило. То ли от его вида, то ли еще от чего, но Борису показалось, что дышать становится все труднее. Видимый мир превратился в сплошное месиво, и откуда-то спереди раздавался низкий, ровный гул.

«Вот зараза, — подумал он, — мы же тут не продержимся. Что-то с воздухом творится. Вон что с Завадским делается».

Завадский зашатался и остановился. Видимо, он попытался прислониться к стенке тоннеля, но стенки сливались со светящимся воздухом, и он лишь слабо махал рукой в поисках опоры. Борис подскочил к нему и схватил его за плечи.

— Пошли! — проговорил он. — Пошли обратно.

Что-то набилось ему в легкие, заставив вывернуться наизнанку в спазме кашля. Он попытался вдохнуть, но воздуха не было — все то же мерцающее месиво. Завадский смотрел на него, вытаращив глаза. В отчаянном усилии журналист подтолкнул его к выходу. Тот слабо упирался, но Борис был явно сильнее. Уже продвигаясь обратно, журналист обернулся — туман на миг разошелся, и он увидел за ним пространство, залитое зеленоватым хлорным светом, в котором двигались призрачные фигуры. На миг мелькнули слабо очерченные контуры — голова, плечи, — потом завеса вновь задернулась, и перед ним было все то же марево.

Он, задыхаясь, вывалился наружу, волоча за собой Завадского. Тот упал на колени, дрожа и всхлипывая, потом, отмахнувшись от Бориса, как от досадной помехи и набрав побольше воздуха, вновь кинулся в пульсирующее отверстие.

Борис, пытаясь удержать его, схватил за сумку, которую тот по-прежнему придерживал рукой, и потянул на себя. Но тот продолжал хвататься за нее — пальцы намертво вцепились в плечевой ремень. Свет, лившийся из отверстия, резал глаза и мешал соображать.

Неожиданно сумка соскользнула с плеча Завадского. Тот вновь попытался ее удержать, но она упала на землю, и из нее вывалились продолговатые бруски.

— Ты погляди! — удивленно воскликнул Никита, который с интересом наблюдал за ними. — Знаешь, что он туда тащил? Динамит!

Завадский упал на колени и начал заталкивать взрывчатку обратно в сумку. Борис перехватил его руку.

— Отдайте! — Наконец он смог говорить в полную силу, пытаясь перекрыть странный, вибрирующий гул. — Вы что? С ума сошли?

— Нет, — неожиданно отчетливо проговорил Завадский. — Это вы с ума сошли. Лезете не в свое дело. Не мешайте мне. А то пристрелю к чертовой матери. Мне уже терять нечего.

И он, ловко выхватив свободной рукой пистолет, наставил оружие на Бориса.

Тот, не ожидая такого отпора, выпустил сумку и отступил на шаг, но потом вновь пошел в атаку.

— Завадский, вы же не выстрелите!

— Черта с два, — холодно сказал тот. Рука с пистолетом начала медленно подниматься, и тут Никита, который до сих пор молча наблюдал за происходящим, ударил Завадского между лопаток прикладом. Тот захрипел и вновь повалился на колени. Борис схватил его за руку, держащую пистолет, и вывернул запястье. Пальцы разжались, и пистолет упал на щебень. Никита молча подобрал его, а потом и сумку со взрывчаткой, повесив ее себе на плечо. Завадский проводил ее взглядом.

— Вы... идиот, — безнадежно сказал он Борису.

— Что вы собрались взрывать, Завадский? — спросил лесник.

Но тот не ответил. Он не сводил взгляда с отверстия.

— Вот оно, — сказал он наконец. — Начинается.

Из отверстия медленно выбирался светящийся пузырь — словно где-то на том конце его выдувал гигантский стеклодув. Протокнувшись наружу, пузырь завис, приобрел правильную шарообразную форму, какое-то время повисел в воздухе и медленно поплыл на запад.

Края отверстия вновь задышали, задергались, и оно начало стягиваться, схлопнувшись до огненной точки, а потом и вовсе исчезло.

Тут только Борис сообразил, что воздух вокруг него медленно гаснет, а выматывающая душу вибрация стихает. Теперь все заливало мутным серым светом, но это просто наступало утро.

— Что это было? — спросил он.

— Не знаю, — ответил Завадский, — скорее всего просто зонд.

— И куда он полетел?

— О Господи, откуда я знаю, — тоскливо сказал Завадский. — Может, его уже поджидают — на какой-нибудь якобы метеостанции поблизости. А может, сам по себе.

— Это контакт? — тихо спросил Борис.

— Контакт, — тот горько рассмеялся. — Да. Пожалуй, что так.

— А теперь что будет?

— Все. Концерт окончен.

Он стукнул кулаком по земле.

— Ну почему, ну почему вы меня не пустили? Я знаю, там нельзя дышать, там невыносимо, но хоть пару минут я бы продержался. А там наверняка целый комплекс — камера перехода, энергетическая установка, оборудование для наводки, все... Они не смогут это восстановить, я знаю.

— Не смогут восстановить? Почему?

— Ну, по одной из гипотез, эта технология им от кого-то досталась. Сами они умеют только ею пользоваться. Иначе бы давно уже пооткрывали эти «окна» где ни попадя.

— Да кто — они? — завопил Борис.

— Ладно. — Лесник, поддерживая Завадского под локоть, помог ему подняться. — Если вы полагаете, что цирк закрылся, пошли отсюда. По дороге расскажете.

— Да, — озабоченно сказал тот, — мало ли.

Но шел он молча, все время спотыкался и Прижимал руку к груди — видно, на происшедшее в карьере ушли все его силы.

Наконец они оказались в знакомом распадке. Костер прогорел. Павел, неподвижно сидевший рядом с остывшими угольями, пошевелился и поднял голову.

— Что там у васстряслось? — тревожно спросил он. — Вас нет и нет. Я уж думал... И свет был какой-то странный.

— Ты бы видел, — с трудом проговорил Борис, — там такое творилось...

— Тут, похоже, тоже, — невозмутимо заметил лесник. — Что это там у тебя? Или — кто?

Он кивнул на темнеющее в кустарнике тело, которое Павел позаботился оттащить подальше и забросать ветками.

— Он на меня напал, — с трудом выговорил он.

— Кто — он?

— Все тот же... — неохотно сказал Павел.

— И ты его убил? — пораженно произнес Борис. — Но это же невозможно!

— Хватит! — не выдержал наконец Никита. — Кого ты здесь прибил, придурок? — Он огляделся и горестно заметил: — Да еще моим любимым топором!

Завадский спокойно пошевелил носком сапога, стряхивая с мертвеца ветки.

— А, — заметил он брезгливо, — вот и он. Наблюдатель.

— Что? — удивился Борис.

— Мы зовем их Наблюдателями. Ну, нужно же их как-то называть. Только черта с два ты бы его прикончил, будь он в форме.

— Вот и я об этом, — сказал журналист.

— Он был уже совсем доходной. Надеялся пролезть обратно. Они ведь без подзарядки здесь долго не живут. А этот, видно, не успел. Не знаю, почему.

— О чем вы говорите? — Борис удивленно поглядел на него. — Какие Наблюдатели? Это же совсем не то — это результат генетического проекта. Вот Павел недавно такого потрошил... Только что он делал тут, я не понимаю. Неужто за нами охотился?

— А, — Завадский повернулся к нему, — так это были вы? Большой шум из-за вас поднялся. Всех переполошили. На нескольких уровнях пытались перекрыть утечку информации. Вам просто повезло, уверяю вас. Будь все сведения сосредоточены в одних руках, как раньше, вы бы и пикнуть не успели. А у семи нянек, как говорится...

Он задумался.

— Ну и как вы ухитрились выйти на это «окно»?

— На какое окно? — удивился Борис.

— Сюда, на это место, кто вас прийти надоумил?

— Да мы вообще-то случайно сюда попали, — пояснил Борис, — мы просто драпали. Вляпались в эту темную историю с покойным Паниным, Павла вот кто-то чуть не пришил... А тут как раз сигнал поступил, что в поселке то ли пришельца нашли, то ли мутанта какого-то... Вот я и выбил командировку под это дело. Решил, тут безопасно будет. Это же край земли... А приехали, начали копать, слышали от местных про этот карьер...

— Надо же! — неопределенно хмыкнул Завадский. — Случайность...

— И все равно не понимаю, — упорно сказал Борис. — Если весь шум поднялся из-за проекта «Адам», то при чем тут, собственно, карьер? Какое отношение к нему имеют эти ваши сверхлюди? И вы что тут делаете?

Завадский пристально поглядел на него.

— Вы что же, — удивился он, — так ничего и не поняли? Не было никакого проекта

«Адам».

— Что? — в свою очередь, удивился журналист. — Как это «не было»? Генетический проект, который в конце сороковых запустили...

Завадский вздохнул.

— Проект «Адам» — это прикрытие, — сказал он терпеливо. — Дымовая завеса. Мы не смогли обеспечить абсолютную секретность — пришлось привлечь специалистов, все такое... Нужно было дать дезинформацию. Наблюдатели впервые появились в шестьдесят первом. И тогда мы запустили эту версию о генетическом проекте. Генетику тогда снова начали поднимать, и под это дело все проглотили.

— Господи! — тихо сказал Борис. — Так это пришельцы!

— Да, — подтвердил Завадский, — пришельцы. Только мы так и не знаем, откуда. Может, из другого измерения. А может... произошло что-то вроде короткого замыкания между двумя точками Вселенной.

— В шестьдесят первом? — Борис вскочил, схватил Завадского за отворот пиджака и встряхнул. — И вы, мерзавцы, скрывали это столько лет... Ах, вы...

Павел встал между ними.

— Нет, — сказал он, — так не выйдет. Отпусти его. И успокойся. А вы, — обернулся он к Завадскому, — давайте-ка с самого начала.

— С самого начала... — Завадский задумался. — Тогда надо начать с тех самых ядерных испытаний. Я курировал научную часть проекта.

Он помолчал, углубившись в воспоминания.

— Мы провели тогда серию взрывов, — сказал наконец он. — Собственно... испытаний такой мощности у нас больше не проводилось. Ни до, ни после. Ну вот, после испытаний мне положили на стол данные — выход энергии был меньше расчетного. Куда-то же она должна была деваться... Вот мы и ломали голову, куда. А вскоре открылось первое «окно».

— «Окно»? — переспросил Павел.

— Ну, вот эта зона проницаемости... Ах да, вы же ее не видели. Зона перехода из одного мира в другой. Там какие-то совершенно особые физические условия, мы так и не знаем, какие. Первое «окно» неподалеку отсюда открылось, на побережье Белого моря. И патрульный вертолет заметил. Перепугались мы дико. Оцепили его, шарахнули по нему ядерным зарядом... А потом, когда прочесывали местность поблизости, нашли первого Наблюдателя. Мертвого. Он обгорел, фонил дико... Но успел уйти довольно далеко от места поражения. Единственная биологическая лаборатория поблизости была в Кандалакше. Мы потащили его туда. К Гаспаряну. Он был одним из самых сильных специалистов в то время. Мы не знали, что он обнаружит, но, когда он представил нам данные, поняли, что нужно предложить какую-то официальную версию. Ведь это был нечеловеческий организм. Очень похож на человека, но подделка. Понятно, что Гаспарян не мог не заинтересоваться. Вот мы и подкинули ему эту версию с проектом «Адам». Он ее принял.

— А на самом деле... — подтолкнул Павел.

— Потом появились другие. Они сами отыскиали нас. Следующее «окно» открылось в совершенно пустынной местности, его никто не засек. Они знали довольно много — похоже, наблюдали за нами достаточно давно. Но до взрыва сами проникать сюда не могли. Вернее, могли, но...

Он задумался.

— По одной из версий, такие «окна» открывались и раньше. Самопроизвольно. После

крупных природных катаклизмов — землетрясений, скажем... Но предсказать, где и когда они возникнут, не могли ни мы, ни они.

— Вы хотите сказать, они и раньше проникали в наш мир?

— Да. Наверняка. Иначе бы они так хорошо тут не ориентировались. Но это происходило эпизодически. Непредсказуемо. А тут — такая удача.

— А сами они не могли пробиться?

Он покачал головой.

— Нет. Почему-то у них не получалось. Может, на это требуется слишком много энергии, которую их мир дать не в состоянии. А может, по одной из гипотез, проникнуть сюда они могут лишь в определенные моменты, когда наши миры сближаются, — ну, если представить себе, скажем, два поплавок на волнах, которые то сходятся, то расходятся. Чем ближе они друг к другу, тем больше вероятность прорыва. И если при этом сообщить одному из них дополнительный энергетический импульс...

— Подтолкнуть чуть-чуть, — подсказал Борис.

— Да. Только это очень редко происходит. Такое совпадение условий. А тут — взрыв был мощный да еще, видимо, наложился на колебания пространственно-временного континуума... Возникло что-то вроде резонанса...

— Красиво звучит, — задумчиво сказал журналист.

— Была такая версия, — повторил Завадский.

— Чья? Ваша? Или это они вам рассказали?

Тот покачал головой.

— Наша. От них мы ничего не добились. Может, там и сами не знают, что при этом происходит. А может, не говорят всего...

— И эти «окна» открываются всегда в одном и том же месте? — поинтересовался Павел.

— Да. Необязательно там, где наблюдался первоначальный энергетический всплеск, но чаще всего поблизости. Во всяком случае, нам известны по крайней мере три такие стабильные точки. Туда-то так просто не пройдешь — закрытая территория. Но есть еще и несколько блуждающих «окон» — то там, то здесь. Вот это, например.

Сначала «окна» открывались довольно часто. И держались подолгу — по несколько часов. А теперь появляются все реже. И почти сразу закрываются. Что-то вроде затухающих колебаний. Если там не найдут какой-то способ подкачать энергию... я думаю, «окна» могут скоро и вовсе закрыться.

— И это?

— Естественно.

— Вы ведь заранее знали, что оно тут появится, — заметил Борис.

Завадский кивнул.

— Еще когда частота их появления была достаточно высокой, один из моих специалистов ухитрился составить что-то вроде графика. Прогноза. Начинили-то все мы. Мы стояли у истоков контакта. А потом инициативу перехватило другое ведомство. Они затребовали себе все данные — я им все и отдал: первичные материалы, протоколы наблюдений, все... А это — это была всего лишь идея. Формально я оставался консультантом Проекта. И все расчеты такого рода хранились у меня.

Он вздохнул.

— Этот парень, который рассчитал кривую затухания, — он был просто гений. Но это

была его последняя работа — он уже стоял одной ногой в могиле. Облучился во время испытаний. Помню, как он был счастлив, что успел увидеть все это своими глазами... Кстати, он же выдвинул предположение, что все «окна» там, на той стороне, сходятся в одной точке. И что камера перехода находится именно там. Одна-единственная.

— Ну и какого черта вы полезли ее взрывать? — спросил Борис. — К братьям-то по разуму?

— Господи, — горячо сказал Завадский, — неужели вы не понимаете? Какие там братья! Мы же так и не поняли, что им тут нужно. Но подгрести все под себя — боялись, что они к американцам полезут. «Крышу» им обеспечили. Дали возможность проводить здесь свои исследования. А что взамен? Технологии мы от них получили новые? Черта с два! Они, понимаете ли, выполняют для нас всякую черную работу... Да теперь еще, похоже, не только для нас. Мы вступили в сделку с дьяволом, говорю я вам...

— Может, вы преувеличиваете, — Борис с сомнением поглядел на него. — Да и с чего вы взяли, что они такие уж зловредные? Может, им просто любопытно, что тут делается, вот они и наблюдают!

— Как же, — горько сказал военный, — вы хоть раз пробовали с ними говорить, с Наблюдателями?

— Вот он пробовал. — Борис указал на Павла. — Ну и что? Мерзкий тип, но не хуже наших, родных, уж извиняюсь.

— Ребра-то мне не инопланетяне ломали, — угрюмо сказал Павел, — не человечки зеленые.

— Они вышли с нами на контакт, да, — вздохнул Завадский, — но они-то знают о нас почти все... а вот мы о них — практически ничего. К себе они никого и близко не подпустят. Тот, погибший, Наблюдатель был одним-единственным, которого мы смогли хоть как-то исследовать. И что там, за «окном», делается, они ведь тоже не говорят.

— Суперцивилизация? — заинтересовался Борис.

— Они так утверждают. Ну а нам-то какая от того польза? Мы и со своими-то достижениями справиться не можем! Взять хоть тот же взрыв на Новой Земле: сколько народу тогда померло — из тех, что потом попали под радиоактивные осадки...

— А может... — неуверенно сказал журналист, — может, им и самим там худо. Вот и пытаются найти новую родину.

— Почему вы так думаете? — недоверчиво спросил Завадский.

— Интуиция, скажем так...

— Ну, не знаю... — задумчиво покачал головой военный. — Вы ведь поглядите... скажем, эти зонды, которые они иногда сюда высылают, — мы так и не добрались ни до одного из них; ведь просто чудеса какие-то...

— Но «окно»-то пробили мы, не они, — возразил Павел. — Вы же сами говорите — удерживать их открытыми они все-таки не могут. И сами они — уж до чего живучие, просто что-то невероятное... а ведь все равно что-то с ними в конце концов делается.

— Это верно, — вздохнул Завадский. — Периодически Наблюдатели должны какое-то время проводить там, за «окном»... подзаряжаться, что ли, не знаю... А может, вы и правы, может, они — просто последыши другой, могущественной цивилизации. Освоили азы чужих достижений и пользуются... или загадили свой мир настолько, что уже не могут там жить... вот и лезут сюда... А может, и не только свой мир — множество таких миров. Просто уж так им подфартило, что мы сами расчистили им дорогу.

— Да чего вы так волнуетесь? — удивился лесник. — Вы же сами говорили, что резонанс затухает. А тут они жить долго не могут. Либо они уйдут обратно, либо перемерут к чертовой матери.

— Как же, — горько произнес Завадский. — Они же как стервятники... сидят там и ждут любой возможности, любого шанса. Это, по-вашему, что, последний на земле взрыв был? Последний катаклизм? А если они сами его инспирируют, чтобы удержаться здесь? С их-то возможностями...

Он виновато поглядел на собеседников.

— А тут еще... похоже, наши женщины могут иметь от них детей. Узнав об этом, мы здорово встревожились. Приставили к каждому такому ребенку своего врача, регулярно обследовали — под разными предлогами. Вели их с самого рождения. Собственно, поначалу оснований для тревоги было мало — дети не доживали до года. И вдруг что-то изменилось — теперь критический возраст для них — семь лет. А потом... — он покачал головой, — может, это и оказалось последней каплей. Но это же... противоестественно, вот-вот, противоестественно. Есть в этом что-то мерзкое. Эта несчастная женщина...

— Какая женщина?

— Ну, Чужайкина эта.

— Вы хотите сказать, что, когда ее сын умер, она отыскала какое-то существо оттуда... — подхватил Борис.

Завадский недоуменно уставился на него.

— Вы что, так и не поняли? Ведь это и вправду был ее сын.

Он вздохнул.

— Вот в чем весь ужас. Они доживали до семи лет, эти детишки. Потом ткани их начинали стремительно меняться. Что-то с ними такое происходило... страшное. Обычно нам удавалось изымать их до начала процесса. Но Чужайкина что-то сообразила и спрятала ребенка, распустив слух, что он пропал. Но, разумеется, спасти его она не сумела — никто из них не выжил.

— Понятно, почему она сошла с ума, бедняга, — заметил Павел.

— Еще бы. Он менялся у нее на глазах. Это не каждый выдержит. Собственно... похоже, что вы уже сталкивались с чем-то в этом роде.

— Лиза! — выдохнул Борис. — О Господи!

— Верно, — сказал Завадский. — Ее муж был Наблюдателем. Мальчик наверняка от него. Мы регулярно его обследовали — он рос совершенно нормальным, здоровым ребенком.

— А теперь?

— Позавчера ему исполнилось семь, — сказал Завадский.

— Ах вы, гуманист хренов, — взорвался Павел. — Сыч-то из-за вас погиб!

— А что мне было делать? — сухо сказал Завадский. — Я бы и вас устранил... извините. Но вы ухитрились куда-то смыться да еще такой шум подняли. И Панина теперь знает больше, чем нужно, а уж ее мы и пальцем тронуть не можем — это их основное условие.

Он хмыкнул.

— Вот уж не думал я вас тут встретить.

— Устранить собирались, надо же, — заметил Борис, — а теперь, значит, передумали?

— Я, можно сказать, сам устранился, вы, идиот, — сердито сказал Завадский. — Вы

хоть понимаете, что произошло? Почему пора прикрывать эту лавочку? Кто-то продал информацию на сторону. Понятно, куда она ушла, к каким людям... По нашим данным, малыша Паниной еще кто-то начал пасти. Кроме наших. В компьютере у ее мужа кто-то покопался. А он по нашей просьбе кое-какие расчеты делал. С самой Паниной какая-то темная история произошла. Пропала она куда-то на несколько часов. Похоже, из нее информацию под гипнозом попытались вытащить. А эти, пришельцы... какая им разница, с кем сотрудничать?

— Мафия? — предположил Павел.

— Помешались все на этой мафии. Это же просто слово, оно ничего не значит. Да любая организованная группа со средствами, со своими боевиками — их сейчас пруд пруди. Раньше, как это ни смешно, контакт все-таки государством контролировался. И это было хоть какой-то гарантией безопасности.

Павел уже открыл рот, чтобы задать очередной вопрос, как вдруг лесник Никита, который до сих пор хоть и прислушивался с явным интересом, но не принимал никакого участия в разговоре, настороженно поднял голову.

— Что опять стряслось? — устало спросил Павел.

— Я понимаю, человечество в опасности и все такое, — ядовито сказал лесник, — но, может, вы отвлекетесь ненадолго? Потому что, между прочим, там, на западе, вертолет. И он как-то уж очень настойчиво тут кружит.

Они прислушались. Действительно, откуда-то издалека доносился приглушенный гул. Не будь они так увлечены беседой, услышали бы его гораздо раньше.

— Вы кого-то ждете, Завадский? — спросил Борис.

Тот покачал головой.

— Может, — с надеждой сказал Павел, — это не по нашу душу. Тут часто летают вертолеты? — обернулся он к леснику.

— Нет, — отрезал тот.

— Тогда, — заметил Борис, — одно из двух. Либо им нужен карьер, либо мы.

— Зачем им карьер, — тоскливо проговорил Завадский, — ничего там сейчас не найти.

Похоже, его опять прихватило — словно разговор вытянул из него последние силы.

— Вас могли выследить?

— Не знаю, — ответил Завадский, — в принципе, и вас могли выследить.

Никита сориентировался первым.

— Нужно уходить.

— Куда?

— В лес. Здесь местность слишком открытая. Нас сразу засекут.

Гул приближался.

Борис вскочил и потянул Завадского за рукав.

— Пошли.

— Оставьте меня, — слабо сказал тот. — Вы же видите... я не могу идти.

— Черта с два! — Борис подставил плечо и, подхватив Завадского, повел его к деревьям. — Чтобы вы нас заложили?

— Вещи, — заорал лесник им вслед, — ваши рюкзаки кто нести будет?

Павел, прихрамывая, взвалил рюкзак на спину и прихватил второй — Завадского. Тем временем лесник поспешно забрасывал ветками мертвое тело.

— Будем надеяться, его не сразу найдут, — сказал он.

Они нырнули под плотный шатер еловых веток, как раз когда над поляной с ревом пронесся вертолет — да так низко, что, казалось, задел верхушки деревьев.

Опираясь на плечо Бориса, Завадский поначалу еще пытался идти, но вскоре совсем обвис. «Сейчас помрет», — подумал Борис.

— Остановимся, — сказал он.

— Нельзя, — возразил лесник. — Чем дальше мы отойдем, тем больше у нас шансов.

— Плохо ему, не видишь?

Он осторожно опустил Завадского на землю, уместив его в развилке между двумя массивными корнями.

Павел с облегчением опустился на рюкзак.

— Думаете, нас не заметили?

Гул винтов изменился — теперь он звучал надсадно и доносился не сверху, а сбоку — из одной и той же точки.

Лесник обернулся к нему. Лицо его в сумраке казалось белым.

— Заметили или нет — какая разница? Они садятся. Найдут следы стоянки, труп... Кто бы там ни был — они же не идиоты.

— Кто это, Завадский, — обернулся Никита к старику, — ваши?

Тот не ответил. Он лежал, вцепившись рукой в ворот свитера, и тяжело, прерывисто дышал.

— Черт! — Павел подскочил к нему и положил пальцы на запястье, пытаясь нащупать пульс. — Вот не вовремя!

— Там у него таблетки какие-то, — неуверенно сказал Борис.

— Какие таблетки? Не помогут они.

Он устало провел рукой по лицу.

— Похоже на инфаркт. Ему в больницу нужно, под капельницу. И то я не уверен, что его вытащат. Тебе не стоило его поднимать.

— А что мне было делать? Оставить его там?

— Может, — неуверенно сказал Павел, — так для него было бы лучше.

Однако он и сам в это не слишком-то верил.

— Похоже, его все равно придется оставить, — заметил лесник, — не тащить же с собой инфарктника.

— Я уж не говорю о всяком там человеколюбии, но ведь он — единственный человек, показания которого хоть что-то значат. Кто без него нам поверит? А вы хотите просто бросить его, и все тут?

— Почему — бросить? Его наверняка подберут.

— И что с ним сделают? — тоскливо спросил Борис.

Павел осторожно приподнял Завадского и, вытащив из кобуры пистолет, протянул его Борису. Потом аккуратно положил рядом с собой ружье и начал шарить в рюкзаке в поисках патронов.

— У него наверняка дробь — он же на птицу шел, — сказал лесник.

— Черта с два, — Павел подкинул на ладони патрон. — У него тут пули. Маеровские. И запасная обойма для пистолета.

— На войну он собирался, что ли? — удивился Никита.

— И это все? — Борис был явно разочарован.

— Есть еще динамит.

Лесник удивленно поглядел на них.

— Вы что, с ума посходили? Мало мне одного трупа?

— Нас ведь убьют, Никита, — серьезно сказал Борис. — Не затолкают в вертолет, не увезут. Прикончат на месте. Здесь это сделать проще всего. И вас уберут. Как ненужного свидетеля. Вы думаете, зачем они сюда прилетели?

— «Они», «они»... Да кто — они? — разозлился лесник. — Откуда, интересно, вы знаете, кто там, в вертолете этом? Они что, успели вам представиться?

— В том-то и беда, — устало ответил Борис, — что в принципе нет никакой разницы. Кто бы это ни был — нам крышка. По ведомству Завадского мы проходим как потенциальные трупы. Если же это кто-то другой... Результат тот же самый.

— Я не позволю вам стрелять, — сказал Никита. — Вы хоть на минуту головой своей подумали? Что же это получается — я повел людей в лес, один ногу подвернул, другой от инфаркта помирает, в кустарнике неизвестно чей труп валяется, да вы еще в ковбоев играть надумали. Нет уж! Довезу вас до поселка, там разберемся. Не хотите оставлять тут этого старого дурака — не надо. Забираем его — и в темпе...

Завадский чуть заметно пошевелился.

Павел наклонился над ним.

— Что?

— Надо... остановить их, — сказал он чуть слышно.

— Остановишь их, как же! — устало сказал Павел. — Их наверняка человек десять.

— Я... не об этом. Я о тех, оттуда... Вам надо... выжить. У меня не получилось, может, у вас... другими методами... нужно... предать все огласке.

— И кто бы это говорил? — удивился Борис.

Павел жестом остановил его.

— Там... в рюкзаке... в кармашке.

Павел расстегнул ремешок и извлек пластиковый футляр для фотопленки.

— Архивы... все... там.

Павел спрятал футляр в карман штормовки и застегнул пуговицу.

Борис подхватил Завадского под мышки и потащил.

Тот застонал. Лицо его побледнело до прозелени.

— Он умирает, — сказал Павел. — Ты что, не видишь?

— Умирает? А нам что теперь делать?

— Черт! — заорал лесник. — Ложитесь!

И первый бросился на землю, одновременно сдергивая с плеча ружейный ремень.

Автоматная очередь ударила откуда-то слева, и ближайшая ель осыпала их дождем сухих иголок и кусочками коры.

Никита сосредоточенно глядел в прорезь прицела, высматривая одному ему видимую цель.

— Похоже, вы были правы, — заметил он. — Они не склонны нам представляться.

Ружье сухо щелкнуло. Лесник торопливо отполз за массивный ствол и только теперь обернулся к ним.

— Шевелитесь, — сказал он, — чего рты пораскрывали?

— Куда стрелять-то? — беспомощно спросил Борис. Он близоруко вглядывался в зеленый сумрак, но видел лишь какие-то смутные мелькающие тени.

— Ах ты, зараза! — Павел лег между корней, развернув пятки, как на стрельбище, и

положил перед собой ружье Завадского. — Вот он, там...

— Их там несколько, — заметил лесник. — Одного я положил... кажется.

Павел выстрелил. Отдача больно ударила в плечо, и тут же, точно эхо-переросток, в ответ прозвучала еще одна автоматная очередь. Он вновь дослал патрон и только тут услышал слабый звук рядом с собой — не то вскрик, не то всхлип.

Он обернулся. Борис лежал рядом с огромным вывороченным корнем, неловко прижимая к боку растопыренную пятерню. Кровь толчками просачивалась сквозь пальцы, пятная вымытую дождями лесную подстилку.

— Вот падлы, — сказал лесник, не оборачиваясь, — они его достали.

Павел, прячась между стволами, подполз к журналисту. Тот испуганно посмотрел на него.

— Убери руку-то, — сказал Павел сквозь зубы.

Но тот судорожно цеплялся пальцами за пробитую пулей ткань. Павел с усилием отодрал руку — она была холодной. Одного взгляда на рану было достаточно, чтобы понять — надеяться не на что.

Борис по-прежнему смотрел на него. В его глазах читалась смертная тоска.

— Что же ты не укрылся-то? — тихо сказал Павел. — Это же не игра... это все всерьез.

Тот закашлялся и тихо спросил:

— Очень плохо, да? Только честно...

— Павел, мать твою! — заорал Никита. — Что ты там возишься? Они подходят!

Павел выхватил у Бориса пистолет и наугад послал несколько выстрелов в движущиеся пятна. Потом вновь склонился над журналистом.

Тот вдруг спокойно сказал:

— Паршиво... послушай... вам надо уходить. Пленка у тебя?

— Дурака-то не валяй, — неуверенно возразил Павел.

— Никита... тебя доведет. А там... уж как получится. Только... будешь говорить с моей мамой... ты как-то... поосторожней... она расстроится.

Никита вдруг оказался рядом с ними.

— Отходить надо, — сказал он. — Что с ним?

Павел мялся.

— Похоже, мне крышка, — спокойно сказал Борис. — Послушай, — он поглядел на лесника, — уведи его.

Он пошарил рукой по земле и нащупал знакомую сумку. Потом вытащил оттуда коричневый брусок и положил его на колени.

— И пистолет, — сказал он, — оставьте.

Никита, пригнувшись, вложил ему в руку пистолет, потом обернулся к Павлу.

— Пошли, — сказал он тихо.

Павел по-прежнему стоял на коленях рядом с Борисом. Еще одна автоматная очередь раскрошила кору над их головами.

Борис пошевелился. Из рта у него потекла струйка крови.

— Убирайтесь, — прохрипел он.

Павел молча стиснул ему плечо и пропал в подлеске следом за лесником.

Борис остался.

Он пошевелился, устраиваясь поудобнее, и усмехнулся. Так глупо... Почему он должен умирать за какие-то идеи, которые ни в грош не ставил? Охотился за сенсациями, не веря в

них, занялся аномальными явлениями потому, что это было модно и уж, во всяком случае, интереснее, чем писать о посевной. Он даже не был фанатиком своего дела — обыкновенным средним журналистом, в меру циничным, в меру продажным... Как и когда игра обернулась реальностью? Каким образом судьба ухитрилась загнать его в эту жуткую ловушку, из которой не было выхода?

Он наугад расстрелял всю обойму и отбросил ненужный пистолет.

В упор рассматривать свои раны Борис боялся, но, скосив глаза, видел набухающий кровью свитер под штормовкой, а под ним, в прорехах, ка- кое-то неприятное месиво. Боли он почему-то не чувствовал — странно. Он пошевелил немеющей рукой и нащупал твердый брусок.

Сжимая в руке динамитную шашку, Борис полулежал, прислонившись спиной к стволу, рядом с Завадским, который по-прежнему глядел вверх, словно пытаясь сквозь ветки рассмотреть невидимое небо...

Когда фигуры в пятнистых комбинезонах подобралась поближе, он чиркнул колесиком зажигалки.

Павел, прихрамывая, брел по пустынной улице. Одинокая его фигура была видна издалека, хоть он и старался держаться под стенами домов, подальше от любопытных взглядов. В разномастной вокзальной толпе его грязная штормовка и разбитые сапоги не слишком бросались в глаза, но там он мог в любую минуту нарваться на проверку документов, а вот это уж было совсем ни к чему. Голова у него кружилась от голода и усталости. Самое смешное, что денег у него хватало, но Павел боялся зайти в кафе или магазин, появиться на людях. Ему казалось, что все на него оборачиваются, и в их любопытных взглядах ему мерещился вопрос: почему он молчит? Почему ничего не предпринимает?

На самом деле он просто не представлял себе, что предпринять. Пойти в какую-нибудь редакцию? Тогда все вернется к тому, с чего и начиналось, — к журналистскому расследованию. Кроме микрофильма, который, в принципе, можно и подделать, у него никаких доказательств нет. Завадский мертв. Регина мертва. Борис мертв. Он недоуменно покачал головой. Еще две недели назад он о них и понятия не имел, а теперь вот как все обернулось.

Но у Павла оставалось еще одно обязательство, и его надлежало выполнить в первую очередь.

Он остановился у стеклянного колпака телефона-автомата, который присмотрел заранее; оглянулся, убедившись, что на улице никого нет, и набрал номер Лизы.

Он насчитал восемь длинных гудков, прежде чем бросить трубку. Потом поспешно отступил, заняв заранее приготовленную позицию за каким-то рекламным щитом поблизости от автобусной остановки, и стал ждать.

Ждать ему пришлось недолго. Автомобиль вырвался из-за угла и с визгом притормозил перед телефоном-автоматом. Дверцы хлопнули одновременно, и шестеро очень похожих друг на друга пассажиров деловитой рысцой рассыпались по улице. Павел пожал плечами и неторопливо поднялся по ступенькам подошедшего автобуса, на стекле которого была укреплена табличка с надписью «Беляево».

Полчаса спустя он, остановившись напротив типового девятиэтажного дома, вглядывался в прямоугольники окон, соображая, какие именно из них принадлежат квартире Лизы. Пока он ехал, совсем стемнело. Потому ему не составило труда найти ее окна — два темных окна на шестом этаже выходили на бензозаправочную станцию, еще одно — во двор. Он прождал еще полчаса. Безрезультатно. Мучимый тяжкими предчувствиями, он вновь побрел по улице, направляясь к полуразрушенному, обреченному на снос флигелю, который присмотрел еще днем.

Всю ночь Павел просидел на чердаке, забившись в угол и вздрагивая от каждого шороха, какие обычно издает старый, разрушающийся дом. Он смертельно устал, но, лишь стоило ему заснуть, перед глазами возникали картины последних дней, такие яркие, что Павел вздрагивал и просыпался.

Лукин неохотно, постоянно оборачиваясь, двинулся за Никитой, но, стоило им отойти на какую-то сотню метров, за спиной раздался глухой удар, от которого стволы сосен загудели, точно гигантские барабаны, а дальний карьер отозвался долгим эхом.

Павел автоматически повалился лицом на холодную влажную лесную подстилку. Никита потряс его за плечо.

— Пошли, — прошипел он.

— Но Борис... — пробормотал Павел. В наступившей тишине его голос показался странным ему самому.

— Нет никакого Бориса, — коротко ответил лесник.

Павел медленно поднялся на ноги и побрел дальше. О Завадском он не спрашивал, поскольку отчетливо помнил синюшную бледность и остановившиеся глаза; когда он нагнулся над лежащим на земле военным, тот уже был мертв.

Никита действительно знал здесь каждую тропинку: они незамеченными добрались до каменистой кромки залива, где за камнем надежно укрылась их лодка.

— Давай! — крикнул Никита. — Возьми!

Они волоком потащили моторку к урезу воды.

Оскальзываясь на камнях, Никита оттолкнул лодку подальше от берега и сам залез в нее.

Мотор фыркнул, выпустил сизую струйку дыма и заглох. Павел затаил дыхание, но тут мотор вновь заработал: надсадно, но без перебоев, и лодка помчалась по тусклой глади залива, оставляя за собой отливающий серебром треугольный след.

Небо было серым, серая вода сливалась бы с ним у горизонта, если бы не поросшие лесом дальние каменные глыбы, перерезающие пополам сумрачный горизонт. Сидящий на носу Павел обратил внимание, что Никита старается держаться берегов, несмотря на постоянную опасность наскочить на скрытую приливом отмель.

Какое-то время они плыли в мрачном молчании; вокруг тоже стояла тишина — треск мотора лишь усиливал ее, поскольку был здесь единственным громким звуком. Даже волны накатывались на берег почти бесшумно.

Потом Никита насторожился. Он направил лодку в крохотную расщелину между двумя лиловыми валунами, пятнистыми от лишайников. Пляшущие меж глыбами волны отражали заслоняющий небо массивный камень и оттого казались темно-коричневыми. Мотор замолк, и мир застыл в неподвижности; лишь далеко у кромки горизонта медленно передвигалась гигантская серая стрекоза.

— Вот и они, — спокойно сказал Никита.

Павел вцепился в борт так, что побелели пальцы.

— Ты думаешь, они нас найдут? — спросил он.

Лесник пожал плечами.

— Рано или поздно, безусловно.

Вновь начал стучаться туман. Он мягко ложился на воду, зубчатые контуры островов вдали размыло, точно на акварель плеснули воду. Павел провел рукой по лицу, стирая мелкую водяную пыль.

— Если пойдешь вдоль кромки леса, — сказал Никита, — то к ночи наткнешься на деревеньку. Будь у тебя с ногой все в порядке, то часов через пять добрался бы, а так придется идти по темноте. Там местных-то всего ничего — человек пять. Но рыбнадзор есть, и в нем мой приятель работает. Федор его зовут. Ты ему скажешь, что от меня, и попросишь

отдать деньги, которые он мне должен, и отвезти в Лоухи. Там ночью проходит скорый на Питер. Он всего минуту стоит, так что лучше приехать пораньше.

Павел нерешительно поглядел на него.

— Чего ты боишься, — поторопил его лесник. — Тут на деле безопасней, чем в городе. Никаких медведей, если честно, нет, а если и бывает кто, то больше браконьеры. Но им с тебя взять нечего.

— Не в этом дело, — медленно проговорил Павел, — ты-то как?

— Высажу тебя и пойду на моторке. Они же не знают точно, кого искать. И сколько всего нас тут было. Так что они, полагаю, за меня уцепятся.

— Но почему? Зачем ты это делаешь?

Никита отвел глаза. Лицо у него было мрачное.

— Этот... — сказал он неохотно, — которого ты убил... Вероника погибла из-за такого.

— Твоя жена? — догадался Павел. — Но я думал... — Он растерянно поглядел на спутника.

— Мы на байдарках сплавливались. Здесь, неподалеку. Он и прибил к нашей компании. Вечером вышел к костру. Слово за слово... не знаю, что такое есть в этих типах, но они умеют понравиться женщине. В общем... Мне показалось... а может, и не показалось, кто теперь знает? Короче, мы с Вероникой поссорились. Утром собрались дальше — она пересела в ту лодку, где был он. И на одном из порогов они не справились.

Он покачал головой.

— Этот мерзавец... он даже не попытался ее спасти. А ведь наверняка мог бы. Он держал себя так, слово она какой-то мусор... уже ненужный предмет.

— Откуда ты знаешь, что это — как их там Завадский назвал — Наблюдатель? Может, просто совпадение?

— Нет, — сказал Никита, — не совпадение. Что-то в нем было... странное... не могу объяснить. Он смылся, когда мы собрались обратно, — почуял неладное. Но я... я следил за ним.

— Хотел убить? — спросил Павел.

— Не знаю. Пожалуй, что и хотел. Но догнать его было не так-то просто. Я мог лишь идти за ним. А он спешил к карьеру. Этот свет... он просто нырнул в него, и все. Я ждал какое-то время. Но там было пусто. И я вернулся в город — хоронить Веронику. Потом — таскали меня долго. Почему я, вместо того чтобы убиваться как положено, смылся куда-то. Потом отпустили. Я решил тогда: дождусь во что бы то ни стало. И устроился сюда. Не знаю, куда он там ушел, но рано или поздно он должен был появиться. И я ждал.

— Почему же ты нас отговаривал? Почему говорил, что тут ничего нет?

— Это — мои дела, — сухо сказал Никита, — а вы тут такой шум подняли...

Он устало провел рукой по лицу.

— Ладно. Вылазь из лодки, пока эта шгука нас не засекала.

Павел вновь нерешительно поглядел на него.

— Поторапливайся, — прикрикнул лесник.

Павел выпрыгнул за борт — темная вода разбилась на тысячу радужных осколков. Лесник вновь завел мотор. Привалившись к валуну, Павел смотрел, как легкий силуэт моторки, разрезая воду, уже не скрываясь, помчался к близкому горизонту...

Лиза сидела у стола, сжимая руками виски. Мысли путались. Она никак не могла осознать происходящее. «Это ошибка, — подумала она, — этого не может быть. Сейчас она позвонит маме, та начнет привычно жаловаться на тяготы жизни, потом подзовет к телефону Максимку... Стоит только набрать номер...»

Но что-то в глубине сознания удерживало ее на грани этой невероятной реальности. Тихий внутренний голос (неужто ее собственный?) подсказывал ей, что это не сон и не бред, мало того — что это даже не случайность и что похищение ее сына всего-навсего еще одно звено в цепи событий, которая протянулась после смерти мужа. И тот же голос подсказывал ей, что опасность не менее реальна, чем вот эти постылые стены... этот тусклый свет лампы... эта глухая тьма за окном.

Она провела рукой по глазам, раздумывая. Звать на помощь? Но кого? Она вспомнила холодный, брезгливый взгляд Губарева, обращенный на нее. «А ведь он, пожалуй, решит, что я знаю об этом похищении больше, чем говорю, — подумала она. — Ну и плевать, какая разница? Все, что угодно, лишь бы он согласился помочь...» Пальцы ее зависли над телефонным диском и в нерешительности застыли. Куда ему звонить? На службу? Но ведь сейчас почти ночь! И уж наверняка, если там и есть дежурный, домашнего телефона следователя он ей не скажет. Значит, просто в милицию? Но мама сказала, что она в милицию уже позвонила...

И вдруг Лиза отчетливо и ясно поняла, что надеяться ей не на кого.

Она осталась совершенно одна в равнодушном мире, где людей убивают ни за что ни про что, где похищают детей у незащищенных женщин. Разве что....

Она поспешно набрала номер.

Гудки.

Только бы он оказался дома, молила она. О Господи, все, что угодно, только бы он оказался дома.

Она уже почти отчаялась, когда на том конце провода подняли трубку.

— Стас?

— Лиза? — Голос у него был встревоженный. — Что случилось?

— Стас, — она пыталась справиться с охватившей ее дрожью, — приезжай скорей.

— Да что стряслось-то?

— Приезжай, — повторила она, как заведенная. Больше ничего она выговорить не могла. Ей казалось, что, стоит только начать рассказывать, в чем дело, она тут же потеряет последние остатки самообладания.

— Хорошо, — ответил он, — ты только без паники, ладно? Я уже еду.

Она положила трубку. Постояла немного, замороженно глядя во тьму за окном, потом достала из шкафа дорожную сумку Андрея и торопливо швырнула туда кое-какие вещи. Потом вновь застыла, механической походкой подошла к антресолям и, взобравшись на стул, достала черную сумку. На пол посыпался всякий хлам, но она даже не заметила. Схватив несколько тугих пачек, она швырнула их к вещам, потом, так же рассеянно подкинув на ладони смертоносную игрушку, сунула ее во внутренний карман куртки.

Одетая в дорогу, она вновь присела у стола и стала ждать звонка в дверь.

— Ну-ну, — сказал врач, — стыдно. Такой большой мальчик, а боишься.

Мальчишка исподлобья поглядел на него.

— Я не боюсь, — сказал он, — я хочу домой. Никакая это не больница.

— Самая настоящая больница, — сказал человек неубедительно. — Вот приборы, видишь? Положи руку на стол, ладошкой вверх, ладно?

— А мы где? — спросил мальчик. — В Питере или в Москве?

Врач секунду промедлил и все же ответил:

— В Питере.

— Вот и нет, — сказал мальчик довольно, — мы не в Питере. Мы в Репино.

— Откуда ты знаешь? — поразился врач.

— Да так, — ответил мальчик неопределенно.

— Потому что хорошие больницы всегда расположены за городом, — сказал врач. — Будешь вести себя прилично, скоро вылечишься и поедешь к маме.

— А чем я болен?

Врач подумал.

— У тебя подозрение на энцефалит. А это очень, очень неприятно.

Шприц медленно наполнялся темной кровью.

— Вот и хорошо, — примирительно сказал врач, — вот и молодец. А теперь займись чем-нибудь.

— А чем? — проныл мальчик. — Тут игрушек нет.

Он оглядел заставленную непонятными приборами комнату.

— А это у вас компьютер, да? Папа мне давал иногда поиграть на своем.

— Надо же, какой молодец, — рассеянно сказал врач. Он разливал кровь по крохотным пробиркам.

— А как он включается? А «Мортал комбат» у вас есть?

— Нет, — огрызнулся врач.

— А вот у Витьки был «Мортал комбат». Он его раз по морде. А тот...

— О Господи, — устало сказал врач.

— Ка-ак даст! — закончил мальчик.

— Комбат, — пробормотал врач, — мортал!

Он подошел к компьютеру и запустил «Windows».

— Вот, — сказал он, — в минера играть умеешь?

— Не-а, — сказал ребенок.

— Ну в каждой из этих клеточек может быть мина. Нужно угадать, где.

— А «Мортал комбат»? — с тупой настойчивостью спросил мальчик.

— Нет у меня «Мортал комбат»! — повторил врач. — Играй в эту. А то выключу.

— Ладно, — наконец согласился мальчик, — а на какие кнопки нажимать?

— Ты тупой, да? — Человек совсем вышел из терпения. — Вот, смотри.

Он схватил ребенка за хрупкую руку и начал тыкать его пальцами по клавишам.

— Сюда... и сюда...

Стас приехал быстро. Но к тому моменту она успела потерять всякое представление о времени. А потому, когда раздался торопливый звонок в дверь, даже удивилась. Но все же пошла в прихожую и открыла.

— Лиза! — Стас с тревогой поглядел на бледное, обращенное к нему лицо. — Что с тобой?

— Максимка пропал, — сказала она невыразительно.

— Погоди... Это как — пропал? Где?

— В Питере. Мама звонила. Полчаса назад. Или час... не помню. Его похитили. — Ей вновь затрясло. — Почему? Ну почему все это со мной происходит?

— Погоди, — нахмурился Стас, — а ты уверена, что он не заблудился? Или не решил убежать обратно в Москву? С мальчиками так бывает.

Она покачала головой.

— Дети во дворе говорят, что его затолкали в машину и увезли.

— Так... — сказал он, — дети, конечно, не заметили номера.

— Нет...

— И марку машины — тоже.

— Никто ничего не заметил, — сказала она.

— В милицию сообщили? — деловито спросил он.

— Да... мама позвонила. Они говорят — будем искать. Они говорят — обычно детей похищают с целью выкупа. Послушай, может, это те деньги...

— Погоди, — остановил он ее. — Деньги — это, конечно... но... послушай, Лиза, ведь страшное что-то вокруг тебя творится. Да ты и сама отлично знаешь. То ли мужик твой покойный во что-то вляпался, то ли еще что похуже... Ребенок им нужен, надо же...

— Мама говорит, в квартире сидит дежурный. Ждет звонка от похитителей.

— Ну-ну, — неопределенно сказал Стас.

Она стиснула руки.

— Мне нужно ехать, Стас. Немедленно.

— Погоди, — сказал он, — погоди, не горячись. Так... кроме мамы твоей, тебе никто не звонил?

— Нет... А кто мне мог звонить?

— Те же похитители, например. Или... — Он задумался.

— Кто еще?

— Да нет, это я так. Раз до сих пор с тобой никто не связался, значит, и не свяжутся, наверное. А чего им суетиться? Телефон у тебя прослушивается, как ты полагаешь?

Она кивнула.

— Так... Значит, мы ничего о самих похитителях не знаем. Ни об их целях, ни о чем...

Он задумался.

— Ну хорошо, а сам малый? Его ведь Максимка зовут, да? Расскажи-ка мне о нем поподробнее.

Она нетерпеливо пошевелилась.

— О Господи, Стас, сейчас не время. Ехать нужно.

— Нет-нет, погоди... это важно. Сколько ему сейчас? Семь? Он вообще что собой представляет?

— Мальчик как мальчик, — недоуменно сказала она.

Он не был самым обычным мальчиком, он был одним-единственным — ее сыном, и он

был в опасности. Все остальное не имело значения.

— Он с людьми легко сходится? Охотно идет на контакт?

— Ну, были у него какие-то приятели... Тут, в Москве.

— А в Питере?

— Детишки во дворе. Он с ними и играл.

— Понятно. А если бы к нему подошел кто-то незнакомый?

Она покачала головой.

— Нет-нет. Я ему столько раз говорила...

— Понятно. А чем он увлекается? Футболом?

Она и так была на грани истерики, а тут ее остатки самообладания стремительно иссякали.

— Каким футболом? О чем ты говоришь? Да он с четырех лет как уселся за компьютер, так от него и не отходил. Они же все сумасшедшие теперь. Нам в прошлом году счет пришел на сто долларов — он в Интернет умудрился влезть, в какую-то закрытую ячейку. А Андрей еще...

Она всхлипнула.

— погоди, — он досадливо поморщился. — Значит, Интернет... Это тот компьютер, что в задней комнате стоит?

Она молча кивнула.

— И он подключен к Интернету?

— Да, — ответила она неуверенно. — Кажется.

— И адрес у вас есть, электронный, верно? Муж-то твой наверняка переписывался с какими-нибудь учеными хмырями... Дорогой сэр, и все такое.

— Да. Но какое...

Он решительно поднялся.

— Пошли, — сказал он, — пошли проверим.

И направился в комнату. Она последовала за ним. Почему он занимается ерундой вместо того, чтобы сесть в машину и гнать по черной дороге в направлении Питера?

— Мало шансов, но все-таки... — бормотал он, вглядываясь в мерцающий экран. — Отлично... вошли. Давай-ка посмотрим, что там делается. Ну, это «дорогой сэр»... Это нам не надо. Это опять «доктору Панину»... Смотри-ка, сколько ему писем приходило. Это про конференцию какую-то... на фиг... Ага! Вот оно!

И он ткнул пальцем в какую-то короткую строку на экране.

— Я был прав, — сказал он.

Она, сама того не сознавая, судорожно вцепилась ему в плечо.

— Что это?

— В том месте, где его держат, — сказал он, — есть компьютер. И малый ухитрился до него добраться. Наверняка попросился поиграть в какой-нибудь «Дум» — его и пустили за машину. Из чего мы можем сделать два вывода — во-первых, это не маньяк-одиночка его взял. Не психопат, который мальцов потрошит. Солидный кто-то его взял. Серьезный. И до сих пор малый был жив, здоров и в своем уме. И держат его не строго.

— Ты знаешь, где он? — Ей казалось, что она кричит: на самом же деле спазм пережал ей гортань, и она говорила чуть слышно.

— Похоже, да. Под Питером, в Репино. Двухэтажный дом с башенкой. Через железнодорожный переезд и налево. Ну и малец!

Он изумленно покрутил головой.

Потом обернулся к ней.

— Послушай, вот теперь нам и правда нужно спешить. Если они сообразят, что к чему, его тут же перевезут в другое место... А может, и без того перевезут — опасно им все время его в одном и том же доме держать. Ты готова?

Она молча кивнула.

— Тогда поехали!

— На вокзал?

— Нет, — сказал он, — на тачке поедem. Своим ходом. Может, оно и не быстрее, зато удобнее. Тачка нам там понадобится. Мы сразу в Репино и двинем.

— Стас... — неуверенно сказала она, — а может, нужно в милицию сообщить?

Он решительно покачал головой.

— Вот уж не советую. Откуда мы знаем, кем твой телефон прослушивается? Потом... они дом оцепят, стрельбу откроют, наломают дров... Мы уж лучше сами. Потихоньку.

Спорить с ним она не решилась. Не приведи Господи, скажет «ну, поступай как знаешь!». И что ей тогда делать?

А потому она молча подхватила сумку и двинулась к выходу.

— Что там у тебя? — спросил он.

— Вещи... — сказала она тихо, — деньги.

— А-а... — протянул он, — может, ты и права. Скорее всего они не пригодятся, но чем черт не шутит... Ладно, поехали..

Машина вырвалась за Окружную и мчалась так, что сосны вдоль дороги слились в мерцающую линию. Весь путь от Москвы до Питера Лиза провела как во сне. Она съежилась на сиденье и погрузилась в такое оцепенение, что Стас несколько раз с беспокойством поглядывал на нее. Мелькание деревьев и телеграфных столбов действовало на Лизу гипнотически, а безумие последних двенадцати часов погрузило мозг в какое-то равнодушное оупение. Временами ей казалось, она перестает понимать, что происходит: почему вместо того, чтобы проснуться утром в собственной кровати, сварить себе кофе, а Максимке какао и собрать сонного мальчика в школу, она мчится по незнакомой дороге в чужом автомобиле. Стас тоже неожиданно показался ей незнакомцем, везущим ее непонятно куда.

Автомобиль, подпрыгнув на переезде, съехал на грунтовую дорогу и покотился медленнее. Теперь Лиза могла различать красноватые чешуйчатые стволы сосен, наморщенную водную гладь в просветах между ними, серых чаек, парящих в сером небе. По обе стороны дороги потянулись особняки: добротные кирпичные строения за массивными заборами. Место было престижное, но сейчас большая часть домов пустовала. Иногда роскошные виллы перемежались старыми дощатыми постройками, доживающими свой век в запущенных садах.

Стас остановил машину в тылу какого-то недостроенного дворца.

— Посиди здесь, — сказал он Лизе, деловито озираясь.

Но она покачала головой.

— Я с тобой.

Не дожидаясь его согласия, она вылезла из машины и с жадностью вдохнула сырой воздух.

Стас поглядел на нее, прикидывая что-то, потом сказал:

— Ладно. Только делай то, что я скажу, поняла?

— Поняла, — покорно ответила она.

Он огляделся.

— Если малый ничего не спутал, то скорее всего это вон тот. Видишь?

Двухэтажный дом с башенкой и причудливым жестяным подзором на коньке крыши выглядел добротно, но не слишком шикарно — ничего похожего на помпезные особняки «новых русских».

— Неужто этот? — недоверчиво спросила Лиза. Она представляла себе какую-то тюрьму, крепость... либо, на худой конец, один из элитных особняков. — Он же такой... — она запнулась, подыскивая нужное слово. — Такой... заурядный.

Расширенными глазами она вглядывалась в темные окна, словно надеясь увидеть, как мелькнет в одном из них знакомое лицо.

— Вот именно, — подтвердил Стас. — И не таращся ты так в ту сторону.

Он неожиданно обнял ее. Она, испуганная таким внезапным наскоком, попыталась отстраниться.

— Не дергайся, дуреха, — сказал он. — Мы — парочка влюбленных, которые забрели сюда поваляться на песочке, понятно? А теперь смотри: окна плотно задернуты — это первое, забор далеко не такой хлипкий, каким кажется, — это второе, ворота рассчитаны на въезд машины — это третье. Гараж скорее всего тут подземный. Нет, домик этот не так прост, как кажется. А теперь пошли отсюда.

Они вернулись к машине. Лиза думала, что Стас постарается подъехать поближе к дому, но он неожиданно дал задний ход и покатил прочь.

Она вцепилась ему в рукав.

— Ты куда?

— Не суетись, — сказал он сквозь зубы. — Сейчас с другой стороны заедем, остановимся.

Они и впрямь выехали с улицы и, покотив по ухабистой, но твердой почве, остановились у какой-то развалюхи.

— Домишко этот примерно напротив стоит, — объяснил он. — Так что пошли, поднимемся наверх.

Лиза удивленно поглядела на него.

— Зачем?

— Делай, что говорят, — отрезал он.

Они перелезли через хлипкий забор и вошли в запущенный сад. Еще ничего не цвело, но кусты сирени и бульденежи так разрослись, что полностью скрывали непрошенных гостей от посторонних глаз.

— Очень хорошо, — пробормотал Стас, окидывая ветхое строение одобрительным взглядом. — Пригнись.

Он и сам, пригнувшись, подошел к окну и, достав из кармана какой-то инструмент, аккуратно провел им вдоль стыка стекла с рамой.

Лиза наблюдала за ним. Неожиданные способности ее спутника продолжали ее удивлять, но сейчас ее тревожило только одно — сумеет ли он высадить стекло.

Стас проделывал все без суеты, но эффективно. Натянув перчатки, он аккуратно нажал на стекло, и оно скользнуло внутрь комнаты.

— Отлично, — вновь довольно сказал он, — полезли. Только осторожно, не порежься.

Рама была узкая, но им удалось протиснуться внутрь. Стас с Лизой оказались в пустой комнате, где пахло одновременно пылью и плесенью, — обычные запахи летнего жилья, покинутого на зиму.

— Видишь, — назидательно сказал ей Стас, — будь это хоромы какие-нибудь, они бы их на охрану поставили, а то и сторожа бы поселили. А тут красть нечего...

Они поднялись по скрипучей лестнице на верхний этаж — скорее что-то вроде чердака, где валялась куча всякого хлама: шезлонги, сломанная раскладушка, надувной матрас и прочая утварь.

Стас подошел к затянутому паутиной слуховому окну и достал из сумки полевой бинокль в кожаном футляре.

— Давай-ка посмотрим, что там делается, — пробормотал он, устраиваясь на матрасе. — Ага... так я и думал. Башенка-то не простая. Человечек на башенке сидит. Не так-то легко туда будет забраться. Ладно, подождем...

«Сейчас он откажется помогать мне», — с ужасом подумала Лиза.

Но он продолжал разглядывать фасад дома на- против.

— На окнах жалюзи. Тем, кто внутри сидит, видно, что снаружи делается, а нам — ни хрена. Один ряд окон, ну, да это ничего не значит, там и подземный этаж может быть.

Он обернулся к ней.

— Послушай, Лиза, сходила бы ты на кухню.

Может, там консервы какие-нибудь с лета остались. И воду закипяти. Кофе у меня в сумке возьми, растворимый. Может, нам тут долго придется сидеть.

Она не понимала, почему им придется долго сидеть на этом чердаке, когда инстинкт отчаянно подсказывал ей, что надо торопиться... Она не понимала, что эти люди делают там с Максимкой, но наверняка что-то страшное, что-то, что она и представить себе не может.

Но тем не менее она покорно порылась в сумке Стаса, где лежали непонятного назначения инструменты, и извлекла оттуда маленькую баночку кофе. Потом направилась вниз.

— К окнам только не подходи, — предупредил Стас. — И не зажигай печку. Лучше всего, если найдется электроплитка. Потом принесешь все сюда, наверх, поняла?

Она покорно кивнула.

В кухне было так же неприятно, как и во всем доме. Окна затянуло мутной пленкой пыли и паутины, в углу виднелась выеденная в половице крысами дыра. Буфет был старым, громоздким, как Ноев ковчег. Она открыла скрипучую дверцу: там в темной глубине стояла стопка тарелок и одинокая хрустальная рюмка. Зато в нижнем отделении нашлась банка салаки и изгрызенные мышами макароны. Только тут Лиза сообразила, что не ела со вчерашнего вечера.

Из крана потекла ржавая струйка воды, которая постепенно бледнела, дойдя до опаловой белизны. Лиза поставила кастрюлю с водой на электроплитку и, усевшись на полу, стала ждать, пока вода закипит. Может, подумала она, это все-таки вымогатели. Может, они уже связались с мамой, а она, Лиза, об этом еще не знает? А теперь деньги у нее, и связаться с ней никто не может... От этой мысли она похолодела. Почему Стас так медлит? Чего он ждет?

Наконец макароны сварились, кофе был разлит по тяжелым фаянсовым чашкам, и она, поставив на поднос посуду, потащила все на чердак. Там ничего не изменилось — Стас все

так же лежал перед слуховым окном, не выпуская из рук бинокль. Услышав шаги, он стремительно обернулся, но, узнав ее, улыбнулся и кивнул.

— Отлично, — сказал он. — Ты сама-то поела?

— Да, — сказала она. — Внизу.

— Тогда последи за домом. Только из тени не вылезай, чтобы бинокль у тебя бликов не давал. А я поем пока. Неизвестно, когда следующий раз будет.

Она взяла у него бинокль. Дом напротив сразу приблизился, так, что взгляд выхватывал лишь отдельные детали — плотно зашторенные окна, тяжелую массивную дверь, подъездную дорожку, усыпанную гравием. На ней еще можно было разглядеть следы рубчатых протекторов.

— Там следы шин, на дорожке, — сказала она.

— Видел, — ответил Стас. — Но ее сейчас нет, этой машины.

— Откуда ты знаешь?

— Лужу видишь? У калитки.

Она кивнула.

— Глина там. Она плохо высыхает. И колея мокрая от нее тянется, а не к ней. Утром машина отъехала.

— Это что-то значит? — спросила она нерешительно.

— Это значит, что она еще вернется, — уверенно сказал Стас. — Вот этого-то мы и ждем.

— Зачем?

Он удивленно поглядел на нее.

— А ты что думала, мы с тобой проберемся в дом, всех положим, а мальчика вытащим? Я тебе не терминатор какой-нибудь.

— Но ведь меня ты тогда вытащил?

— Там не ждали нападения. И охраны было поменьше. А тут они наверняка приняли меры, чтобы ничего подобного не повторилось.

— Ты думаешь, это те же самые люди?

Он пожал плечами.

— Не исключено.

О Господи! Она вспомнила прикосновение скользких резиновых ремней к запястьям, и ее передернуло. Неужто и Максимку... Пока они сидят тут, совсем рядом, таращатся в этот глупый бинокль и ничего не делают...

Она неуверенно сказала:

— Может, все-таки с милицией связаться, Стас? Телефоны тут на дачах наверняка есть.

— Валяй, — сказал он сквозь зубы. — Они спецназ пошлют, положат всех без разбору. Что с мальцом будет?

— Хорошо, — поспешно согласилась она, — делай, как знаешь.

— Ну и умница. — Он отставил пустую кружку и поднялся.

Она уже совсем собралась передать ему бинокль, как вдруг что-то изменилось. Длинная черная тень заслонила поле зрения. Автомобиль неспешно въехал во внезапно открывшиеся ворота и покотился по дорожке к крыльцу.

— Стас! — закричала она.

Он оттолкнул ее, одновременно хватаясь за бинокль.

Лиза нагнулась, высматривая поверх его плеча, — солидный человек в сопровождении

шофера поднялся на крыльцо и пропал в темной глубине дома. Машина осталась стоять на дорожке.

— Раз тачку свою они не отогнали, недолго осталось... — пробормотал Стас. Прошло минут десять, но никогда еще время для Лизы не тянулось так долго. Наконец эти двое вновь появились на крыльце, а между ними...

Маленькая беззащитная фигурка.

— Максимка! — закричала она.

Ей захотелось кинуться вниз по лестнице им навстречу, и она, наверное, так бы и поступила, если бы Стас вовремя не схватил ее за плечо.

— Теперь все, — сказал он, торопливо сматывая ремешок бинокля, — поехали. Молись, Лизавета...

И он, схватив ее за руку, кинулся вниз по лестнице, направляясь к выбитому окну.

— Быстрее, — торопил он. — Шевелись! Теперь каждая минута на счету.

Лиза не заставила себя упрашивать.

* * *

Максимка прислушался. Точно — гул мотора. Он уже давно понял, что машины тут очень большая редкость. Обычно вокруг было тихо. Очень тихо. Этот доктор говорил, что так и должно быть в загородной больнице. Ну-ну...

На крыльцо уже поднимались. Он отчетливо слышал шаги. Доктор засуетился... Дверь отворилась, и на пороге появился все тот же дядька, что был тут позавчера. Максиму он не совсем нравился. Доктор, тот хоть притворился что он добрый, а этот сразу как-то раздраженно вытаращился на них.

— Ну что? — спросил он доктора.

Тот пожал плечами.

— Ничего.

— Не ошибаешься?

— Да вы сами посмотрите — вот же он, перед вами.

Они явно говорили о нем, о Максиме, так, словно его и не было в комнате. Максиму это не понравилось.

— Ладно, — сказал тот дядька, — соберите его.

— Куда мы поедем? — тут же спросил Максим. — Домой?

— Да-да, — рассеянно ответил тот, — домой. К бабушке поедем.

Врач уже что-то набирал в шприц. Опять будет колоть, подумал Максим. Не то чтобы он боялся уколов... просто противно.

— Что это? — спросил он.

— Витамины, — ответил врач.

— Шевелись, — поторопил его дядька. «Он тут главный, — подумал Максим, — они все его слушаются».

— Давай, — врач обернулся к Максиму, и тот послушно закатал рукав.

* * *

Они выскочили на задворки и, проламывая кусты, кинулись к машине. Стас врубил зажигание, и темно-вишневый «Вольво» покати́л вдоль забора.

— Мы их не догоним, — пробормотала Лиза.

— Не бойсь, — сквозь зубы сказал Стас, — догоним! Догоним и перегоним... как Америку.

«Вольво» держался параллельно с бесшумной черной тенью, мелькавшей в просветах между соснами.

— На развязку выедем, разберемся, — сказал Стас. — От тебя что требуется? Мальца хватай — и в машину. С остальными я сам управлюсь. Ремень застегни.

Она покорно защелкнула пряжку ремня безопасности.

«Вольво» обогнал неторопливо скользящую черную сигару и рванулся вперед. Наконец перед ними открылся поворот: уже не грунтовая дорога, а асфальтовая, выходящая на магистральное шоссе.

Стас выкрутил руль, машина свернула вправо и помчалась по гудрону, мягко подпрыгивая на ухабах. Они уже были у перекрестка с параллельной улицей, когда оттуда, мягко урча, начал выезжать черный автомобиль. Но Стас и не подумал сбрасывать скорость.

— Держись! — велел он.

Лиза заслонила лицо, выставив вперед локти. А потому она плохо разглядела, как вишневый «Вольво» на полной скорости врезался в черную машину.

Она лишь почувствовала это: отчаянный скрип тормозов, глухой удар. Ее бросило вперед, и она повисла на ремне, а потом услышала крик Стаса:

— Да выбирайся же!

Лиза торопливо начала отстегивать пряжку. Пальцы не слушались. Стас уже, хлопнув дверцей, выбежал из машины. «Вольво» стоял, уткнувшись в капот «Мерседеса», который от удара чуть развернуло вбок. Шофер «Мерседеса», который, видимо, заодно выполнял и обязанности телохранителя, тоже выбирался наружу, но он был слегка оглушен, и потому Стас успел несколько раз выстрелить в него из пистолета, который извлек неизвестно откуда со скоростью фокусника. Второй пассажир повис на ремнях, уткнувшись головой в стекло.

Лиза наконец справилась с ремнем и, кинувшись к «Мерседесу», стала отчаянно рвать на себя ручку задней дверцы. Та не поддавалась. Стас, отшвырнув тело шофера, рукояткой пистолета коротко ударил в висок пассажира и, перегнувшись через спинку сиденья, вытащил обмякшее маленькое тельце.

— Поехали! — коротко бросил он Лизе.

И, не дожидаясь ее реакции, побежал к машине.

Она поспешила за ним. Все произошло так быстро, что Лиза даже не успела осознать, что операция прошла удачно.

Оказавшись за рулем, он передал ей ребенка и дал задний ход.

— Ну, — пробормотал он сквозь зубы, — давай! Покажи, на что ты способен...

«Вольво» покорно попятился и, поурчав, выехал на шоссе.

— Бампер ни к черту, — заметил Стас, — и левая фара всмятку. Ничего, лишь бы бегал. Там разберемся. Что с малым?

Мальчик лежал у Лизы на руках, глаза его были закрыты. Она мягко потрясла его за плечо.

— Максимка! Максим...

Он слабо пошевелился, но глаз не открыл.

— Стас! — слабо сказала она. — С ним что-то не так...

— Может, ударился? — предположил Стас. — Хотя не должен был так уж сильно. Он-то на заднем сиденье был.

— Максим! — продолжала тормозить его Лиза.

Мальчик пошевелился, открыл глаза, поглядел на нее. Взгляд у него был сонный.

— Мама! — удивленно сказал он и вновь закрыл глаза.

Стас продолжал сосредоточенно гнать машину.

— Погляди, — сказал он, не поворачиваясь к ней, — нет ли следов укола на руке. Похоже, снотворное ему вкатили. Чтобы перевезти спокойно, а может, и замочить где-то потихому.

Она закатала рукав грязного свитера и вздрогнула, увидев багровое пятно на худеньком предплечье.

— Есть, — сказала она.

— Не давай ему спать, слышишь! Тормози его. Уснет, мы его не откачаем...

— Стас... может, в больницу?

— Какая, к черту, больница! Да его там в два счета достанут. Увезить малого надо отсюда — увозить и прятать понадежнее.

— Маме нужно сказать...

— Потом расскажешь. Давай же, действуй! Ты что, хочешь, чтобы он заснул и не проснулся?

Она начала тормозить мальчика, трясти за плечи. Он безвольно лежал у нее на руках, подпрыгивая при каждом толчке. Наконец он вновь открыл глаза и посмотрел на нее. Взгляд у него был мутным, как у котенка.

— Мама, — вновь удивленно произнес он, — а куда мы едем?

— Домой, — ответила она, прижимая к себе худенькое тельце, — домой едем. Только не спи, слышишь!

Глаза у него вновь начали закрываться, но она отчаянно трясла ребенка, так, что голова у него моталась из стороны в сторону.

— Не спи! Не смей спать!

— Но мне хочется, — сонно ответил он.

— Нельзя. Расскажи мне лучше, где ты был...

— Они мне сказали, это какая-то больница, — слабо сказал мальчик. И рассудительно добавил: — Но я-то думаю, это враки. Таких больниц не бывает.

— А доктор там был? — продолжала теревить его она.

— Был. Он анализы делал. Ну, мам, я спать хочу.

— Нельзя тебе спать. Может, на воздух ему надо? — повернулась она к Стасу. — Может, его в машине укачивает?

— Отстань, — сказал он сквозь зубы. — Чем дальше мы отъедем, тем больше у нас шансов. Ведь у нас машина побита, любой гаишник остановить может. И что мы ему объяснять будем? Нам выбираться отсюда надо. Потихонечку, проселочными дорогами...

Он обернулся к мальчику, подпрыгивавшему на коленях у Лизы:

— Так что, ты говоришь, там с тобой делали, парень?

— Уколы всякие делали, — сонно проговорил мальчик, — кровь брали. Цепляли на голову такие штуки... А вы кто такой?

— Это мой знакомый, — вмещалась Лиза, почему-то почувствовав неловкость. — Он

тебя спас, видишь?

— А что с папой?

Лиза вздрогнула. Для нее Андрей умер давным-давно, а прошлая жизнь казалась чередой плоских картинок — что-то вроде старой, затершейся, почти забытой киноленты.

— Папа уехал очень далеко, — сказала она неуверенно. Она не имела права обманывать мальчика, но после того, что ему пришлось испытать такое... как он воспримет известие о смерти отца?

Но мальчик вдруг деловито сказал:

— Я так думаю, папа умер.

В голосе его не слышалось сожаления, он просто констатировал факт.

Она вздрогнула.

— Почему ты так считаешь?

— Бабушка плакала.

«Надо же», — подумала Лиза.

— Она сказала тете Люсе, что тебе всегда по жизни не везло, — деловито сообщил мальчик, — и муж у тебя был никудышный, и работа паршивая.

Лиза поежилась, уловив в детском голосе интонации матери.

— Замолчи! — сказала она и вновь встряхнула ребенка, на этот раз так, что его сонные глаза широко открылись и он удивленно поглядел на нее.

— А он у тебя фрукт, — удивленно произнес Стас. — Но ты ему рот не затыкай — пусть себе болтает. По крайней мере, не заснет.

«Дети вообще иначе относятся к смерти, чем взрослые, — подумала Лиза. — Для них это что-то абстрактное. Иногда кажется, что они вообще не способны горевать по таким поводам. Может, это и нормально, что мальчик не слишком убивается».

— Как ты догадался отправить сообщение? — поинтересовался Стас, не отрывая взгляд от дороги.

Мальчик пожал худенькими плечиками.

— Они думают, все дети идиоты. Я сначала хотел до телефона добраться, но он телефон таскал в кармане — складной такой, маленький, а машина на столе стояла. Я попросился поиграть, пока он в ла-бо-ратории своей возился. Он и позволил.

— Понятно, — уважительно сказал Стас. — Ну ты и храбрый же парень!

— А чего бояться? — рассудительно сказал Максим. — Вот я помню, один раз мы с папой как-то в поход ходили, там еще тетя Варя была и дочка ее, и дядя Сережа... А на нас вдруг лиса ка-ак выбежит! Так дочка тети Вари ка-ак от нее побежит! Поскользнулась и упала в ручей... «Бешеная! — кричит. — Бешеная!» И руку себе ка-ак подвернет... А папа...

— Да ладно тебе, — неловко сказала Лиза, — дяде Стасу это неинтересно.

— Почему, — возразил Стас, — пусть себе болтает.

Но мальчик замолчал и с интересом припал к оконному стеклу.

Лиза думала, что они поедут в город, но, к ее удивлению, машина все катила и катила по неширокому шоссе, обсаженному по обе стороны чахлыми лесопосадками. Она продолжала автоматически встряхивать ребенка, но и ее саму убаюкало это монотонное движение.

— Куда мы едем? — спросила она.

— Назад, — сказал Стас, — в Москву.

— Но мама...

— Позвонишь маме с дороги. Нам от Питера желательно отъехать, и чем дальше, тем лучше. Ты вот говоришь, там у вас в доме мент сидит. А откуда ты знаешь, кто он такой на самом деле? Может, его как раз на такой вот случай посадили? А потому ты маме позвонишь, скажешь, что малый с тобой, а ты в надежном месте. И ни слова больше. Ясно?

— Ясно, — покорно ответила она. — А где это надежное место?

— Есть один такой домик под Тверью. Отсидитесь там, пока шум не стихнет.

«А он стихнет?» — подумала Лиза, но ничего не сказала.

— Отдохнуть мне надо. Всю ночь гнал без остановки. Машину подлатать — фару поменять и бампер выправить. Да и тебе отдых требуется — ты бы видела, на кого сейчас похожа.

«Господи, — с тоской подумала Лиза, — это уже никогда не кончится. Бегать, прятаться от кого-то... Неужто из-за Андрея это все? Из-за того, что Павел ей рассказывал и журналист этот? Может, и они лгали? Может, вокруг нее существует какой-то странный сговор, а она никак не может докопаться до его сути? Мальчик им понадобился, гадам. Но почему только теперь? Почему раньше им никто не интересовался? Впрочем... санинспектор этот...» Если бы не смертельная усталость, может, она бы до чего-то додумалась. Но ее и саму клонило в сон, и лишь необходимость все время тормозить Максимку удерживала ее на грани действительности.

— Долго еще ехать? — спросила она, виновато подавив зевок. Стасу-то приходилось еще хуже, чем ей, — он сидел за рулем.

— Вечером приедем, — сказал Стас. — И сразу в малого надо будет побольше крепкого чаю влить. С сахаром. Верное средство.

— Зачем они его так?

— А если бы остановили их? Не везти же его связанного, с кляпом во рту. А так — дрыхнет себе малец, все в ажуре.

Постепенно пейзаж за окном автомобиля изменился: унылые чахлые посадки стали гуще, превратившись в настоящий лес, дорога стала хуже — их так трясло, что Максим окончательно проснулся и теперь с любопытством глядел в окно на улетающие назад деревья. Начинало темнеть. Верхушки сосен шумели под налетающими порывами ветра, а тьма вокруг прорезалась лишь единственной уцелевшей фарой Стасова «Вольво». Машин на дороге практически не было. Лишь один-единственный раз, точно доисторический ящер, прошлепал по дороге разбитый «КамАЗ».

Потом они свернули на проселочную дорогу — скорее даже колею, выбитую в грязи, и покатали по ней. Лес обступил их со всех сторон, словно замыкая кольцо.

— Где мы? — сонно спросила Лиза.

Казалось, состояние ребенка передалось ей, и теперь она отчаянно терла руками глаза, пытаясь прийти в себя. Но в глубине души она отлично понимала, что ничего у нее не выйдет, — слишком много потрясений она перенесла за последние дни. А теперь, когда все в порядке, когда мальчик рядом с ней и они в безопасности, когда впереди их ждет надежное укрытие, наступила реакция, и она ничего не могла с этим поделать.

— А куда мы все-таки едем? — спросила она просто так, чтобы не заснуть. — У тебя и правда домик в такой глуши?

— Ну, — отозвался Стас, — вообще-то это не совсем мой домик. Это домик одного моего друга. Он егерем в охотхозяйстве работает. Даже если его самого сейчас на месте нет, ключи он обычно для меня оставляет.

Он ободряюще улыбнулся ей.

— Вот уж там нас никто не найдет, будь спокойна.

— Я так устала, Стас, — сказала она тихо. — Мне иногда кажется, что я вообще больше не понимаю, что происходит.

— Да, — сказал он задумчиво, — разобраться не мешало бы. Ну, на сегодня отбой, а завтра мы посидим, подумаем, может, удастся что-нибудь выяснить. Ведь и у меня кое-какие связи имеются.

«А правда, — подумала она, — наверняка у Стаса свои каналы. Такие же темные, как его темное прошлое. Может, друзья по Афгану... или там... какие еще «горячие точки» есть?»

— Долго еще ехать? — спросила она. Хотелось встать, вдохнуть свежий лесной воздух, размять затекшие ноги...

— Да мы уже почти на месте, — ответил он.

Деревушка вынырнула из-за холма внезапно.

Она казалась жалкой горсточкой огоньков, небрежно брошенных посреди ночной тьмы.

— А я думала, егерь в лесу живет, — сказала она.

— А это что, по-твоему, не лес? — удивился Стас. — Тут, знаешь ли, сплошные леса. А это так, деревушка полузаброшенная. Две-три старушки, и все... Его дом крайний. Хотя отсюда он не виден, темно там.

Машина притормозила у свежесрубленного, остро пахнувшего древесиной крыльца. Максимка тут же слез с колен Лизы и выбежал наружу. Лиза тоже вышла, с наслаждением потянувшись. Земля под ногами чуть покачивалась.

— Ма-ам, — проныл Максимка, — я писать хочу.

— Вон там сортир, — сказал Стас, — будочка такая темная, видишь? Только осторожней, не булькни в яму.

Мальчик хихикнул и побежал по дорожке в угол двора. Пока Стас, подсвечивая себе зажигалкой, шарил под застрехой в поисках ключей, Лиза огляделась. Дом был простым деревенским срубом, но видно было, что за ним в последнее время ухаживали заботливые руки: все здесь было крепкое, добротное.

Впечатление это только усилилось, когда Стас, отыскав наконец ключ, открыл двери и они прошли в сени.

Стас щелкнул выключателем, и лампочка без абажура тускло осветила комнату: русская печка, стол, кровать... угол за печкой был оборудован под кухню — электроплитка, буфет... под стеной мирно гудел холодильник.

— А где твой приятель?

— Охотится с какими-нибудь крутыми, наверное, — пожал плечами Стас. — Ну, ты располагайся. Все в порядке? — повернулся он к Максимке, который как раз вошел в сени.

— Ага, — кивнул тот.

— Ну и ладно. Давай, — он вновь обернулся к Лизе, — займись-ка ужином. Чайник ставь, погляди, может, там в холодильнике что-нибудь имеется. А я пока печку растоплю. Ночи-то холодные.

Лиза молча занялась готовкой. В холодильнике лежал в миске кровоточащий кусок какого-то мяса. Стас сказал, что это скорее всего лосятина. Нарезав убоину тонкими ломтями, Лиза положила куски на раскаленную сковородку. Готовила она механически, ни о чем не думая. Страшно хотелось спать. Тем не менее, когда она разложила по тарелкам

поджаренное мясо, приправленное маринованными грибами и луком, от него пошел такой аппетитный дух, что она сама не заметила, как уничтожила свою порцию. Максимка тоже вмиг опустошил тарелку и попросил добавки. «Хороший знак, — подумала Лиза, — видно, действие снотворного проходит».

Она убрала грязные тарелки и разлила по кружкам чай.

— Ну вот и все, — сказал Стас, с наслаждением откидываясь на стуле. — Теперь можно и баиньки.

— А... нас здесь никто не потревожит? — с беспокойством спросила Лиза.

— Откуда? — удивился Стас. — Кто сюда посреди ночи зайвится? Тут места глухие.

Завтра протоплю баньку, за молоком сходим...

Лиза задумалась.

— А как дальше быть, Стас? Ну хорошо, пересидим тут какое-то время. Но ведь мы не можем здесь жить вечно! Да и приятель твой вернется.

— Ну, ему-то как раз доверять можно, — сказал Стас.

— Но ведь он не один тут появиться может. Тогда как? Значит, рано или поздно нужно будет возвращаться. А нас наверняка дома уже поджидают. И хорошо, если только милиция!

— Ну-у, — протянул Стас, — милиция — это как раз не проблема. Про электронную почту расскажешь, что поехала на свой страх и риск... Скажешь, что, пока поблизости бродила, мальчуган выбрался с дачи этой, на дорогу выбежал — тут ты его и подхватила. Остановила попутку — и в Москву, автостопом. Может, они и не поверят тебе, но доказать-то ничего не смогут. А вот что до тех, других... Уезжать тебе нужно от греха подальше, уезжать и мальчика с собой забирать. — Он оживился. — Послушай, ты вроде говорила, что тебе в Лондон ехать предлагают. Надолго?

— Я так поняла, что на полгода, — нерешительно ответила Лиза. — Но куда я сейчас поеду?

— Наоборот! Милое дело. Уезжай и парня с собой возьми. За полгода все утихнет, Бог даст...

— Ну, — она пожала плечами, — не знаю... я подумаю.

— Чего тут думать, трясти надо. Вот только... И впрямь в город для этого возвращаться придется. А вам даже в квартире твоей показываться — и то опасно. Я бы приютил вас у себя, пока вы оформляться будете... но на меня они в первую очередь выйдут. Так что ты пока подумай, к кому обратиться можешь... Хотя на пару недель отсидеться, пока вы в туманный Альбион не улетите.

Она задумалась и вдруг с ужасом поняла, что обратиться ей не к кому. Были какие-то друзья, знакомые, но стоит им только узнать, в чем дело, они же шарахнутся от нее, как от зачумленной. «Регина, — подумала она, — вот Регина бы ее наверняка приютила, но Регины нет в живых...»

— Может, Варвара, — нерешительно сказала она.

— А кто это? — рассеянно поинтересовался Стас.

— Ну, сослуживица Андрея. Она вроде помощь свою предлагала. Может, у нее я смогу пересидеть. И дочка у нее младшая — Максимкина ровесница.

— Ладно, — сказал Стас. — Отвезу я вас к Варваре. Только ты поменьше там болтай, ладно? Приятельницы, они, знаешь... А он у тебя молодец. — Стас неожиданно переменял тему. — Смотри-ка, рубал, как ни в чем не бывало. Как ты себя чувствуешь, парень? — обратился он к мальчику.

— Нормально, — ответил тот. — Устал только. И рука болит немного.

— Ничего, — ободряюще сказал Стас, — до свадьбы заживет.

— Ага, — с сомнением протянул мальчик, — все так говорят. Мы с папой как-то в поход ходили, там еще тетя Варя была и дочка ее, и дядя Сережа... А на нас вдруг лиса ка-ак выбежит! Так дочка тети Вари ка-ак от нее побежит! Поскользнулась и упала в ручей... «Бешеная! — кричит. — Бешеная!» И руку себе ка-ак подвернет... А папа...

Лиза уронила пустую кружку, и та с грохотом покатила по полу.

— Ты чего? — спросил Стас, глядя в ее испуганные глаза.

— Но... он же уже это рассказывал. В машине, помнишь? — сказала она шепотом.

— Ну, может, и рассказывал. Я, честно говоря, не слушал. Не до того было.

— Зато я помню, — по-прежнему шепотом возразила Лиза. — Стас, но он это рассказывал слово в слово. Что творится, Стас?

— Ничего, — удивленно ответил он. — Да что ты психуешь по ерунде-то? Ну, переутомился малец. Зациклился. Давай-ка, стелиться пора. Белье там, в ящике. А я на печке устроюсь. Спать хочется, сил нет.

Максимка посапывал тихо, уютно. Лиза приподнялась на локте, прислушиваясь к его дыханию, но это был самый обычный сон, а не тот тяжелый дурман, который она вытряхивала из него почти всю дорогу. Ей и самой нужно было бы поспать, но почему-то не получалось — она все время вздрагивала и просыпалась с колотящимся сердцем: должно быть, потрясения последних дней оказались слишком сильными. Сейчас, когда она вот так, без сна, лежала на жесткой постели, она вдруг поняла, что невольно напрягает слух — такая тишина царила вокруг. Непривычная тишина, какая только и может быть вдали от цивилизованного мира, того, где непонятные люди занимаются непонятными делами: стреляют, преследуют, крадут детей. Здесь такое невозможно. Здесь можно лишь доить коров, ходить к колодцу за водой...

Лишь иногда тихо скрипели половицы, точно по ним перемещался кто-то невидимый.

Она чуть повернула голову, всматриваясь в окно. Тучи разошлись, и в комнату заглядывала неправдоподобная луна, заливая все жидким серебром.

Чья-то темная тень мелькнула в квадрате лунного света на полу; Лиза вздрогнула. Мышцы сократились так резко, что ее подбросило на постели.

— Стас, — сказала она шепотом.

Но никто не отозвался. Стас спал бесшумно — в этом она уже успела убедиться... но чтобы так тихо... Ступая босыми ногами по прохладным половицам, она осторожно подошла к печке. Лунный свет сюда не добрался — угол комнаты был погружен в темноту. Дрова тоже прогорели, лишь иногда по темным углям волной пробегали искры. Лиза увидела темную бесформенную массу на лежанке и осторожно дотронулась до нее рукой. Это был пустой спальник — еще теплый. Почему-то он напомнил ей покинутый кокон, из которого вылетела бабочка, и ее передернуло от омерзения.

Она попятилась, вновь приближаясь к окну, и осторожно выглянула наружу. «Дура, — уговаривала она себя, — понадобилось человеку на двор, вот он и вышел потихоньку». Но в глубине души она отлично понимала, что дело не в этом.

Темная фигура неподвижно застыла у крыльца. Потом пошевелилась. Сквозь мутное стекло Лиза видела, что рука Стаса сжимает какой-то небольшой предмет. Пистолет? Она вцепилась рукой в подоконник так, что заболели пальцы. Чёрт, как темно... Неужели кто-то

добрался за ними сюда, в эту глушь? Ну нет, с нее хватит.

Куртка лежала в ногах постели. Лиза, не отрывая взгляда от окна, потянулась за ней и накинула ее на плечи. Пистолет по-прежнему был во внутреннем кармане — она кожей чувствовала его холод. Лиза достала его, и рукоятка покорно легла ей в руку. Он словно сам подсказывал ей, что нужно делать. Одно движение дрожащих пальцев — и оружие снято с предохранителя. «Максимка, — подумала она отстраненно, — выстрелы разбудят Максимку». Ей нужно было бы бежать к Стасу, но она, застыв, продолжала смотреть в окно.

Что-то было не так.

Стас медленно поднял руку с темным предметом, удерживая его на уровне лица. Раздался негромкий голос — его голос.

Картина, которую наблюдала Лиза, внезапно распалась на мелкие осколки, потом опять сложилась — но теперь она изображала что-то совсем другое.

Стас говорил по сотовому телефону!

Так значит, у него все это время был телефон, подумала она. Он не дал ей позвонить маме, он гнал весь день до этого Богом забытого угла, чтобы связаться с кем-то посреди ночи. С кем?

Лиза приникла к стеклу — оно чуть вибрировало, отзываясь на звуки низкого голоса, и она еле могла разобрать долетающие до нее обрывки фраз.

— Нет, порядок... нет, не знает... говорит, к приятельнице собралась... нет, все чисто прошло... да лопухи они... чайники... Я же говорил — сам справлюсь... Пусть теперь с нами поторгуются... Ладно, придержу... Но тогда побыстрее, пока она еще в ауте...

Лизе внезапно стало холодно. Стас?.. Не может быть. Они ведь познакомились случайно!

«Легче всего подстроить такую случайность», — сказала она себе. Что-то еще царапало ее память, что-то незначительное, мелкое. Он тогда привел ее домой, собрался уходить и сказал... он тогда сказал — звоните... оставил свой телефон... и она позвонила ему... ему даже не пришлось в голову спросить тогда ее номер. Потому что он его уже знал.

Но ведь он же спас ее. И он спас Максимку.

«Он забрал их из одних рук, чтобы передать в другие», — подумала Лиза с холодной отчетливостью. Просто он работал на других заказчиков. Кто бы они ни были — бандиты, политики, но, узнав нечто, до сих пор неизвестное ей самой и, видимо, очень важное, они успели уже трижды продать и перепродать и ее, и Максимку. А теперь, после всего что случилось, Стас решил, что мало просто присматривать за ней. Мало просто быть рядом. Он вызвал сюда своих хозяев. И если это действительно так, у них с Максимкой очень мало времени.

Голос стих, силуэт в окне растворился в полосе тени, и Лиза отпрянула от холодного стекла.

Ступеньки тихо скрипнули — если бы не это, она бы вообще не услышала его шагов. Она поспешно легла на кровать, натянула на себя одеяло, по-прежнему сжимая в руке пистолет.

Дверь осторожно приотворилась, Стас скользнул в комнату. Луна заливала ее ярким, почти нестерпимым светом. Лиза закрыла глаза и постаралась дышать как можно ровнее. Она не столько слышала, сколько чувствовала, как Стас бесшумно подошел к кровати, постоял, вглядываясь ей в лицо. «Нет, — думала она, — нет!»

Потом он отошел — так же бесшумно, на цыпочках. Лиза сквозь неплотно прикрытые

веки наблюдала, как он снимает куртку, аккуратно вешает на стул. «Где он прячет оружие?» Она вспомнила, как вел он себя в деле — бесшумная и смертоносная машина. «Мне ведь с ним не справиться, — подумала она. — А раз так...»

Она лежала, прислушиваясь к собственному неровному дыханию. Вокруг вновь воцарилась страшная, глухая тишина. Луна поднялась выше, светлый квадрат на полу переместился. С печки тоже не доносилось ни звука.

Она осторожно потрясла за плечо Максимку. Он никак не хотел просыпаться — то ли все еще сказывалось действие снотворного, то ли просто крепко спал, как это бывает с детьми. Наконец он открыл глаза и поглядел на нее. Лиза прижала палец к губам, а потом, схватив Максимку за руку, осторожно потянула его с кровати.

«Может, он подумает, что это такая игра?» — уговаривала она себя.

Мальчик неохотно поднялся, по-прежнему молча глядя на нее.

Не выпуская его пальцев, она осторожно двинулась к двери. Проклятые половицы тихо поскрипывали. Курточка Максимки лежала рядом на лавке. Она протянула руку, чтобы подобрать ее, и с удивлением обнаружила, что рука занята пистолетом. Видимо, за это время она успела так привыкнуть к тяжести оружия в ладони, что перестала его замечать. Но бросить его она побоялась — перекинула курточку через руку и, таща за собой Максима, на цыпочках двинулась к выходу. Она плохо представляла себе, что они будут делать дальше, но это было не важно. Главное — успеть убежать отсюда куда-нибудь подальше, где их никто не сможет отыскать. Слепой материнский инстинкт, тот самый, который заставляет кошку перетаскивать котенка в безопасное место, подгонял ее.

Они уже стояли в сенях, как вдруг сзади, из глубины комнаты, раздался спокойный голос:

— Куда это вы собрались?

Она вздрогнула и на миг застыла. Потом с усилием овладела собой.

— Он попросился на улицу, — сказала она спокойно.

К ее удивлению, Максимка вмешался:

— Ма-ам, скорей, я писать хочу.

Голос у него был противный, капризный и ноющий.

— Я пойду с вами, — сказал Стас. — Покараулю.

— Зачем? — запротестовала она фальшиво. — Отдыхай. Мы сейчас вернемся.

Но Стас уже соскочил с лежанки и теперь двигался к ним. Она не видела его лица — черный силуэт на фоне черных стен.

— Не подходи, — тихо сказала она.

— Ты что, с ума сошла? — удивился он. Но голос его звучал фальшиво — холодный, жесткий... чужой голос.

— Я сказала — не подходи.

— Ма-ам, — вновь вступил Максимка, — пошли отсюда.

— Сейчас, — рассеянно отозвалась она.

И, стряхнув с руки детскую курточку, медленно подняла пистолет, странно блеснувший в лунном свете.

Стас, увидев оружие, на миг замер.

— Ах, ты...

— Отпусти нас, Стас, — по-прежнему тихо сказала она.

Он вновь шагнул к ней.

— Отдай пушку, стерва.

И тут палец ее сам собой несколько раз резко дернулся.

Стаса выстрелы застигли в прыжке. Они отбросили его назад, заставили согнуться пополам. Он изумленно уставился на нее: глаза вытаращены, рот приоткрыт, по подбородку стекает струйка крови. По-прежнему согнувшись и прижав руки к животу, он медленно стал клониться набок. Кровь просачивалась сквозь пальцы — в лунном свете она казалась черной.

Лиза опустила окаменевшую, судорожно вытянутую руку. Ее колотила дрожь. За спиной тихо поскуливал Максимка.

Какое-то время она стояла, не смея пошевелиться, напряженно вглядываясь в скорчившуюся на полу фигуру, залитую лунным светом. Черная лужа все увеличивалась, потом застыла, утратила свой блеск.

— Он умер, да? — спросил у нее из-за спины Максим. В его голосе слышался какой-то академический интерес.

— Да замолчи ты! — не выдержала она.

Затаив дыхание, Лиза приблизилась к телу и, по-прежнему сжимая в правой руке пистолет, левой попыталась нащупать пульс на неловко вывернутом запястье лежавшего. Но пульса не было.

Свет включить она побоялась — огни, горящие в доме посреди ночи, вполне могли привлечь чье-то внимание. Но на этом силы и способность рассуждать здраво, казалось, совсем покинули ее. Какое-то время она стояла неподвижно, рассеянно оглядывая комнату.

— Сюда придет кто-нибудь? — спросил мальчик.

Тут она опомнилась.

— Стой где стоишь, — сказала она торопливо. — Я сейчас.

Она вновь окинула взглядом комнату. Лунный луч высветил очертания квадратного люка в полу. «Наверняка это погреб, — подумала она. — Как раз то, что нужно. Тело нельзя оставлять тут, на виду».

Лиза кинулась к люку и потянула за кольцо. Ей пришлось приложить немалое усилие, прежде чем крышка сдвинулась. Вниз вела деревянная лестница, ступеньки терялись во тьме. Осторожно Лиза спустилась вниз, одновременно нащаривая на стене выключатель. Тусклая лампочка осветила земляной пол, деревянный ларь для овощей, полки, на которых молчаливыми рядами застыли банки с какими-то соленьями. Тут было прохладно и сыро.

Она вновь выбралась наружу. Максимка так и стоял в сенях — крохотная фигурка, которая в лунном свете казалась почти бесплотной.

Нужно будет хоть что-то объяснить ему, подумала она. Вся эта стрельба и трупы должны были показаться домашнему тихому мальчику сплошным кошмаром... Но это не сейчас... позже.

Она, закусив губу, склонилась над трупом и потянула его за ноги. Тело перевернулось на спину, руки беспомощно раскинулись.

«Что же я наделала!» — кричало что-то в ней. Но тем не менее она с усилием протащила оставляющий кровавую дорожку труп по половицам, потом медленно спустилась в погреб, по-прежнему волоча его за собой. Голова того, что раньше было Стасом, глухо стучалась о ступени. Наконец Лиза оказалась внизу и, протаскив тело еще немного по земляному полу, затолкала его в дальний угол, который не освещала эта тусклая голая лампочка.

«Его, разумеется, найдут, — отстранение подумала она. — Но не сразу. А мы уже будем далеко».

Лиза, ни разу не обернувшись, поднялась по деревянным ступенькам и повернула выключатель. Свет за ее спиной погас...

* * *

Павел вновь нерешительно потоптался у будки телефона-автомата. До этого он два часа ходил по улицам, останавливался у витрин, резко поворачивал назад, пересекал пустынные скверы. Но слезки за собой не обнаружил. Теперь он стоял рядом с решеткой Нескучного сада, где уже проглядывала нежная зелень деревьев, и пытался сообразить, что же делать дальше. «Наверное, так чувствует себя загнанный зверь», — подумал он. Даже из норы его выкурили.

Окинув взглядом улицу, он набрал номер собственного телефона. Раздались длинные гудки. Ну, не такие же они там дураки, чтобы брать трубку, подумал он... с другой стороны, мало ли что они там намерены делать... Восемь. Еще два. Он повесил трубку и перелез через ограду. Устроившись за кустами, он внимательно наблюдал за улицей. Теоретически должна повториться вчерашняя история. Сейчас у будки стремительно затормозит машина... Но машины проносились мимо, окатывая тротуар дождем брызг и жидкого огня. Ни одна даже не притормозила.

Прождав полчаса, он вновь вернулся к телефону. На этот раз трубку подняли, и он услышал недовольный голос начальника.

— Лев Семенович?

— Пашка, это ты? Что ты вытворяешь? Пропал на две недели, никому ни слова не сказал...

— Тут такое дело, Лев Семенович... Неприятности у меня.

— Это я уже понял, — сухо сказал заведующий. — Во что ты, интересно, вляпался?

— Да так... послушайте, там меня никто не спрашивал?

— Спрашивали, — сухо сказал шеф.

— Кто?

— Ну как тебе сказать...

— Ясно, — отозвался Павел. — А давно?

— Неделю назад. Да, точно.

— А потом?

— Тебе мало? Послушай... — Он помялся, но наконец сказал: — Может, тебе помощь нужна?

Заведующий был человек пуганый, трусоватый, но, в общем, неплохой.

— Пока нет, Лев Семенович, спасибо, — ответил Павел, — но если меня кто-нибудь будет разыскивать... я имею в виду, кто-нибудь из... штатских... пусть оставят свой телефон, ладно? А я вам еще перезвоню. Может, женщина одна...

— Так ты из-за бабы всю эту кашу заварил? — удивился заведующий.

— Нет, — сказал Павел, — это совсем другое.

И повесил трубку.

Поднявшись наверх, Лиза взяла тряпку и стала замывать кровавые следы. Закончив работу, она вышла на крыльцо и, выплеснув воду из ведра, вновь вернулась в дом. Теперь пол был просто мокрым. Черная лужа исчезла.

Максимка По-прежнему стоял в сенях, не говоря ни слова. Она натянула куртку, взяла сумку, затолкала в нее полбуханки хлеба и пластиковую бутылку с водой, подошла к мальчику и взяла его за руку.

— Пойдем.

Тот покорно двинулся за ней.

Луна уже стояла в зените, заливая все вокруг отчетливым холодным светом. Теперь стало видно, что лес расступился, — перед ними лежала та же дорога, по которой они и приехали сюда. Тут только нервы у Лизы не выдержали — она кинулась бежать, волоча за собой ребенка.

Дорога чернела многочисленными выбоинами, горбилась отпечатками протекторов и гусениц, и Лиза поминутно оступалась, но ни разу не замедлила шаг. Луна медленно ползла по небосводу, лес постепенно погружался во тьму. Вокруг царил такая тишина, что, когда откуда-то спереди раздался шум мотора, слышно его было издали.

«Это за нами», — с какой-то отстраненностью подумала Лиза. Она вновь потянула Максимку за руку, и они, сойдя с дороги, нырнули в подлесок.

— Кто это, мам? — шепотом спросил ребенок.

— Не знаю, — честно ответила Лиза. — Но давай спрячемся, ладно?

— А куда они едут? В домик?

— Наверное...

— А если они найдут того дядю?

— Ну... — неуверенно ответила Лиза, — они могут на нас рассердиться.

Они присели в зарослях, прислушиваясь к надсадному гулу. Он слышался все ближе, ближе, по стволам деревьев метнулся свет фар и пошел резать тьму, направляясь к оставленному беглецами домику. Дождавшись, пока задние огни машины скрылись за деревьями, Лиза выскочила из своего убежища, увлекая за собой Максимку.

— Побежали!

Бежать было еще труднее, чем идти. Один раз Лиза споткнулась и упала, больно ударившись о какой-то выступающий из земли корень, но тут же вновь вскочила и, задыхаясь, кинулась вперед. Мальчик с неумолимостью семилетнего ребенка следовал за ней. Они бежали так уже с полчаса, когда Лиза вдруг вновь услышала знакомый гул. Где-то поблизости ехал автомобиль.

«Как он вновь тут оказался?» — подумала она, машинально втянув голову в плечи. Но мотор звучал ровно, спокойно, словно ему и не приходилось преодолевать ухабы грунтовок. Раздвинув кусты, Лиза осторожно выглянула: мимо промчались два слепящих огня.

Они вышли на шоссе.

Когда из-за холма выкатилась еще одна пара шаровых молний, Лиза выскочила на шоссе и отчаянно замахала руками.

Это был грузовик. Завидев женщину, выскочившую на дорогу прямо перед носом машины, шофер резко нажал на тормоза, и тяжелый «КамАЗ», вильнув, остановился.

— С ума сошла? — заорал шофер, высунувшись из кабины.

Лиза подбежала ближе.

— Пожалуйста, — закричала она, — увезите нас отсюда!

Шофер поглядел на бледное лицо с расширенными глазами, на заляпанную грязью куртку, на крохотную фигурку, сиротливо маячившую на обочине.

— Куда тебе? — спросил он наконец.

— Все равно! Только поехали.

— Ладно, — сказал шофер, — залезайте. До Твери доброшу.

Лиза подхватила Максимку и, ни на миг не выпуская его из рук, вскарабкалась в кабину.

На Ленинградском вокзале царил обычная суматоха. Люди деловито сновали по залу ожидания, и никто не обращал внимания на усталую молодую женщину в куртке со следами наспех замытой грязи и такого же усталого мальчика лет семи, прикорнувшего на скамье. Иногда Лизе казалось, что она завидует Максимке — во всяком случае, его не тревожила ответственность еще за чью-то жизнь. Ему не приходилось решать, судорожно перебирая варианты, что делать дальше. В конце концов он был всего лишь ребенком в мире, где всем заправляли взрослые. Она не может, да и не должна объяснять ему, что она чувствует себя точно таким же перепуганным ребенком в чужом, враждебном мире. Где спрятаться? К кому обратиться за помощью?

Она наменяла в кассе жетончики и подошла к телефону. Достала из портмоне клочок бумаги со служебным номером Бориса.

Ответил женский голос:

— А он в командировке.

— В командировке? Где? — удивилась Лиза.

— Где-то в Карелии. И давно уже.

— А когда он должен вернуться?

— Вообще-то мы его еще в понедельник ждали, — сказала женщина. — Но от него до сих пор никаких известий. Ни звонка, ничего. И мама его беспокоится.

— Ясно, — медленно сказала Лиза.

— Может, передать что-нибудь, если он появится?

— Нет, — сказала Лиза. — Нет, спасибо.

Она нажала на рычаг, преследуемая тревожным предчувствием. Что именно случилось с Борисом, она не знала, но наверняка что-то нехорошее.

Она вновь покосилась на Максимку. Он дремал, подсунув сумку под голову.

Нет, хватит! Она должна найти кого-то, кто согласится ее выслушать. Все. До конца. И про деньги, и про пистолет, и про Стаса. Потому что иначе — иначе она так и провалится в этот бред, в ирреальный мир выстрелов и погонь, в котором ей не выжить.

Она помедлила и набрала еще один номер телефона.

— Следователя Губарева, пожалуйста.

На этот раз ей ответил мужской голос:

— Его еще нет.

— А когда он будет?

— Скоро. Передать ему что-то?

— Я бы хотела его повидать. Это Панина. Он со мной разговаривал после того, как одну журналистку убили.

— А, — отозвался голос, — помню. Вы, кажется, свидетельницей проходили?

— Да.

— Так чего вы волнуетесь? Дело закрыто.

— Я бы... я хотела ему кое-что сообщить.

— Ну-ну, — неопределенно отозвался ее собеседник. — Ладно, я вам выпишу пропуск.

Вы когда будете?

— Через час. Но я с ребенком.

— Ну, приходите с ребенком. — Она почти видела, как человек на том конце провода пожал плечами.

В другое время это место показалось бы ей неприятным — от него веяло казенным неуютом, холодом присутственных мест, чужими несчастьями. Но сейчас она чувствовала себя почти в безопасности — ведь наверняка после того, как Губарев выслушает ее рассказ, он обеспечит ей какую-то охрану. И может быть, он наконец сумеет объяснить ей, что все это значит.

— Ма-ам, — Максимка, кажется, пришел в себя и тут же начал ныть. — Ма-ам, я домой хочу.

— Мы поедем в гости, — сказала она. — К тете Варе. Вот только поговорим сейчас с одним человеком и поедем.

Ну как объяснить ему, что дома им скорее всего нельзя будет появляться еще долгое время?

— Это же милиция, — неодобрительно сказал мальчик. — С каким человеком?

«А ведь меня могут арестовать, — подумала она. — Арестовать за убийство. И что же тогда с Максимкой? Но я же защищалась...»

Она так и не пришла ни к какому определенному решению, поскольку как раз в эту минуту в дверях показался Губарев. Он деловито прошел по коридору, рассеянно скользнул взглядом по Лизе и направился к своему кабинету.

Она торопливо загородила ему дорогу.

— Простите, пожалуйста... Мне нужно с вами поговорить.

— Вы ко мне? спросил он.

— Да. Вы еще тогда сказали, что если я захочу рассказать вам... Так вот...

— Погодите, — он досадливо поморщился, — не так быстро. Как ваша фамилия?

— Панина. — Она все еще загораживала ему путь, стоя перед дверью. — Мою... мою приятельницу недавно убили. Регину Гальперину.

— А-а, — сказал он наконец, — да, припоминаю. Ну и чего вы, собственно говоря, хотите? Дело закрыто.

— Но вы же сами говорили, что остались сомнения...

— Господь с вами! — удивился он. — Кто вам это сказал? Какие сомнения? Нашли убийцу, вина его доказана, скоро суд...

— Какого убийцу? — Она отчаянно нахмурилась, припоминая. — Какого-то Яковенко?

— Да, — удивился он, — а кто вам его фамилию называл? До суда это не положено...

— Вы же и назвали, — тихо сказала она.

— Вы что-то путаете, — холодно возразил следователь.

— Послушайте, — горячечно заговорила она. Он попытался обойти ее, но она шагнула в сторону, заслоняя ему проход. — Там совсем не в этом дело, никакой Яковенко ее не

убивал... Это все из-за моего мужа...

— А что с вашим мужем?

— О Господи! Ну, он погиб в перестрелке на Профсоюзной... когда это было?

Она с ужасом поняла, что в голове у нее все перепуталось и она никак не может сообразить, когда именно это случилось.

— Вот когда вспомните, когда это было, тогда и приходите, — сказал следователь. — А у меня дел полно.

— Но у меня похитили ребенка! — Лиза уже почти кричала.

— Какого? — Следователь поглядел на Максимку, который, болтая ногами, сидел на стуле. — Вот этого?

— Да, — подтвердила она.

— А по-моему, он тут сидит, — задумчиво сказал следователь.

— Он тут сидит потому, что мне удалось увезти его обратно. Но его похитили, честное слово.

— Послушайте, — мягко сказал следователь, — может, вам нехорошо? Может, «Скорую» вызвать?

— Нет... не надо «Скорую»! Но мне нужно... я человека убила, понимаете?!

— Слушайте, — брезгливо сказал Губарев, — что вы выдумываете все? Будто бы я с вами разговаривал. Про похищение какое-то. Теперь вот про убийство. Что вам от меня нужно?

— Но я... — Лиза запнулась.

— Если вы действительно кого-то убили, зайдите к дежурному, напишите заявление. Мы проверим. А где ваш труп-то?

— Не знаю... — Лиза вновь в затруднении поглядела на него. Все происшедшее ночью плохо отложилось у нее в голове: она даже не могла сказать, где это произошло. Где-то под Тверью, да... но где именно? В лесу. В какой-то избушке.

— Ну хорошо. А оружие? Чем вы его убили — не кулаком же уложили?

— Нет, застрелила из пистолета, — буднично сказала Лиза.

— Ну, давайте ваш пистолет.

— Он там остался...

Следователь положил руку ей на плечо, мягко отстраняя ее.

— Знаете что? Идите-ка вы домой. Отдохните. А потом приходите опять. Если мы найдем ваш труп, мы с вами свяжемся.

Она отвернулась и, махнув рукой, побрела к выходу. Максимка сполз со стула и потащился за ней.

— Заявление у дежурного оставьте, — сказал ей вслед Губарев.

Она нажала на кнопку звонка и замерла у двери. «Если Варвары не будет дома... Наверное, можно устроиться в гостиницу, — подумала она. — Но не покажется ли регистраторше подозрительным то, что ей, москвичке, нужна гостиница в Москве же. Хотя мало ли что сейчас бывает... Может, это и впрямь неплохой выход из положения, но сейчас ей нужна передышка — принять ванну, поспать... Привести в порядок Максимку. Он последнее время какой-то странный... то ли кололи ему там какую-то дрянь, то ли просто все эти кошмарные события оказались непосильными для неокрепшей детской психики. У Варьки он бывал, там хоть обстановка знакомая. Дочку ее, Таньку, он опять же знает.

Варькина старшая в каком-то колледже учиться, дома почти не бывает».

Но за дверью послышались шаги: Варька открыла дверь.

— Господи! — Она всплеснула руками, в ужасе оглядывая пришельцев. — Лизавета, это ты? Да что с тобой стряслось-то?

— Ох, не спрашивай, — устало сказала Лиза.

— Проходи! — Не дожидаясь ответа, Варька схватила ее за руку и втащила в коридор. — Ну, мать, ты даешь! А малый-то во что превратился! Где вы шатались? Я звоню тебе, звоню... Ты что, за ним в Питер ездила?

— Ага, — согласилась Лиза.

— А почему вид-то такой у вас? Вы что, в катастрофу попали?

«Можно и так считать», — подумала Лиза.

— Нет, — сказала она. — Просто мы на попутках добирались.

— У тебя что, денег нет? — В Варваре каким-то причудливым образом душевная широта сочеталась с приступами жадности.

— Да нет, — успокоила ее Лиза, — с деньгами как раз все в порядке. Просто... машина, на которой мы ехали, застряла, пришлось помогать ее вытаскивать... ну вот...

Варька пожала плечами.

— Надо же, — сказала она, — а почему сюда-то? Нет, я, конечно, не против...

— Не могу я домой, — твердо сказала Лиза. Лучше ничего не объяснять, подумала она. Но Варвара поняла по-своему.

— Ничего, — она похлопала ее по плечу, — понятное дело, тоскливо, когда Андрюшки нет... в пустую-то квартиру. Ладно, чего мы в коридоре стоим? Проходи. Я тебе сейчас переодеться во что-нибудь дам. Лялька-то, старшая, уже с тебя ростом вымахала... Во растут они теперь, а? Правда, твой вроде мелковат для своего возраста.

— Это ничего, — тихо сказала Лиза.

«Будь он потяжелее, я бы за последние два дня просто надорвалась бы», — подумала она. В приемной у Губарева Максимка начал засыпать, и почти всю дорогу к Варваре ей пришлось нести его на руках.

— Я ему молока согрею. Погляди, его уже ноги не носят...

— Чего ты хочешь, — устало отозвалась Лиза, — такая тяжелая дорога.

Она присела у стола, стащила с себя куртку и поняла, что больше не в силах даже пошевелиться.

Варвара хлопотала около них, отпаивая ее горячим чаем, а Максимку — молоком, потом отнесла вновь задремавшего мальчика в детскую, а Лизу отвела в ванную и заставила умыться.

— Да что все-таки стряслось? — Похоже, Лизины объяснения ее не удовлетворили.

— Потом, — с трудом выговорила Лиза, — я посплю, ладно?

Под любопытным взглядом Варвары она на подгибающихся ногах подобрела к дивану, повалилась на него и сразу уснула. Ей даже кошмары не снились.

Когда Лиза наконец открыла глаза, в окна бил тусклый серый свет, и она никак не могла понять, вечер сейчас или уже утро.

— Ну ты и спишь, мать! — сказала Варвара. Она накрывала на стол.

— Который час?

— Полдесятого.

— Полдесятого чего?

— Утра, конечно, — ответила Варька. — Ты вчера как свалилась, так и продрыхла, как убитый камень. Даже постель не постелила. Я и не стала тебя будить. Вид у тебя, знаешь, еще тот...

— А Генка где? Он не очень рассердился, когда нас увидел?

Генка был Варвариним мужем — тихий, малорослый, он казался бесцветным на фоне шумной Варвары.

— Да он вас и не увидел, — успокоила Варька, — я его еще два дня назад на шабашку отправила. Мужик он или нет? А раз мужик, должен семью кормить, верно? Лялька на каникулы со своим курсом поехала — Прагу смотреть. Так что ты не волнуйся, никого вы не стесните.

— А Максимка где?

— С Танькой играет. В гоблинов каких-то. Вот странные у них теперь игры! Мы-то все больше в лото играли, в двенадцать палочек... Он у тебя бродит во сне, знаешь?

— Вроде не водилось за ним этого, — удивилась Лиза.

«Правда, — подумала она, — после того, что на него свалилось... Еще спасибо, что он не начал писаться».

— Встал, вышел в коридор и стоит там... молча. Я говорю: «Максим, ты чего?» А он смотрит мимо меня, взгляд такой странный, знаешь... ты бы его врачу показала.

— Покажу, — кивнула Лиза. А сама подумала: «Да я ни одного врача ни к нему, ни к себе на десять метров не подпущу».

— Ладно, — сказала Варвара, — давай чай пить. Не дрейфь, все утрясется.

— А малышня?

— Они в кухне позавтракали. Так что посидим спокойно. Ты мне заодно все и расскажешь.

— Да рассказывать, собственно, нечего, — осторожно сказала Лиза.

Не очень-то ей хотелось тешить любопытство Варвары, но какую-то более или менее правдоподобную историю рассказать надо. Иначе та Бог знает что навоображает. Хотя... хуже, чем оно есть на самом деле, кажется, уже невозможно. Но надо же как-то объяснить, почему она домой не хочет возвращаться... почему они приехали в таком жутком виде. Все-таки лучше сказать полуправду, чем явную ложь.

— Понимаешь... — сказала она, размешивая сахар в кофе, — не хотелось мне об этом говорить, но... у Андрюши неприятности были. Помнишь, ты еще говорила, что он никаких грантов не получал... Не знаю я, как он эти деньги зарабатывал, но после его смерти стали звонить какие-то типы, угрожать... Вот я и побоялась Максимку домой везти.

— Ты бы все-таки в милицию обратилась.

— Да обращалась я! А что толку?

— А почему малого в Питере не оставила? Все-таки спокойней.

«Сейчас», — про себя ответила Лиза.

— Мама болеет. Ох, надо же ей позвонить!

«Она там, наверное, с ума сходит», — подумалось Лизе.

— Варька, — сказала она умоляюще, — я в Питер звякну, ладно? А то мама волнуется.

— Ладно, — великодушно сказала Варвара, — только недолго...

Лиза кинулась к телефону и набрала знакомый номер.

— Мама! сказала она, услышав прерывистые всхлипывания. — Это я... да... Максимка

со мной. Не волнуйся. Все в порядке... ну, не могла я раньше... нет, сам ушел... мама, я не могу сейчас разговаривать... Нет, пусть делают, что хотят... Нет, не дома... Ну все, ну не надо... пока.

Она поспешно бросила трубку, даже спиной чувствуя любопытный взгляд Варвары:

— Ушел? Откуда ушел? — спросила она.

— Пошел погулять и заблудился, — объяснила Лиза. — Еле отыскали его, дурачка.

Что-то странное у тебя творится, — недоверчиво сказала Варвара. — Ох, Лизавета влипла ты в какую-то темную историю... почему...

Дикий крик, раздавшийся из детской, прервал ее на полуслове.

Лиза, отбросив стул, кинулась туда вслед за Варварой. Максимка спокойно перебирал какие-то пластиковые фигурки чудовищного вида, а Варькина Татьяна всхлипывала, забившись в угол.

— Что ты ей сделал, ты, бандит? — Лиза встряхнула его за плечо. — Ударил? Девочку?

Мальчик мрачно покосился на нее и ничего не ответил.

— Он меня не ударил, — всхлипывала Танька в Варвариных объятиях, — он на меня посмотрел! Мне стало так страшно...

— Ну, не ударил, так чего плакать, — миролюбиво сказала Варвара, — а ты, Макс, не пугай ее. Найдите себе какую-нибудь другую игру. Ну все, успокойся. Пошли отсюда, сами разберутся.

— Я не хочу с ним оставаться, — рыдала Танька, — я боюсь...

— Все это от игр этих дурацких, — сокрушенно сказала Варвара Лизе, выходя из комнаты... — Ну почему мы не боялись? В зоопарк играли, в доктора... А тут — стоит только посмотреть на эти пластиковые рожи. Алиенсы какие-то, гоблины, трансформеры... тьфу ты! И в школе они только про них и говорят — коллекционируют, меняются. Генка давно уже хочет компьютер домой принести, я ему запрещаю. С компьютером она и вовсе рехнется. Все они так.

— Ага, — машинально ответила Лиза.

Выходя, она оглянулась. Максимка по-прежнему спокойно сидел на полу, вертя в пальцах какую-то фигурку.

— Пусть себе, — сказала Варвара, — сначала поссорятся, потом помирятся. Давай-ка, расскажи лучше, что ты делать собираешься?

— Завтра с утра заеду на работу. Заберу вызов. Потом в посольство. Не знаешь, когда там принимают?

— Понятия не имею. Это ты по заграницам намылилась. А уж Андрюшка сколько ездил...

— Лучше бы он не ездил никуда, — тихо сказала Лиза, — лучше бы...

Из детской вновь раздался вопль — горький, отчаянный.

— Ну ты погляди, что творится! — с досадой воскликнула Варвара, решительно направляясь к источнику звука.

Девочка кинулась ей навстречу, уткнулась в живот.

— Я боюсь, — рыдала она. — Я не хочу оставаться с ним в одной комнате.

Максим молчал. Когда Лиза подбежала к нему, он поднял глаза, и ей показалось, что легкая усмешка скользнула по его лицу.

— Что ты с ней опять сделал? — Лизе вдруг стало страшно. Это был какой-то бесформенный страх, казалось, он окружал ее со всех сторон.

— Что он у тебя, свихнулся? — Варвара настороженно оглядела дочку. Но та лишь всхлипывала и прятала лицо. — Что вообще происходит, Лизавета?

Лиза растерянно поглядела на нее. Она не знала, что происходит, но какой-то обособленный тихий голос в глубине сознания упрямо подсказывал ей, что надо делать.

Она пошла в прихожую и стала натягивать куртку.

— Извини, Варька. Пойдем мы.

— С ума сошла. — Варвара загородила ей дорогу. — Ты погляди, что на улице творится! За окном лил тяжелый, нескончаемый дождь. Там, за его завесой, автомобили и случайные прохожие казались бледными, размытыми тенями.

Но Лиза подхватила сумку, сняла с крюка Максимкину куртку и решительно двинулась в комнату.

— Да погоди ты! — Варька так дернула за ремень сумки, что тот порвался. Сумка упала на пол, и пачки денег рассыпались по паркету.

— Лизка, — Варвара так и застыла, вытаращив глаза, — откуда такие деньги? Ты что, ограбила кого-нибудь? Убила?

Нервы у Лизы не выдержали.

— Это Андрюшкины деньги, — устало сказала она. — Я не стала бы из-за... — и, заметив на лице Варвары тяжелое, липкое любопытство, упала на колени и толкнула пачки к ней. — Бери! Ради Бога, бери все! Только молчи...

— Да ты что, Лизавета! — Варвара тоже опустилась на колени и обняла ее за плечи. — Ты, похоже, совсем свихнулась. Ну, успокойся... Не знаю, что там у тебя стряслось, но все уладится... рано или поздно. Нельзя тебе сейчас уходить... куда ты пойдешь? В таком состоянии... Придумаем что-нибудь. А малого мы сейчас в спальню отведем — пусть один посидит...

— Не знаю, — растерянно проговорила Лиза. — Мне почему-то кажется...

Резкий звонок в дверь прервал ее на полуслове.

— Кто там? — встрепенулась Варвара.

— Милиция, — раздался голос за дверью, — откройте.

Избегая смотреть на Лизу, Варвара отперла дверь.

«Вот, значит, как», — отрешенно подумала Лиза.

За дверью стояли двое в форме.

— Вы — гражданка Панина? — спросил один из них. — Пройдемте.

Почему-то она испытала облегчение — словно все наконец-то кончилось и ей не надо больше скрываться, не надо бояться. Все, что могло случиться, уже случилось.

— Хорошо, — сказала она. — Я готова.

«Наверное, нашли Стаса. Но откуда они узнали, что я здесь?»

И вновь взглянула на Варьку. Та стояла, по-прежнему отводя глаза.

«Значит, она, — подумала Лиза. Она не испытывала ни ненависти, ни отвращения — только ужасную усталость. — Видимо, заглянула в сумку еще ночью, пока я спала».

Она шагнула к тем двоим.

— Мальчик здесь? — спросил один из них Варвару.

Та молча кивнула.

Он прошел в комнату и вышел, ведя за руку Максимку. Тот спокойно шел рядом. Лицо его ничего не выражало.

— Господи, — встрепенулась Лиза, — он-то тут при чем?

— Собирайтесь, — повторил милиционер.

Они прошли мимо неподвижно стоящей Варвары и разбросанных на полу пухлых пачек, даже не взглянув на них.

Лифт вызывать не стали — спустились по лестнице, и стена дождя обрушилась на них.

Машина стояла у подъезда. Обычная черная машина. Шофер дремал за рулем. Увидев их, он встрепенулся, включил мотор.

— Поехали, — сказал один из милиционеров, вталкивая Лизу в кабину.

И машина поплыла по улице, точно черная лодка, раздвигая потоки воды.

Она ожидала, что ее вновь повезут в то же самое отделение милиции, где она была вчера утром, но, к ее удивлению, машина выехала на Калужское шоссе и помчалась по направлению к Окружной.

— Куда мы едем? — спросила Лиза. Недоброе предчувствие шевельнулось в ней.

Сидевший рядом с ней человек не ответил.

Она беспомощно оглянулась и вдруг кинулась на шофера, пытаясь оторвать его руки от руля. Конвойный ударил ее — несильно, но достаточно, чтобы она откинулась на сиденье.

— Тихо сидеть, — сказал он.

Она вновь отчаянно дернулась, и тут ей в бок уперся ствол пистолета.

Мимо мелькали рощи, затянутые стоячей водой, размытые в пелене дождя огоньки, козырек пустой автобусной остановки...

Наконец машина свернула и покатила по мокрому асфальту к какой-то низкой постройке за глухим забором. Железные ворота отворились, и автомобиль въехал внутрь. Пистолет вновь уперся в бок Лизе.

— Выходи, — сказал сопровождающий.

Она вышла.

Второй сопровождающий выбрался следом, держа за локти Максимку.

Внутри за оградой был густой сосновый лес, и даже сейчас, в дождь, чувствовался острый свежий запах, исходящий от мокрой хвои. Постройки, затерявшиеся среди зелени, казались бы каким-то санаторием или домом отдыха — низкие белые корпуса, сияющие новенькой шпукатуркой, — если бы не отсутствие террас и балконов, без которых не обходится ни один дом отдыха. Окон на новеньких фасадах тоже почти не было.

Они пошли по дорожке в свете фар, который превращал льющияся с небес потоки в струи жидкого огня. Входная дверь бесшумно распахнулась им навстречу, хотя Лиза не видела ни одного встречающего. Они вошли в темный проем, и в нем тут же зажегся свет — унылый больничный коридор, в который выходило несколько одинаковых дверей. Лиза обернулась, пытаясь освободиться от хватки конвойного, но тот с легкостью завел ей руку за спину, и колени у нее подогнулись от внезапной дурноты и слабости.

Подталкивая Максимку, сопровождающий открыл одну из дверей и завел туда мальчика.

— Пустите его! — отчаянно закричала Лиза, выйдя наконец из оцепенения. — Пустите! Да что вам всем от нас нужно?

Но двери уже закрылись, и она со своим спутником осталась в пустом коридоре.

— Пройдемте, — сказал тот по-прежнему официальным тоном.

Все еще удерживая за вывернутый локоть, он слегка подтолкнул Лизу по направлению к еще одной двери. Свободной рукой достал из кармана ключ — из тех, которыми пользуются

проводники железнодорожных вагонов и врачи в психбольницах, — и отворил двери. Перед Лизой предстала пустая унылая комната с застеленной кроватью и единственным окном, которое располагалось где-то под потолком.

Без всякого усилия сопровождающий втолкнул ее в комнату, но, стоило ему выпустить ее локоть, как она тут же упала на колени. Ноги отказывались служить ей.

Конвойный сделал шаг назад, переступая порог, и дверь за ним захлопнулась.

* * *

Вот уже несколько часов Павел болтался вокруг собственного дома. Он и сам не знал, чего он, собственно, ждет, на что рассчитывает — обнаружить у себя на квартире засаду или, наоборот, не обнаружить ее. Он напряженно всматривался в быстро темнеющий сумрак за окнами, но в квартире ничто не менялось. Ни луча фонарика, ни огонька сигареты.

«Наверняка засада», — подумал Павел.

Но какая-то часть его рассудка упорно отказывалась в это верить. Он уже несколько раз звонил сам себе и напряженно ожидал, что за этим последует... никакой реакции. Внутри тоже никто не реагировал — трубку не поднимали. Он так устал, что хотел только одного — оказаться где-нибудь, где можно будет лечь и хорошенько выспаться. А заодно и привести в порядок спутанные мысли — события последних недель казались ему нереальными, точно он не слишком внимательно просмотрел какое-то путаное кино. Чтобы выработать хоть какой-то план действий, нужно было полностью поверить в происходящее, но именно это разум и отказывался делать.

Наконец он решил. Осторожно вошел в подъезд и вызвал лифт. Убедившись, что в кабине никого нет, он быстро захлопнул дверцы и нажал на кнопку верхнего этажа, кинув на всякий случай быстрый взгляд в холл. Но там было пусто. Оказавшись наверху, он осторожно огляделся и начал спускаться вниз по лестнице, каждую секунду ожидая наткнуться на какого-нибудь соглядатая. Никого... словно и не было ничего.

Он потоптался у двери своей квартиры, прислушиваясь. За дверью было тихо. В глазок снаружи ничего нельзя было рассмотреть — разве что абсолютную тьму, царившую внутри. Он вставил ключ и осторожно повернул его в замке. Дверь подалась, и он оказался в темной прихожей, откуда не доносилось ни единого звука. Павел устало прислонился к стене и, переведя дыхание, привычно потянул руку к выключателю. И застыл на месте: в комнате неожиданно раздался слабый шорох. Чуть слышный словно кто-то невидимый нетерпеливо шевельнулся.

— Не зажигайте света, — раздался спокойный голос.

«Вот зараза!» — пронеслось в голове у Павла. Все-таки нарвался.

— Не двигайтесь, — сказал он, стараясь говорить как можно уверенней, — застрелю.

— Ну что вы за чушь порете, Лукин, — укоризненно сказал голос, — нет у вас никакого пистолета. Я же вижу.

— Что вы там можете видеть, — отозвался Павел. На него вдруг нахлынула смертельная усталость.

«Бесполезно, — подумал он, — все бесполезно...»

— Например, вижу, что вы меня испугались, — сказал незнакомец, — а зря. Если бы я хотел убить вас, я бы давно уже это сделал.

И Павел понял, что он говорит правду.

— Проходите, — сказал незнакомец. — Садитесь.

Павел его почти не видел — черный силуэт на фоне черного окна.

— Так я и думал, что вы все-таки вернетесь домой, — сказал его невидимый собеседник. — Куда же вам еще деваться?

— Почему в темноте? — Павел медлил, не решаясь войти в комнату.

— Мало ли... вдруг кто-то поглядывает на эти окна снаружи...

— Кто-нибудь еще? — переспросил Павел. — А вы?

— Я — незваный гость, — сказал незнакомец.

— Тогда тем, кого вы боитесь, разумней было бы караулить меня тут, в квартире, — сказал Павел. — Посадили бы дежурного...

— Правильно. Он тут и сидел, — согласился незнакомец.

— А сейчас? — насторожился Павел.

— Сейчас не сидит.

— Вы его убили! — Павел представил себе валяющееся где-нибудь в углу остывающее тело.

— Вот уж нет, — возразил незнакомец. — Это... негигиенично. Я связал его и ввел ему снотворное. Пусть поспит. Правда, я думаю, что они должны сменяться, так что, если он не сдаст вахту вовремя, его хватятся. Так что у меня не много времени.

Почему-то Павел успокоился. Слишком уж все происходящее было нереальным, чтобы испугаться по-настоящему. Он нащупал знакомое кресло, сел поудобнее и с наслаждением вытянул ноги.

— Ладно, — сказал он, — чего вы от меня хотите?

* * *

Кровать так и осталась стоять с несмятым покрывалом — Лиза сидела, забившись в угол, и не отводила взгляда от двери. Время шло, серый свет за окном сменился сумерками, но в комнате ничего не менялось. Потом сами собой вспыхнули лампы дневного света под потолком. Приятней от этого комната не сделалась — напротив, лампы безжалостно высветили каждую трещину в штукатурке, каждую выбоину потертого линолеума, еще больше подчеркнув казенный неуют, царивший вокруг. Входная дверь была по-прежнему заперта. Никакой дверной ручки на ней не было — просто гладкая поверхность. Еще одна дверь вела в крохотную душевую — самую обычную, если не считать того, что в ней не было никакого, даже крохотного зеркала, вообще никакого стекла. Стаканчик для зубной щетки и тот был пластиковый.

Смотреть на голые стены было противно, и Лиза закрыла глаза. Она ничего не чувствовала, ни страха, ни даже отчаяния — ничего, кроме смертельной усталости. Если бы не тревога за Максимку, она бы так и заснула тут, свернувшись в клубочек на холодном полу.

Варька их предала — неужто из-за денег? Не важно. Важно то, что во всем мире не осталось ни одного человека, который бы пришел им на помощь. Она уже понимала, что все события последних недель связаны. Но как? Преследователям, кем бы они ни были, Лиза была не нужна. Им нужен был Максимка. Зачем? Борис тогда говорил что-то странное... Она выслушала его, но не поверила, отказалась поверить, но, должно быть, это правда. Они

все — и Стас тоже — все охотились за мальчиком. Словно он был каким-то редким зверьком... Что они собираются с ним делать?

Снаружи послышалась какая-то возня. Потом дверь распахнулась, и вошел человек с подносом, уставленным тарелками. За его спиной Лиза заметила настороженную фигуру часового. Ее охраняли, точно какого-нибудь преступника международного класса.

От двери Лизу, сидящую в углу, было не видно, но человек с подносом решительными шагами направился к ней. Должно быть, за ней все время наблюдали — при помощи телекамер, вмонтированных в потолок.

Он наклонился, поставил поднос рядом с ней.

— Во всяком случае, мы не собираемся морить вас голодом, — заметил он.

— Кто вы такие? — Лиза поглядела на него устало, без всякого выражения. — Что вам от нас нужно?

— Мы не хотим вам ничего плохого, уверяю вас, — сказал человек, — просто хотим вас на некоторое время изолировать, Елизавета Дмитриевна.

— Изолировать... — Это звучало так, словно они с Максимкой были какие-то заразные больные. — Почему? Мы же не представляем никакой опасности.

— Вот как раз в этом, — сказал человек, — я и не уверен. Послушайте, Елизавета Дмитриевна, вы хотя бы отдадите себе отчет, что в последнее время вокруг вас погибает слишком много народу?

— Это из-за Андрея. — Она не спрашивала, скорее утверждала.

— Частично, — согласился человек. — Но дело не только в нем. Случайно получилось так, что вы оказались в самом центре событий, на пересечении интересов многих людей. Мы все время наблюдали за вами, но несколько раз кое-кому удалось обвести нас вокруг пальца. Вот мы и решили, что безопаснее будет, если вы какое-то время побудете у нас. А то это ж просто детектив какой-то: то вас врачи-садисты похищают, то ребенка вашего; то в убийстве вас обвиняют, то, извиняюсь, с потрохами в Англию продали...

— Вы решили, — спросила Лиза, напряженно всматриваясь в неприметное благожелательное лицо. — Кто это «вы»?

— Компетентные органы, — отрезал посетитель. И повторил, встретив ее напряженный взгляд: — Уверяю вас, тут вам ничего не угрожает. Вот если бы вы остались дома...

— И долго вы нас собираетесь тут держать? — устало спросила Лиза.

— Ну, — не слишком уверенно отозвался тот, — какое-то время подержим.

— Зачем? Что с нами не так?

— Возможно, с вами все в полном порядке, Елизавета Дмитриевна.

— Возможно? — насторожилась Лиза.

— Вот как раз это, — сказал посетитель, — мы и собираемся выяснить. Нужно проделать кое-какие исследования...

Лиза вскочила и сделала шаг по направлению к посетителю с такой решимостью, что тот невольно отступил.

— Какие исследования? Чего вы все от нас добиваетесь? Где мой ребенок?

— Да тут он, тут, — успокаивающе проговорил ее собеседник, — в безопасности.

— Почему вы его от меня прячете? Что с ним не так?

Она запнулась, натолкнувшись на замкнутый, холодный взгляд посетителя.

— Почему вы молчите? — тихо спросила она.

— Елизавета Дмитриевна, — терпеливо, но твердо сказал тот, — не нужно.

Успокойтесь. Просто... мы приняли некоторые меры предосторожности. Как только мы убедимся, что все в порядке, мы постараемся уладить дело самым наилучшим образом.

— Что — «в порядке»?

Ее собеседник, казалось, колебался, внимательно наблюдая за ее лицом. Потом сказал:

— Возможно, ваш мальчик представляет собой редкое генетическое отклонение. До сих пор оно никак не проявляло себя, но, если это случится, нам очень важно знать, как именно оно себя проявит. А потому...

— Мой Максим? — перебила Лиза. — Что за ерунда! Он же совершенно обычный мальчик.

К концу фразы ее голос звучал совсем не так уверенно.

— Вы ничего не замечали? — настаивал собеседник, продолжая внимательно глядеть на нее. — Может, он в последнее время вел себя... немного странно? Нет? А вот дочка вашей приятельницы рассказывает очень интересные вещи...

Лиза провела рукой по лицу.

— Дети... — сказала она, — любят выдумывать всякие ужасы.

— Разумеется, — охотно согласился посетитель.

Он благожелательно кивнул и повернулся, направляясь к двери.

— Вы очень устали, — сказал он. — Я бы посоветовал вам поспать. Завтра вам тоже придется пройти через кое-какие обследования...

— Вы что, — тоскливо спросила Лиза, — с ума все посходили?

— Возможно, вы тоже не совсем обычный человек, Елизавета Дмитриевна, — мягко сказал посетитель. — Это вам никогда не приходило в голову?

И дверь бесшумно отворилась, выпуская его.

Вы ведь пытались связаться с Паниной, верно? — спросил невидимый собеседник.

— Возможно, — уклончиво ответил Павел.

— И, разумеется, безрезультатно.

— Вам лучше знать.

Павлу вся эта бодяга уже начала слегка надоедать. «Какого черта он крутит? Может, ему микрофильм этот нужен... пусть так и скажет. А тогда... что ж, тогда посмотрим...»

— Похоже, вы не слишком-то склонны к откровенности? — спросил незнакомец. — Что ж, тогда я скажу за вас. А вы поправите меня, если что не так. Совершенно случайно вы оказались втянуты в очень серьезные игры. Настолько серьезные, что ваша собственная жизнь подверглась опасности. Мало того, опять же совершенно случайно, вы, удирая от преследования, оказались в ключевой точке. И, возможно, у вас хватило соображения сложить два и два.

Что-то в его манере говорить насторожило Павла. Что-то знакомое. Где-то он уже слышал похожую интонацию... воспоминание пришло, как вспышка молнии. «О Господи, — подумал он, — это один из них... из тех...»

Он вскочил, отшвырнув ногой стул, и метнулся назад.

— Куда это вы собрались, Лукин? — спросил тот с интересом, не вставая с места.

— Не подходите ко мне... — хрипло сказал Павел. — Я не позволю... сейчас вы мне скажете, что одна инъекция — и я обо всем забуду...

Он затравленно огляделся и понял, что до окна ему гораздо ближе, чем до двери.

— Да я скорее в окно выброшусь, чем...

— Странно слышать от вас такую глупость, — заметил его собеседник. — Я вас и пальцем не тронул, а вы собираетесь из окна прыгать. Повторяю, если бы я захотел, вы бы сейчас со мной не разговаривали. Да еще в таком тоне. Я ждал вас потому, что мне может понадобиться ваша помощь, а вы ведете себя как какой-то безмозглый киногерой.

— Помощь? — переспросил Павел. — Какого черта я вам должен помогать? Чего ради?

— Вы хоть немного представляете себе, что происходит?

— Отлично представляю. И потому...

— Ясно. — Он нетерпеливо пошевелился. — Я все-таки попробую вам объяснить. Не знаю, сколько у нас времени... ну ладно... это был гигантский эксперимент. Он начался больше трех десятков лет назад, когда открылось первое стационарное «окно». Тогда и произошел Контакт. Настоящий Контакт. О котором так мечтал этот ваш приятель. Другое дело, что об этом мало кто знал. Ну, вы и сами в курсе. И тут почти сразу возникли определенные трудности. Во-первых, здешняя среда оказалась не слишком благоприятной. Во-вторых... Те сверхмощные испытания на Новой Земле были первыми и последними. И энергетический импульс, открывший «окна», начал постепенно слабеть. Стало ясно, что «окна» будут открываться все реже и реже, а когда-нибудь закроются совсем. Нужно было что-то предпринимать. Тогда-то мы и постарались адаптировать здесь своих резидентов, Наблюдателей, если пользоваться вашей терминологией..

— И вы... — медленно сказал Павел.

— Я и есть такой резидент. Совершенно верно.

— То есть вы пытаетесь открыть эти «окна» отсюда? Так?

Тот покачал головой.

— Нет. Вернее, не совсем так.

— Не понимаю. Почему бы вам не устроить еще один хорошенький ядерный взрыв? С вашими-то возможностями? Пробраться на любую ракетную базу и шархнуть так, что нам небо с овчинку покажется... Или вы такие уж гуманисты?

— Черта с два, — отрезал тот. — Не в этом дело. Просто взорвать что-то недостаточно. Нужно, чтобы удар пришелся на момент сближения наших миров... А его предугадать невозможно.

— На что же вы надеетесь? Еще на одну случайность?

— Это маловероятно. То есть такое бывало — и раньше бывало, но самопроизвольно, мы воссоздать все необходимые условия не в состоянии. Мало того, мы, как я уже сказал, не в состоянии находиться тут неограниченное время. Попросту говоря, если мы не получаем своего рода подзарядку из нашего мира, мы не способны тут выжить. И по мере того, как «окна» закрываются, нас на земле остается все меньше и меньше. А поэтому совершенно естественно возникла идея — внедрить сюда генетический материал...

— Дети... — тихо сказал Павел.

— Да. Вот они смогли бы выжить здесь. Ведь они несли бы и ваши, человеческие гены. Мало того, мы смогли бы снабдить их способностями, которых у людей нет. Способностями, которые вы называете паранормальными. И если «окна» захлопнутся совсем...

— Вы что же, надеялись, что детишки продолжат Контакт? — недоверчиво спросил Павел.

— Да. Если не сейчас, то когда-нибудь потом, позже. Но все пошло не так, как было задумано. Во-первых, оказалось, что люди и мы генетически почти несовместимы. Лишь немногие из ваших женщин способны были выносить такого ребенка... Мы разыскивали таких повсюду...

— И как же вы это определяли? — ехидно спросил Павел. — Эмпирически?

Тот пожал плечами.

— Ну, есть определенный набор тестов. Но, конечно, для этого нужно познакомиться с предполагаемым объектом, скажем так... поближе...

— Приятная у вас работа, — заметил Павел.

— Не жалуясь. Но ведь это лишь начало, Лукин. Говорю вам, ваших женщин, способных выносить такой плод, было очень немного. Единицы. Мы опекали их, как могли... Но все равно... что-то происходило с этими детьми, словно сама земля отторгала их... То, во что они превращались, не походило ни на вас, ни на нас. Это было... — он попытался подыскать слова, но нетерпеливо отмахнулся и продолжал... — мы успевали их изымать... почти всегда. Ваши не возражали — еще бы, ведь они получали в свое распоряжение такой ценный материал для исследований... — Он усмехнулся. — Впрочем, большей частью это были исследования по вашей специальности. Патологоанатомия, знаете ли... Так оно и продолжалось по сю пору, за одним-единственным исключением.

— Да, я знаю. — тихо сказал Павел. — Лиза.

— Вот именно. Ее ребенок рос совершенно нормальным здоровым мальчиком. Разумеется, все это время он находился под наблюдением — его осматривали под разными предлогами и ваши и наши специалисты. Саму Панину тоже, разумеется, охраняли.

— Кто?

— И люди... и мы.

— Ее муж тоже был одним из ваших? Наблюдателем? — поинтересовался Павел.

— Да. И если бы не эта его нелепая гибель в перестрелке, нам, возможно, удалось бы избежать множества неприятностей. А может быть — и нет. Кто-то продал информацию. Ребенком заинтересовались. Не столько им самим, сколько его потенциальными возможностями. Мы продолжали охранять и его, и Елизавету Дмитриевну. Один раз нам удалось ее вытащить из очень неприятной истории. Но Наблюдателей всегда были единицы, а сейчас и вовсе осталось мало, очень мало... а информация расходилась уже бесконтрольно. Мы понадеялись на ваши службы — и вот результат. Мальчика похитили. Самое забавное, что Паниной удалось как-то вытащить его. Мы до сих пор не знаем — как.

— Похитили? Кто?

— Не знаю. Скорее всего какая-то, как вы говорите, преступная группировка. В Питере мальчик находился под охраной — не под нашей. Ну и... Они совершенно точно знали, кого берут, потому что метаморфоз такие дети обычно проходят, когда им только-только исполняется семь. Его взяли за сутки до дня рождения и продержали несколько дней, ожидая, что он проявит какие-то... нечеловеческие свойства.

— А как же ему удалось оттуда выбраться?

— Тоже не знаю, — ответил собеседник. — Полагаю, столкнулись интересы двух таких группировок, и Панина этим как-то воспользовалась. Так или иначе, вчера она вместе с ребенком появилась в Москве. Похоже, она уже догадывалась, что к чему, потому что домой не вернулась. Решила пересидеть где-нибудь, пока не оформится в Англию. Эта история с Англией тоже закрутилась в связи с ребенком — начальник Паниной теоретически должен был ее курировать по линии ваших ведомств.

— Да что же, вокруг нее не было никого из посторонних? Ни одного нормального человека? — не выдержал Павел. — Одни подсадные?

— Ну да... — Собеседник Павла слегка пожал плечами. — Пришлось создать ей искусственную среду — ведь нужно было контролировать каждый ее шаг. Считалось, что ее шеф точно не знал, что к чему, — просто должен был присматривать за ней. Не допускать никаких лишних контактов, отслеживать дружеские связи... даже мешать ее научному росту. У нее хорошая голова, у Паниной, при других обстоятельствах она бы сделала карьеру, но тогда бы у нее возникли абсолютно не нужные нам степени свободы. Контакты, командировки... Преуспевающим человеком манипулировать гораздо труднее. В общем, от ее начальника требовалось удерживать ее в довольно замкнутой среде. А тут, видимо, он заполучил кое-какую информацию со стороны и решил воспользоваться ею в своих интересах. Тогда и всплыла эта поездка в Англию. Он должен был ехать вместе с Паниной и передать ее с рук на руки... за очень приличную сумму.

«Несчастливая женщина, — подумал Павел. — Ее продают и покупают, точно вещь. Точно она сама ничего не значит».

— Панина, естественно, об этом не догадывалась, — продолжал незнакомец. — Она просто решила, что эта командировка — удобный способ ускользнуть от преследования. А то, что дело серьезное, она уже поняла. Потому и поехала не домой — к сослуживице мужа. Но с той уже успели поработать.

— Иначе говоря, та ее тоже предала?

— Ну... можно и так сказать.

— Понятно. И где же сейчас Елизавета Дмитриевна?

— У вас.

— У меня? — переспросил Павел.

— Я имею в виду, у ваших спецслужб. Они взяли ее с ребенком и увезли. Скорее всего там решили, что оставлять их на свободе, даже под наблюдением, очень опасно.

— И что с ними собираются делать?

— Пока ничего. Насколько я знаю, с ребенком пока ничего не случилось. Они все еще продолжают его исследовать, но если он перестанет представлять для них хоть какой-то интерес, они просто уберут обоих. Слишком далеко все зашло. А если их ожидания оправдаются... боюсь, результат будет аналогичным.

— Уберут? Почему? Ведь это же их Проект!

— Во-первых, это был наш Проект, — холодно возразил незнакомец. — Ваши просто согласились сотрудничать. За определенные услуги, естественно. Вплоть до того, что мы выполняли черную работу по устранению неудобных. Тех, на кого они укажут пальцем. Они-то хотели занять новые технологии, но на это мы не пошли.

— Не пошли? А у вас они есть — эти самые технологии?

— Не ваше дело. Тот биологический материал, который они получали на руки по ходу Проекта, сам по себе представляет достаточную ценность. Ну и потом, монополия на Контакт... Послушайте, это не важно... единственное, что сейчас имеет значение, — это судьба Паниной.

— Почему? Она же одна из многих.

— Вот тут-то вы ошибаетесь. Она — одна-единственная. Ваши-то ее скорее всего убьют. И ребенка тоже. А ведь возможно, что срок метаморфоза просто отодвинулся — на первом этапе эксперимента такие дети и года не проживали. Может быть, именно он тоже оказался тем, одним-единственным... Нашей удачей... Нужно вытащить их оттуда. И вы мне нужны, Лукин. Вам придется пойти со мной. Собственно... для того я и ждал вас.

— Почему именно я?

— Вы сумеете убедить ее. Вам она поверит.

— Она уже никому не поверит, — горько сказал Павел.

— Вы — единственный, кто еще не успел ее предать. И вы сумеете говорить убедительно, потому что вы сами там были. Вы видели «окно». И знаете, все, что я говорю, — правда.

— Правда? Вся правда?

Тот помолчал. Наконец ответил:

— Большинство, да.

— Большинство?

— Никто в этой истории не расскажет вам всей правды, Лукин. Но мне вы можете верить.

— До какого-то предела...

— Верно. До какого-то предела. Большого я бы на вашем месте требовать не стал. Потому что...

Он вдруг замолк и бесшумно, одним движением поднялся на ноги.

— Там, за дверью, кто-то есть, — вполголоса сказал он.

Павел прислушался. Действительно, на лестничной площадке слышалась какая-то возня — такая осторожная, что уже одно это невольно вызывало подозрения.

— Это... за нами? — спросил он шепотом.

— Похоже на то, — так же тихо ответил незнакомец. — Видимо, дежурный не вышел на контакт вовремя, вот они и забеспокоились. Послушайте, вы бы лучше не путались у меня под ногами. Встаньте вон там, за шкафом, что ли... и не лезьте на рожон.

— А вы?

— Я сам с ними разберусь.

Павел счел за лучшее подчиниться. Но, уйдя с возможной линии огня, он вообще потерял возможность наблюдать, что происходит. Оставалось лишь прислушиваться: теперь под дверью раздавалось тихое звяканье — кто-то возился с замком.

— У них есть ключи?

— Да с вашим замком и без ключей можно управиться за две минуты, — ответил незнакомец, — с их-то опытом... Молчите и не мешайте.

В коридоре стало отчетливо светлее — дверь приоткрылась, но в нее тут же, заслоня льющийся с лестничной площадки свет, протиснулась какая-то фигура. Павел осторожно выглянул из своего укрытия, но незнакомца уже в комнате не было — в коридоре послышалась негромкая возня, потом стук падающего тела. Павел ожидал выстрелов, но их не было. Глухие удары переместились — теперь они звучали уже за дверью, на лестничной площадке. Все происходило в полном молчании. Это даже не было похоже на драку — вообще ни на что не было похоже.

Потом входная дверь вновь стремительно приоткрылась. Павел замер, прижавшись к стене.

— Лукин? — раздался негромкий голос.

Павел вышел из своего укрытия.

— Пошли, — сказал ночной посетитель, — а то они сообразят что к чему и нас числом задавят. Или забросают гранатами со слезоточивым газом.

— Почему же они раньше этого не сделали? — спросил Павел, выходя в темный коридор. По пути он наткнулся на что-то мягкое, теплое и торопливо переступил через тело.

— Потому что они ждали вас, а не меня. А с вами, извините, кто угодно бы справился.

Лестничная площадка тоже была пуста, если не считать двух тел, распростертых на холодном кафеле.

«Господи, — подумал Павел, — когда он успел.

Тусклая лампочка осветила лицо незнакомца — даже если бы Павел не знал, с кем он имеет дело, он бы понял это сейчас.

Его собеседник был неуловимо, но явно похож на покойного Панина. И на того — второго....

— Шевелитесь, Лукин, — прошипел тот. — Вы что, заснули?

И они кинулись вниз по лестнице.

— У вас есть машина? — спросил на ходу Павел.

— У меня нет. А вот у них наверняка есть. Не пешком же они пришли.

Машина стояла во дворе, у подъезда. Она была пуста — видимо, шофер был один из тех, троих... Павел смотрел, как его новый знакомец открывает дверцу и достает из кармана ключи зажигания.

«Он еще и обыскать их успел», — мелькнула мысль.

— Садитесь, — пригласил тот. Видимо, он уловил секундное колебание Павла потому что сказал:

— Вы себя ведете так, будто у вас есть выбор. Не обольщайтесь.

Павел пожал плечами и сел на сиденье рядом с водителем. Машина выехала из двора и, покружив по прилегающим улочкам, выбралась на магистраль.

Какое-то время они ехали молча, потом Павел не выдержал.

— Откуда вы знаете, куда ехать? Откуда вы вообще знаете, куда ее увезли?

— Мы не настолько доверяем вам, чтобы полагаться только на официальную информацию.

— То есть у вас имеются...

— Вот именно.

— Но почему ФСБ или кто там этим всем занимается — вообще не поставили вас в известность? Ведь сотрудничаете — сами говорили.

Наблюдатель обернулся и недоуменно поглядел на него.

— Вы что, Лукин, совсем дурак? Что с того, что мы сотрудничаем? Если мальчик окажется тем самым ребенком, они наверняка захотят иметь его у себя на тот случай, если придется использовать его против нас.

— Значит, и они вам не доверяют?

— И неудивительно! Они ведь нас боятся.

«Да уж, — подумал Павел. — Я бы тоже на их месте боялся...»

— Надеетесь, что сможете вытащить их оттуда?

— Да, — согласился Наблюдатель, — разумеется. И желательно поскорее, пока с ними ничего не случилось.

— Ну и что вы с ними будете делать дальше? Заберете к себе?

— Нет, — его собеседник продолжал глядеть на дорогу, — это невозможно.

— Почему?

— Ну... просто невозможно.

— Тогда это тупик. Лизу с ребенком вновь увезут, и вы их уже не найдете.

Тот покачал головой.

— Мы предвидели что-то в этом роде. И подготовили путь к отступлению. Все, вплоть до фальшивых документов. Переправим Панину с ребенком в надежное место. Там они смогут начать новую жизнь. Как самые обычные люди. И никто их больше не потревожит. Придется, конечно, объяснить ей все, но, думаю, она и сама догадывается.

— И она согласится забыть обо всем? И жить как самый обычный человек?

— У нее нет другого выхода, — сухо сказал незнакомец.

— А ребенок? Что будет с ним? И кто он будет такой? Человек? Или нечто иное?

Его спутник впервые за весь разговор повернулся к Павлу и внимательно поглядел на него. Глаза у него были светлые и холодные.

— Лукин, — медленно ответил он, — если бы я знал...

* * *

Подполковник медицинской службы раздраженно зажег сигарету. Ему не нравился его собеседник. Они работали вместе уже четверть века; еще с тех пор, как подполковник, тогда

еще-совсем юный лейтенант, был прикомандирован к ядерщикам. И все это время он испытывал глухое, неявное раздражение по отношению к своему партнеру из сопредельного ведомства. Должно быть, тот отлично знал об этом, но на его румянном лице ничего не отражалось. Раз несущественно для дела — значит, не существует вообще.

«Мне бы так», — подумал подполковник.

— Ну, что там? — спросил тот. — Вы продвинулись хоть немного?

— Панина не слишком-то дружелюбна, — сказал медик. — Но в остальном в полном порядке.

— А ребенок? Я заходил в бокс, поглядел на него. Он вроде тоже в порядке. Почему вы подняли такой шум? Сорвали меня с задания...

— Меня как раз и беспокоит, что он в порядке. Внешне. Если раньше, по крайней мере, мы сразу замечали эти перемены в них... А ведь все еще может обернуться иначе. Но вы же никогда не давали себе труда...

— Ладно, — прервал тот. — Это я уже слышал. Почему вы так разнервничались? Через ваши руки одиннадцать штук прошло — все как один. Кто у нас последним-то был?

Подполковник вздохнул.

— Ребенок Чужайкиной, — терпеливо сказал он, — но тот вообще не был человеком.

Он порывлся в ящике стола и перебросил собеседнику пачку фотографий и рентгеновских снимков.

— Вот, полюбуйте сами. Ушей нет. Половых органов нет. Глаза рудиментарные. Да что там, пупка — и то нет. А снимки... Это, по-вашему, что, человеческий череп?

— Вам виднее, — сказал собеседник.

— Вот именно.

— Ну ладно, — оппонент, видимо, тоже решил проявить терпение, — значит, он не был человеком? Кем же он, по-вашему, был? Пришельцем? Одним из них?

— В том-то и беда, что нет, — ответил медик.

Он опять полез в тот же ящик стола.

— Вот, — сказал он, — результаты судмедэкспертизы. Это мы у Лукина тогда изъяли. А вот наши собственные данные. Труп-то мы тогда чуть не из топки выдернули. Повезло нам, верно? Впервые мы заполучили и такой материал — они же никого к себе близко не подпускали.

— Я бы вас, потрошителей, к себе тоже не подпустил бы.

«Дурака-то не валяй», — подумал подполковник. Он отлично знал, как выглядит его собеседник без кителя — по всему телу белели следы старых лучевых ожогов.

— У них была на то причина. Дело в том, что анатомически Панин почти не отличался от людей.

— Что значит — почти?

— Ну, обычный врач при обычном осмотре не заметил бы разницы. Для того, чтобы обнаружить отличия, его пришлось бы вскрывать. Аппендикса, скажем, у него нет и не было...

— А был хвост и раздвоенные копыта.

— Черта с два. Говорю вам, внешне он выглядел, как самый обычный человек. Загвоздка не в этом...

— Ну-ну?

— Мы с вами прекрасно знаем, сколько баб перебрал этот Панин. Искал генетически

совместимых, видите ли.

— Ну и что? Это входило в условия Проекта. При каждой очередной неудаче мы просто снимали с них наблюдение, вот и все.

— Удачи, — сухо сказал медик, — там вообще не могло быть. Ни одна из этих женщин — вообще ни одна, — не могла забеременеть от Панина. Как бы он ни старался. Что такое ДНК, вам известно?

— Да, вроде.

— Все живое на Земле размножается при помощи ДНК. ДНК содержится в хромосомах. В клетках Панина — и в половых, и в соматических, — нет хромосом. Это бы еще полбеда, если бы там удалось обнаружить ДНК. Но ее там нет. Вообще.

— А... ты уверен?

— Методика элементарная. С ней любой студент-пятикурсник справится.

— Иными словами?

— Он вообще был бесплоден, ваш Панин. И детей у него быть не могло. Ни от этой бабы, ни от какой другой.

— Но ведь ребенок...

— Вот и я о том же.

— А у него... ДНК?

— В порядке. То есть... мы смотрели лишь на самом примитивном уровне. На тонкую работу — состав, структуру, — уйдут месяцы. Но пока...

Вновь через стол полетела пачка фотографий.

— Это результаты одного из стандартных обследований. Прошлогодного. А это — вчерашние. Есть разница?

Тот покачал головой.

— Это хромосомы, да? Они тут какие-то не такие.

— Хромосомы изменились. Они скручены. Укорочены. Обычно такое происходит в половых клетках. Перед делением. Или в соматических, обычных — там клетки тоже делятся. Когда происходит регенерация тканей. После ранения, например. Но это — клетки крови.

— И что же дальше?

— Его клетки строят какие-то иные хромосомы. А дальше чужие хромосомы начнут вырабатывать чужие белки. Организм начнет меняться. Он, собственно, уже меняется.

— И что будет?

— Не знаю. То есть будет некий чужой организм. Вопрос только в том, какой?

Тот отшвырнул фотографии, и они веером легли на столешнице.

— Ладно. Те детишки тоже менялись.

— Но они не выживали. А этот...

— Что толку об этом говорить. Посмотрим. Меня беспокоит вот что. Если это не ребенок Панина, то чей же?

— Не знаю.

Медик устало покачал головой. Его собеседник какое-то время молчал, постукивая пальцами по столу. Потом вновь заговорил:

— Послушайте, а что, если... У нас есть данные, что Панина, когда ее в тот раз взяли...

— Кстати, кто это был? Ваши?

— Нет. Мы даже не успели вмешаться. Ее один из Наблюдателей вытащил. Проследил

за ней каким-то образом, проник туда — они всюду пролезают, точно ужи. Надел маску эту дурацкую, заделался под своего, положил всех и вывел Панину. Вроде, там еще кто-то поучаствовал, и уж точно не из наших. Но я не об этом. Тот же Наблюдатель нам сказал, что Панина вроде что-то вспоминала под гипнозом. Может, имеет смысл еще раз попробовать?

— Это не так просто...

— Почему нет? В чем, собственно, трудность?

— Она не согласится добровольно. А гипноз — тонкая штука... Там им удалось как-то заморочить ей голову — она понятия не имела, чего они на самом деле добиваются.

— Ну, не мне вас учить. Придумаете что-нибудь. Скажем...

Он замолчал и прислушался. Из коридора доносился топот. Дверь распахнулась, и в нее просунулось встревоженное лицо молоденького фельдшера. Завидев посетителя, он нерешительно затоптался на пороге, не решаясь войти.

— Что стряслось, Вахитов? — недовольно спросил подполковник. — Я вас не звал.

— Константин Игнатьич, — тот сглотнул, — товарищ подполковник... Я подумал...

Он замолк и покосился на человека, сидящего за столом напротив.

— Ладно, — вздохнул медик, — что там у вас? Говорите.

— Рудько... — Только теперь подполковник заметил, что мальчишка бледен и губы у него трясутся.

— Что — Рудько? — Тот приподнялся, упираясь руками в ребро столешницы. — Да говори ты, не тяни.

— Он... застрелился.

— Что? — И, совладав с собой, повернулся к собеседнику. — Рудько работал с мальчиком, — пояснил он.

— Он... я его в сортире видел. Поглядел на меня, усмехнулся, зашел в кабинку и пустил себе пулю в голову.

— Ясно. — Медик вышел из-за стола. — Иди, Вахитов. Скажи там... чтоб убрали.

— Да что творится-то? — тихо сказал его собеседник.

— А вы еще не поняли? — Он замолк, потом тихо добавил: — Я, впрочем, тоже не понимаю. Но это он, ребенок, говорю вам... Это он. Что мы в конце концов получили, генерал, а?

— Что — ребенок?

— Да не знаю я, — тоскливо сказал медик. — Понятия не имею. Послушайте... вы же можете... нужно связаться с теми, оттуда. Пусть они сами разбираются. Это же их отродье. Пусть забирают его к чертовой матери.

— Да ты что? Я, милый мой, ничего не решаю. Надо мной тоже начальство стоит. Кто ж его отдаст — такого.

— А чего ждать? Чтобы он нас тут всех прикончил?

— Ну, — протянул генерал, — может, он тут ни при чем... Мало ли что там на твоего Рудько нашло...

— Говорю вам, это он. Не знаю, что там произошло, но это его рук дело. Прав был Завадский... Свяжитесь вы с ними, умоляю.

— Мы не можем, — тихо сказал генерал.

— Что?

— «Окно» захлопнулось. Последнее. Потому-то он так важен, этот ребенок. Больше у нас ничего нет.

— Ну, я не знаю. Наблюдатели тут остались? С ними свяжитесь. Для чего они тут сидят, собственно?

Тот неохотно ответил.

— Один.

— Что?

— Из известных нам — всего один. И мы уже несколько дней не можем выйти с ним на связь. Мы теперь за все отвечаем, дружище.

Медик обхватил руками голову.

— Что же это будет? — повторял он. — Что же это будет...

* * *

Ни шума, ни возни в коридоре Лиза не слышала — ее комната была надежно звукоизолирована. Тем не менее, замкнутая в четырех стенах, она металась точно так же, как люди снаружи, — внезапно ее охватил черный липкий ужас. Даже дышать стало трудно — и потому она была почти благодарна, когда дверь отворилась и вошел человек в военной форме. Обычно он, вероятно, держался с властной уверенностью, но сейчас его начальственную повадку несколько портила нервная суетливость, с которой он обратился к Лизе.

— Послушайте, Елизавета Дмитриевна, — он старался говорить уверенно, но, натолкнувшись на ее ненавидящий взгляд, на миг запнулся, — вы напрасно относитесь к нам с таким предубеждением. Мы не хотим вам ничего плохого.

— Тогда отпустите нас, — сказала Лиза.

Тот, казалось, заколебался, но, видимо, счел за лучшее сказать правду.

— Мы не можем этого сделать. У вас опять начнутся... неприятности.

— Не ждите от меня благодарности, — сказала Лиза. — Что бы вам ни было нужно — я вам помогать не буду.

— Но мы можем смягчить вам режим, — поспешно отозвался тот, — перевезем вас в закрытый санаторий, вы с мальчиком будете пользоваться полной свободой... в ограниченных пределах. Ни в чем не будете нуждаться. У вас не будет никаких забот, никаких житейских сложностей... вас просто будут хорошо охранять, вот и все.

«Почему он так нервничает?» — подумала Лиза.

А вслух спросила:

— Что-то случилось?

— Почему вы так думаете? — фальшиво удивился военный.

— Иначе вы не стали бы меня так уговаривать. До сих пор вы не слишком-то со мной считались.

Он помялся, переступил с ноги на ногу, и только теперь Лиза заметила за его спиной маячившую в сумрачном коридоре темную фигуру.

— Ладно, — сказал тот, — дело в том, что мы не можем пройти к вашему ребенку.

— Что значит — не можете пройти? — Она шагнула к нему так резко, что он невольно отступил на шаг. — Что вы с ним сделали?

— Ничего, — ответил тот, и неявный страх в его голосе проявился, обретя наконец адресата. — С ним ничего невозможно сделать... это он с нами... Умоляю вас, пойдете.

У нее вдруг отказали ноги, и она медленно опустилась на пол. За дверью что-то творилось. Отчаянный, надрывный вопль пронесся по коридору и замер в отдалении.

— Пошли, — торопил посетитель, помогая ей подняться.

Она выдернула руку и кинулась по коридору. Ей не надо было показывать дорогу — она и так, каким-то шестым чувством понимала, куда ей нужно бежать.

Воображение услужливо подсовывало ей всякие ужасы, но на том все и ограничилось. В сопровождении топавшего по пятам военного она свернула за угол и остановилась у ближайшего бокса.

Дверь была настежь открыта.

Она кинулась внутрь, даже не успев сообразить, что ее спутник остановился за несколько шагов от двери.

Максимка сидел, забившись в угол, и молчал, глядя на нее остановившимися глазами. Лицо его было пустым и мертвым, точно белое фарфоровое блюдце.

Она бросилась к нему, схватила его за плечи.

— Что они с тобой сделали?

Он по-прежнему молчал, исподлобья глядя на нее.

Военный поглядел на них с некоторым облегчением. Словно до сих пор он ожидал непонятно чего, а теперь эти ожидания не оправдались.

— Что тут творится? — Лизу трясло от злости.

— Говорю вам, мы не хотим ничего плохого — ни вам, ни вашему мальчику. Просто... здесь неспокойно. Пошли, мы вас отсюда увезем.

— Опять увезете? Куда?

— В какое-нибудь тихое место, где вас никто не потревожит.

Лиза уже не верила в спокойные места. И в благие намерения — тоже.

— Вам придется тащить меня силой, — сказала. она.

На самом деле ее угроза ничего не стоила — достаточно было бы, оттолкнув ее, поволочь к выходу Максимку. Она побежала бы следом как миленькая. Но почему-то именно этого ее спутник и не сделал. Он топтался на пороге, словно боялся зайти в комнату.

«Да что они тут все, с ума сошли?» — удивилась она. Но сказала с прежней видимостью уверенности:

— Пока вы мне не объясните, что тут творится, я с места не сойду.

— Елизавета Дмитриевна, — устало сказал тот, — послушайте...

— Куда это вы собрались, генерал? — Голос раздался внезапно, и человек на пороге резко обернулся. — Увозите их, верно? — Из тьмы коридора возник еще один человек, в белом халате, накинутом на китель. — Черта с два!

Почему-то Лиза не удивилась, когда увидела, что в руке у него зажат пистолет.

— Константин, не глупи, — неуверенно сказал военный, увидев ствол, направленный в его сторону.

— Увезете? — повторил тот, глядя на противника белыми остановившимися глазами. — Куда увезете? Зачем? Вы с ними не сладите. Это — смерть.

— Не глупи, — механически повторил генерал, его рука скользнула к кобуре, но врач — а это был он, — резко дернув руку вверх, поднес пистолет к голове генерала и выстрелил.

Лиза непроизвольно зажмурилась, успев увидеть, как белую стенку бокса забрызгала кровь. Раздался глухой звук падения тяжелого тела — Лиза не обернулась. Она склонилась над Максимкой, обхватив его руками и заслоняя от него нелепо раскинувшееся на полу тело

с чем-то странным на месте головы.

— Не смотри.

Но сама невольно, словно через силу, подняла взгляд.

Человек в белом халате повернулся к Лизе, пистолет прыгал в его пальцах.

— Вам нельзя жить. Ему нельзя жить. Это не ребенок, это дьявольское отродье.

Исчадие ада.

Лиза поднялась во весь рост, заслоня собой Максимку.

Врач и сам, казалось, колебался — словно удерживать пистолет ему стоило огромных усилий. Он опустил руку, вновь поднял ее... В коридоре вновь послышался шум — крики, топот, — но никто из находившихся в боксе не обращал на это внимания. Они так и стояли, застыв, глядя друг другу в глаза. Лизе казалось, она удерживает взгляд врача на невидимой нити, — стоило лишь чуть ослабить эту связь, и ничто не помешает ему выстрелить.

Наконец рука медика застыла неподвижно — казалось, он решился и, наверное, выстрелил бы, но сзади, в темном провале двери, что-то мелькнуло, и он бесшумно осел на пол.

Из-за спины падающего вынырнул человек, и Лизе понадобилось несколько долгих секунд, чтобы узнать Павла.

— Господи, — сказала она одними губами, — откуда вы взялись?

Во тьме коридора маячил еще кто-то — безликая фигура с черными провалами глаз.

Павел схватил Лизу за руку и потянул к двери.

— Некогда объяснять, — торопливо проговорил он, — пошли отсюда.

Она, по-прежнему удерживая Максимку, бросилась к выходу.

Неожиданно, словно сами собой, зажглись освещающие коридор тусклые лампы. Лиза увидела лицо Павла — бледное, напряженное.

— Куда же мы пойдем? — спросила она, задыхаясь. — Что происходит?

— После объясню. — Он быстро окинул их взглядом. — Что с мальчиком?

Она поглядела на Максимку, который двигался за ними как-то слишком покорно.

Ребенок молчал. В мутном свете ей показалось, что лицо его на миг изменилось, словно по нему прошлась невидимая рука, смазывая детские черты, и на Лизу глянула глухая черная пустота.

Только теперь, оказавшись в коридоре, она услышала странный, вибрирующий гул, который, казалось, сотрясал здание до самого основания.

— Черт... Вертолеты, — заорал Павел, стараясь перекрычать грохот, — да они целую эскадрилью вызвали.

Он устало привалился к стене. Лиза взглянула в глубь коридора, отыскивая спутника Павла, но коридор был пуст.

— Ничего не выйдет. — Павлу приходилось кричать. — Боюсь, нам не выбраться.

Гул усилился. Она слышала, как по крыше у них над головой прогрохотали чьи-то шаги.

— Нужно сообщить властям, — прокричала она.

— Что? — Он недоуменно поглядел на нее. — Да ведь это и есть власти.

Он, в свою очередь, окинул взглядом пустой коридор.

— Где этот сукин сын? — пробормотал он. — Куда он делся?

— Может... — неуверенно сказала она, — нам запереться где-нибудь?

— Не выйдет. — Он устало провел рукой по лицу. — Они живо нас выкурят. Пойдем, надо найти его.

— Кого? — недоуменно спросила Лиза. Здание тряслось и стонало, словно вытряхивая из нее остатки самообладания. Видя, что она застыла в нерешительности, Павел нетерпеливо подтолкнул ее, и она послушно двинулась вперед.

Но тут же остановилась.

Поперек коридора лежало мертвое тело, почему-то почерневшее и обугленное, как головешка.

— Это вы его? — в ужасе спросила она.

— Нет. — Он наклонился, зачем-то потрогал плечо упавшего, которое тут же рассыпалось сухим пеплом. — Не представляю, как...

И тут, даже сквозь надрывный гул огромных машин, Лиза отчетливо услышала странный, тихий звук.

Мальчик хихикнул.

— Пошли скорее, — торопил Павел.

Они пробежали еще несколько метров по направлению к холлу. Лиза со страхом ожидала, что это в общем-то немаленькое помещение будет заполнено суетящимися, встревоженными людьми. Но холл был пуст. Лишь в глубине его, в полумраке маячила одинокая темная фигура.

— Вот он. — В голосе Павла, казалось, послышалось облегчение.

«На что он надеется?» — подумала Лиза. И вдруг замерла, непроизвольно отшатнувшись: кошмар продолжался.

— О Господи! — Она схватила Павла за руку. — Там же Андрей!

— Это не Андрей, — прокричал в ответ Павел. — Это...

— Какого черта вы там возились, Лукин? — сказал призрак, выступая из тьмы.

Тут только Лиза поняла, что он вовсе не был похож на Андрея. «И что только не померещится со страху!» — подумала она. Но странное ощущение нереальности происходящего снова навалилось на нее.

— Слышали, что там делается? — спросил у незнакомца Павел.

— И видел, — ответил тот. — Они поставили на крыше снайперов и оцепили здание.

— Нам отсюда не выбраться, — безнадежно заметил Павел.

— Если попробовать подогнать машину...

— Да они положат нас на пороге!

Неизвестный, казалось, не слышал его — он в упор разглядывал ребенка.

— Что с мальчиком?

Лиза автоматически прижала к себе Максимку — ощущение было странным, словно она держала в руках огромную, ростом с семилетнего ребенка, тряпичную куклу.

— Максим! — окликнула она.

Он даже не повернул головы.

— Павел... — ее начала бить дрожь, — я не знаю... что творится?

— Похоже, Лукин, — спокойно заметил их новый спутник, и его негромкий голос был слышен во внезапно наступившей тишине, — мы с вами опоздали.

— Опоздали? — Павел шагнул к нему. — Вы хотите сказать, что не сможете нас отсюда вытащить? Какого черта...

Тот медленно покачал головой.

— Дело вовсе не в этом.

Только тут Лиза поняла, что в полумраке она отчетливо видит силуэт сына — крохотная

фигурка начала светиться бледным молочным светом. Она затрясла головой, пытаясь отогнать морок.

Нет... показалось.

Павел отпустил ее и подбежал к зарешеченному окну. Сквозь прутья было видно, как между стволов мелькают фигуры в пятнистых комбинезонах.

Он отпрянул от окна и покачал головой.

— Ничего не выйдет.

Их спутник на миг задумался.

— Ладно, — сказал он, — пошли. Может, еще не все потеряно.

— Куда? — Павел недоверчиво поглядел на него.

— Вернемся назад. Есть один вариант.

Они вновь ринулись через холл обратно в коридор. Лиза передвигалась с трудом — словно ноги отказались ей повиноваться. Но она по-прежнему тащила за собой Максимку, который за все это время так и не проронил ни слова.

Павел подошел к ней и обнял за плечи.

Мимо мелькали какие-то пустые комнаты, распахнутая дверь в просторное помещение лаборатории. Под ногами у них захрустело разбитое стекло. На полу в центре комнаты лежала кучка черного пепла, очертаниями напоминающая человеческую фигуру.

— Что это? — Павел обернулся к их спутнику. — Почему никого нет? Что с ними стряслось?

Тот, в свою очередь, поглядел на него.

— А вы еще не догадались, Лукин?

Ответить Павел не успел: снаружи раздался глухой взрыв, и здание содрогнулось. Потом все стихло.

Спутник их, казалось, не обратил на это внимания. Он стоял посредине коридора, напряженно озираясь по сторонам.

«Господи, неужто еще можно хоть что-то сделать?» — удивлялся Павел.

Двери по обеим сторонам коридора кончились. Вокруг было бы совсем темно, если бы не слабый красноватый отблеск. Свет, исходивший от одинокой тусклой лампочки над дверью в торце коридора, падал на табличку с надписью «Бомбоубежище».

Дверь была закрыта на массивную щеколду с висячим замком. Павел не успел как следует разглядеть его, но их спутник уже ударил локтем по стеклу противопожарного стенда и, схватив ломик, выворотил дужку замка. Он даже не притворялся, что это стоит ему каких-нибудь усилий. Дверь распахнулась, открыв черный провал убежища. Наблюдатель шагнул туда первым и быстрым движением повернул рубильник, осветив пустое помещение: низкий потолок, бетонные стены, расчерченные подтеками сырости.

— Похоже тут автономное освещение, — заметил он.

— Нам надо лезть туда? — Павлу было не по себе. — Мы окажемся в ловушке.

— Такие убежища обычно имеют запасный выход.

Павел обернулся к Лизе. Она стояла, прислонившись к стене, по-прежнему прижимая к себе ребенка. В полумраке он плохо различал выражение ее лица.

— Ты... как? — неловко спросил он.

— Мне все равно, — сказала она тихо. Казалось, в ней надломился какой-то стержень, и она держалась прямо лишь по привычке.

— Да шевелитесь же, — раздраженно бросил их спутник. — Они уже наверняка в холле.

Павел подошел к Лизе.

— Пойдем, — мягко сказал он.

Она послушно сделала шаг вперед, и они оказались на ступеньках ведущей в подвал лестницы. Наблюдатель захлопнул тяжелую бронированную дверь и налег на колесо замка.

— Им придется потрудиться, чтобы проникнуть сюда, — заметил он. — Ладно, пошли. Поглядим, что внизу делается.

Он вновь кинул быстрый взгляд на мальчика, и Павлу почудилось, что в холодных серых глазах что-то мелькнуло.

«Страх? — подумал Павел. — Неужели он боится?»

Но тот больше ничего не сказал — лишь застыл на миг, словно к чему-то прислушиваясь.

Лиза судорожно схватила Павла за руку.

— Пойдем, — повторил он. И неуверенно добавил: — Может, все обойдется.

И они двинулись вниз по ступенькам.

Внутри, несмотря на работающее освещение, царил полумрак. В замкнутом помещении воняло затхлой сыростью. Стоило тяжелой двери захлопнуться, как все звуки снаружи исчезли, и их охватила тишина, нарушаемая лишь шумом шагов и еле слышным монотонным гулом — система вентиляции заработала одновременно с освещением.

Лиза огляделась: у стенок громоздились баллоны и какие-то бесформенные предметы, в которых она узнала сваленные в кучу зачехленные противогазы, а сами стены были увешаны траченными сыростью, но все еще яркими плакатами с изображением ядерного взрыва. Их спутник прошел вперед и, деловито озираясь, направился в глубь помещения. Лиза не последовала за ним — она устало опустилась на скамью: в центре комнаты был целый ряд таких скамеек, точно в сельском кинотеатре.

Только сейчас, после горячки побега, она смогла внимательно рассмотреть сына. Он стоял рядом, и в полумраке было видно, что лицо у него бледное и невыразительное, а глаза закрыты.

— Максим! — окликнула она, тронув его за плечо.

Точно в ответ по телу ребенка пробежала волна дрожи, и он вновь замер, бессмысленно глядя внутрь себя.

Она в ужасе подняла голову и натолкнулась на внимательный взгляд Павла.

— Павел? — Ее трясло как, что начали болеть сведенные судорогой мышцы. — Что с ним? Что с ним сделали?

Он неловко покачал головой.

— Никто ничего с ним не делал, Лиза. Он просто... ну, просто меняется.

— Меняется? — Она вскочила со скамьи. — Что это значит?

— Не знаю. — Павел, казалось, с трудом подыскивал нужные слова. — Понимаешь... он ведь сын Андрея... они говорят, что это был эксперимент...

— Какой эксперимент? О чем ты?

— Ты думаешь, кто вообще такой был твой Андрей? И вот этот, с нами, — кто это?

— О Господи, — тоскливо сказала Лиза, — откуда я знаю?

— Они вообще не из наших. Они — из какого-то другого мира.

— Что за ерунда! — разозлилась Лиза. — Я не верю.

— Я тоже сначала не поверил. Но это правда, Лиза. Иначе... разве с нами приключилось бы все это?

Лиза, сама того не замечая, схватила Павла за лацканы куртки и изо всех сил встряхнула его.

— Мой сын! Кто он такой?

— Я не знаю, Лиза, — тихо сказал Павел. — Похоже... Никто не знает.

Рядом бесшумно возник Наблюдатель.

— Я нашел запасный выход, — сказал он. — Не знаю, куда он ведет, но стоит попробовать.

— Пойдем, — обратился Павел к Лизе, мягко отрывая ее руку от своей куртки, — пойдем. Нужно спешить.

— Куда? — Казалось, остатки воли покинули ее. — Зачем? Нам некуда больше идти.

— Не говори так, — Павел старался, чтобы голос его звучал уверенно, — после того шума, что тут поднялся... им больше не удастся сохранять тайну. Когда люди узнают обо всем, вас больше не посмеют тронуть.

Наблюдатель с сомнением покачал головой, но ничего не возразил...

Открывшаяся дверь вела в темный глухой коридор, но, когда они вошли внутрь, Павел ощутил на лице слабый ток воздуха — работали вентиляторы. Тем не менее ему было не по себе — точно спускаешься в преисподнюю. Он обернулся и встретился взглядом с Лизой — ее глаза были расширены от ужаса.

— Ничего, — сказал он тихо, — все будет в порядке.

Переступив порог и захлопнув за собой дверь, они обнаружили, что в тоннеле с низким потолком и бетонными стенами не так уж темно — через каждые несколько метров на стенах тускло горели люминесцентные светильники, заливая движущиеся фигуры холодным светом.

— Куда он ведет? — обратился Павел к Наблюдателю.

Тот покачал головой.

— Не знаю.

Павел и сам потерял представление о времени и пространстве — казалось, с тех пор, как он переступил порог своей квартиры, где поджидал его Наблюдатель, прошла целая вечность.

Тоннель оказался неожиданно длинным; мало того, по бокам обнаружились какие-то двери, ведущие, видимо, в сложную систему коммуникаций, расположенную под лабораторным комплексом.

— Да тут сам черт ногу сломит, — пробормотал Павел. — Нам прямо? — обернулся он к Наблюдателю.

— Кажется, — растерянно ответил тот.

Тут только Павел заметил, что с их спутником творится что-то неладное; его прежде бесшумная упругая походка стала неуверенной, точно он передвигался с закрытыми глазами.

— Вам плохо? — спросил Павел.

— Ничего, — ответил тот сквозь зубы, — идите.

И, глядя на него, Павел неожиданно вспомнил того, давешнего, который напал на него в лесу, — в нынешних движениях Наблюдателя было что-то очень похожее.

«Этого еще не хватало», — подумал он.

Он тревожно взглянул на Лизу, но она, казалось, ничего не заметила. Она неотрывно смотрела на сына, и в этом взгляде Павел прочел безнадежность и тоску.

Дверь, окованная металлом, возникла из мрака неожиданно. Она была массивнее

остальных.

Павел остановился перед ней.

— Сюда? — спросил он Наблюдателя.

— Да, — ответил тот, но в голосе его не чувствовалось былой уверенности. Неожиданно он пошатнулся и привалился к стене — словно его невероятная жизнеспособность разом иссякла.

Замок тут был точно такой же, как запор на двери в убежище, — массивное колесо. Павел налег на него — тот не поддавался.

Он обернулся к Наблюдателю:

— Заело.

— Попробуйте сами еще раз, Лукин, — тихо ответил тот, — я не могу.

— Господи! — Павел с тревогой обернулся к спутнику. Особой симпатии к нему он не испытывал, но сейчас, когда он смотрел в слепые, остановившиеся глаза, его охватила тревога. — Да что с вами?

— Это не важно, Лукин, — по-прежнему тихо ответил тот, — теперь это действительно не так важно.

Павел в отчаянии налег на штурвал, повиснув на нем всем телом, но тот прочно застрял в гнезде.

— Лиза! — в отчаянии воскликнул он.

Лиза, точно опомнившись, тоже налегла на колесо замка, но ее слабых сил хватило лишь на то, чтобы повернуть штурвал на несколько миллиметров. Она устало прислонилась к стене рядом с Наблюдателем. Павел тоже отодвинулся от двери и подул на горящие ладони.

— Нужно поискать другой выход, — сказал он. Неожиданно он осознал, что ответственность полностью легла на его плечи, и ему стало не по себе.

— Какой выход?! — Лиза еле удерживалась от рыданий. — Выхода нет! Быть не может!

Неожиданно колесо замка дрогнуло и само собой медленно повернулось. На пол посыпались чешуйки ржавчины.

— О Боже! — пробормотал Павел.

Он обернулся к своим спутникам, но те молчали — Лиза стояла, отвернувшись к стене, а Наблюдатель застыл в каком-то странном ступоре. За его спиной неясной тенью виднелась крохотная фигурка мальчика.

Так же медленно, неохотно дверь отворилась, и в образовавшийся проем хлынул серый сумеречный свет. Там, снаружи, равномерно шумел дождь и пахло мокрой землей, молодой листвой, жизнью.

— Что ж, — сказал Павел, — пошли!

Оказалось, что выход из тоннеля расположился на задворках института, снаружи, за белым бетонным забором, обтянутым поверху колючей проволокой. Даже отсюда видно было, как над плоской крышей громоздится нелепый силуэт вертолета, похожий на доисторическое насекомое.

За чахлой рощей пролегало шоссе, по которому, фыркая в потоках дождя, проносились редкие автомобили.

Павел оглянулся на Лизу. Она стояла неподвижно, дождь стекал у нее по лицу, но она, казалось, не замечала этого. Рядом с ней застыла крохотная фигурка — мальчик присел на корточки, обхватив колени руками.

Он вновь огляделся в поисках Наблюдателя, но того нигде не было.

— Вот черт! — пробормотал Павел. — Погодите немного, я сейчас.

И нырнул обратно, в черный зев тоннеля.

Даже при том, что мир снаружи тонул в потоках дождя, в тоннеле было гораздо темнее, и прошло какое-то время, прежде чем глаза Павла приспособились к полумраку. А потому он не сразу увидел Наблюдателя. Тот сидел, привалившись к стене. Услышав шаги, он медленно повернул голову и слепыми глазами уставился на Павла.

— Это вы, Лукин? — тихо спросил он. — Я ничего не вижу.

Павел склонился над ним.

— Пошли отсюда. Я помогу.

Тот покачал головой.

— Бесполезно. И нерешительно добавил: — Посидите со мной. Это не займет много времени.

— Почему?...

— У меня... у всех нас... ограниченный срок жизни. Так с самого начала... было предусмотрено. Иначе... нас было бы очень трудно контролировать... даже нашим.

Он не задыхался — Павел вообще не мог различить привычных дыхательных движений, но говорил с трудом, запинаясь и часто останавливаясь.

Он сжал Наблюдателю запястье, пытаясь нащупать пульс, но, к своему удивлению, не смог его найти. И вдруг услышал странный тихий звук — Наблюдатель смеялся.

— Вы что, и вправду думали... все необязательные функции сдают первыми. Ведь это просто маскировка, Лукин.

— Кто вы такой? — тихо спросил Павел.

Тот чуть заметно пожал плечами.

— Эмиссар... если хотите. На это у наших умения еще хватило — раз уж сами сунуться сюда не могут — создать нас и запустить на Землю... и позволить нам тут умереть. Они даже принять нас обратно побоялись.

— Они? Кто — они?

Тот, казалось, не расслышал.

— Вы думали, они похожи на вас? Вы думали, они вообще на что-то похожи? Что их мир на что-то похож? Они там такое наделали, такое натворили, что и сами превратились черт знает во что. А теперь все — все, кто остался, — сидят там в камере перехода и ждут... ждут, когда их выродки наберутся здесь такой силы, что откроют им новое «окно»... уже навсегда... да еще и испохабят здесь все так, что вам, людям, и жить-то тут станет невозможно... а им — в самый раз. Это же стервятники, упыри... Сколько миров они разрушили. А ваши-то идиоты — как они перед нами, «представителями высшей цивилизации», заискивали... из кожи вон лезли.

— Их выродки? — переспросил Павел. — Дети? Разве... это не ваши дети?

— Наши? Не смешите, Лукин. Это их отродья. Бедные бабы под гипнозом, не помнят — как их доставляли туда, в камеру перехода, как обрабатывали... Только не получилось ничего... один брак, отходы... Вот только...

Он с неожиданной силой схватил Павла за руку.

— Этот ребенок, Лукин, этот последний ребенок... Они и сами не знают, что получили. Может, он и вправду способен вновь открыть им «окно» да еще устроить здесь что-то такое, что обеспечит им привычную среду, — так, что они попрут сюда... те, кто еще способен

двигаться. Я обязан охранять его, я всего лишь исполнитель... я не могу иначе. А то бы прикончил его сам, своими собственными руками, пока он не... А может... может, этот ребенок — ваша последняя надежда, Лукин, единственное оружие против них. Кто знает, на что он вообще способен?

Он выпустил руку Павла и устало откинулся к стене.

— Моя программа выполнена. Остальное меня не касается. Дальше... вам решать, Лукин. Всем вам.

— Послушайте... — растерянно сказал Павел, — а что... что же нам теперь делать?

Но тот молчал. Павел нерешительно дотронулся до его плеча, и от этого слабого прикосновения Наблюдатель начал мягко клониться набок и наконец упал на холодный бетонный пол убежища.

С минуту Павел молча смотрел на неподвижное тело, потом отвернулся и вновь двинулся к выходу из убежища. Снаружи уже почти стемнело. Дождь лил уже сплошной стеной, и он с трудом различил в стеклянистой мгле две неясные человеческие фигуры.

Он не столько увидел, сколько почувствовал, что Лиза вопросительно взглянула на него.

— Ну вот и все, — сказал он.

— А он?

— Умер... — неохотно ответил Павел.

— А... он кто был на самом деле? — тихонько спросила Лиза.

— Черт его знает, — устало ответил Павел. — Послушай...

Он запнулся, отчаянно подыскивая нужные слова. Теперь он — единственный из живущих на Земле — знает обо всем. И он должен ей рассказать. Что муж ее и отец ее ребенка на самом деле вовсе не был ни мужем ей, ни отцом ее ребенка. Вообще не был человеком. Что сама она — объект циничной сделки, какого-то потустороннего эксперимента; что ребенок ее — вовсе не человек или, точнее, не совсем человек, а Бог знает кто, монстр какой-то. Столько лет все ее обманывали, столько лет вокруг нее были не люди, а оборотни. Хотя бы сейчас он обязан рассказать ей правду.

Всю правду.

Он поднял голову и увидел ее глаза — она смотрела на него внимательно и спокойно, чуть-чуть грустно, и он понял, что ему нет нужды говорить ей все это.

Она знает.

— И что же дальше? — мягко спросила Лиза.

Он покачал головой.

— Не знаю. Просто... пошли отсюда.

— Когда они поймут, что мы все-таки смогли выбраться...

— Они больше ничего тебе не сделают. Никто больше ничего тебе не сделает. Потому что...

Его слова прервал дальний гул — гигантская стрекоза поднялась над крышей института и зависла в воздухе. Павел почти физически ощущал, как под прозрачным колпаком бесстрастные глаза пилота обшаривают окружающее пространство.

— Ну, просто не посмеют, — сказал он уже менее уверенно.

Обтекаемое тело начало медленно разворачиваться в воздухе, и Павел понял, что оно летит к ним. Следом за первой из-за деревьев выплыло еще несколько машин.

— Бежим! — крикнул он. И тут же осознал, что бежать, собственно, некуда. Где-то внутри Окружной раскинулся огромный равнодушный город; но здесь, за подернутыми

весенней дымкой деревьями, лежало залитое дождем пространство, где негде было укрыться — разве что попытаться остановить пронсящийся мимо автомобиль и мчаться по шоссе, которое в конце концов приведет в еще один такой же город; а за этим замкнутым безвыходным миром лежит другой, чуждый мир, залитый мертвенным зеленоватым светом, и странные существа молча сидят в загадочной камере перехода.

Сидят и ждут.

Он в отчаянии прикрыл глаза, а когда открыл их, что-то изменилось. Вокруг царил тишина — лишь слышно было, как струи дождя с тихим шорохом уходят в землю. Вертолетов не было. Они не упали, не взорвались в воздухе — просто исчезли, точно так же, как и приземистый куб института. На горизонте виднелись лишь пологие холмы и дальняя роща, которая постепенно переходила в другой лес, погуще, а совсем далеко, на западе, тучи разошлись, и в небе сверкало золотистое воздушное окно, расчерченное уходящими лучами солнца.

— Ну, вот и все, — тихо сказал Павел.

И увидел, что тщедушная фигурка пошевелилась. Мальчик переводил взгляд блестящих темных глаз с него на Лизу. Вид у него был такой, словно он только что проснулся и теперь не очень понимает, где находится.

Лиза обняла его, прижала к себе.

— Мама, — обратился он к ней, — я хочу домой.

Павел подошел и положил руку ему на плечо.

— Все в порядке, парень, — сказал он. — Мы уже возвращаемся.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

После трагической гибели Андрея Панина от шальной пули его жена Лиза обнаруживает среди вещей мужа сумку с пистолетом и ста тысячами долларов. Неожиданная находка заставляет ее задуматься, был ли Андрей тем человеком, за которого себя выдавал, – примерным семьянином и талантливым ученым-астрофизиком. Стремительно развивающиеся события подводят Лизу к пониманию того, что Панин вообще не был человеком, и теперь смертельная опасность угрожает ей и ее сыну Максиму.

ISBN 5-04-002525-4

9 785040 025251 >